

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

- 7 **Т.А. БОБРОВНИКОВА** *Тайна гроба Нумы: царь-пифагореец в исторической памяти римлян*
- 28 **Г.В. КАСЬЯНОВ** *Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в.*
- 56 **А.А. ИВАНОВ** *Консервативная критика лозунга «россия для русских» (конец XIX – начало XX в.)*

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

- 71 **С.Н. ЗЕНКИН** *Профессиональная солидарность и что ей мешает*
- 75 *А.И. Иванчик: «Бюрократический пресс на науку очень сильно выфос»*
- 88 *П.М. Кудюкин: «Если люди не будут бороться за свои трудовые права, то они потеряют и права общедемократические»*
- 99 **В.С. МИРЗЕХАНОВ** *Институциональные метаморфозы в российских университетах, или Почему так важны академические свободы?*
- 106 *П.Ю. Уваров: «Важно, чтобы заработали репутационные механизмы, чтобы сформировалась научная среда, непримиримая к плагиату и к халтуре»*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**Мир**

- 113 **Т.А. НЕКРАСОВА** *Ранняя история ХДС: альтернативы К. Аденауэру. Рец.: Петелин Б.В. Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр – Якоб Кайзер – Отто Нухке. 1945–1952 гг. Череповец: ЧГУ, 2014. 207 с.*
- 117 **А.В. ЗОЛОВ** *Рец.: [Розенберг А.] Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. М.: Фонд «Историческая память», Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2015*

- 123 **И.П. ПОТЕХИНА** *Судьба престолов, или Трудный путь Шотландии в российскую медиевистику. Рец.: Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Средневековая Шотландия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 352 с., 7 карт*

Россия

- 130 **Н.П. КОПАНЕВА** *Рец.: Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 310 с.: ил.*
- 137 **С.М. РЯЗАНОВ** *Рец.: Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах: Монография. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2012. 156 с.*
- 141 **О.В. КУЗНЕЦОВ** *«Россия, которую мы потеряли». Рец.: Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост.: А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское Дело, Русская народная линия, 2015. 736 с., ил.*
- 152 **А.А. ТЕСЛЯ** *Политическая рутина думской монархии. Рец.: Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 511 с.*

СССР

- 158 **А.А. ТИХОМИРОВ** *Как работала советская «машина времени»? Рец.: Фокин А.А «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов: Монография. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 196 с. ISBN 978-5-91274-167-8*
- 166 **Ю.В. ЛАТЫШ** *Рец.: Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза / Пер. с англ. С. Гирик, С. Лукин, А. Саган. М.: Corpus, 2016. 624 с.*
- 174 **П.И. ТАЛЕРОВ** *Мы знаем, что значит война... Рец.: Отечество в Великой войне 1941–1945 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; авт.-сост. К.М. Андерсон, Э.Н. Вишнякова, Е.М. Мяжкова, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Шифриянц. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 279 с.: ил. ISBN 978-5-8243-1955-2*

ПОЛЕМИКА

- 177 **П.В. КРЫЛОВ** *Исследование... Понимание... Оправдание?... Уйдет ли в прошлое проклятие Адольфа Гитлера?*

ОСТОРОЖНО: ХАЛТУРА

- 181 **С.А. ПАНАРИН, И.К. ФОМЕНКО** *Сказ о том, как адъюнкт-профессор на карте XV в. Алматы нашел*
-

КОНФЕРЕНЦИИ

- 206 **П.В. ИЛЬИН** *Международная научная конференция «Историческая память России и декабристы (1825–2015)»*
- 220 **Е.Н. СТРУКОВА,
И.Ю. НОВИЧЕНКО** *Предваряя революцию. Третьи Рязановские чтения в Государственной публичной исторической библиотеке*
-

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

- 224 **К.А. ТАРАСОВ** *Историк в музее. Выставка «Революция в России, 1917–1922» в Государственном музее политической истории России*
-

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 230 *М.Д. Афанасьев: «В 2017 г. устроим пышное новоселье в отремонтированном здании»*
- 235 *В.Ю. Афиани: «От нас во многом зависит, не только каким будет представлено прошлое, но и каким будет будущее»*
- 242 *С.М. Лукашевский: «Общественная организация, которая носит имя Сахарова, не может сосредоточиться только на прошлом»*
- 247 *Сведения об авторах*
- 249 *About the authors*

IN THE ISSUE:

HISTORICAL MEMORY

- 7 T.A. BOBROVNIKOVA *The mystery of the tomb of Numa. The Pythagorean King in the historical memory of the Romans*
- 28 G.V. KASYANOV *Historical policy and the “memorial” laws in Ukraine: the beginning of the 21st century*
- 56 A.A. IVANOV *Conservative criticism of the slogan “Russia for russians” (end of 19th – beginning of 20th century)*
-

SOCIAL PROBLEMS OF HUMANITIES

- 71 S.N. ZENKIN *Professional solidarity and what prevents it*
- 75 A.I. Ivanchik: “Bureaucratic press on science greatly increased”
- 88 P.M. Kudyukin: “If people will not fight for their labor rights, they are going to lose democratic rights”
- 99 V.S. MIRZEKHANOV *Institutional metamorphoses in Russian universities, or Why is academic freedom so important?*
- 117 P.Y. Uvarov: “It is important to start reputation mechanisms to develop an scientific environment, intolerant of plagiarism and hack work”
-

REVIEWS

The world

- 113 T.A. NEKRASOVA *Early history of the CDU: the alternative to the K. Adenauer. Rev.: Petelin B.V. Rannyyaya istoriya Hristiansko-demokraticeskogo soyuza: Konrad Adenauer – Yakob Kaizer – Otto Nushke. 1945–1952 gg. Cherepovets: ChGU, 2014. 207 p.*
- 117 A.V. ZOLOV *Rev.: [Rozenberg A.] Politicheskii dnevniki Al'freda Rozenberga, 1934–1944 gg. M.: Fond “Istoricheskaya pamyat”, Associatsiya knigoizdatelei “Russkaya kniga”, 2015.*
- 123 I.P. POTEKHINA *Destiny of thrones, or The hard way of Scotland in Russian medieval studies. Rev.: Fedorov S.E., Palamarchuk A.A. Srednevekovaya Shotlandiya. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2014. 352 p.*

Russia

- 130 N.P. KOPANEVA *Rev.: Mezin S.A. Petr I vo Francii. SPb.: Evropeiskii Dom, 2015. 310 p., fig.*
- 137 S.M. RYAZANOV *Rev.: Yaltaev D.A. Pravoohranitel'naya deyatel'nost' policii v chuvashskikh uezdah Kazanskoi gubernii v 1862–1917 godah: Monografiya. Cheboksary: Izd-vo Chuvashskogo un-ta, 2012. 156 p.*
- 141 O.V. KUZNETSOV *“The Russia we lost”. Rev.: Pravaya Rossiya. Zhizneopisaniya russkikh monarhistov nachala XX veka / Comps.: A.A. Ivanov, A.D. Stepanov. SPb.: Tsarskoe Delo, Russkaya narodnaya liniya, 2015. 736 p., fig.*
- 152 A.A. TESLYA *Political routine of the Duma monarchy. Rev.: Solov'ev K.A. Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mehanizmy vzaimodeistviya (1906–1914). M.: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2011. 511 p.*

USSR

- 158 A.A. TIKHOMIROV *How did the Soviet “time-machine” work? Rev.: Fokin A.A. “Kommunizm ne za gorami”: obrazy budushogo u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-h godov: Monografiya. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2012. 196 p.*
- 166 YU.V. LATYSH *Rev.: Plohiu S. Poslednyaya imperiya. Padenie Sovetskogo Soyuza / Transl. S. Girik, S. Lunin, A. Sagan. M.: Corpus, 2016. 624 p.*
- 174 P.I. THALEROV *“We know what war means...” Rev.: Otechestvo v Velikoi voine 1941–1945 godov. Obrazy i teksty / Ed. A.K. Sorokina, A.Yu. Shutova; comps. K.M. Anderson, Z.N. Vishnyakova, E.M. Myagkova, S.V. Perevezencev, A.V. Repnikov, A.A. Shirinyanc. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. 279 p., fig.*

DEBATE

- 177 P.V. KRYLOV *Research... Understanding... Exculpation?.. Will the past curse of Adolphe Thiers vanish?*
-

ATTENTION: TRASH!

- 181 S.A. PANARIN, I.K. FOMENKO *The saga about how an associate Professor found Almaty on the map of the 15th century*

CONFERENCES

- 206 P.V. ILYIN *International scientific conference “Historical memory of Russia and the Decembrists (1825–2015)”*
- 220 E.N. STRUKOV, Y.I. NOVICHENKO *Anticipating a revolution. Third Ryazanovskie readings in the State public historical library*
-

MUSEOLOGY

- 224 K.A. TARASOV *Historian at the Museum. The exhibition “The Russian Revolution, 1917–1922” in the State Museum of political history of Russia*
-

HISTORIAN’S TIME

- 230 *M.D. Afanasiev: “In 2017 we will have a lush house-warming party in reconstructed building”*
- 235 *V.Yu Afiani: “It largely depends on us, not only how the past will be presented, but also what will become of the future”*
- 242 *S.M. Lukaszewski: “A public organization, which bears the name of Sakharov, should not focus only on the past”*
- 247 *About the authors*

Т.А. Бобровникова

ТАЙНА ГРОБА НУМЫ: ЦАРЬ-ПИФАГОРЕЕЦ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РИМЛЯН

Ключевые слова: Нума, Пифагор, Сципион Африканский, Энний, пифагореизм, пифагорейцы, аниконизм, эллинофилы.

Статья посвящена Нуме Помпилию, второму царю Рима, преемнику Ромула. Автор считает, что существует как бы три Нумы: реальный римский царь, политику которого можно восстановить из античных письменных источников, герой фольклорных легенд, который ловил Пика и Фавна и, наконец, Нума, царь-пифагореец, ученик самого Пифагора, который, создавая римскую религию, руководствовался философией своего учителя. Этот образ и изучается в данной работе.

Автор доказывает, что ученый царь-пифагореец имеет очень мало общего с реальным Нумой. Когда же и как возник этот необычный образ? В статье доказывается, что он возник во II в. до н.э. в кружке эллинизированной римской знати, где был распространен настоящий культ Нумы. Царь считался первым эллинофилом и создателем чистой римской религии, которая впоследствии была искажена под влиянием иноземцев-этрусков. Очень вероятно, что образ Нумы использовался в качестве полемики с мизэллинами, стремившимися воспрепятствовать проникновению в Рим греческой культуры. Создателем этого образа был, вероятно, Квинт Энний, главным прототипом — Сципион Африканский, глава эллинофилов. В статье подробно исследуется сенсационное открытие гроба Нумы и находка книг, якобы написанных царем. Вывод автора — книги были подложные, написанные кем-то из последователей Энния с целью внести изменения в римскую религию.

Фигура второго царя Рима Нумы Помпилия окутана легендами. До сих пор среди ученых ведутся споры о его историчности. Я считаю, что факт его существования убедительно обоснован в современной лите-

ратуре о Риме эпохи царей (*Маяк* 1983: 8). Однако предмет моей работы другой. Я пишу не о реально существовавшем втором римском царе, а о представлениях о нем, сложившихся в Классической Республике через несколько веков после его смерти¹. Нума принадлежит к числу

© Бобровникова Т.А., 2016

В основу статьи положен переработанный текст доклада, прочитанного на XVI Сергеевских чтениях на историческом факультете МГУ в 2009 г.

¹ В последнее время популярным направлением исторических исследований стала историческая память и ее герои. В них

таких фигур, как Тесей. Еще лучше его сравнить с русским князем Владимиром Святым. Существует как бы три Владимира. Владимир – реальный киевский князь с вполне реальной политикой. Владимир – герой благочестивой агиографической легенды, великий грешник, покаявшийся и достигший святости. Наконец, герой народных былин, Владимир Красное Солнышко, при дворе которого жили богатыри, и в дом которого прилетел змей Тугарин. Точно так же дело обстоит и с Нумой. Существует Нума – реальный римский царь, политику которого можно восстановить из античных письменных источников. Существует Нума, который с помощью Эгерии ловит лесных богов Пика и Фавна. Этот Нума – предмет изучения фольклориста, и о нем существуют блестящие исследования И.И. Толстого и В.Я. Проппа, которые сравнивают эту легенду с русской сказкой о Медном Лбе (*Толстой* 1938: 441–457; 1966: 97–114; *Пропп* 1986: 157–165).

Наконец, существует третий Нума – Нума, созданный во II в. до н. э. Он далеко не всегда совпадает с историческим. Образ этот еще плохо изучен. Он важен не столько для изучения реалий VII в. до н. э., сколько

изучают, каким образом создаются представления о прошлом и что они значат для последующих эпох. Эти работы позволяют лучше понять соотношение исторического и легендарного, избежать гиперкритического отношения к древности. В исторической памяти образы прошлого неизбежно осовремениваются. Так произошло и с образом царя Нумы, которому посвящено настоящее исследование. Ср.: (*Halbwachs* 1950; см. также: *Хальбвакс* 2007; *Ассман* 2004: 35–47; Империя в зеркале исторической памяти 2011).

для понимания самого времени его создания. Реконструкции этого образа и посвящена настоящая статья.

I. ЛЕГЕНДА О ЦАРЕ-ПИФАГОРЕЙЦЕ

Каковы основные источники для нашей реконструкции? Главным является, конечно, Плутархова биография Нумы. Сохранившиеся фрагменты Варрона позволяют предполагать, что в основе своей она восходит к знаменитому антиквару (*Boyancé* – 1972: 252–282). Кроме того, как уже говорилось, сохранилось несколько фрагментов самого Варрона. Ценные сведения сообщает Дионисий Галикарнасский и римские эрудиты – Сервий и Макробий. Есть еще один очень важный источник, о котором часто забывают. Это поэмы Овидия «Фасты» и особенно «Метаморфозы». Что заставляет нас так высоко ставить Овидия как источник? В конце XIV песни «Метаморфоз» рассказывается об апофеозе Ромула, а в XV речь идет о Нуме. Говоря о Ромуле, Овидий вкладывает в уста Марса следующие слова:

Unus erit quem tu tolles in caerula caeli...

Будет один, которого ты вознесешь в небесную синь...² (*Met.* XIV, 814).

Те же строки повторены в «Фастах» (II, 487). Это точная цитата из «Анналов» Энния (*Varm.* 64–65). В рассказ Овидия и дальше, по-видимому, вкраплены некоторые цитаты

---

² Здесь и ниже, кроме оговоренных цитат, перевод с латинского автора статьи.

из Энния. Поэтому мы вправе предположить, что весь рассказ Овидия о Ромуле и Нуме восходит к Эннию. Это превращает поэмы Овидия в источник первостепенной важности. Действительно, Овидий дает самую архаическую версию жизни Нумы. Теперь присмотримся к образу второго римского царя, созданному этими авторами.

Нума рисуется как эллински образованный человек. Очень интересным представляется вопрос, где он учился. Согласно античной традиции, донесенной Плутархом, Ромул и Рем учились в Габиях (Rom. 6). Габии действительно были одним из центров греческой культуры в Италии (Peruzzi 1998: 19–22), так что исторический Нума также мог бы там учиться. Однако Нума II в. до н.э. не связан с Габиями. По словам Дионисия Галикарнасского, его предшественники утверждали, что он учился в Кротоне у Пифагора (II, 59). Сам Дионисий этому не верит, поэтому, к сожалению, только вскользь упоминает эту недостоверную с его точки зрения версию. Самую полную традицию мы находим у Овидия. По его словам, Нума страстно стремился к знаниям. «Он считал недостаточным изучать обычаи родного сабинского племени: жадной душой он стремился к большему и хотел познать устройство природы» (Met. XV, 4–6). И Нума отправляется в Кротон, где долго слушает лекции Пифагора (Ibid. XV, 4–478).

Вернувшись, он был избран царем и стал создавать римскую религию согласно пифагорейскому учению (Met. XV, 479–481; ср. Fast. III, 153).

С этим последним полностью согласен Плутарх. Он говорит, что догмы римской религии, введенные Нумой, «родные братья Пифагоровых догм» (Num. 8; пер. С.П. Маркиша). Даже мелкие предписания римской религии восходят к Пифагору (Ibid. 14). Эту первоначальную римскую религию мы будем в дальнейшем именовать «религией Нумы». Каковы же основные положения этой религии?

Во-первых, Нума полностью запретил кровавые жертвы (Plut. Num. 8; Ovid. Met.³).

Во-вторых, он считал, что бог не имеет облика ни человека, ни животного, он невидим, не сотворен и может быть постигнут только разумом (Num. 8). Отсюда следует два вывода. Прежде всего, бога можно постичь только из изучения мира. Как мы видели, Нума, согласно Овидию, хотел знать «*quae sit rerum natura* (лат. какова природа вещей)». Это, по-видимому, цитата из Энния (ср.: Lucr. I, 125–126). Согласно Овидию, Нума по внушению Пифагора и Эгерии погрузился в из-

³ Овидий не описывает самих предписаний Нумы, но в лекциях Пифагора, которые поэт излагает очень подробно, огромное место уделено запрету кровавых жертв (Met. XV, 75–128; и особенно 128–137; 456–478). Кровавые жертвы и мясная пища сравниваются с Фиестовым пиром (462). Это первое и последнее предписание Пифагора у Овидия. Непосредственно после увещаний Пифагора читаем: «*Talibus... instructo pectore dictis / In patriam remeasse ferunt utroque petium / Accepisse Numam populi Latialis habenas* (лат. Запечатлев в сердце эти заветы, Нума, как передают, вернулся на родину и по всеобщей просьбе принял бразды правления над народом Латинума)» (Met. XV, 479–481). Из контекста следует, что ученик воплотил в жизнь заветы своего наставника.

учение звезд и календаря (Fast. III, 151–154). О занятиях Нумы астрономией говорит и Плутарх (Num. 18). Он даже сообщает, что в центре Рима на Форуме царь воздвиг круглый храм Весты со священным огнем в середине. Этот храм был моделью круглой пифагорейской вселенной с горящим в центре огнем Гестией (Num. 11). Следующий вывод из положения о недоступном человеческим чувствам боге — это запрет на изображения божества. «Царь запретил римлянам чтить бога в образе человека или животного, и в древности у них не было ни написанных, ни изваянных подобий божества. На протяжении первых 170 лет, строя храмы и воздвигая священные здания, они не создавали вещественных изображений, считая... невозможным постичь бога иначе, чем помышлением» (Num. 8). Это знаменитый римский аниконизм. Сообщение Плутарха восходит к Варрону, который связывал появление изображений с Тарквинием Приском. При нем этрусский скульптор Вулька изваял статуи на фронте храма Юпитера Капитолийского. «Dicit (Varro) etiam antiquos Romanos plus annos centum et septuaginta deos sine simulacro coluisse. Quod si adhuc, inquit, mansisset, castius dii obseruarentur (лат. (Варрон) также говорит, что древние римляне более ста семидесяти лет поклонялись богам без изображений. Если бы это сохранилось до сих пор, культ богов был бы чище)» (Aug. C.D. IV, 31).

В-третьих, в «религии Нумы» считалось возможным обожествление людей. Согласно Плутарху и Дионисию, именно второй римский

царь обожествил Ромула под именем Квирина и назначил ему жреца (Num. 8; Dionys. II, 63, 3).

Четвертая черта «религии Нумы», притом черта совершенно уникальная — это религиозный мистицизм. Нума — самый благочестивый царь, но его благочестие не традиционно римское. Перед всеми важными предприятиями он испрашивал волю богов. Но очень необычным образом: он имел непосредственное вдохновение от Эгерии. Эгерия, разумеется, вовсе не была придумана во II в. до н. э. Образ ее взят из мифа. Фрезер считает ее ипостасью Дианы Немейской и в мифе видит отражение ритуального брака царя Рима с богиней леса (Фрезер 1931: I, 7–18). Но для нас сейчас важно, как трактовался этот миф в описываемую эпоху. Царь совершенно один шел ночью в священную рощу и там проводил некоторое время, словно совещаясь с богиней. Ничего подобного не рассказывают даже о Ромуле, сыне бога. «В государственном устройстве Нумы важное место занимает тесное общение с божеством», — подчеркивает Плутарх (Num. 8).

Образ, который мы исследуем, очень далек от исторического царя VII в. до н.э.

Во-первых, Нума не мог быть учеником Пифагора. Философ приехал в Италию ок. 530 г. до н. э., т. е. через полтора века после Нумы.

Во-вторых, Нума не мог учиться в Кротоне. Это заметил уже Дионисий: «Когда Нума был поставлен царем, не существовало еще города Кротона» (II, 59, 3).

Но откуда в таком случае могла возникнуть подобная легенда? Первое само собой напрашивающееся предположение, что заповеди Пифагора и Нумы настолько схожи, что естественно возникло мнение о заимствовании. Именно это положение доказывается в очень интересной статье Л.Л. Кофанова (*Кофанов* 1999). Замечательно, что создателем этой теории был сам Варрон, к которому, как мы уже говорили, и восходит пассаж Плутарха. Варрон, серьезно занимавшийся вопросами хронологии, конечно, не мог считать римского царя учеником самосского мудреца. Поэтому он объявил его пифагорейцем до Пифагора.

Рассмотрим предполагаемые черты сходства религии Нумы и пифагореизма.

Во-первых, отсутствие у римлян антропоморфизма. Это утверждение Варрона оказало огромное влияние на европейскую науку. Г. Буассье пишет: «Если бы Рим не приобрел знакомства с Грецией, то в нем едва ли мог развиваться антропоморфизм» (*Буассье* 1914: 17–18). Римляне, по его мнению, чтили не богов, а некую безликую субстанцию. Х. Вагенфорт сравнивает эту субстанцию с маной полинезийцев (*Wagenvoort* 1947). С другой стороны, Боянсе очень аргументированно возражал против этой концепции. В настоящей статье мы не будем исследовать этот спорный вопрос. Для нас сейчас важно подчеркнуть, что точка зрения Варрона далеко не единственная в римской истории и традиции. Овидий описывает статую Юпитера, установленную Ромулом: бог держал в правой руке

молнию (*Fast.* I, 201). Проперций говорит о бронзовой статуе Вертумена, работы знаменитого Мамурия, мастера времен самого Нумы (IV, 2, 60 sq.). Особенно весомо для нас мнение Плиния Старшего. Ученый энциклопедист, конечно, прекрасно знал утверждение Варрона, авторитет которого был очень велик в Античности. Тем не менее, изучив всю совокупность источников, для нас безвозвратно потерянных, он решительно заявляет: «Fuisse autem statuariam artem familiarem Italiae quoque et vetustam (лат. Искусство ваяния также издревле хорошо знакомо Италии)» и в качестве доказательства приводит статую Геркулеса времен Энея и статую двуликого Януса, сооруженного самим Нумой (XXXIV, 33). Наконец, Сцевола, римский юрист II в. до н. э., т. е. современник создания легенды о Нуме, видит в аниконизме вовсе не исконное установление предков, а вредное новшество, насаждаемое философами (*Aug. C.D.* VI, 5).

Напомню также, что подобный взгляд — а именно что римляне не представляли в те времена богов ни в антропоморфном, ни в зооморфном облике — противоречит всей народной легенде о Нуме. Царь, согласно мифу, был в браке с богиней Эгерией, которая, таким образом, рисовалась в человеческом облике. Тот же Нума, подмешав вино в воду источника, поймал лесных богов Пика и Фавна. Подобно греческому Пану, Фавн был полуживотным, а Пик, очевидно, полуптицей.

Таким образом, мнение Варрона стоит особняком в античной традиции. Еще более сомнительно, чтобы

римляне, единственные среди древних народов, не знали кровавых жертв. Наконец, совсем невероятно, чтобы римляне VII в. до н. э. были столь сведущи в науке о небе и всерьез изучали астрономию.

Варрон — крупнейший римский ученый-антиквар. К его авторитету мы всегда относимся с огромным уважением. Чем же объяснить его странные утверждения? Дело в том, что в данном случае он вовсе не беспристрастный исследователь прошлого. Варрон сам был пифагорейцем и даже завещал похоронить себя по пифагорейскому обряду (Plin. N.H. XXXV, 160). Для него появление антропоморфных изображений божества было страшным падением («Quod si adhuc, inquit, mansisset, castius dii obseruarentur (лат. Если бы это сохранилось до сих пор, культ богов был бы чище)»). Иными словами, он сам был последователь «религии Нумы», более того, он активно ее пропагандировал.

Труды Варрона и его единомышленников не пропали даром. Именно их образ великого законодателя прочно укоренился в сознании римлян. Все доводы историков и антикваров оказались бессильны. Цицерон говорит, что это «всеобщее мнение» (De re publ. II, 28–29). Сам он привел веские доказательства, чтобы сокрушить многолетнее заблуждение. Однако в следующем веке Дионисий (II, 59) и Ливий (I, 18, 1–4) вынуждены были вновь вернуться к этому вопросу и спорить с последователями теории о пифагореизме Нумы. Но все их усилия оказались тщетны. В Греции Плу-

тарх, а в Риме Овидий снова возвращаются к прежней версии.

Но если созданная Нумой религия отнюдь не была копией пифагорейской, откуда в таком случае возникла легенда о пифагореизме Нумы? У Цицерона находим удивительное утверждение. Ни в одних официальных анналах об этом нет ни слова (De re publ. II, 28). Но тогда в каких кругах, когда и почему возник подобный образ Нумы?

Мы знаем, что после Ганнибаловой войны среди эллинизированной римской аристократии огромную популярность имела пифагорейская философия (Штаерман 1987: 116–117; Delatte 1936: 11–40; Bouané — 1972: 228–251; Бобровникова 1997: 40–54; 2009: 198–213). Она играла в Риме ту же роль, что и стоицизм в более позднее время. Естественно предположить, что именно тогда религию Нумы сблизили с модным философским учением, а самого царя объявили учеником великого философа. Мне представляется, что можно точно указать terminus ante quem. Это III Македонская война (171–168 гг. до н. э.). После нее эллинофилы группировались в кружке Сципиона Младшего. Все члены этого кружка были учениками Полибия. А Полибий точно указал дату основания Рима — 750 г. до н.э. (I, 6, 2). Никто из друзей Сципиона не мог уже больше считать Нуму учеником Пифагора. Так что Цицерон недалек от истины, когда заставляет именно Сципиона Младшего, любимого ученика Полибия, опровергать версию о пифагореизме Нумы. Интересно, что другие участники диалога не сомневаются,

что римский царь был учеником самосского философа, потому что, по их словам, слышали эту версию *от старших*. То есть легенда, по-видимому, возникла в поколении их отцов. Полибий уже знал этот образ Нумы и им оперировал (*Бобровникова* 2008: 72–93).

Тут возникает важный вопрос. Распространению стоицизма среди римских эллинофилов положил начало Панетий, учитель Сципиона Младшего и его друзей. Не было ли подобного же учителя-пифагорейца в поколении их отцов? И тут внимание наше привлекает фигура первого римского поэта Квинта Энния. Я посвятила Эннию специальную статью (*Бобровникова* 1997) и сейчас не буду повторять всю систему своих аргументов, а лишь кратко остановлюсь на основных выводах. Энний происходил из Южной Италии, возможно, был наполовину грек. Во всяком случае, он получил греческое воспитание, и в его груди, по его словам, билось три сердца – осское, греческое и римское (*Gell. XVII, 17*). В южноиталийских греческих городах пифагореизм стал как бы второй религией. В захоронениях там постоянно находят золотые пифагорейские таблички с указаниями душе, как вести себя в подземном мире, своеобразный аналог египетской «Книги мертвых». Датируются они как раз IV–III вв. до н. э. (*Waerden* 1979: 117). Таким образом, учение Пифагора было для поэта религией детства.

Далее. Энний представлял себе бога не антропоморфным, а в виде некоего духа, проходящего через природу вещей (*Cic. Nat. deor. II, 4*;

Enn. Epich. Warm. 10–14). Римские поэты говорят, что он был увлечен пифагорейской мистикой (*Hor. Ep. II, 1, 50*; ср.: *Pers. IV, 10*). Он придерживался учения о метемпсихозе и даже вспомнил свои прошлые рождения (*Enn. Ann. Warm. 13, 14*; *Pers. VI, 10*; *Tertull. De An. 33*; *Lucr. I, 121–126*; *I, 112–117*). Замечу, что метемпсихозу уделено большое место и в XV песне «Метаморфоз» Овидия, которая, по нашему предположению, отчасти восходит к Эннию.

Вслед за пифагорейцами поэт считал некоторых людей, души которых прошли круг перерождений, божественными. Геркулес, Ромул и Сципион Старший, по его словам, после смерти стали богами (*Lact. Inst. div. I, 18*; *Ann. Warm. 114*; fr. 63–64; *Serv. Aen. VI, 777*; ср. *Aug. C.D. 22, 4*).

Видимо, Энний активно проповедовал пифагореизм среди римлян. Он перевел Эпихарма. Эпихарм был учеником Пифагора (*Diog. VIII, 78*). «Он переложил стихами мысли пифагорейских мужей и, скрывая учение Пифагора под видом шутки, таким образом распространял их» (*Jambl. Vit. Pyth. 226*). Такое сочинение прекрасно подходило для целей Энния. Поэт, очевидно, был центром какого-то кружка римских эллинофилов. Этим можно объяснить его огромную популярность. По единодушному свидетельству авторов всей Античности, он не только был близким другом Сципиона Старшего, но даже удостоился неслыханной чести: был похоронен в фамильном склепе Сципионов (*Cic. Arch. 22*; *Plin. N.H., VII, 114*; *Val. Max. VIII, 14, 1*, *Liv. XXXVIII,*

56; Ovid. Ars. Am. III, 409). Другой знатный римлянин, Квинт Фульвий Нобилиор, был таким страстным поклонником поэта, что, отправляясь в поход под Амбракию, взял его с собой, надеясь, что Энний воспевает его подвиги и сделает его имя бессмертным (Cic. Tusc. I, 2; Arch. 27; Symmach. Epist. I, 20, 2). Сын Нобилиора выхлопотал поэту права гражданства (Cic. Brut. 79).

Остановимся чуть подробнее на фигуре Фульвия Нобилиора, который, очевидно, испытал сильное влияние Энния. Это отчасти прольет свет на взгляды самого поэта. Фульвий был эллинофилом (Haywood 1933: 66–67), украшал Рим греческими статуями, а сыну дал систематическое греческое образование (Cic. Brut. 79). Боянсе и Делатт считают Нобилиора пифагорейцем (Boyan-*cé* — 1972: 241 и след.; Delatte 1922: 39–40). Но особенно интересен следующий факт. После похода, в котором он участвовал вместе с Эннием, Фульвий основал храм со странным названием — *Hercules Musarum* (лат. Геркулес Муз). Интерьер этого храма нам помогают представить два источника: денарий, выпущенный Квинтом Помпонием Музой, и описание Плиния Старшего. На денарии изображен Геркулес, играющий на лире. И подпись: *Hercules Musarum* (Crawford 1974: no. 410). Плиний же говорит, что в храме находились изображения девяти муз, вывезенные Фульвием из Амбракии (N.H. XXXV, 66). Очевидно, они окружали играющего на лире Геркулеса.

Образ Геркулеса Мусарета уникален для античности, он изумлял уже древних авторов (Serv. Aen. I, 8; Eu-

menius. Pro insaurandis scholis. Paneg. IX, 7). Цицерон связывал храм с Эннием (Arch. 27; ср. Eumenius. *ibid.*). Действительно, само слово *музы* в латинский язык внесено Эннием (Bignon 1946: I, 319–920). Его предшественники Ливий Андроник и Невий употребляли только слово Камены. Естественно, не было и никакого культа этих богинь. В названии храма Боянсе и Делатт видят глубокий пифагорейский смысл. Однако, возможно, более близок к истине Цицерон, который считает символичным, что друг Энния посвятил музам добычу Марса — тем самым он показал, что в Риме императоры еще с оружием в руках посвящают святилища музам (Arch. 27). Таким образом, согласно Цицерону, Геркулес, похоже, олицетворял сам победоносный Рим, который окружил себя эллинскими богинями искусства⁴.

Однако связь с музами имеет, на мой взгляд, и другой источник. Эгерия была нимфой реки, естественно, ее называли одной из Камен, которые первоначально мыслились как божества воды (Scullard 1981: 175). Но, как уже говорилось, римские поэты времен Пунических войн отожде-

⁴ Можно усмотреть противоречие в том, что в храме, создатели которого увлекались пифагорейством, стояли изваяния богов. Однако, во-первых, Эннию принадлежит лишь идея, а в жизнь ее воплотил Фульвий, человек вовсе не столь просвещенный и недостаточно глубоко понимавший доктрину самосского мудреца. Во-вторых, в храме были статуи не богов в полном смысле слова. Геракл некогда был человеком и лишь после смерти взошел на небо, значит, его человеческий облик можно было изобразить. Музы же — демоны, свящее звено между людьми и богами, как явствует из Платоновского «Иона», диалога, имеющего яркую пифагорейскую окраску.

ствили камен с музами. Поэтому со II в. до н. э. музы стали мыслиться как покровительницы Нумы. Плутарх приписывает вдохновение Нумы музам (Num. 8, Camil. 20). У Овидия: «conjuges qui felix nympharum ducibus camenis (лат. счастливый браком с нимфой, руководимый каменами (т. е. музами. — Т.Б.))» (Met. XV, 482). По словам Дионисия, некоторые называют Эгериию одной из муз (II, 60, 5). От Сервия мы узнаем интереснейший для нас факт. Он пишет, что Фульвий перенес в свой храм маленький алтарь Камен, воздвигнутый самим Нумой, и что имя свое храм получил именно от этого алтаря (Aen. I, 8).

Таким образом, храм, олицетворяющий поклонение эллинским искусствам, был наречен в честь Нумы. Но с этим храмом связано еще одно загадочное обстоятельство. Макробий пишет, что Фульвий поместил (лат. posuit) в храм Геркулеса Муз фасты (I, 12, 16). Ученые спорят, что представляли собой эти фасты: просто календарь или какую-то книгу о римском календаре⁵. Но, вероятно, это всё же была книга, так как от Цензорины мы узнаем, что создание 12-месячного римского года Фульвий приписывает не Тарквинию Приску, как обычно делали, а Нуме (De die natali, 20, 4). Делатт связывает

с этой книгой одну очень интересную цитату из Лида (De ostentis, 16). «Οὐδὲ τὸ περὶ τῶν ἀστέρων θεωρίαν διασχολεῖν⁶ ἔξω θεοσεβείας ποιεῖ ἀλλ' ἔτι μᾶλλον τὴν πάνσοφον ἔστι διὰ τῶν ἔργων αὐτῶν θεωρῆσαι πρόνοιαν τοῦ πάντων ἀρρήτου πατρός καὶ θαυμάσαι τὴν ψυχὴν ἀνθρώπου δύνασθαι ἡγουμένου θεοῦ, καὶ περὶ τῶν οὐρανίων, ὡς δυνατόν, διαλέγεσθαι. Ταῦτα μὲν οὖν Φούλβιος φησιν, ἐκ τῶν τοῦ Νουμᾶ ἱστορήσας. Ἦψατο δὲ καὶ τῆς περὶ τὸν οὐρανὸν πραγματείας οὔτε ἀκριβῶς οὔτε παντάλασι ἀθεωρήτως (др.-греч. Наблюдение за звездами отнюдь не представляет собой науку, чуждую почитанию божественного. Но еще легче, кажется, открыть в самих созданиях премудрый промысел несказанного Отца всего сущего и восхититься тем, что, ведома богом, человеческая душа способна размышлять, насколько это возможно, о небесном. Именно так говорит Фульвий, обнаруживший это в сочинениях Нумы)». Цитата имеет яркую пифагорейскую окраску. Делатт и Боянсе решительно приписывают ее самому Нобилиору. Я считаю более вероятным, что автор цитаты и самой книги о календаре — не сам покоритель Амбракии, а его сын, который, как мы упоминали, получил греческое образование⁷.

⁶ Или: ἀπασχολοῦν.

⁷ Варрон упоминает этимологию латинских месяцев, данную неким Фульвием (L.L. VI, 33). Р.Г. Кент в своем издании Варрона отождествляет этого Фульвия с Сервием Фульвием Флакком, консулом 135 г. до н. э., которого Цицерон называет «сведущим в праве, литературе и древней истории» (Brut. 81; Varro. 1993: 204. § 33. Fn. B). Однако французские исследователи объединяют обоих Фульвиев — того, который поместил фасты в храм Геркулеса Муз, и автора научной работы,

⁵ Делатт, Боянсе и Фрезер считают, что это книга, помещенная в храм как приношение богу (Delatt 1936: 11–40; Boyance — 1972: 228–251; Ovidii 1929: IV, 346). Де Санктис считал, что это надпись (De Sanctis 1953: IV, 258, 275). Скаллард называет фасты календарем, помещавшимся на стене храма (Scullard 1981: 47). Но в другом месте он допускает, что это могла быть какая-то работа по календарю (Scullard 1981: 157).

Итак, согласно Фульвию и его единомышленникам, Нума, во-первых, был философ-пифагореец. Во-вторых, он представлял бога как отца несказанного, очевидно, не имеющего человеческого облика. В-третьих, постичь бога можно, изучая астрономию. В-четвертых, Нума — первый эллинофил, воздающий почести греческим музам. Наконец — и для нас это особенно важно! — у царя существовало какое-то учение, причем, очевидно, где-то записанное. Перед нами тот самый образ Нумы, который мы исследуем, уже в совершенно законченном виде.

II. ЦАРЬ НУМА И СЦИПИОН СТАРШИЙ

Древнейшие мифы не имеют создателя: они народного происхождения. Но легенда о царе-пифагорейце возникла в историческое время, в образованных кругах, и, безусловно, имела автора. Что мы можем сказать об этом человеке? Он был эллински образован, знал греческую философию, сам исповедовал пифагореизм, стремился к синтезу римской *virtus* (лат. добродетель) с эллинским знанием, наконец, об-

---

на которую ссылаются Варрон и Цензорин, считая их одним лицом, а именно Нобилиором, покорителем Амбракии. Но античность не сохранила памяти о Нобилиоре как об ученом человеке. Цицерон перечисляет всех образованных людей того поколения, но Фульвия Нобилиора среди них нет (Senest. 49–50). С другой стороны, неразумно, на мой взгляд, разделять обоих Фульвиев, тем более что нигде не говорится, что Флакк был автором работы о календаре, а о Нобилиоре это известно. Поэтому я предполагаю, что ученый сын покорителя Амбракии, выхлопотавший гражданство Эннию, поместил работу о фастах в храм отца.

ладал определенными литературными способностями, что и обеспечило созданному им образу столь долгую жизнь. В тогдашнем Риме я вижу только одну подходящую кандидатуру. Это сам поэт Квинт Энний. Нума описан был в его «Анналах». Кроме того, не исключено, что он посвятил царю-пифагорейцу специальную поэму. Ей-то отчасти следовал Овидий в 15-й песне «Метаморфоз».

Давно замечено, что герои и героини седой древности выглядят в изображении Овидия его современниками. Аполлон, преследующий Дафну, похож на модного франта, а Лукреция — на жеманную красавицу эпохи самого поэта (*Покровский* 1942: 271–279). Историческое мышление развилось поздно. Точно так же Нума в изображении Энния приобрел облик современного поэту аристократа-эллинофила. Подобно этим аристократам, он поехал учиться в Южную Италию. Вернувшись из Великой Греции, Нума, однако, не сделался философом, не открыл школу, а был выбран царем, как аристократы-эллинофилы — магистратами, и стал проводить законы в духе своей философии. Для нашей темы очень интересной представляется легенда о занятиях Нумы астрономией. Мы уже говорили, что это плохо вяжется с реалиями VII в. до н. э. Зато астрономия как раз вошла в особую моду среди современников Энния. Вспомним увлечение юных членов кружка Сципиона Младшего астрономией. Они изучали ее под руководством Сульпиция Галла по сфере Архимеда, привезенной в Рим Марцеллом в 212 г. до н. э., в самый раз-

гар Ганнибаловой войны (Cic. De re publ. I, 21–22). Их учитель, Сульпиций Галл, консул 166 г. до н. э., друг Эмилия Павла, человек очень знатный, по словам Цицерона, всецело был погружен в изучение неба и проводил бессонные ночи, наблюдая за звездами (Cic. De senect. 49; De re publ. I, 23; Liv. XLIV, 37, 8–9). Из слов Плиния как будто следует, что он был пифагорейцем [II, 83]. В одном месте сам Энний слегка посмеивается над этим всеобщим увлечением. В его трагедии «Ифигения» Ахилл говорит: «Наблюдают в небе астрологические созвездия, смотрят, когда взойдет Коза, Скорпион или какой-нибудь другой зверь. Но никто не замечает того, что у ног – все обшаривают небесные страны» (Cic. De re publ. I, 30). «Ифигения» Энния является переделкой «Ифигении в Авлиде» Еврипида. Но приведенных строк у Еврипида нет. От Цицерона же мы узнаем, что современники видели в этих стихах описание не ахейских, а римских нравов. Юрист С. Элий Пет прямо относил их к Сульпицию Галлу (ibid.).

Итак, царь Нума – обобщающий образ знатного эллинофила. Однако есть одна черта, резко отличающая его от обычных римских аристократов. Это непосредственное мистическое общение с божеством. Все ученые согласны, что такого рода мистические контакты совершенно чужды римской религии. Даже Дж. Шайд, который пытается ниспровергнуть все стереотипы римской религии, воздвигнутые еще Моммзеном, оставляет неколебимым этот краеугольный камень (Шайд 2006: 21–31). Таким образом, мистицизм

Нумы стоит особняком в античной традиции и представляет собой загадку.

Между тем во время создания легенды о Нуме в Риме жил человек, аристократ, эллинофил, близкий друг Энния, которому приписывали подобный контакт с божеством. Это глава эллинофилов Сципион Старший. Вокруг него сложилась легенда, очень напоминавшая легенду о Нуме. Так называемая «Сципионова легенда» – это сложный комплекс религиозных представлений. Он включает в себя несколько компонентов: 1) чудесное рождение героя; 2) боговдохновенность и постоянное общение с богами; 3) апофеоз после смерти. Однако все эти части возникли не одновременно. Идея апофеоза появилась уже после смерти героя, во многом как раз благодаря деятельности Энния (Бобровникова 1997). Анализ источников показывает, что нет ни одного прижизненного свидетельства веры в божественное происхождение Сципиона (Бобровникова 2008). Таким образом, божественность Публия Африканского в глазах современников заключалась именно в мистических вдохновениях.

Я неоднократно подчеркивала, что «Сципионова легенда» – уникальное явление для Классической Республики. Традиция обожествления складывается в Риме только начиная с Цезаря и Августа. Но легенды о них представляли собой искусственно создававшийся официоз, сложившийся по образцу, выработанному на эллинистическом Востоке. Но сейчас необходимо подчеркнуть другое. «Сципионова

легенда» уникальна не только для Классической Республики. Она уникальна и по сравнению с легендами о Цезаре и Августе. Ни Цезарь, ни Август, ни Александр Македонский, которому будто бы подражал Сципион, не имели мистических озарений. Между тем именно эти озарения составляют первичное древнее ядро легенды.

Каким путем проходили эти божественные озарения? Перед каждым важным событием Сципион один ночью шел в храм Юпитера и оставался там, словно получая совет от божества (Liv. XXVI. 19; Val. Max. I, 2, 2; De vir. ill. 49. 3; Dio Cass. 16, 57, 39; App. Iber. 89; Gell. VII, 1). Кроме того, по словам Аппиана, Сципиона всю жизнь сопровождал даймон, некий божественный голос (Lib. 25; 491; Iber. 101–103). Даймон не помогал ему в битвах, но являлся источником вдохновения и предсказывал будущее. Описания этих откровений Сципиона, оставленные Аппианом, поражают своей яркостью и кажутся взятыми из рассказов очевидцев. Сам историк ссылается на слова стариков, ветеранов Сципиона. У Аммиана Марцелина читаем, что даймоны являются посредниками между людьми и богами, но слышать их могли всего несколько человек, среди римлян только Нума и Сципион. Аммиан Марцелин называет свой источник – это «теологи» (XXI, 14, 3–5), т. е. очевидно Варрон и его школа (Бобровникова 2008: 84).

Рассказ Ливия о посещениях Нумой священной рощи, где он получал советы от Эгерии, почти слово в слово совпадает с рассказом о по-

сещениях храма Юпитера Сципионом: Нума «решил вселить в них (римлян. – Т.Б.) страх перед богами – действеннейшее средство для непросвещенной... толпы... Была роща... Туда очень часто приходил без свидетелей Нума, будто бы для свиданья с богиней» (I, 19, 4–5; 21, 3; пер. В.М. Смирин); Сципион «убеждал толпу, что действует, повинувшись сновидениям и ниспосланным с неба знаменьям... Не проходило дня, чтобы он не пошел на Капитолий и не посидел в храме в одиночестве и безмолвии» (XXVI, 19, 4–5; пер. М.Е. Сергеев).

Напомню, что роща с гротом, куда ходил Нума, была святилищем, храмом под открытым небом. Мы знаем, что Сципион ходил в храм всегда ночью. Но и Нума, согласно Ливию, шел в рощу только ночью (I, 19, 5)⁸. Далее. Полибий, стремясь дать рациональное толкование «Сципионовой легенде», сравнивает Публия Африканского с Ликургом, мудрым законодателем-обманщиком, который выдавал свои планы за откровение Аполлона (X, 2, 11). Дионисий же Галикарнасский пишет, что те, кто «очищают историю от всяческих вымыслов», считают, что и Нума поступал, как Ликург, выдумывая свои видения, «чтобы люди, питающие страх перед богами, охотно приняли установленные им законы, словно ниспосланные богами» (II, 61; пер. И.Л. Маяк).

⁸ Насколько такие представления не соответствуют духу традиционной римской религии, можно видеть из следующего факта. Хейвуд пытался опровергнуть всю античную традицию о посещениях Сципионом храма Юпитера именно на том основании, что она не соответствует духу римской религии (Haywood 1933: 24).

Несомненно, под человеком, «очищающим историю от вымыслов», имеется в виду Полибий. Очевидно, он также заметил сходство образов Нумы и Сципиона и обоих сравнил с Ликургом. Поэтому не случай-

но Нума у Плутарха сопоставляется именно с Ликургом.

Наши выводы удобно представить с помощью схемы:

НУМА	СЦИПИОН
Единственные из римлян получали непосредственное вдохновение от божества	
Через даймона	
Перед всеми важными событиями	
Шел в священную рощу Дианы	Шел в храм Юпитера Капитолийского
Ночью	
Совершенно один	
Получал там советы от Бога	
Сравнивается с Ликургом	

Ядром Сципионовой легенды, как я попыталась доказать, послужили рассказы самого полководца о своих непосредственных ощущениях. Сейчас для нас не имеет значения, были ли эти ощущения реальны или выдуманы. Важно то, что, по словам Полибия, этим рассказам верили все его предшественники (X, 2). Энный не только был другом Сципиона, но находился, по-видимому, под сильнейшим его влиянием. Он посвятил Публию Африканскому поэму, три книги своих «Анналов», целую книгу сатур, и отдельные стихи. Для Энная Сципион – фигура уникальная. Только Гомер, по его словам, мог бы достойно его описать (Suidas, s.v. Εννιος). А поэму «Сципион» Хейвуд даже сравнивает с воспоминаниями Ксенофонта и Платона о своем учителе (Haywood 1933: 19). После смерти Сципиона Энный объявил, что его кумир под-

нялся на небо и стал одним из богов (Lact. Inst. div. I, 18). Естественно предположить, что именно черты Сципиона поэт придал царю Нуме.

III. УЧЕНИЕ НУМЫ

Для эллинофилов образ царя-философа имел яркую полемическую окраску. Вспомним, что он создавался в эпоху яростной борьбы эллинофилов с мизэллинами во главе с Катонем Старшим. Катон обрушивался со всей силой своего красноречия на новые нравы и все греческое. Он «смешивал с грязью всю греческую науку и образование» (Plut. Cat. mai. 23). В наставлениях к сыну он писал о греках: «Эта нация в корне развращена. Верь мне: в этих словах такая же правда, как в изречениях оракула: этот народ всё погубит, если перенесет к нам

свое образование» (Plin. N.H. XXIX, 14). Особенно нападал он на философию (Plut. Cat. mai. 23). «Пусть философы ведут ученые беседы с детьми эллинов, а римская молодежь по-прежнему внимает законам и властям», — говорил он (ibid. 22; зд. и далее пер. С.П. Маркиша). Он даже призывал изгнать из Италии всех греков (Plin. N.H. VII, 113) и предрекал, что «римляне, заразившись греческой ученостью, погубят свое могущество» (Plut. Cat. mai. 23). Все вожди эллинофилов подверглись нападкам Катона. У него была речь и против Нобилиора, в которой он ставил ему в вину дружбу с Эннием. «Он обвиняет М. Нобилиора как в позорном поступке в том, что тот взял с собой в провинцию поэтов. А этот консул взял с собой, как мы знаем, Энния» (Cic. Tusc. I, 3 = ORF² fr. 149). У предков, говорил Катон, «поэтическое искусство было не в почете: если кто-то занимался этим делом... его называли бездельником» (Gell. XI, 2, 5).

Катон постоянно обвинял эллинофилов в преклонении перед иноземщиной и пренебрежении *mores majorum* (лат. нравы предков). По словам же эллинофилов, сам основатель римской религии учился у греков и римскую религию творил по предписаниям Пифагора, а с намеченного им истинного пути Рим свернули этруски. Таким образом, получалось, что именно эллинофилы стояли на почве *mores majorum*, а их противники следовали ложному пути иноземцев-этрусков. Неудивительно, что Нума стал их духовным вождем. Недаром храм Геркулеса Муз, где воинственный Рим преклоняется перед богинями

искусства, воздвигнут был во имя Нумы.

О настоящем культе Нумы и Пифагора среди эллинофилов свидетельствует один замечательный факт. По словам Плутарха, *gens* (лат. род) Эмилиев возводил свою родословную к Мамерку, сыну Пифагора. В честь этого Мамерка якобы назвал своего сына Нума. Плутарх прямо пишет, что этой родословной держатся лишь те, кто считают Нуму учеником Пифагора (Paul. 2; Num. 8). Между тем древние аристократические роды обычно возводили свою родословную к какому-нибудь божеству или обожествленному герою, например, Юлии — к Энею, Фабии — к Геркулесу (Plut. Fab. 1). А тут патрицианский род Эмилиев называет своим родоначальником греческого философа! Таким образом, мы узнаем, что вера в пифагореизм Нумы очень распространена была в роде Эмилиев, все три знаменитых представителя которого интересующего нас времени — М. Лепид, Л. Павел и, по-видимому, Регилл⁹, — были эллинофилами и близкими к Сципиону людьми.

⁹ Лепид принадлежал к группировке Сципиона Африканского и был тесно связан с его шурином Эмилием Павлом, бывшим его коллегой во всех почти магистратурах (Scullard 1970: 196, 201, 211, 216). Он был идейным противником Катона. Катон нападал на него, причем во время своей цензуры, когда он обрушивался на греческие нравы (ORF² fr. 96; см.: Бобровникова 2009: 280–321). Косвенным аргументом служит то, что Лепид ходил по-слом вместе с Лелием, alter ego Сципиона Старшего (Liv. XLIII, 5, 10), а в Риме посольства выбирались из друзей и единомышленников.

Регилл был тесно связан со Сципионами и командовал флотом во время войны с Антиохом.

Скудные фрагменты древних ораторов не позволяют нам восстановить полемику, вспыхнувшую вокруг нового образа Нумы. Поэтому особый интерес представляет одно место из программной речи Катона, передаваемой Ливием. Оратор сетует, что его противники осуждают древние глиняные статуи на кровлях римских храмов (XXXIV, 4, 4). Ливий, как известно, свободно передавал речи древних, щедро снабжая их риторическими фигурами, и не ясно, где изложение мыслей источника, а где — домыслы самого историка. Однако вспомним, что Катон произносил свою речь на Форуме, стоя у подножия Капитолия. Говоря о глиняных статуях, он должен был указать на храм Юпитера Капитолийского. А именно этот храм воздвигнут был этрусском Вулькой, и с его основания началась порча римской религии, о которой говорили его противники. Если наше предположение верно, то мы имеем здесь следы полемики Катона против «религии Нумы».

Теперь мы подходим к одному из самых загадочных эпизодов истории Классической Республики. В приведенной выше цитате Лида упоминаются некое сочинения Нумы. Это очень интересно. Значит, под именем второго царя Рима ходило какое-то апокрифическое сочинение. О содержании его остается только гадать. Другие источники его не упоминают. Однако, очевидно, именно с этим сочинением связана загадочная история книг Нумы. Напомню известные фак-

ты. В 181 г. до н. э. на Яникуле, где по преданию был похоронен Нума, один небогатый римлянин Теренций вспахивал свое поле. Плуг его наткнулся на что-то твердое. Оказалось, что это гроб. На нем была надпись: «Здесь покоится Нума Помпилий, сын Помпона, царь римлян». Внутри, однако, не было никаких останков ни человека, ни одежды, ни погребальной утвари. Зато были книги, прекрасно сохранившиеся и имевшие вид совсем новых. Это были свитки, написанные на папирусе самим Нумой.

Об этом событии повествуют анналисты: Гемина (fr. 37), Пизон (Plin. N.H. XIII, 84), Тудитан (ibid.), Антиат (fr. 7–8), а также Варрон (Plin. N.H. XIII, 87; Aug. C.D. VI, 6; VII, 34). Все остальные их переписывают. Самый древний автор, почти что современник событий, Гемина. Он утверждает, что сундук был один и в нем находилось два свитка: один на греческом, другой — на латыни; в них «содержалась пифагорейская философия» (fr. 37). Сколько было книг, он не пишет. Пизон и Тудитан уже говорят о количестве и содержании книг. Оба согласны, что книг было 14. По Пизону, 7 посвящено было понтификальному праву, 7 — философии. По Тудитану, это были 14 декретов. Антиат, как известно, часто сообщает версию, идущую вразрез с общепринятой (Peter, р. CCCVIII), причем нередко ложную, хотя и более красочную. Так обстоит дело и с книгами Нумы. Он согласен, что содержали они пифагорейскую философию. Но дальше он со всеми расходится. Во-первых, у него имя нашедшего гроб не Теренций, как у всех остальных, а Пе-

тилий. Явная ошибка. Петилий, напротив, настоял на сожжении книг. Во-вторых, гроба будто бы было два. В одном лежало тело Нумы (оно не сохранилось), в другом — его книги (они уцелели). Их было 24; 12 посвящены были понтификальному праву, 12 — философии. Аврелий Виктор (*De vir. illustr.* 3) и Фест (р. 173) следуют Гемине, Ливий и Плутарх — Антиату, который привлек их живописными подробностями. Но Ливий всё же считает, что книг было 14, так как это число, по его словам, более распространено. Варрон говорит, что книг было 12, т. е. как будто приближается к Антиату, но имя нашедшего — Теренций.

Из всего этого, по моему мнению, ясно, что ближе всех к истине Гемина. Число книг не знал никто, и все измышляли всё новые подробности.

Теренций заявил о своей находке в сенате. Отцы исследовали свитки и обнаружили, что там была пифагорейская философия. По настоянию Петилия опасные книги решено было предать огню.

В этой истории много странного. Во-первых, невозможно поверить, что царь VII в. до н. э. написал пифагорейский трактат на двух языках.

Во-вторых, трудно поверить, чтобы папирус сохранился в сундуке 530 лет. А если бы он по каким-то причинам и избежал разложения, то куда же делось тело? Оно, говорит Гемина, истлело от времени. Но это невозможно. Труп не мог исчезнуть бесследно. Остался бы клочок волос, куски кожаной обуви, кости, наконец, хоть пряжка, хоть застёжка,

что-нибудь бы уцелело. Совершенно невозможно, чтобы истлели без следа кожа, кости, металлические вещи, а папирус прекрасно сохранился. Видимо, тела в гробе никогда не было. Он изготовлен был для одних лишь рукописей.

В-третьих. Четырнадцать лет спустя после находок книг Нумы в Рим приехал Полибий. Изучая историю Пунических войн, он отыскал в архиве все тексты договоров римлян с карфагенянами. Первый договор датировался первым годом республики. Полибий не мог его прочесть и обратился за помощью к своим римским друзьям, членам кружка Сципиона. Они с трудом могли разобрать текст, а некоторые выражения так и остались ими не поняты и были переведены приблизительно. Полибий объясняет, что современная ему латынь очень сильно отличается от древней (III, 22, 1–3). Книги же Нумы якобы были написаны двумя веками раньше разбираемого Полибием договора. Между тем и сенаторы, и даже друзья Теренция спокойно без труда их читали.

Наконец, удивительно, что сенсационная находка лежала так неглубоко, что поднял ее плуг. Непонятно, почему в течении всех предшествующих пяти веков никто не заметил гроба царя, который лежал почти на поверхности земли.

По-видимому, перед нами сознательная подделка. Кто-то изготовил сундук с надписью, положил в него рукописи и зарыл его именно там, где по преданию покоилось тело царя Нумы. Кажется, тут все исследователи единодушны, и никто

не выступил в защиту подлинности книг. Сложнее решить, кто виновен в подделке. Никаких данных, чтобы обвинить конкретных лиц, у нас нет. Зато цель подделки ясна. Книги Нумы были словно бы письмом основателя римской религии к своим далеким правнукам, где он заклинал их отречься от иноземщины и вернуться к учению предков. Подобного рода факты хорошо известны из истории Востока. Г. Масперо пишет: «Часто случается слышать, что такая-то книга найдена в храме такого-то бога». Факт этот, по его словам, указывает на то, что автор, желая сообщить своему произведению большую авторитетность, приписывал его богам или обожествленным пророкам прошлого (*Maspero* 1911: 486–487).

Теперь возникает вопрос, что же опасного и вредного было в книгах Нумы? Почему сенат решился их уничтожить? Ведь никакие книги в Риме в то время не уничтожались. Очевидно, опасным было именно то, что явилось причиной подделки. Книги подписаны были именем Нумы, а потому казались обязательными для римского богослужения. Если бы они были обнаружены, пришлось бы внести какие-то изменения в культ. Но, очевидно, книги содержали в себе нечто совершенно неприемлемое для римской религии, с точки зрения людей старого поколения. Что же это было? Гемина говорит, что книги были сожжены из-за содержащейся в них философии. Какие же философские мысли казались сенаторам столь опасными? Вслед за Делаттом, я вижу ответ в сочинениях римского теолога середины II в. до н. э. — Сце-

волы. Он пишет, что религия, предлагаемая философами, вредна для народа по следующим причинам. Во-первых, философы учат, что некоторые люди могут по смерти вознестись на небо и стать богами. Во-вторых, они утверждают, что «в городах стоят неистинные изображения богов, а истинный бог не имеет ни пола, ни возраста, ни определенного облика» (*Aug. C.D.* IV, 27; ср.: *Бобровникова* 1997: 40–54).

Мы узнаем здесь все характерные черты «религии Нумы»: обожествление людей, представление о неизреченном боге и аниконизм. Замечу, что попытка Энния обожествить Сципиона имела место вскоре после его смерти, т. е. около 182–181 гг. до н. э., а находка гроба Нумы — в 181 г. до н.э. Вряд ли такое совпадение случайно.

Еще один важный и знаменательный факт. Книги сожжены были под руководством городского претора Петилия. Это, несомненно, Петилий, друг Катона, который несколько лет назад по наущению Катона начал судебное преследование Сципиона¹⁰. Отсюда следует, что сожжение книг было делом мизэллинов, сторонников Катона.

***

Теперь мы можем подвести некоторые итоги. Среди эллинофилов II в. до н. э. распространен был культ Нумы. Он считался учеником Пифагора, первым эллинофилом и созда-

¹⁰ Полнее всего вопрос об этом рассмотрен в работах Скалларда и Хейвуда (см.: *Scullard* 1970: 217–226; *Haywood* 1933: 86–101; ср.: *Бобровникова* 2001: 66–74).

телем чистой римской религии, которая впоследствии была искажена под влиянием иноземцев-этрусков. Очень вероятно, что образ Нумы использовался как знамя для политики со сторонниками Катона. Создателем этого образа древнего царя был, вероятно, Квинт Энний, исповедовавший пифагорейское учение. В его изображении древний царь был похож на современных ему образованных аристократов, обучавшихся в Греции. Но главным прототипом послужил Сципион Африканский. Нума имел точно такую же мистическую связь с божеством, как Сципион.

Под именем Нумы ходило некое философское произведение, в котором отрицались народные представления о богах. Очевидно, кто-то из активных последователей «религии Нумы» на основе этого апокрифа составил книги, содержащие новый взгляд на богов. Затем инсценирована была история с находкой гроба. Мы не знаем, кто принимал в ней участие и знал ли о подделке кто-либо из видных эллинофилов. Во всяком случае, книги признаны были вредными и сожжены по настоянию сторонников Катона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ORF² – *Oratorum romanorum fragmenta liberae rei publici* / Ed. H. Malcovati. 2nd ed. Torino, 1955.
- Warm. – *Remains of old Latin* / Ed. E.H. Warmington. Vol. I–IV. Camb.–L., 1979.
- Ассман 2004 – Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
- Бобровникова 1997 – Бобровникова Т.А. Сакральные-правовые и философские взгляды Квинта Энния // *Jus antiquum*. 1997. № 1. С. 40–54.
- Бобровникова 2001 – Бобровникова Т.А. Судебные процессы Сципионов (опыт исторической реконструкции) // *Jus antiquum*. 2001. № 1. С. 66–74.
- Бобровникова 2008 – Бобровникова Т.А. «Сципионова легенда» в античной исторической традиции // *Вестник древней истории*. 2008. № 4. С. 77–93.
- Бобровникова 2009 – Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. 2-е изд. М., 2009.
- Буассье [1914] – Буассье Г. Римская религия от времен Августа до Антонинов. М., [1914].
- Империя в зеркале... 2011 – Империя в зеркале исторической памяти / Сост. и отв. ред. И. Герасимов и др. М., 2011.
- Кофанов 1999 – Кофанов Л.Л. Пифагоризм в римском авгуральном праве // *Вестник древней истории*. 1999. № 2. С. 166–177.
- Масперо 1911 – Масперо Г. Древняя история народов Востока. М., 1911.
- Маяк 1983 – Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983.
- Покровский 1942 – Покровский М.М. История римской литературы. М.; Л., 1942.
- Пропп 1986 – Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л., 1986.
- Толстой 1938 – Толстой И.И. Связанный и освобожденный Силен // *Памяти академика Н.Я. Марра*. М.; Л., 1938. С. 441–457.
- Толстой 1966 – Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966.
- Фрезер 1931 – Фрезер Дж. Золотая ветвь. Вып. I. М.; Л., 1931.
- Хальбвакс 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

- Шайд 2006 — Шайд Дж. Религия римлян. М., 2006.
- Штаерман 1987 — Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.
- Bignon 1946 — Bignon E. Storia della letteratura latina. 2nd ed. T.I. Florence, 1946.
- Boyancé 1972 — Boyancé — P. Etudes sur la religion romaine. P., 1972.
- Crawford 1974 — Crawford M. Roman Republican Coinage. 2nd vol. Camb., 1974.
- Delatte 1922 — Delatte A. Essai sur la politique pythagoricienne. Liège-P., 1922.
- Delatte 1936 — Delatte A. Les doctrines pythagoriciennes des livres de Numa // Bulletins de Belgique. Classe des Lettres. 1936. P. 11–40.
- Grimal 1953 — Grimal P. Le siècle des Scipions. P., 1953.
- Guthrie 1952 — Guthrie W.K.C. Ortheus and Greek Religion. L., 1952.
- Halbwachs 1950 — Halbwachs M. La mémoire culturelle. P., 1950.
- Haywood 1933 — Haywood R.M. Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933.
- Peruzzi 1998 — Peruzzi E. Civita Greca nel Lazio Preromano. Firenze, 1998.
- Ovidii 1929 — Ovidii N.P. Fastorum libri sex / The Fasti of Ovid / Ed. with an English translation and commentary by Sir J.G. Frazer. Vol. IV. L., 1929.
- Sanctis 1953 — Sanctis G. De. Storia dei Romani. Vol. IV. Firenze, 1953.
- Scullard 1970 — Scullard H.H. Scipio Africanus: Soldier and Politician. Bristol, 1970.
- Scullard 1981 — Scullard H.H. Festivals and Ceremonies of the Roman Republic. N.Y., 1981.
- Varro 1993 — Varro. On the Latin Language. Books V–VII with an English translation by R.G. Kent. L., 1993.
- Wagenvoort 1947 — Wagenvoort H. Roman Dynamism. Studies in Ancient Roman Thought, Language and Custom. Oxford, 1947.
- Waerden 1979 — Waerden B.L., Van der. Die Pythagoreer (religiöse Bruderschaft und Schule der Wissenschaft). München, 1979.

T.A. Bobrovnikova. The mystery of the tomb of Numa. The Pythagorean King in the historical memory of the Romans

Key words: Numa, Pythagoras, Scipio Africanus the Elder, Ennius, Pythagoreanism, Pythagoreans, aniconism, Philhellenism.

The article investigates the image of Numa Pompilius, the second king of Rome, and the successor of Romulus. The author distinguishes between at least three different Numas. One was a real Roman king, whose policies can be established from ancient written sources; second, a folk hero of legends, who caught the Picus and the Faunus and, finally, Numa, the Pythagorean King, legendary pupil of Pythagoras, who was claimed to have created the Roman religion after principles of the philosophy of his teacher. The author argues that the erudite Pythagorean King has very little to do with real Numa. When and how did this confusion appear? This article establishes that it dates back to the second century BC, when a cult of Numa spread in the circle of Hellenized Roman nobility. The king was considered as the first philhellene and creator of the pure Roman religion, which was later distorted under the influence of the foreigners Etruscans. It is very likely that the image of Numa was used in polemics with hellenophobs who sought preventing

the penetration of Greek culture into Rome. The creator of this image was probably Quintus Ennius, who modeled it after the image of Scipio Africanus the Elder, the head of the philhellenes. The article also examines the sensational discovery of the tomb of Numa and books ascribed to the king. The author concludes that the books were forgeries, written by someone from the followers of Ennius with the purpose to introduce changes into the Roman religion.

REFERENCES

ORF² – Oratorum romanorum fragmenta liberae rei publici. Ed. H. Malcovati. 2nd ed. Torino, 1955.

Warm. – Remains of old Latin. Ed. E.H. Warmington. Vol. I–IV. Cambridge–London, 1979.

Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow, 2004.

Bignon E. *Storia della letteratura latina*. 2nd ed. T.I. Florence, 1946.

Bobrovnikova T.A. Sakral'no-pravovye I filosofskie vzglyady Kvinta Enniya. *Jus antiquum*. 1997. N 1. P. 40–54.

Bobrovnikova T.A. Sudebnye protsessy Stsipionov (opyt istoricheskoi rekonstruktsii). *Jus antiquum*. 2001. N 1. P. 66–74.

Bobrovnikova T.A. «Stsipionova legenda» v antichnoy istoricheskoi traditsii. *Vestnik drevney istorii*. 2008. N 4. P. 77–93.

Bobrovnikova T.A. *Stsipion Afrikanskiy*. 2nd ed. Moscow, 2009.

Boissier G. *Rimskaya religiya ot vremen Avgusta do Antoninova*. Moscow, [1914].

Boyancé P. *Etudes sur la religion romaine*. Paris, 1972.

Crawford M. *Roman Republican Coinage*. 2nd vol. Cambridge, 1974.

Delatte A. *Essai sur la politique pythagoricienne*. Liege–Paris, 1922.

Delatte A. Les doctrines pythagoriciennes des livres de Numa. *Bulletins de Belgique. Classe des Lettres*. 1936. P. 11–40.

Frazer J. *Zolotaya vetv'*. Vyp. I. Moscow; Leningrad, 1931.

Grimal P. *Le siècle des Scipions*. Paris, 1953.

Guthrie W.K.C. *Ortheus and Greek Religion*. London, 1952.

Halbwachs M. *La mémoire culturelle*. Paris, 1950.

Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati*. Moscow, 2007.

Haywood R.M. *Studies on Scipio Africanus*. Baltimore, 1933.

Imperiya v zerkale istoricheskoy pamyati. Ed. I. Gerasimov et al. Moscow, 2011.

Kofanov L.L. Pifagoreizm v rimskom avgural'nom prave. *Vestnik drevney istorii*. 1999. N 2. P. 166–177.

Maspero G. *Drevnyaya istoriya narodov Vostoka*. Moscow, 1911.

Mayak I.L. *Rim pervykh tsarey. Genezis pimskogo polisa*. Moscow, 1983.

Ovidii N.P. *Fastorum libri sex / The Fasti of Ovid*. Ed. with an English translation and commentary by J.G. Frazer. Vol. IV. London, 1929.

Peruzzi E. *Civita Greca nel Lazio Preromano*. Firenze, 1998.

Pokrovskiy M.M. *Istoriya rimskoy literatury*. Moscow; Leningrad, 1942.

Propp V. Ya. *Istorigheskie korni volshebnoi skazki*. 2-e izd. Leningrad, 1986.

Sanctis De G. *Storia dei Romani*. Vol. IV. Firenze, 1953.

Scheid J. *Religiya rimlyan*. Moscow, 2006.

Scullard H.H. *Scipio Africanus: Soldier and Politician*. Bristol, 1970.

Scullard H.H. *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. New York, 1981.

Shtaerman E.M. *Sotsial'nye osnovy religii Drevnego Rima*. Moscow, 1987.

Tolstoy I.I. Svyazanny i osvobodenny Silen. *Pamyati akademika N. Ya. Marra*. Moscow; Leningrad, 1938. P. 441–457.

Tolstoy I.I. *Stat'i o fol'klоре*. Moscow; Leningrad, 1966.

Varro. *On the Latin Language*. Books V–VII with an English translation by Roland G. Kent. London, 1993.

Wagenvoort H. *Roman Dynamism. Studies in Ancient Roman Thought, Language and Custom*. Oxford, 1947.

Waerden B.L., Van der. *Die Pythagoreer (religiöse Bruderschaft und Schule der Wissenschaft)*. München, 1979.

Г.В. Касьянов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И «МЕМОРИАЛЬНЫЕ» ЗАКОНЫ В УКРАИНЕ: НАЧАЛО XXI В.¹

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, Украина, «мемориальные законы».

В статье рассматривается история обсуждения, принятия и реализации «мемориальных законов» в Украине в начале 2000–2015 гг. Автор анализирует политические и культурные контексты, обусловившие идеологический характер и содержание этих законов, позиции различных политических сил и общественных групп в дискуссиях вокруг них. Особое внимание уделено закону о Голодоморе (2006) и попыткам криминализации «отрицания Голодомора», законам о чествовании участников национально-освободительного движения и о «декоммунизации».

Расцвет исторической политики в Европе, начавшийся в конце 1980-х гг. и с разной степенью интенсивности продолжающийся до наших дней, не обошел стороной Украину. В 1990-е гг. здесь был сконструирован (частично воссоздан) стандартный национальный нарратив памяти с базовым набором виктимных и героических исторических мифов, мест памяти и сакральных символов. Поначалу этот нарратив существовал рядом с другим: советско-ностальгическим, унаследованным от прежней моноидеологической общественной системы. С конца 1990-х гг. наблюдается нарастание конфликта между этими

двумя нарративами, как правило, провоцируемое попытками вытеснить из публичного пространства один из них. Само собой, одной из главных причин этого конфликта является утилитарное использование прошлого в текущих интересах разных политических групп и представителей правящего класса.

Так называемые «мемориальные законы», регулирующие способы и формы использования и репрезентации памятных дат и событий прошлого в публичном пространстве, представляют особый интерес для исследователей исторической политики², коллективной иден-

© Г.В. Касьянов, 2016

¹ Статья подготовлена в период стажировки автора в Коллегиуме им. И. Кергеса, Университет Ф. Шиллера (Йена, Германия).

² Историческая политика — это целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях «исторической памяти» и других форм

тичности, «изобретения традиции». Исходя из опыта 1990-х гг., можно обозначить два основных типа законодательных практик в сфере регулирования коллективной/исторической памяти: одни просто устанавливают некие коммеморативные практики и ритуалы, другие – вводят ограничения и устанавливают санкции за нарушения этих ограничений. Первый тип обычно предполагает наличие общественного консенсуса, второй свидетельствует о проблемах с идентичностью и гражданской лояльностью. Международный день памяти жертв Холокоста (27 января) принадлежит к первому типу. Законы, запрещающие «отрицание Холокоста», действующие в шестнадцати европейских странах, – ко второму. Второй тип законов, как правило, порождает общественные конфликты: иногда они решаются на законодательном уровне (в Испании Конституционный суд отменил закон, предусматривающий уголовное наказание за «отрицание Холо-

---

коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций – в том числе профессиональной историографии. Историческая политика осуществляется в интересах политических, культурных, этнических и других общественных групп в борьбе за власть, за ее удержание или перераспределение. Историческая политика является средством обеспечения политической, культурной или иных форм лояльности крупных общественных групп, а также удержания идеологического и политического контроля над ними. Наиболее выразительной чертой исторической политики является идеологическая и политическая инструментализация как истории (т. е. упорядоченной версии знаний и представлений о прошлом), так и памяти, утилитарное использование истории и памяти во внутренней политике, юридических и законодательных практиках, идеологических, дипломатических и военных конфликтах.

коста»), иногда – порождают новые протестные общественные движения, как это случилось во Франции, где желание государства регулировать интерпретации прошлого привело к появлению движения «Свобода истории!», ставшего международным движением профессиональных историков.

Стандартные формы регулирования в сфере коллективной/исторической памяти обычно сводятся к установлению неких общих правил в сфере массового исторического образования и культурных практик и ритуалов: здесь обычно ограничиваются декларациями, резолюциями, постановлениями, ведомственными актами государственных и наднациональных органов. Специальные законы в сфере коллективной/исторической памяти преимущественно относятся ко второму типу законодательных практик, предполагающих не только установление неких норм, но и санкции за их нарушение. Разработка, принятие и реализация таких законов – это, как правило, важный символический акт, презентация политической позиции некой группы, находящейся у власти. История принятия «мемориальных» законов в Украине за последние пятнадцать лет может служить иллюстрацией этих тезисов.

ОТ «ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ» К «ПОБЕДЕ НАД НАЦИЗМОМ»

Серию мемориальных законов, принятых в Украине после обретения ею независимости, открывает закон «Об увековечении Победы

в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Закон Украины «Про увічнення Перемоги над нацизмом...» 2000). Фактически закон был призван интегрировать советский нарратив памяти о Великой Отечественной войне в украинский национальный нарратив, что соответствовало общей направленности исторической политики периода Л. Кучмы: утвердившаяся у власти бывшая коммунистическая номенклатура использовала стандартный национальный нарратив памяти для своей легитимации как «национальной» элиты, но при этом отдавала должное советско-ностальгическому варианту коллективной/ исторической памяти. В рамках такой исторической политики можно было одновременно выстраивать конституирующий миф о Голодоморе 1932–1933 гг. в Украине как геноциде украинской нации³ и одновременно на государственном уровне отмечать юбилеи украинского комсомола и первого секретаря ЦК КПУ (1972–1989) В. Щербицкого.

Коммеморативные практики, ритуалы, символы, установленные законом, были копией и повторением советских (чего стоило, например, создание «уголков боевой и трудовой славы» в учебных заведениях, учреждениях и на предприятиях!). Законом устанавливался официальный государственный праздник — 9 Мая (который и так ежегодно отмечался решениями правительства).

³ В 2003 г. произошла первая попытка добиться на уровне ООН признания голода 1932–1933 гг. в Украине геноцидом украинской нации.

Первый «мемориальный» закон Украины прожил пятнадцать лет. В период «акселерации» исторической политики Украины, открытый В. Ющенко в 2005 г., закон стал объектом интенсивных политических манипуляций, а после «Революции достоинства» был заменен другим законом, по мнению его авторов, приближающим Украину к «европейским практикам».

В течение десяти лет закон относительно бесконфликтно действовал, политика интенсивной национализации прошлого, предпринимаемая В. Ющенко, практически не затронула советско-ностальгический миф о «Великой Отечественной» (параллельно выстраивалась альтернативная мифология о месте и роли Украины во Второй мировой войне и националистическом сопротивлении тоталитарным режимам).

О законе вспомнили при В. Януковиче, когда активизировалась политика правящего класса по восстановлению советско-ностальгического нарратива памяти и дискредитации национального (как «националистического»). В 2011 г. по инициативе коммунистов отдельным законом в него были внесены изменения, которые касались использования так называемого Знамени Победы⁴ в мероприятиях, посвященных Дню Победы (9 Мая), и других действиях в честь Великой

⁴ Речь идет о копии знамени одного из подразделений Красной армии, установленного над берлинским Рейхстагом 1 мая 1945 г. Знамя и постановочная фотография его водружения стали главными визуальными символами советского исторического мифа о победе в Великой Отечественной войне.

Отечественной войны (День освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков (28 октября), День начала Великой Отечественной войны (22 июня)).

Судя по дальнейшим событиям, инициатива коммунистов была частью более широкой стратегии, направленной на провоцирование публичных инцидентов и дискредитацию на этой основе тогдашней оппозиции путем ее отождествления с «фашизмом» (прием, уже использованный властью в ходе президентской кампании 2004 г.). Согласно закону, принятому парламентом и подписанному В. Януковичем, в дни празднований Знамени Победы устанавливалось рядом с государственным флагом Украины на время памятных мероприятий.

Закон вызвал запрограммированную негативную реакцию националистов (Всеукраинское объединение «Свобода») и их союзников в оппозиции, которые попытались отменить решение, подав соответствующий законопроект (Проект Закона про скасування... 2011). Разумеется, он был отклонен парламентом, где после прихода В. Януковича к власти сформировалось подконтрольное ему большинство.

Уже сам факт обсуждения проекта закона (он вступил в силу в конце мая 2011 г.) немедленно спровоцировал конфликт. Во Львове 9 мая 2011 г. на территории построенного в советское время мемориала «Холм славы» состоялись стычки между радикальными националистами и свезенными к месту празднования малочисленными, но хорошо орга-

низованными сторонниками Знамени Победы (организация «Русское единство», партия «Родина», приехавшие из Одессы). Последние демонстративно развернули знамя на виду у своих противников, сопровождая свои действия провокационными лозунгами⁵. Между участниками потасовки, завершившейся стрельбой из травматического оружия, очутились пришедшие отметить праздник советские ветераны войны (У Львові – червоні прапори... 2011). Министр внутренних дел Украины обвинил радикальных националистов в организованной провокации (Mohyliov says clashes in Lviv on May 9... 2011), событие получило колоссальный, совершенно не соответствующий его масштабам медиа-резонанс, российский международный канал *Russia Today* сообщил о «нескольких тысячах» активистов радикально-националистического толка, принимавших участие в «побоище», и о подъеме «неонацизма» в Западной Украине (Nationalists attack WWII... 2011). Как и следовало ожидать, оппозиция обвинила в провоцировании конфликта власть («Батьківщина»: відповідальність за сутички... 2011).

В июне 2011 г. в ответ на обращение депутата от оппозиции Ю. Костенко Конституционный суд Украины признал ряд положений закона 2011 г. не соответствующими Конституции (Рішення Конституційного суду України у справі... 2015), что не прекратило конфликтов вокруг Знамени Победы и красного знамени как такового: с завидным постоянством

⁵ Накануне проведения массовых мероприятий во Львове 9 Мая было запрещено судом.

(2012–2013 гг.) представители КПУ организовывали в Западной Украине (Львов, Тернополь) на 9 Мая публичные акции под красными знаменами, а представители ВО «Свобода» охотно вступали с ними в физическое противостояние.

В апреле 2015 г. первый «мемориальный» закон в новейшей истории Украины прекратил существование в связи с принятием нового закона, полностью изменившего символический и дискурсивный ряд нарратива памяти о Второй мировой войне. Новый закон устранял советские формулировки. «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» превратилась в «победу над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг.». Соответственно менялось содержание Дня Победы, празднование которого, как и раньше, назначалось на 9 Мая, официальным названием праздника стало: «День победы над нацизмом во Второй мировой войне». Новшеством было введение Дня памяти и примирения (8 мая), долженствующее обозначить приближение украинской исторической политики к европейским практикам.

«Формы увековечения» победы мало отличались от советских, однако авторы закона решили разнообразить их такими: «Недопущение фальсификаций истории Второй мировой войны 1939–1945 годов в научных исследованиях, учебно-методической литературе, средствах массовой информации, публичных выступлениях представителей государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц», «содействие

объективному и всестороннему исследованию истории Второй мировой войны» (Закон України «Про увічнення перемоги над нацизмом...» 2015). Несмотря на то что несколько экзотические для такого документа формулировки проекта закона были раскритикованы юристами Верховной Рады как «неприемлемые с правовой точки зрения», они без изменений вошли в окончательный текст закона (Висновок на проект Закону України «Про увічнення перемоги...» 2015).

Данный закон был принят «в пакете» с тремя другими «мемориальными» законами в апреле 2015 г., наделавшими много шума (о них речь пойдет ниже).

ГОЛОДОМОР И ЕГО «ОТРИЦАНИЕ»

Пожалуй, самым известным украинским «мемориальным» правовым актом первого десятилетия 2000-х гг. стал закон Украины «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине» (2006). Подготовка и принятие закона превратились в политическую трагикомедию, развернувшуюся на фоне общего политического кризиса, вызванного развалом «демократической коалиции», возникновением «антикризисной коалиции», объединившей Партию регионов, представлявшую крупный капитал, и коммунистов с социалистами, на самом деле призванными быть идейными антиподами «регионалов»⁶.

⁶ См. подробнее (Касьянов 2008: 415–431). Если неразборчивость руководства КПУ уже никого не удивляла, то переход Социалистической партии Украины в коалицию

Инициатором был президент В. Ющенко, передавший на рассмотрение парламента законопроект в статусе «неотложного». Три статьи проекта (из шести) фактически открывали новую страницу в исторической политике Украины. Первая статья квалифицировала Голодомор 1932–1933 гг. в Украине как «геноцид украинской нации», вторая – запрещала «отрицание факта Голодомора», шестая – предполагала введение «административной ответственности за публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов в Украине» (Президент України вніс на розгляд парламенту Закон України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні»). Заметим, что к этому времени мало кто прямо отрицал факт голода 1932–1933 гг., а само событие присутствовало во всех школьных и вузовских курсах истории Украины. Голодомор (как стандартный набор представлений об этом историческом событии) уже стал частью «изобретенной традиции»: в стране сформировались общенациональные коммеморативные даты и ритуалы. Учитывая общий политический контекст (политическую войну между ветвями власти, контролируемые оппонентами В. Ющенко), можно заключить, что президентская инициатива имела явно демонстративный характер, скрытым мотивом была моральная дискредитация противников (именно осенью 2006 г. развернулась изнурительная борьба президента с оппонировавшим ему большинством в Верховной Раде и созданным этим боль-

шинством правительством В. Януковича).

Представители Партии регионов, совсем недавно осознавшие возможности обращения к прошлому для отстаивания своих интересов в настоящем, предложили альтернативный законопроект, в котором отсутствовал термин «геноцид», говорилось о том, что голод поразил не только Украину, а само событие характеризовалось как «национальная трагедия украинского народа» (Засідання тридцять шосте... 2006). Поскольку «геноцидная версия» Голодомора также оспаривалась российским высшим политическим руководством, это послужило дополнительным поводом для обвинений «регионалов» в отстаивании чуждых Украине интересов.

Драматическое обсуждение президентского проекта в Верховной Раде 28 ноября 2006 г. превратилось в парад взаимных политических обвинений. Практически все участники действия актуализировали события 1932–1933 гг. текущей политической ситуацией. Президентская фракция («Наша Украина») и их союзники (Блок Юлии Тимошенко) привычно оплакивали современное тяжелое состояние украинской нации как следствие голодоморов и политических репрессий и обвиняли противников законопроекта в аморальности. Их оппоненты захлеб обвиняли президента и его союзников в политической кампанийщине и циничном использовании темы 1932–1933 гг. в корыстных политических целях. Лидер социалистов, спикер А. Мороз даже увязал президентский законопро-

ект с попытками установить диктатуру в Украине, а коммунисты заявили, что инициатива В. Ющенко провоцирует «цепную реакцию противостояния в Украине», нарушает Конституцию и ведет к обострению отношений с Россией. Пользуясь случаем, они призвали к импичменту В. Ющенко (Засідання тридцять шосте... 2006).

В результате депутаты фракций большинства (Партия регионов и коммунисты) сначала отказались вообще рассматривать президентский законопроект, потом он был провален. Оппозиции в ответ удалось провалить альтернативный законопроект и, возможно, Украина не увидела бы один из самых знаменитых «мемориальных» законов, если бы его не спас спикер, лидер социалистов А. Мороз. В перерыве между утренним и вечерним пленарными заседаниями он отредактировал президентскую версию (принципиальные изменения: вместо слова «нация» было внесено словосочетание «Украинский народ», формулировка пункта о запрете отрицания Голодомора был смягчена, появилось упоминание о других народах СССР, пострадавших от голода 1932–1933 гг.). В результате поименного голосования этот вариант закона был принят благодаря фракции социалистов, проголосовавшей «за» (Засідання тридцять шосте... 2006). Депутат от Блока Юлии Тимошенко – поэт В. Яворивский откликнулся на принятие закона так: «Дорогой украинский народ! Только что произошел исторический момент: тебе вернули память!» (Засідання тридцять шосте... 2006).

Как вскоре выяснилось, задача заключалась не только в возвращении памяти «дорогому украинскому народу». Закон содержал норму, согласно которой «публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов в Украине является надругательством над памятью миллионов жертв Голодомора, унижением достоинства Украинского народа и является противоправным» (Закон України «Про Голодомор...» 2006). Поскольку одной из задач инициатора закона было запрещение отрицания Голодомора (по образу и подобию Запада в деле *Holocaust denial*) и введение административной и уголовной ответственности за такое деяние, история получила продолжение под названием «криминализация отрицания Голодомора».

21 декабря 2006 г. депутаты от «Нашей Украины» и Блока Юлии Тимошенко Я. Кендзёр и Р. Чубаров зарегистрировали проект закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Украины – «Об ответственности за публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов как геноцида Украинского народа»⁷. Коммунисты и регионалы потребовали вернуть законопроект на доработку, что и было сделано.

К процессу подключился президент В. Ющенко. 28 марта 2007 г. он предложил законопроект «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины (об ответственности за отрицание Голодомора)». Пре-

⁷ URL: http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=29140 (дата обращения: 20.10.2008).

зидент повторил предшествующий законопроект своих союзников, присовокупив новацию: добавил упоминание о Холокосте. Он предлагал ввести уголовную ответственность за «отрицание Голодомора 1932–1933 годов как геноцида Украинского народа и Холокоста как геноцида еврейского народа» (Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін...» [2007]). Такие действия, совершённые публично, а также изготовление и распространение соответствующих материалов предлагалось наказывать наложением штрафа в размере от ста до трехсот не облагаемых налогом минимальных доходов граждан⁸ или же лишением свободы на срок до двух лет. Такие же действия, совершенные повторно или государственными служащими, должны были повлечь за собой лишение свободы на срок до 4 лет (Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін...» [2007]). Речь шла о дополнении ст. 442 УК Украины «Геноцид», большая часть которой была просто копией Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступлений геноцида. В дальнейшем все варианты «криминализации отрицания» вращались вокруг этого стандартного набора: административная ответственность, штраф, тюремное заключение, изменения в ст. 442 УК.

Формально речь шла о конкретизации положений предыдущего закона 2006 г. Неформально – проект

закона в 2007 г., вводя максимальное наказание для государственных служащих, видимо, должен был стать пугалом для местной власти восточных и южных регионов. Именно здесь не наблюдалось энтузиазма по поводу президентских указаний о подготовке к 75-летней годовщине трагедии. Возможно, что он являлся и неким тактическим ходом в запутанной политической игре (противостояние президента с враждебными ему большинством в парламенте и правительством набирало обороты). Можно предположить, что криминализация «отрицания Голодомора» уже превратилась в «идею фикс» президента.

Появление же пункта о Холокосте, очевидно, должно было придать вес президентской инициативе аналогиями с европейской практикой: проект содержал прямые ссылки на соответствующие законы в европейских странах⁹.

⁹ «Отрицание Холокоста» (Holocaust denial) – не совсем корректный термин, когда говорится о конкретных законах. Существует законодательство ряда стран Евросоюза и самого Евросоюза, направленное на упреждение публичного оправдания нацизма, тривиализации и банализации его преступлений, публичного отрицания или оправдания конкретных случаев геноцида и преступлений против человечности, пропаганды расовой ненависти, преступлений коммунизма. «Отрицание Холокоста» присутствует в этом законодательстве (и то не везде) как частный случай. Упомянутые законы в последнее время становятся объектом всё более активной критики либеральной части общества как нарушающие свободу слова и прессы. Любопытный пример научной критики применимости такого законодательства и сложностей с применением соответствующей терминологии см.: (Hayden 2008).

⁸ Речь шла о сумме от 1700 до 5100 гривен, т. е. приблизительно о 340–1020 долларах США по официальному курсу Национального банка.

Пояснительная записка к тексту законопроекта содержала весьма любопытные обороты. Например, в ней утверждалось, что «принятие Закона будет способствовать консолидации Украинского народа, граждан всех национальностей во круг идеи утверждения в обществе нетерпимости к любым проявлениям насилия, усилению уважения к жизни, правам и свободам гражданина, укреплению межнационального согласия и гражданского мира в Украине» (Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін...» [2007]).

Каким образом уголовное преследование за «неправильное» толкование Голодомора и Холокоста будет содействовать достижению перечисленных благородных целей, в документе не объяснялось. Аргументация в пользу закона весьма специфична в свете социологических данных, размещенных в интернет-представительстве самого президента: «Наибольшие масштабы Голодомора, — говорилось там, — были в регионах, где сконцентрирована электоральная база антикризисной коалиции¹⁰. Однако в силу недостаточной информированности, советской пропаганды и нечеткой позиции лидеров ко-

¹⁰ «Антикризисная коалиция» — самоназвание коалиции Партии регионов, коммунистов и социалистов, созданной в июне 2006 г., сформировавшей большинство в парламенте и правительство, возглавленное В. Януковичем. Конфликт коалиции с В. Ющенко и его сторонниками в парламенте стал главным содержанием политической жизни страны до августа 2007 г., когда кризис временно удалось разрешить согласием на досрочные парламентские выборы в октябре 2007 г.

алиции жители этих территорий не понимают настоящих последствий этой трагедии. По данным соцопросов, лишь 40 % респондентов на Востоке (из тех, кто определился с ответом) согласны, что Верховная Рада должна законодательно признать Голодомор 1932–1933 годов актом геноцида Украинского народа. На Юге — 64 %, что также меньше, чем в среднем по Украине (71,4 %)» (Визнання голодомору 1932–1933 років... б./д.).

Законопроект был чисто демонстративным действием, актом морального давления на оппонентов. Пользуясь своим правом спикера, А. Мороз поставил его на обсуждение на конец мая 2007 г. (хотя законопроект был подан как «неотложный»). Впрочем, уже 1 апреля 2007 г. президент распустил Верховную Раду (в последовавшие за этим полгода он сделал это еще три раза, поскольку депутаты распустились настолько, что не захотели распусться). При этом он обвинил «антикризисную коалицию» в попытке узурпировать власть. Законопроект о «криминализации отрицания» стал частью активных политических торгов с «антикризисной коалицией» весной 2007 г. — он был включен в пакет «политического компромисса» наряду с куда более важными законами о смене Конституции и об оппозиции (*Чивокуня* 2007).

В октябре 2007 г., после проведения внеочередных парламентских выборов, когда замаячила перспектива создания лояльного ему большинства в парламенте, В. Ющенко заявил о намерении провести свой

законопроект через «обновленный» парламент. Свое обещание он выполнил в декабре того же года, когда в списке тринадцати очередных «неотложных» законопроектов, поданных в «обновленный» парламент¹¹, был упомянут и президентский — о криминализации отрицания Голодомора и Холокоста. В этот раз в аргументации по поводу необходимости введения уголовной ответственности за «отрицание» голодомора и Холокоста как геноцида упоминалась «необходимость предупреждения соответствующего поведения, а значит, исключение его общественной опасности, невозможность нанесения ущерба физическому или юридическому лицу, обществу и государству» (Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін...» [2007]). Через месяц, в январе 2008 г., президентский законопроект был продублирован законодательной инициативой двух депутатов от президентской фракции «Наша Украина — Народная самооборона». Депутаты ограничились намерением карать за отрицание Голодомора арестом до 6 месяцев или тюремным сроком до 3 лет¹². При этом непонятно было, за что же предполагается суровое наказание: в одном месте пояснительной записки к проекту закона речь шла просто об отрицании Голодомора, в другом — Голодомора как геноцида, в третьем — про «отрицание факта геноцида украинского

народа». Представители Партии регионов успешно заблокировали законопроект, и он был отклонен.

В 2010 г., после паузы, вызванной очередным политическим кризисом и раздорами в лагере союзников В. Ющенко, а также президентскими выборами, вопрос о «криминализации отрицания Голодомора» вновь появился в повестке дня уже в привычном контексте политической дискредитации оппонентов. Депутат от Партии регионов В. Киселев озабочен неправомочностью использования термина «геноцид» по отношению к Голодомору и предложил поменять слово «геноцид» на «трагедию» в первом пункте закона «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине» (Проект Закону про внесення змін до статті 1 Закону України «Про Голодомор 1932–1933 років...» 2010). (Именно в это время В. Янукович публично заявил, что использование термина «геноцид» относительно Голодомора является неправильным.) Разношерстная оппозиция не задержалась с ответным выстрелом: депутат Ю. Кармазин ответил законопроектом с удивительно длинным, но красноречивым названием (Проект Закону про внесення змін до статті 1 Закону України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» (щодо визнання Голодомору...) 2010). На что неутомимый депутат от Партии регионов ответил своей усовершенствованной версией — он предложил изъять из текста закона слова о «преступном тоталитарном режиме». Видимо, и актеры, и зрители утомились, поэтому все три законопроекта были отклонены и сняты с рассмотрения.

¹¹ Здесь возникла коалиция «заклятых друзей» — Блока Юлии Тимошенко (БЮТ) и поддерживающего В. Ющенко блока «Наша Украина — Народная Самооборона» (НУНС).

¹² URL: http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=31473 (дата обращения: 24.01.2008).

Тем не менее пиар-ресурс темы, видимо, еще не был исчерпан: в конце 2010 г. депутат от оппозиционного Блока Юлии Тимошенко — С. Курпиль предложил дополнить закон 2006 г. ссылкой на наказуемость «отрицания Голодомора как геноцида» согласно законодательству, а само законодательство (Кодекс об административных правонарушениях) дополнить статьей об административной ответственности за отрицание (штраф) (Проект Закона про внесения змін до статті 2... 2010). Оба законопроекта были направлены против В. Януковича, который, как уже упоминалось, публично высказался против использования слова «геноцид» относительно Голодомора. Разумеется, оба законопроекта были уже привычно отклонены.

В ноябре 2014 г. тема опять всплыла в парламенте. Депутаты ВО «Свобода», не прошедшего в парламент на внеочередных выборах октября 2014 г., в последние дни работы «старого» состава Верховной Рады «хлопнули дверью», в очередной раз предложив ввести уголовную ответственность за отрицание Голодомора как факта геноцида украинского народа и Холокоста как факта геноцида еврейского народа. Судя по конструкции текста пояснительной записки, риторика описания ужасов Холокоста уже привычно использовалась в качестве «макияжа» для декларирования идеи о криминализации «отрицания факта Голодомора» (такое использование темы Холокоста депутатами партии, руководство которой прославилось своим антисемитизмом, выглядело как скверный анекдот) (Проект Закона про внесения змін

до Кримінального... 2014). Депутаты-националисты не стали «мелочиться» и предложили карать «за отрицание факта» лишением свободы на срок от 6 месяцев до 3 лет или на срок до 5 лет (при повторном нарушении закона). Законопроект был подан ко Дню памяти жертв Голодоморов (в 2014 г. он отмечался 22 ноября), его сняли с рассмотрения, видимо, по причине окончания срока полномочий Верховной Рады.

Последней по времени реинкарнацией «закона о криминализации» можно считать законопроект, поданный «внефракционным» депутатом из Харькова, миллионером и известным еврейским общественным деятелем А. Фельдманом. В пояснительной записке, где больше говорилось о Холокосте, а Голодомор использовался «в паре» как дополнительный аргумент, А. Фельдман указывал на то, что введение крупного штрафа или тюремного заключения от 2 до 4 лет за «отрицание Холокоста или Голодомора» будет «содействовать защите репутации и прав лиц, пострадавших от Холокоста, а также повышению авторитета Украины на международной арене» (Пояснювальна записка до проекту закону України «Про внесения змін...» 2015).

В настоящий момент законопроект находится на рассмотрении в Верховной Раде. Вероятность его утверждения достаточно высока, учитывая обстоятельства принятия четырех «мемориальных» законов в апреле 2015 г. (упомянутых в сюжете об Украинском институте национальной памяти). Украина может в ближайшее время пополнить

список стран, где существует законодательство, криминализирующее отрицание Холокоста (к которому будет добавлено «отрицание Голodomора»).

«ЧЕТЫРЕ КОМНАТЫ»: МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ 2015 Г.

Последние по времени (2015 г.) четыре «мемориальных» закона создали предпосылки для кардинального изменения ландшафта коллективной/исторической памяти в Украине и вызвали кратковременную, достаточно вялую дискуссию в сообществе, именующем себя «интеллектуалами»¹³. О долгосрочном эффекте этих законов и возможных общественных последствиях их реализации говорить еще рано, но уже сейчас можно четко определить основную идеологическую составляющую двух из них: вытеснение из мемориального символического пространства советско-ностальгического нарратива памяти и замещение его национальным/националистическим.

Речь идет о законах «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX столетии» (Закон України «Про правовий статус...» 2015) и «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики» (Закон України «Про засудження комуністичного...» 2015).

¹³ Об одном из них речь шла в первой части статьи.

Первый из них имел целью «признание **участников борьбы за независимость** Украины в XX столетии **главными субъектами** борьбы за **восстановление государственной независимости** Украины – **борцами за независимость** Украины в XX столетии (выделено мною. – Г.К.)» (Закон України «Про правовий статус...» 2015)¹⁴. Закон предлагал установить правовой статус борцов за независимость, определив права этих лиц «на получение государственных и муниципальных гарантий». Как следует из текста закона, под «правовым статусом» авторы имели в виду всё то же признание «борцами за независимость» лиц, которые «принимали участие во всех формах политической, вооруженной и другой коллективной или индивидуальной борьбы за независимость Украины в XX столетии» – далее следует пространственный список таких организаций, подавляющее большинство которых давно прекратило свое существование: он открывается органами власти Украинской Народной Республики и заканчивается Народным Рухом Украины. В законе предусмотрены «другие организации, структуры или формирования», которые могут быть добавлены в список решением правительства.

Что касается социальных гарантий «главным субъектам» борьбы за не-

¹⁴ Этот «корявый» текст, видимо, отображает идею преемственности борьбы сначала за независимость, потом за восстановление утраченной государственной независимости, а затем опять за независимость. Участников борьбы за независимость признали борцами за независимость. Данное замечание указывает на качество подготовки законов.

зависимость, закон сообщает, что государство «может предоставлять» им «социальные гарантии и льготы или другие выплаты». В этом контексте упоминались местные органы самоуправления, которым дали право предоставлять дополнительные социальные гарантии «борцам за независимость и членам их семей». Учитывая то обстоятельство, что на момент принятия закона, видимо, самой многочисленной группой еще живущих «борцов за независимость» были ветераны УПА, можно предположить, что закон закрывал многолетнюю историю с уравниванием прав участников националистического сопротивления и ветеранов Великой Отечественной войны. Кроме этого, закон ставил точку в исторической, политической и правовой легитимации некоторых организаций, деятельность которых вызывала и вызывает весьма противоречивые оценки как в украинском обществе, так и в международном сообществе (например Организация украинских националистов, Украинская повстанческая армия).

Закон определяет и государственную политику «относительно восстановления, сохранения и чествования национальной памяти о борьбе и борцах за независимость»: тут предполагается и улучшение информирования общества о борьбе и борцах, и внесение соответствующих изменений в учебные планы, учебники и программы, и создание мест памяти.

Конечно, самой впечатляющей нормой закона стала статья, устанавливающая ответственность «за

нарушение законодательства о статусе» борцов за независимость. Лица (независимо от их гражданства), позволившие себе публично проявить «пренебрежительное отношение» к борцам за независимость или «препятствовать реализации их прав», должны нести ответственность «согласно законодательству». Заключительная формулировка достойна полной цитаты: «Публичное отрицание факта правомерности борьбы за независимость Украины в XX столетии признается надругательством над памятью борцов за независимость Украины, унижением достоинства Украинского народа и является противоправным» (Закон України «Про правовий статус...» 2015).

О юридическом качестве закона можно судить по выводу Главного научно-экспертного управления Верховной Рады: «...законопроект¹⁵, — говорилось в нем, — состоит преимущественно из декларативных и публицистических положений, не наполненных конкретным нормативным содержанием». Многим положениям закона недоставало «юридической определенности и однозначности восприятия», употребление в тексте закона формулировок с такими признаками, как указывалось в выводе, по определению Конституционного суда Украины, «неминуемо приводит к произволу» (Висновок на проект Закону України «Про правовий статус...» 2015).

¹⁵ Вывод писался по тексту законопроекта, поскольку в тексте закона замечания юристов Верховной Рады проигнорированы, они остались актуальными.

Закон не просто формально продолжал «дело Ющенко» (в обосновании упоминался указ президента января 2010 г.), но и воспроизводил паттерны: и формулировка о противоправности публичного отрицания «факта правомерности борьбы» и оборот о надругательстве над памятью прямо позаимствованы из закона «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине» (2006). Закон недвусмысленно декларировал желание представителей власти директивно регулировать вопросы интерпретации прошлого и устанавливать пределы дозволенного и недозволенного в сфере коллективной/исторической памяти.

В этом смысле еще более радикальным можно считать принятый «в пакете» с ним закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики». Этот довольно пространственный документ, содержащий многочисленные предложения по изменениям в других законах и Уголовном кодексе, фактически является развернутой программой тотального переустройства символического пространства коллективной/исторической памяти в Украине. Закон осуждал обозначенные в его названии режимы, определял правовые основания для запрещения пропаганды их символики и устанавливал порядок ее ликвидации в публичном пространстве: вплоть до запрета ее использования в топонимике и названиях политических партий.

Присутствие в названии и в тексте закона упоминаний о национал-со-

циалистическом (нацистском) режиме повторяло сценарий «декоммунизации» в странах Центрально-Восточной Европы и Балтии. Здесь «денацификация» имела, с одной стороны, чисто ритуальное значение из-за физического отсутствия объектов денацификации¹⁶, а с другой — использовалась для моральной и политической дискредитации советского варианта коммунизма (уравнивание с нацизмом), с наследием которого обычно борются в этом регионе правые и правоконсервативные политики, периодически приходящие к власти. Наконец, связка «коммунизм–нацизм» стала важным аргументом в международных войнах памяти с Россией, где советско-ностальгический вариант коллективной/исторической памяти (с особым упором на конституирующий миф о Великой Отечественной войне) был положен в основу идеологического обеспечения власти правящего класса уже в начале 2000-х гг.

Уравнивая коммунизм с нацизмом в рамках одного закона, авторы «следовали европейским практикам» (Европарламент в 2008 г. и ОБСЕ в 2009 г., как известно, уравнивали «сталинизм» с «нацизмом»)¹⁷. Как и в случае с криминализацией от-

¹⁶ В указанных регионах о ликвидации нацистской символики и «мест памяти» в свое время позаботились коммунистические режимы. Говорить о наличии таковой в Украине, как и в других странах постсоветского пространства, не приходится. Проявления неонацистских настроений крайне редки и скорее относятся к разряду экзотики.

¹⁷ Закон содержит ссылки на шесть документов, принятых Европарламентом, Парламентской ассамблеей Совета Европы, Парламентской ассамблеей ОБСЕ.

рицания Голодомора, где в качестве «сопутствующего аргумента» периодически возникал Холокост, в мероприятии по «декоммунизации» такую роль был призван сыграть «нацизм». Этот подход особенно явно проступает при текстуальном анализе закона (Закон України «Про засудження комуністичного...» 2015), где упоминания о нацизме играют явно вспомогательную, «техническую» роль. Главный объект запретительного пафоса закона — коммунизм.

Закон запрещает использование коммунистической/нацистской символики в публичной сфере, подробно перечисляя случаи такого применения и детально объясняя, какие именно символы, изображения, имена, памятные знаки и т. п., относящиеся к коммунистическому прошлому, должны быть изъяты и запрещены к употреблению в публичной сфере. Авторы также составили список исключений, случаев, на которые запрет не распространяется, например в научных исследованиях, в произведениях искусства, в учебной литературе (если такое использование «не приводит к пропаганде преступного характера коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов, преступного характера национал-социалистического (нацистского) тоталитарного режима» (Закон України «Про засудження комуністичного...» 2015))¹⁸.

¹⁸ Это одно из самых темных мест в тексте закона, видимо, являющееся результатом спешки и следствием недостаточной юридической компетентности авторов.

Еще на этапе анализа законопроекта текст будущего закона получил целый ворох замечаний юридического характера (от несоответствия статьям Конституции до фактического нарушения других законов) (Висновок на проект Закону України «Про засудження...» 2015). Эти замечания были уже привычно проигнорированы, закон был принят и сразу же, в паре с законом о чествовании борцов за независимость, стал объектом жесткой критики как ожидаемых оппонентов (например коммунистов), так и предполагаемых союзников. Поначалу неприятие вызвала процедура принятия законов, «единодушно одобренных» в один день «в пакете» с двумя другими, менее вызывающими «мемориальными» законами на заседании парламента, больше напоминавшем митинг: отсутствие общественной дискуссии, нарушение регламента, игнорирование мнения внешних экспертов.

Затем критики обратились к содержанию документов: наибольшую тревогу вызвало желание представителей государства регулировать интерпретацию и репрезентацию прошлого и ограничивать содержание высказываний о нем. Фактически речь шла об ограничении свободы слова и расширении возможностей для бюрократического произвола. Вскоре после принятия парламентом этих законов появилось коллективное письмо шестидесяти трех «зарубежных украинистов» (среди которых были и граждане Украины) спикеру Верховной Рады В. Гройсману и президенту П. Порошенко с призывом отклонить два из четырех «мемориальных» законов.

В одном случае высказывалась тревога по поводу запрета на возможные критические высказывания в адрес ООН и УПА (с наказанием вплоть до уголовного). «Преступлением, — указывали авторы письма, — будет считаться высказывание сомнений о легитимности УПА, организации, которая уничтожила десятки тысяч поляков в одном из наиболее отвратительных актов этнической чистки в истории Украины. Кроме того, законы сделают невозможной критику ООН, одной из наиболее радикальных политических групп Западной Украины межвоенного периода, которая сотрудничала с нацистской Германией с начала ее вторжения в Советский Союз в 1941 году».

В другом — речь шла о том, что осуждение всего советского периода может привести к «нелепым и несправедливым последствиям» в свете возможных преследований за позитивные оценки советского периода, которые можно было истолковать как «пропаганду» коммунизма.

Директор Украинского института национальной памяти В. Вятрович, центральная фигура в процессе подготовки и продвижения обсуждаемых законов, отвечая критикам, упрекнул одну часть из них в невнимательном чтении текстов (замечание в некоторых случаях вполне уместное) и обвинил другую в намеренном желании «скомпрометировать законы». Само обращение он охарактеризовал как документ, ставший инструментом информационной войны России против Украины. По мнению В. Вятровича, часть подписантов, давно

играющая на стороне Москвы, воспользовалась доверием другой части, настоящих ученых и экспертов (Вятрович 2015).

27 мая 2015 г. Кабинет министров Украины принял специальное постановление, в котором устанавливался порядок реализации «декоммунизационного» закона в сфере запрета деятельности юридических лиц и партий — практически речь шла о лишении политической идентичности Коммунистической партии Украины: ее названия, символики, программных положений. Пространственный документ содержал подробные указания Министерству юстиции и его органам на местах по фактическому запрету любой партии или общественной организации, имеющей символику «коммунистического тоталитарного режима» (к таковой относились, например, скрещенные серп и молот) (Кабинет міністрів України Постанова від... 2015).

Созданная Министерством юстиции специальная комиссия обнаружила в Украине целых три партии, имеющие в названии слово «коммунистическая»: давно захиревшие Коммунистическую партию Украины (обновленную) и Коммунистическую партию рабочих и селян (КПРС). Разумеется, в список попала и возглавляемая П. Симоненко Коммунистическая партия Украины, совсем недавно потерпевшая фиаско на выборах в Верховную Раду. Естественно, название, символика и уставные документы всех трех партий были признаны не соответствующими новому закону, и перед ними возникла дилемма:

или «менять идентичность», или прекращать деятельность. Министр юстиции П. Петренко подписал приказы, исключаяющие упомянутые партии из избирательного процесса (В Україні офіційно заборонили КПУ... 2015). О реакции двух существующих в основном в реестрах Министерства юстиции партий известно мало, зато для КПУ, несколько приунывшей после неудачных парламентских выборов, «декоммунизация» стала подарком судьбы. В июле 2015 г. началась тяжба между КПУ и Министерством юстиции с блужданиями дела между административными судами разных инстанций, в ходе которой КПУ то «запрещали», то приостанавливали это решение. В октябре 2015 г. коммунисты не смогли принять участия в выборах в местные органы власти и самоуправления под своим именем. В декабре 2015 г. КПУ подала иск в Европейский суд по правам человека.

Тем временем по всей стране развернулась подготовка к «декоммунизации» символического пространства: при местных органах власти и самоуправления создавались комиссии из «представителей общественности», задачей которых была подготовка предложений по тотальной ревизии топонимики и «зачистке» от памятников и мемориальных мест, напоминающих о коммунистическом режиме (с «нацистским тоталитарным режимом» было явно проще). «Декоммунизация» публичного пространства вызвала неоднозначную реакцию в обществе. Социологические опросы засвидетельствовали невысокий интерес граждан к проблеме, мно-

гие полагали, что в стране есть более насущные проблемы, чем снос памятников или смена табличек с названиями улиц (Українці стали менш... 2015).

В конце 2015 г. Украина получила «предварительный вывод» Венецианской комиссии по основному «декоммунизационному закону». Авторы и промоутеры закона на пресс-конференции поспешили сообщить, что комиссия «подтвердила право Украины проводить декоммунизацию» (*Spolsky [2015]*) и заявили, что комиссия высказала замечания по поводу перспективы ограничения свободы слова, чрезмерности наказания за нарушение положений закона и нечеткости термина «пропаганда». Официальное сообщение о выводах Венецианской комиссии, размещенное на сайте Украинского института национальной памяти (почему-то на английском языке), ограничивалось информацией только об этих замечаниях.

Однако выводы Венецианской комиссии были значительно более пространственными и не столь обтекаемыми. Комиссия рекомендовала сделать список запрещенных символов «менее обширным», дать четкое определение термину «пропаганда», в особенности для случаев, когда предполагается уголовное наказание, четко обозначить границы понятия «преступления режима», которые запрещается публично отрицать (конкретизировать, о каких преступлениях идет речь). Комиссия рекомендовала ограничить сферу применения уголовного наказания только теми нарушениями

закона, которые представляют реальную опасность для общества. Отдельным пунктом было предложено свести запрет на деятельность партий и общественных организаций только к статусу крайней меры, в исключительных случаях (Joint Interim Opinion on the Law... 2015: 4). Комиссия пожурала авторов закона за спешку в его разработке, отсутствие публичной дискуссии в этом процессе, нечеткость формулировок, в частности в определении цели этого закона (Joint Interim Opinion on the Law... 2015: 18–21). Авторы пообещали исправить недостатки.

Тем временем в Украине идет процесс «декоммунизации»: переименовываются улицы, площади, переулки и другие топографические объекты, демонтируются памятники и памятные знаки. Масштабы и глубину этого процесса на данном этапе оценить невозможно. Пока что понятно следующее — наличие скрытого или явного сопротивления административной «декоммунизации» в тех регионах, которым она адресуется прежде всего: на Донбассе (территории, контролируемые Украиной), Слобожанщине и на Юго-Востоке. Возникли проблемы и в «амбивалентной» центральной Украине. В Полтаве мэр А. Мамай демонстративно отказывается принимать решения по переименованию улиц (это не помешало ему быть переизбранным в октябре 2015 г.). В Кировограде во время выборов в местные органы власти и самоуправления неформальный референдум показал, что большинство местных жителей высказываются за возвращение городу исто-

рического названия: Елисаветград. Поскольку в законе ничего не говорится об имперском наследии (конечно же, неприемлемом для авторов закона), можно считать это неприятным сюрпризом, тем более что в публичном пространстве появились намеки на то, что императрица Елизавета Петровна вообще ни при чем, речь идет о святой Елизавете...

Похожий сюжет наблюдался в истории с переименованием Днепропетровска. Здесь мало кто высказывался за возвращение исторического названия (Екатеринослав), однако было озвучено предложение не менять название города, привязав его к имени святого Петра... В Харькове, где нужно переименовать 173 топографических объекта, недавно переизбранные городские власти явно не проявляют энтузиазма по поводу «декоммунизации». В Одессе памятник Ленину перенесли в памятник Дарту Вейдеру.

Самым бесконфликтным (на первый взгляд) оказался четвертый из пакета «мемориальных» законов, так называемый «архивный» закон (Закон України «Про доступ до архівів...» 2015). Сама по себе идея обеспечения доступа к архивам репрессивных органов была важнейшей составляющей «декоммунизации» в Центрально-Восточной Европе и на Балканах после краха коммунизма. Она была одной из основ (наряду с люстрацией) политики так называемого «переходного правосудия» (*transitional justice*)¹⁹.

¹⁹ См. подробнее (Stan 2009).

Авторы обосновывали необходимость такого закона как общегуманитарными, так и политически злободневными соображениями. Например, они заявили, что «закрытость архивов стала одной из предпосылок аннексии полуострова Крым и военного конфликта на территории Донецкой и Луганской областей» (Закон України «Про доступ до архівів...» 2015). Закон содержит список «репрессивных органов», в число которых попали все правоохранительные институты «тоталитарного коммунистического режима», в том числе милиция, суды и прокуратура. Хронологические рамки существования «тоталитарного коммунистического режима», как и в законе о «декоммунизации», были обозначены 1917–1991 гг.

Закон содержит и своеобразный «люстрационный» компонент: в нем упомянуты «внештатные сотрудники репрессивных органов», в число которых попали, в частности, «информаторы всех категорий» и «другие лица, которые каким-либо способом сотрудничали с репрессивными органами в 1917–1991 годах, в том числе предоставляли информацию о других лицах». При этом закон устанавливал право лиц, являющихся «жертвами репрессивных органов» на ограничение доступа к информации о них.

Согласно закону при Украинском институте национальной памяти (УИИП) должен быть создан Отраслевой государственный архив, в который в течение двух лет должны быть переданы документы за 1917–1991 гг. следующих ныне

действующих ведомств: Министерства внутренних дел, Министерства обороны, Министерства юстиции, Службы безопасности Украины, Службы внешней разведки, Генеральной прокуратуры, Государственной судебной администрации, Государственной пенитенциарной службы, Администрации государственной пограничной службы.

Данный закон, как уже упоминалось, не вызвал таких бурных реакций, как закон о «декоммунизации». Так же как и другие «мемориальные» законы 2015 г., он очень слаб с юридической точки зрения. Закон вызвал переполох в архивном мире: идея передачи материалов ведомственных архивов в создаваемый при УИИП отраслевой архив не только беспрецедентна, но и трудно вообразима в техническом плане. На данный момент никто не в состоянии оценить объем документов, которые должны переместиться в отраслевой архив УИИП, организации, штатный список которой предполагает 70 человек (включая технический персонал). Попросту говоря, замах не соответствует длине руки.

Это пришлось признать уже на этапе работы с архивом Службы безопасности Украины. Прямой контакт и сотрудничество с архивом СБУ удалось обеспечить за счет кадровых перестановок: в начале 2016 г. недавно назначенный директор архива СБУ перешел в УИИП с целью подготовки создания отраслевого архива, а на его место пришел сотрудник Центра исследований освободительного движения – негосударственной организа-

ции, руководство которой в полном составе стало руководством УИМП. Что же касается объема задач только по одному архиву СБУ, то речь идет о 910 тыс. томов архивных дел, хранящихся в центральном архиве СБУ и его региональных отделениях (37 тыс. погонных метров) (У СБУ анонсвали передачу архівів... 2015). Финансирование УИМП крайне убого (440 тыс. евро в бюджете 2016 г.) и вряд ли радикально увеличится в обозримом будущем. Поэтому, скорее всего, не стоит ожидать осуществления в ближайшее время грандиозных планов, очерченных законом.

Кроме чисто «житейских» проблем, связанных с реализацией «архивного» закона, можно предположить, что перечисленные в нем ведомства, которым предписано в два года передать документы, во-первых, вряд ли будут испытывать энтузиазм по поводу в общем «непрофильной» дополнительной нагрузки на них, во-вторых, у них может просто не быть для этого технических возможностей, ведь речь идет не просто о перевозке тонн бумаг из одного помещения в другое, а о колоссальном объеме работ, связанных с учетом, описанием и прочими нюансами архивного дела.

И наконец, сам текст закона содержит и неархивные нюансы, грозящие осложнениями. «Люстрационная» составляющая закона совершенно игнорирует опыт люстраций и «разоблачений» в странах бывшего коммунистического блока. Занесение в список «внештатных сотрудников» всех подряд, включая «информаторов» и «других лиц»,

создает неограниченные возможности для самой широкой трактовки понятия «сотрудничество с репрессивными органами», независимо от того, было ли это сотрудничество добровольным или оно состоялось под угрозой жизни, здоровью самих «внештатных сотрудников» или членов их семей. Можно ли, например, считать диссидентошестидесятников, рассказывавших на допросах в КГБ о своих знакомствах и связях с «информаторами»? Расплывчатость, неясность, юридическая некорректность многих формулировок закона программирует многочисленные проблемы с его реализацией.

***

Законы жанра предполагают наличие неких выводов и обобщений, связанных с предметом обсуждения. В данном случае выводы и обобщения делать рано, «мемориальные» законы, о которых шла речь, еще не стали историей, они в некотором смысле ее творят. Пока что определенно можно сказать следующее.

Рассмотренные законы вписываются в общую линию понимания исторической политики как следствия кризиса идентичности и способа его преодоления. Если в Западной Европе этот кризис можно связывать с конфликтом между некоей навязываемой общеевропейской бюрократией «общеевропейской идентичности» и традиционными национальными идентичностями, то в Центрально-Восточной Европе он больше связан с попытками преодоления замалчиваемой, но ощу-

щаемой «второсортной европейскости», комплексом неполноценности наций, вошедших в «европейскую семью» как бы на равных, но всё же в качестве бедных родственников. В таких случаях обращение к «трагическому и славному прошлому» и самоутверждение на этой основе в настоящем является традиционным рецептом. Историческая политика, особенно от имени государства, призвана служить мощным средством формирования «самодостаточной» национальной идентичности. «Мемориальные» законы устанавливают нормы и правила репрезентации прошлого в интересах настоящего.

Украинские «мемориальные» законы можно истолковывать и как результат желания правящего класса следовать «европейским практикам». Проблема соответствия заключается в том, что в Украине, в отличие от тех, кому хочется подражать, очень слабы традиции плюрализма, демократии и воздействия гражданского общества на государство. Поэтому любой закон, регулирующий понимание и репрезентации прошлого, неизбежно ведет к диктату бюрократии и победе (как правило временной) представлений о прошлом одного сегмента общества в ущерб другим. Как показывает опыт, такие законы неизбежно несут конфликт, особенно если их авторами и промоутерами являются люди, представляющие интересы идеологически активного сегмента общества и стремящиеся к идеологическому/политическому доминированию.

Последнее замечание касается внутренней противоречивости боль-

шинства рассмотренных законов: в своей основе они призваны преодолеть тяжкое наследие коммунистического режима или — в более широком понимании — советского строя. При этом в тексте законов как обязательный элемент содержатся ссылки на то, что цель авторов — достижение взаимопонимания в обществе. Однако способы разработки и прохождения этих законов²⁰, словесный ряд, методы имплементации очень напоминают те культурные паттерны, против которых эти законы направлены. Антисоциалистическое иконоборчество напоминает большевистский экстаз в уничтожении памятников самодержавия, «декоммунизация» топографии является изнанкой ее «коммунизации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Касьянов 2008 – Касьянов Г.В. Украина 1991–2007. Очерки новейшей истории. Киев, 2008.

«Батьківщина»: відповідальність за сутички... 2011 – «Батьківщина»: відповідальність за сутички у Львові несе Янукович // Інформаційне агентство «УНІАН». 2011 (URL: <http://www.unian.ua/politics/492765-batkivschina-vidpovidalnist-za-sutichki-u-lvovi-nese-yanukovich.html> (дата обращения: 19.05.2016)).

²⁰ «Пакет» мемориальных законов 2015 г. был подготовлен в Украинском институте национальной памяти, без какого-либо предварительного общественного или экспертного обсуждения был передан в профильные комитеты парламента, прошел процедуру регистрации и вынесения на пленарное заседание за одну неделю, а на самом пленарном заседании депутатам понадобилось сорок минут, чтобы его «обсудить» и одобрить. Чемпионский спринтерский результат.

Висновок на проект Закону України «Про увічнення перемоги...» 2015 – Висновок на проект Закону України «Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років» (реєстр. № 2539 від 03.04.2015) // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54670 (дата обращения: 03.01.2016)).

Висновок на проект Закону України «Про засудження...» 2015 – Висновок на проект Закону України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їх символіки» (реєстр. № 2558 від 06.04.2015) // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54670 (дата обращения: 23.01.2016)).

Висновок на проект Закону України «Про правовий статус...» 2015 – Висновок на проект Закону України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті» (реєстр. № 2538-1 від 07.04.2015) // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54689 (дата обращения: 20.01.2016)).

В Україні офіційно заборонили КПУ... 2015 – В Україні офіційно заборонили КПУ // ТСН ВРАЖАС. 2015 (URL: <http://tsn.ua/politika/v-ukrayini-ofitsiyno-zaboronili-kpu-462089.html> (дата обращения: 24.01.2016)).

В'ятрович 2015 – *В'ятрович В.* Декомунізація і академічна дискусія // Міжнародний огляд книг та ідей «Критика». 2015 (URL: <http://krytyka.com/ua/solutions/opinions/dekomunizatsiya-i-akademichna-dyskusiya> (дата обращения: 23.01.2016)).

Визнання голодомору 1932–1933 років... б./д. – Визнання голодомору 1932–1933 років актом геноциду Українського народу // Офіційне Інтернет-

представництво Президента України (URL: http://www.prezident.gov.ua/content/p_150_18.html (дата обращения: 31.10.2007)).

Закон України «Про засудження комуністичного...» 2015 – Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки», від 09.04.2015, № 317-19 // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/317-19> (дата обращения: 23.01.2016)).

Закон України «Про правовий статус...» 2015 – Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті», № 314-19, від 09.04.2015 // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/314-19> (дата обращения: 20.01.2016)).

Закон України «Про Голодомор...» 2006 – Закон України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/376-16> (дата обращения: 15.01.2016)).

Закон України «Про доступ до архівів...» 2015 – Закон України «Про доступ до архівів репресивних органів комуністичного тоталітарного режиму 1917–1991 років», від 09.04.2015, № 316-19 // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/316-19> (дата обращения: 01.02.2016)).

Закон України «Про увічнення Перемоги над нацизмом...» 2015 – Закон України «Про увічнення Перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років», від 09.04.2015, № 315-19 // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/315-19> (дата обращения: 13.01.2016)).

Закон України «Про увічнення Перемоги над нацизмом...» 2000 – Закон України «Про увічнення Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років», №1684-14, від 09.04.2000 // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1684-14> (дата звернення: 13.01.2016)).

Засідання тридцять шосте... 2006 – Засідання тридцять шосте: стенограма пленарного засідання 28 листопада 2006 року // Верховна Рада України: офіційний веб-портал. 2006 (URL: <http://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/1356.html> (дата звернення: 14.01.2016)). *(На даний момент тексти цих законопроектів на сайті Верховної Ради відсутні, теоретично їх можна отримати за запитом.)*

Засідання тридцять сьоме... 2006 – Засідання тридцять сьоме: стенограма пленарного засідання 28 листопада 2006 року // Верховна Рада, 2006 України: офіційний веб-портал (URL: <http://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/1357.html> (дата звернення: 14.01.2016)). *(На даний момент тексти цих законопроектів на сайті Верховної Ради відсутні, теоретично їх можна отримати за запитом.)*

Кабінет міністрів України Постанова від... 2015 – Кабінет міністрів України Постанова від 27 травня 2015 №354 «Про порядок прийняття рішень щодо невідповідності діяльності, найменування та/або символіки юридичної особи, політичної партії, її обласної, міської, районної організації або іншого структурного утворення, передбаченого статутом політичної партії, іншого об'єднання громадян вимогам Закону України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» // Верховна Рада України: офіційний веб-портал. 2015 (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/>

[show/354-2015-p](http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/354-2015-p) (дата звернення: 24.01.2015)).

Пояснювальна записка до проекту закону України «Про внесення змін...» 2015 – Пояснювальна записка до проекту закону України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України (щодо кримінальної відповідальності за заперечення Голодомору та Голокосту)» // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54987 (дата звернення: 16.01.2016)).

Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін...» [2007] – Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін до Кримінального та Кримінально-процесуального кодексів України». С. 2 (URL: www.gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n?webproc4_1?id=&pf3511=29881 (дата звернення: 20.10.2008)).

Президент України вніс на розгляд парламенту Закон України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» – Президент України вніс на розгляд парламенту Закон України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» (URL: www.president.gov.ua/news/data/print/11457.html (дата звернення: 20.06.2009)).

Проект Закону про внесення змін до Кримінального... 2014 – Проект Закону про внесення змін до Кримінального та Кримінального процесуального кодексів України (щодо встановлення відповідальності за публічне заперечення Голодомору 1932–1933 років в Україні як факту геноциду Українського народу, Голокосту як факту геноциду єврейського народу) // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=52360 (дата звернення: 15.01.2014)).

Проект Закону про внесення змін до статті 1 Закону України «Про Голодомор 1932–1933 років...» 2010 – Проект

Закону про внесення змін до статті 1 Закону України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=37774 (дата обращения: 15.01.2016)).

Проект Закону про внесення змін до статті 1 Закону України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» (щодо визнання Голодомору...) 2010 – Проект Закону про внесення змін до статті 1 Закону України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» (щодо визнання Голодомору 1932–1933 років в Україні геноцидом Українського народу – злочином Всесоюзної комуністичної партії (б) та її філіалу – Комуністичної партії (б) України проти Українського народу) // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=37888 (дата обращения: 15.01.2016)).

Проект Закону про внесення змін до статті 2... 2010 – Проект Закону про внесення змін до статті 2 Закону України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» (щодо відповідальності за публічне заперечення факту Голодомору 1932–1933 років, як геноциду Українського народу) // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=39189 (дата обращения: 15.01.2016)).

Проект Закону про скасування... 2011 – Проект Закону про скасування Закону України «Про внесення змін до Закону України «Про увічнення Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років» щодо порядку офіційного використання копій Прапора Перемоги» // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=40477 (дата обращения: 14.01.2016)).

Рішення Конституційного суду України у справі... 2015 – Рішення Конституційного суду України у справі за конституційним зверненням громадянина

Костенка Юрія Івановича щодо офіційного тлумачення окремих положень підпунктів 1, 2 пункту 1 Закону України «Про внесення змін до Закону України «Про увічнення Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років» щодо порядку офіційного використання копій Прапора Перемоги», 16 червня 2011 року, №6-рп/2011 // Верховна Рада України: офіційний веб-портал (URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/v006p710-11> (дата обращения: 13.01.2016)).

Українці стали менш... 2015 – Українці стали менш довірливими і терпимими // Сегодня.ua. 2015 (URL: <http://ukr.segodnya.ua/ukraine/ukraincy-stalimenee-doverchivymi-i-terpimymi-655953.html> (дата обращения: 20.10.2008)).

У Львові – червоні прапори... 2011 – У Львові – червоні прапори, бійка і стрілянина // Українська правда, Історична правда. 2011 (URL: <http://www.istpravda.com.ua/short/2011/05/9/38262/> (дата обращения: 13.01.2016)).

У СБУ анонсували передачу архівів... 2015 – У СБУ анонсували передачу архівів 1917–1991 років до інституту національної пам'яті // Тиждень.ua (URL: <http://tyzhden.ua/News/152981> (дата обращения: 09.01.2016)).

Чивокуня 2007 – Чивокуня В. Ющенко переважає матрицю // Українська правда. 2007 (URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2007/4/25/58014.htm> (дата обращения: 13.01.2016)). (В статтю помещена фотокопія тексту «пакета політичного компроміса».)

Hayden 2008 – Hayden R.M. «Genocide Denial» Laws as Secular Heresy: A Critical Analysis with Reference to Bosnia // Slavic Review. 2008. Vol. 67, N 2 (Summer). P. 384–407.

Joint Interim Opinion on the Law... 2015: 4 – Joint Interim Opinion on the Law of Ukraine on the condemnation of the communist and national socialist (Nazi) regimes and prohibition of propaganda

of their symbols. Adopted by the Venice Commission at its 105th Plenary Session Venice (18–19 December 2015) (URL: <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD%282015%29041-e&lang=EN> (date of access 24.01.2016)).

Mohyliov says clashes in Lviv on May 9...2011 – Mohyliov says clashes in Lviv on May 9 were organized by right-wing radical // Kyiv Post. 2011 (URL: <http://www.kyivpost.com/article/content/ukraine-politics/mohyliov-says-clashes-in-lviv-on-may-9-were-organi-104307.html> (date of access 24.01.2016)).

Nationalists attack WWII... 2011 – Nationalists attack WWII veterans and Russian

diplomats in W. Ukraine // Russia Today. 2011 (URL: <https://www.rt.com/news/wwii-veterans-ukraine-police/> (date of access 13.01.2016)).

Spolsky [2015] – *Spolsky M.* Venetian Commission confirms Ukraine's right to undertake decommunisation // Український інститут національної пам'яті. [2015] (URL: <http://memory.gov.ua/news/venetian-commission-confirms-ukraines-right-undertake-decommunisation> (date of access 24.01.2016)).

Stan 2009 – *Stan L. (ed.)* Transitional Justice in Eastern Europe and the Former Soviet Union. Reckoning with the communist past. Routledge, 2009.

G. Kasyanov. Historical policy and the “memorial” laws in Ukraine: the beginning of the 21st century

Key words: politics of history, historical memory, Ukraine, memorial laws.

The article deals with the history of so-called ‘memorial laws’ adopted in Ukraine in 2000–2015. Author analyses political and cultural contexts that determined the ideological framework and the content of these laws, examines intentions and attitudes of different political and social groups in public discussions on these laws. Special attention paid to the Law on Holodomor (2006) as well as to attempts to criminalize the ‘Holodomor denial’, to the laws on ‘decommunization’ and on honoring the participants of the national-liberation struggle.

REFERENCES

«Bat'kivshhina»: vidpovidal'nist' za sutichki u L'vovi nese Janukovich. *Informacijne agentstvo «UNIAN»*. 2011 (URL: <http://www.unian.ua/politics/492765-batkivschina-vidpovidalnist-za-sutichki-u-lvovi-nese-yanukovich.html> (date of access 19.05.2016)).

Chivokunja V. Jushhenko Perezavantazhiv matricju. *Ukrains'ka pravda*. 2007 (URL: <http://www.ppravda.com.ua/news/2007/4/25/58014.htm> (date of access 13.01.2016)).

Joint Interim Opinion on the Law of Ukraine on the condemnation of the communist and national socialist (Nazi) regimes and prohibi-

tion of propaganda of their symbols. Adopted by the Venice Commission at its 105th Plenary Session Venice (18–19 December 2015) (URL: <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD%282015%29041-e&lang=EN> (date of access 24.01.2016)).

Kabinet ministriv Ukraini Postanova vid 27 travnja 2015 №354 «Pro porjadok prijnattja rishen' shhodo nevidpovidnosti dijat'nosti, najmenuvannja ta/abo simboliki juridichnoi osobi, politichnoi partii, ii oblasnoi, mis'koi, rajonnoi organizacii abo inshogo strukturnogo utvorennya, peredbachenogo statutom politichnoi partii, inshogo ob'ednannja gromadjan vimogam Zakonu Ukraini

«Pro zasudzhennja komunistichnogo ta nacional-socialistichnogo (nacists'kogo) totalitarnih rezhimiv v Ukraini ta zabornu propagandi ihn'oi simboliki». *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal*. 2015 (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/354-2015-p> (date of access 24.01.2015)).

Kas'janov G.V. Ukraina 1991–2007. *Ocherki novejshej istorii*. Kiev, 2008.

Mohyliov says clashes in Lviv on May 9 were organized by right-wing radical. *Kyiv Post*. 2011 (URL: <http://www.kyivpost.com/article/content/ukraine-politics/mohyliov-says-clashes-in-lviv-on-may-9-were-organi-104307.html> (date of access 24.01.2016)).

Nationalists attack WWII veterans and Russian diplomats in W. Ukraine. *Russia Today*. 2011 (URL: <https://www.rt.com/news/wwii-veterans-ukraine-police/> (date of access 13.01.2016)).

Pojasnjuval'na zapiska do proektu zakonu Ukraini «Pro vnesennja zmin do dejakih zakonodavchih aktiv Ukraini (shhodo kriminal'noi vidpovidal'nosti za zaperechennja Golodomoru ta Golokostu)». *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54987 (date of access 16.01.2016)).

Pojasnjuval'na zapiska do proektu Zakonu Ukraini «Pro vnesennja zmin do Kriminal'nogo ta Kriminal'no-procesual'nogo kodeksiv Ukraini». S. 2 (URL: [www.gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n?webproc4_1?id=&pf3511=29881](http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n?webproc4_1?id=&pf3511=29881) (date of access 20.10.2008)).

Prezident Ukraini vnis na rozgljad parlamentu Zakon Ukraini «Pro Golodomor 1932–1933 rokiv v Ukraini» (URL: www.president.gov.ua/news/data/print/11457.html (date of access 20.06.2009)).

Proekt Zakonu pro skasuvannja Zakonu Ukraini «Pro vnesennja zmin do Zakonu Ukraini «Pro uvichnennja Peremogi u Velikij Vitchiznjanij vijni 1941–1945 rokiv» shhodo porjadku oficijnogo vikoristannja kopij Prapora Peremogi». *Verhovna*

Rada Ukraini: oficijnij veb-portal (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=40477 (date of access 14.01.2016)).

Proekt Zakonu pro vnesennja zmin do Kriminal'nogo ta Kriminal'nogo procesual'nogo kodeksiv Ukraini (shhodo vstanovlennja vidpovidal'nosti za publichne zaperechennja Golodomoru 1932–1933 rokiv v Ukraini jak faktu genocidu Ukrain'skogo narodu, Golokostu jak faktu genocidu evrejs'kogo narodu). *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=52360 (date of access 15.01.2014)).

Proekt Zakonu pro vnesennja zmin do statti 1 Zakonu Ukraini «Pro Golodomor 1932–1933 rokiv v Ukraini». *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=37774 (date of access 15.01.2016)).

Proekt Zakonu pro vnesennja zmin do statti 1 Zakonu Ukraini «Pro Golodomor 1932–1933 rokiv v Ukraini» (shhodo viznannja Golodomoru 1932–1933 rokiv v Ukraini genocidom Ukrain'skogo narodu – zlochynom Vsesojuznoi komunistichnoi partii (b) ta ii filialu – Komunistichnoi partii (b) Ukraini proti Ukrain'skogo narodu). *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=37888 (date of access 15.01.2016)).

Proekt Zakonu pro vnesennja zmin do statti 2 Zakonu Ukraini «Pro Golodomor 1932–1933 rokiv v Ukraini» (shhodo vidpovidal'nosti za publichne zaperechennja faktu Golodomoru 1932–1933 rokiv, jak genocidu Ukrain'skogo narodu). *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=39189 (date of access 15.01.2016)).

Rishennja Konstitucijnogo sudu Ukraini u spravi za konstitucijnim zvernennjam gromadjanina Kostenka Jurija Ivanovicha shhodo oficijnogo tlumachennja okre-

mih polozhen' pidpunktiv 1, 2 punktu 1 Zakonu Ukraini «Pro vnesennja zmin do Zakonu Ukraini «Pro uvichnennja Pere-mogi u Velikij Vitchiznjanij vijni 1941–1945 rokov» shhodo porjadku oficijnogo vikoristannja kopij Prapora Peremogi», 16 chervnja 2011 roku, N 6-rp/2011. *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/v006p710-11> (date of access 13.01.2016)).

Spolsky M. Venetian Commission confirms Ukraine's right to undertake decommunisation. *Ukrains'kij institut nacional'noi pam'jati*. [2015] (URL: <http://memory.gov.ua/news/venetian-commission-confirms-ukraines-right-undertake-decommunisation> (date of access 24.01.2016)).

Stan L. (ed.) *Transitional Justice in Eastern Europe and the Former Soviet Union. Reckoning with the communist past*. Routledge, 2009.

U L'vovi – chervoni prapori, bijka i striljanina. *Ukrains'ka pravda, Istorichna pravda*. 2011 (URL: <http://www.istpravda.com.ua/short/2011/05/9/38262/> (date of access 13.01.2016)).

U SBU anonsovali peredachu arhiviv 1917–1991 rokov do institutu nacional'noi pam'jati. *Tizhden'.ua* (URL: <http://tyzhden.ua/News/152981> (date of access 09.01.2016)).

Ukrainci stali mensh dovirlivimi i terpimimi. *Segodnja.ua*. 2015 (URL: <http://ukr.segodnya.ua/ukraine/ukraincy-stali-menee-doverchivymi-i-terpimymi-655953.html> (date of access 20.10.2008)).

V Ukraini oficijno zaboronili KPU. *TSN VRAZHAE*. 2015 (URL: <http://tsn.ua/politika/v-ukrayini-oficiyno-zaboronili-kpu-462089.html> (date of access 24.01.2016)).

V'jatrovich V. Dekomunizacija i akademichna diskusija. *Mizhnarodnij ogljad knig ta idej «Kritika»i*. 2015 (URL: <http://krytyka.com/ua/solutions/opinions/dekomunizatsiya-i-akademichna-diskusija> (date of access 23.01.2016)).

Visnovok na proekt Zakonu Ukraini «Pro pravovij status ta vshanuvannja pam'jati borciv za nezalezhnist' Ukraini u HH stolitti» (reestr. №2538-1 vid 07.04.2015). *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54689 (date of access 20.01.2016)).

Visnovok na proekt Zakonu Ukraini «Pro uvichnennja peremogi nad nacizmom u Drugij svitovij vijni 1939–1945 rokov» (reestr. №2539 vid 03.04.2015). *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54670 (date of access 03.01.2016)).

Visnovok na proekt Zakonu Ukraini «Pro zasudzhennja komunistichnogo ta nacional-socialistichnogo (nacists'kogo) totalitarnih rezhimiv v Ukraini ta zaboronu propagandi ih simboliki» (reestr. №2558 vid 06.04.2015). *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54670 (date of access 23.01.2016)).

Viznannja golodomoru 1932–1933 rokov aktom genocidu Ukrain'skogo narodu. *Oficijne Internet-predstavnictvo Prezidenta Ukraini* (URL: http://www.prezident.gov.ua/content/p_150_18.html (date of access 31.10.2007)).

Zakon Ukraini «Pro dostup do arhiviv represivnih organiv komunistichnogo totalitarnogo rezhimu 1917–1991 rokov», vid 09.04.2015, №316-19. *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/316-19> (date of access 01.02.2016)).

Zakon Ukraini «Pro Golodomor 1932–1933 rokov v Ukraini». *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/376-16> (date of access 15.01.2016)).

Zakon Ukraini «Pro pravovij status ta vshanuvannja pam'jati borciv za nezalezhnist' Ukraini u XX stolitti», №314-19, vid 09.04.2015. *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: <http://zakon5.rada.gov>

ua/laws/show/314-19 (date of access 20.01.2016)).

Zakon Ukraini «Pro uvichnennja Peremogi nad nacizmom u Drugij svitovij vijni 1939–1945 rokov», vid 09.04.2015, № 315-19. *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/315-19> (date of access 13.01.2016)).

Zakon Ukraini «Pro uvichnennja Peremogi u Velikij Vitchiznjanij vijni 1941–1945 rokov», № 1684-14, vid 09.04.2000. *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1684-14> (date of access 13.01.2016)).

Zakon Ukraini «Pro zasudzhennja komunistichnogo ta nacional-socialistichno-

go (nacists'kogo) totalitarnih rezhimiv v Ukraini ta zaboronu propagandi ihn'oi simboliki», vid 09.04.2015, № 317-19. *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/317-19> (date of access 23.01.2016)).

Zasidannja tridcjat' shoste: stenograma plenarnogo zasidannja 28 listopada 2006 roku. *Verhovna Rada, 2006 Ukraini: oficijnij veb-portal* (URL: <http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/1356.html> (date of access 14.01.2016)).

Zasidannja tridcjat' s'ome: stenograma plenarnogo zasidannja 28 listopada 2006 roku. *Verhovna Rada Ukraini: oficijnij veb-portal*, 2006 (URL: <http://iportal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/1357.html> (date of access 14.01.2016)).

А.А. Иванов

КОНСЕРВАТИВНАЯ КРИТИКА ЛОЗУНГА «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ» (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

Ключевые слова: «Россия для русских», русский консерватизм, русский национализм, панславизм, черная сотня.

Публикация посвящена одной из страниц истории лозунга «Россия для русских». Опираясь на материалы публицистики второй половины XIX — начала XX в., автор показывает, что в правом и националистическом лагере отношение к этому девизу не было однозначным и, вопреки сложившимся стереотипам, данное клише имело в консервативном лагере не только сторонников, но и критиков, среди которых были достаточно известные публицисты и политики (Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шапапов, К.Ф. Головин, С.Н. Сыромятников, Г.А. Шечков и др.).

Лозунг «Россия для русских», появившийся в 60-х гг. XIX в. (*Ведерников* 2006: 137–169; *Иванов* 2013: 57–63), с первых же дней своего существования вызвал в российском обществе бурную полемику о его содержании и правомерности применения, получившую свое развитие в начале XX в. (*Лукьянов* 2006: 36–46) и не прекращающуюся и в наши дни. На протяжении полутора веков существования этого девиза у него были и авторитетные защитники и не менее известные противники. Защищали этот девиз, как правило, представители консервативного и националистического лагеря, категорически отвергали — левые и либералы. Однако, вопреки сложившемуся стереотипу, в конце

XIX — начале XX в. у лозунга «Россия для русских» хватало критиков и в консервативной среде, некоторые представители которой увидели в этом клише не столько защиту интересов государствообразующей народности, сколько угрозу имперской государственности и религиозно-монархическому принципу.

Кем и когда именно была сформулирована чеканная формула «Россия для русских» — сказать трудно, но начиная с 1867 г. она уже была известна читающей публике, спровоцировав полемику на страницах ведущих московских и петербургских изданий. Видимо, первым, кто стал публично использовать данное клише, был издатель-редактор петербургской консервативной газеты «Весть» В.Д. Скарятин. В пере-

© Иванов А.А., 2016

довице «Вести» от 15 ноября 1867 г. гордо провозглашалось: «Россия — для русских!». Правда, контекст, в котором эта фраза неоднократно повторялась, был иным, чем тот, который стал определять ее значение позже. Посыл этого лозунга имел не *внутреннюю*, а *внешнюю* направленность. Категорично заявив, что «Россия не нуждается в завоеваниях», «Весть» возмущенно отвечала панславистам, грезившим освобождением балканских и закарпатских славян: «Русские интересы приносить в жертву славянским? Нет, и тысячу раз нет! *Россия — для русских!* Вот наше знамя. <...> Истинно национальная политика заключается именно в этих трех словах — *Россия — для русских*» (Весть. 1867. 15 ноября). Отмечая, что между естественным сочувствием славянам, угнетаемым Австро-Венгрией и Османской империей и желанием пролить за их свободу кровь русских солдат и тратить средства русской казны есть большая разница, «Весть» констатировала: «Думают ли, что казна России так переполнена, а кровь русских людей так дешева, что мы можем тратить то и другое иначе как только для самой России и *ни для кого более, как для России?* <...> Не нам поддерживать надежды призрачные, и тем самым вовлекать этих несчастных в предприятия для них гибельные, ибо, повторяем, *Россия — для русских!*» (Весть. 1867. 15 ноября).

Антипанславистский пафос статьи «Вести» спровоцировал на ответ славянофила И.С. Аксакова, который со страниц газеты «Москва» заявил, что если трактовать девиз «Россия для русских» в том ключе,

как это делает скарятинское издание, то приходится признать, что если Россия — не для славян, а русские — это не неотъемлемая часть славянства, то получается, что она и не для русских. Критикуя петербургское издание за отчуждение России от славянства, автор передовицы (И.С. Аксаков) приходил к заключению, что «подлинная изнанка» девиза «Вести» — «это Россия для немцев, Россия для поляков, Россия для тех изуродованных русских, которые идею европеизма поставили выше идеи русской народности и интересы своей космополитической секты “крупных собственников” — выше интересов русского народа» (Москва. 1867. 25 ноября). Досталось скарятинской трактовке лозунга «Россия для русских» и от редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова, чья газета, сообщая о наплыве в Вольинскую губернию переселенцев-иностранцев, возмущалась тем, что в то время когда колонисты, не желавшие принимать русского подданства, пользуются в России льготами и всевозможными правами, русский простолюдин продолжает тащить на себе основное тягло и находится под пристальным контролем власти. «Что скажет на это “Весть”, провозглашавшая с торжественностью очень комическою в ее устах: *Россия для русских!* — задавались риторическим вопросом “Московские ведомости”. — “Весть” сокрушается, чтобы Россию не отдали славянам; об этом еще не было речи, — но о чем теперь пришлось нам заговорить, есть факт, повторяющийся уже слишком столет. В продолжение более ста лет каждая частица земли, завоеванная

русскою кровью, получала исключительное положение и устраивалась в отдельный организм; в продолжение более ста лет вызывались и приходили без зову иностранные поселяне и ремесленники, и точно так же снабжались преимуществами, каких лишены туземцы: есть ли это *Россия для русских?*» (Московские ведомости. 1867. 10 декабря). А через несколько месяцев, в статье «Чрезмерная свобода печати для органов антинационального направления», М.Н. Катков иронизировал по поводу того, что «Весть» «с гласом трубным стала провозглашать не имеющую смысла в ее устах фразу: “Россия для русских”» и вместо того чтобы думать об интересах русского народа, беспокоится за целостность Австрийской империи, усматривая «опасность для нее в литературном сближении племен и народов славянских» (Московские ведомости. 1868. 5 марта).

Таким образом, провозглашение лозунга «Россия для русских» петербургской «Вестью» было весьма далеко от националистической риторики, так как категория «русские» в данном контексте была отнюдь не этнической, а государственной, в то время как критика этого лозунга, последовавшая со страниц аксаковской «Москвы» и катковских «Московских ведомостей», носила в некотором роде уже националистический характер.

К концу XIX в. лозунг «Россия для русских» стал приобретать несколько иное значение. Отказавшись от той трактовки, которым наделила этот девиз «Весть», русские консерваторы (включая и М.Н. Катко-

ва), взяв это клише на вооружение, стали наполнять его новыми смыслами (Иванов 2015: 34–42). Но практически сразу же выяснилось, что в консервативной среде у этого девиза есть и целый ряд противников, выступающих против использования данной формулы как национального русского девиза.

Одним из таких критиков был известный теоретик монархизма Л.А. Тихомиров. В 1895 г. Тихомиров писал: «Рядом с космополитическим презрением русского интереса у нас за последнее время стала очень ходячей формула: “Россия для русских”. Она слышится и в спорах об отношениях к полякам, финляндцам, немцам и т. д. В этих спорах большей частью никак не могут выйти из дилеммы: или *русификация* (здесь и далее курсив автора. — А.И.), или *равенство всех*, то есть упразднение России. <...> Когда такие перспективы представляются уму русского человека, со стороны его живого чувства слышится крик: “Россия для русских!” — и начинаются толки о *русификации* целых исторических национальностей, включенных в пределы Империи» (Тихомиров 1895: 929). Не соглашаясь с таким подходом, Тихомиров замечал: «Менее всего русский народ думал о *народности*. Самое слово это — книжное, как и слово “обрусение”, тем более термины *русификация*, *национальность*, *патриотизм* и т. п. Наши предки этих слов не знали. А уж они ли, создатели России, не любили своего отечества, они ли не были глубоко “национальны”? Но в русском политическом творчестве эти чувства и свойства уложены в гораздо более разумный

и высокий принцип, религиозно-культурный и государственный. Наша история “русифицировала” множество племен. Но чем? Православием и православным бытом. Россия дорожила в себе не народностью, но *верой* и, относясь к вере не одним отвлеченным мышлением, а всем сердцем, пропитывала ею весь свой быт, свое мирозерцание, нравственные понятия, отношения семейные, соседские, междучеловеческие. Вера поглощала народность. Быт, целиком религиозный, создавал *русского* человека в отличие от других. В быте, в нравственных понятиях узнавал русский *своего*, а не в народности. В действии этого культурного начала состоит вся “русифицирующая” сила исторической России, так ослабевшая с тех пор, как мы стали думать о *народности*. И доселе наша “русифицирующая” сила проявляется только на культурно-религиозной почве. Ничем больше мы никого не превратили в русских и множество русских потеряли для себя повсюду, где сами утрачивали ее» (*Тихомиров* 1895: 931–932). Признавая далее, что предложенная им форма русификации гораздо более сложная, чем та, которую предлагают националисты, Тихомиров пояснял: «Я, разумеется, не оплакиваю этого обстоятельства, потому что хотя оно и усложняет нашу историческую работу, однако именно оно же придает ей смысл нравственный. Не будь в ней *этого* смысла, тогда нам не зачем было бы и властвовать над половиной мира, теряя на это столько сил, а лучше было бы жить спокойной, довольной и замкнутой жизнью Швейцарии. Но историческая роль России — не в том, чтобы

жить только *для себя*. Мы живем, несомненно, для мира. В какой степени — покажет будущее, но вся наша история никак не была жизнью собственно для себя. В этом смысле нельзя не пожалеть о появившемся у нас переводном девизе “Россия для русских”. Как и многое другое в нашем национализме, этот напрокат взятый девиз малых и замирающих наций совсем *не наш*. Для того чтобы он приобрел русский смысл, в него нужно вложить совершенно не то содержание, какое он имеет в какой-нибудь Румынии, Италии или даже хотя бы Соединенных Штатах Америки. Россия, конечно, “для русских” в том смысле, что в ней хозяином и господином должен быть русский; Россия, конечно, “для русских” в том смысле, чтобы русская земля, например, не отдавалась зря тучам пришлых немцев, закабаляющих наше население. Без сомнения, такие явления, как, например, отдача целых областей наших немецким колонистам, — это нечто беспримерно постыдное. Но такие явления делают лишь понятным негодующий патриотический крик: “Россия для русских!” В смысле же исторического девиза он все-таки не может быть принят» (*Тихомиров* 1895: 932–933). Своих взглядов на лозунг «Россия для русских» Л.А. Тихомиров не изменил и позже. Спустя 15 лет, в 1910 г., консервативный мыслитель, выступая с критикой набиравшего политический вес национализма, снова вернулся к критике этого лозунга, отмечая, что формула эта стала просто калькой с аналогичных европейских лозунгов и не несет в себе ничего национально русского: «Есть народы, для которых такая

формула действительно национальна, вытекая из самого духа их и из обстоятельств их истории. У нас же трудно даже понять, какую именно программу способна дать подобная формула, притом же взятая напрокат у иностранцев. А между тем программы, вытекающей из содержания русского духа и из условий русской истории и жизни, у нас не видно и не видно» (Тихомиров 1910).

В своей критике лозунга «Россия для русских» близок Тихомирову был и известный московский публицист С.Ф. Шарапов, который хоть и дистанцировался от правых (Шарапов 1908: III–IV), но в то же время был убежденным сторонником самодержавия и называл себя «фанатиком-русским». «Наш девиз, — заявлял Шарапов, — не “Россия — для русских!”, а “Святая Русь!”, а “святою” мы ее имеем право назвать только потому, что ее основная идея — осуществление, по мере сил, любви и правды Божьей на земле, смиренное и бескорыстное служение всему человечеству, защита всех угнетенных и слабых, словом, посильное осуществление *христианской политики*. <...> Мой русский фанатизм в том и заключается, что я чту, можно сказать, обожаю мою “Святую Русь”, возненавижу ее, отрекусь от нее, когда она этою святою Русью быть перестанет и станет таким же хищником, вымогателем и палачом для всех, как Германия. Россия не “для русских”, а Россия со всеми русскими — для осуществления Божественной любви к грешному человечеству в пределах исторического существования нашей Родины. Вот ее миссия, — и вне ее Рос-

сия никому и ни для чего не нужна и только в тягость самой себе. Если она этой миссии изменит и станет жалкою копиею Запада, она не выдержит и распадется, как распалась Польша; на ее место Бог изберет иной сосуд Своей любви и этому сосуду наше недостойное племя послужит разве удобрением» (Шарапов 1908: 20–21).

К консервативным критикам девиза «Россия для русских» с полным основанием можно отнести и известного правого публициста К.Ф. Головина. В отличие от большинства русских консерваторов, Головин выступал против русификаторского курса, взятого в царствование императора Александра III (который, заметим, большинство сторонников лозунга «Россия для русских» воспринимали как воплощение данного девиза на практике). При этом Головин подвергал критике принцип «Россия для русских» не с космополитических, а с антидемократических позиций, увидев угрозу в признании «права народного большинства». «Эти господа, — писал Головин, имея в виду сторонников “России для русских”, — не только признавали за коренным великорусским племенем законные полномочия на господство, но ставили ему в прямую обязанность давить инородцев и механически их переделывать в чистокровных русских. Основным догматом этой религии особого сорта было самодержавие, не царя только, но и того чисто русского большинства, которое будто бы ошибаться не может никогда. Упускалось из виду, что под этим, на первый взгляд вполне благонадежным течением, скрыва-

лось иное — преклонение перед густыми народными массами, перед всеми их верованиями, привычками, суевериями. <...> Наиболее распространенным идеалом тогдашнего общества было единство в самой грубой внешней его форме. Те же учреждения и, при возможности, тот же язык и та же религия от Белого моря до Черного, от петербургских болот до побережья Тихого океана, стали общим лозунгом русских националистов» (Головин 1910: 39–40). По мнению К.Ф. Головина, Российской империи стоило бы поучиться национальной политике у древних римлян, которые «покорили себе гораздо более разнородных стран, чем сделали это мы». «И в этих странах, — подчеркивал публицист, — всё было разнородно — и религия, и язык, и форма правления. <...> Объединение имело только два могущественных органа — войско, стоявшее под командою природных римских офицеров, и проконсула, по-нашему генерал-губернатора. <...> И все-таки ни при республике, ни при империи <...> римское единство не было поколеблено ничуть» (Головин 1910: 43). Высоко оценивая личность императора Александра III и его внешнюю политику, Головин был убежден в том, что во внутренней своей деятельности государь допустил ошибку. «Император Александр III хотел и тут обеспечить успех за русским делом; он ошибся в одном лишь — Россия как государство была гораздо сильнее, чем как нация» (Головин 1910: 46). Поворот же к политике в духе лозунга «Россия для русских», заключал Головин, означал, что от многочисленных народов, населяющих империю, уже бессмысленно было

требовать «особенно ревностного служения славе государства, от которого им лично для себя нечего было ожидать» (Головин 1910: 49).

Критиковал лозунг «Россия для русских» и С.Н. Сыромятников («Сигма»), бывший в 1893–1904 гг. сотрудником суворинского «Нового времени», а затем принявший активное участие в создании Русского собрания и ставший на недолгое время одним из товарищей (заместителей) председателя этой черносотенной организации. В дальнейшем взгляды Сыромятникова эволюционировали: в 1903 г. он покинул Русское собрание, в 1904 ушел из состава редколлегии «Нового времени», в 1905 был одним из ведущих публицистов либеральной газеты «Слово», став при П.А. Столыпине редактором официозной газеты «Россия». Однако несмотря на заметное «полевение» публициста, он продолжал относить себя к русским националистам¹ и в этом отношении его критика лозунга «Россия для русских» представляет несомненный интерес.

Первая публикация С.Н. Сыромятникова на эту тему появилась в «Новом времени» еще в 1896 г. (Новое время. 1896. 23 июня). Формально

¹ В 1906 г. С.Н. Сыромятников так характеризовал свои взгляды: «Если ко мне надо привесить какой-нибудь ярлык, как это принято в России, то я назову себя, пожалуй, прогрессивным националистом. Я верю в творческие начала русского народа, верю в конечную победу России над своими врагами, верю в русскую государственность, при которой возможно самое широкое развитие общественной самостоятельности, самоуправления, духовного и нравственного самосовершенствования русского народа» (Санькова 2011: 642).

это был фрагмент письма неизвестного корреспондента Сыромятникова, который тот якобы разрешил опубликовать в «Новом времени». Неизвестно, был ли автор этого письма реальным лицом или сам «Сигма» решил облечь свои мысли в такую форму, но материал этот вышел с его одобрения и за его подписью. А спустя 13 лет Сыромятников повторит и разовьет эти мысли на страницах другой газеты, порой дословно повторяя отдельные пассажи, что позволяет считать его если не автором, то соавтором статьи 1896 г.

Разбирая «ходячие понятия», автор статьи относил к ним и лозунг «Россия для русских», на котором особо останавливал свое внимание: «Недавно <...> была пущена в обращение новая формула: “Россия для русских”. Формулу эту сначала выражали робко, потом всё громче и громче, называя ее пробуждением русского самосознания. Действительно, для кого же и быть России, как не для русских? Это понятно само собой» (Новое время. 1896. 23 июня). Но, говорилось далее, «в этой формуле, заимствованной у американца Монро², как бы случайно отпал конец: “для русских граждан, для русских подданных”», поскольку «понятие “американец” не племенное, а государственное», и «звездный флаг защищает одина-

² Так в тексте. Имеется в виду президент США Дж. Монро (1758–1831), который в 1823 г. в послании к Конгрессу («Доктрина Монро») провозгласил сформулированный госсекретарем США Дж. К. Адамсом принцип «Америка для американцев», предполагавший невмешательство европейских государств во внутренние дела США и стран Американского континента.

ково американского подданного, все равно, русский он, ирландец или потомок первых английских насельников» (Новое время. 1896. 23 июня).

Между тем формула «Россия для русских», отмечалось в опубликованной Сыромятниковым заметке, «не требует чего-нибудь положительного, она покамест ограничивается отрицательными, запретительными вожделениями». Поясняя этот тезис, автор рассуждал следующим образом: «Может быть, действительно в вышеприведенной формуле “Россия для русских” под словом “русский” надо понимать великоруса, ярославца, москвича, тверяка, и заботиться главным образом о процветании и экономическом развитии великороссов, которые создали Россию. Я ничего бы не имел против, если бы было обращено особое внимание на экономический подъем “акающих” великорусов за их заслуги перед Россией. Если поддерживать искусственно русское дворянство очень пестрого племенного состава, то отчего не поддержать самый народный цемент земли русской, который объединяет, склеивает и проникает собою разноплеменные части империи, но ведь об этом никто не говорит. У нас, по счастью, нет племенных патрициев, наше патрицианство – служилое, ничего общего не имеющее с национальным принципом» (Новое время. 1896. 23 июня). Поэтому, говорилось далее, чтобы разобраться в лозунге «Россия для русских», необходимо «подвергнуть обследованию само понятие “русский”»: «Что значит это слово? Имеет ли оно племен-

ное, религиозное, государственное или географическое значение? Если русский — понятие этнографическое, то чисто русских очень немного, большинство великороссов окажутся финно-татарами. Если русский — равнозначает слову православный, то что делать с раскольниками и сектантами. Будет ли и для них Россия или не будет? Раскольники Витебской и Ковенской губерний оказали значительную помощь русскому делу во время польского восстания. Русские скопцы оказали большие услуги русским войскам в Румынии, они даже охраняли государя Александра II от международных террористов, которые собирались сделать покушение, кажется, около Плоешт. Кавказские духовоборы обеспечили успех действий наших войск в азиатской Турции, подвозя военные припасы, служа проводниками, доставляя разные сведения. Значит — русский и православный не одно и то же. Можно быть не православным и быть русским по праву, по чести и по совести. Все эти соображения приводят к тому, что слово «русский» выражает понятие государственное, которым обозначается господствующее население империи, употребляющее один государственный язык, управляемое одними законами» (Новое время. 1896. 23 июня).

Кроме того, внимание обращалось и на такой фактор, как общая история, объединяющая народы, живущие в Российской империи. «Для составления государства мало иметь кусок земли и толпу народа, хотя бы говорящего на одном языке и исповедующего одно вероучение, — надо иметь еще и общую историю,

общие радости, общие печали, сознание своей зависимости друг от друга, своего общенародного блага», — подчеркивал автор публикации. И в этом отношении, полагал Сыромятников, «поляки, сарты, камчадалы, — [все] они привязаны к Москве и должны к ней тянуть своею государственною жизнью, потому что так сложилась их история». В завершение рассуждений на эту тему, говорилось: «Исходя из этих элементарных соображений, мы можем вывести характерные черты понятия “русский”. Это человек, задавшийся целью насадить культуру в восточной половине Европы, культуру, которая соответствует климату, солнцу, характеру жителей. Он верит в лучшее будущее своей страны, верит, что она будет со временем населена ангелами, что и на нее сойдет благоволение. Этой цели — создание равнинной культуры — он может достигнуть, впитав в себя лучшие элементы культуры своих соседей и своих инородных сограждан. Для его великого дела будет служить и поляк, и финляндец, и грузин, и бурят. <...> Не разумнее ли брать от всех входящих в состав Империи инородцев то, что у них есть хорошего?» (Новое время. 1896. 23 июня).

В конце 1909 г. Сыромятников снова возвратился к разбору лозунга «Россия для русских», опубликовав на этот раз текст уже под своей фамилией. Статья «Пределы национализма», вышедшая в октябристском «Голосе Москвы» (Голос Москвы. 1909. 2 декабря) стала реакцией публициста на идеологические постулаты Всероссийского национально-го союза. Критикуя идеологию ВНС

и взятый им на вооружение девиз «Россия для русских», Сыромятников брал на себя труд разъяснить русским людям «этот плохо выбранный лозунг национализма». Более подробно, по сравнению с публикацией 13-летней давности, поведав о превращении формулы «Америка для американцев» в лозунг «Россия для русских», публицист буквально теми же словами доказывал, что американский вариант девиза «имеет не племенное, а государственное значение».

«За формулу Монрое, — писал Сыромятников, — ухватились в Европе мелкие и обиженные народности, независимости которых угрожали внешние враги, а от них она попала и в Россию. Но у нас она противоречит не только нравственному христианскому чувству русского народа, но и русской имперской государственности. Ни в католической, ни в православной церкви никто никогда не справлялся о национальности святого, святителя, подвижника. В русских святцах русские в меньшинстве среди евреев, греков, сирийцев, египтян, римлян, кельтов, грузин, которые все общим трудом были соделателями нивы Господней. И как бы ни были нам дороги и любезны святые русской крови, но мы молимся не им одним, носим имена не их одних, и не их одних считаем покровителями и предстателями за нас пред Всевышним» (Голос Москвы. 1909. 2 декабря).

Другое возражение Сыромятникова против девиза русских националистов заключалось в неясности содержания последнего его слова.

«Для каких русских Россия? — вопрошал публицист. — Для русских нынешних, прежних или будущих? Ведь не могут же русские быть одинаковыми на пространстве всей истории России, да не одинаковы русские и теперь. Есть Пушкин, Менделеев, Чайковский, Васнецов, есть Разин, Каракозов, Рысаков и бесчисленные казнокрады, разбойники, воры, растратчики и предатели. Что будет, если вся эта русская орда захватит Россию и станет распоряжаться ею по-своему? Ведь нельзя же отрицать, что полчища Разина и Пугачева были русскими. Русская революция не менее национальна, чем русская государственность, и если она недавно финансировалась евреями, то раньше финансировалась поляками и другими соседями» (Голос Москвы. 1909. 2 декабря).

Поэтому, делая вывод Сыромятников, формула русских националистов требует следующего уточнения: «Россия — для государственно мыслящих русских». А поскольку и в этом случае возникает неизбежный вопрос: что значит «государственно мыслящие русские», публицист предлагал изменить лозунг, сделав его более понятным. «Самая государственность не есть нечто неизменное и везде и всегда тождественное, — писал он. — Но так как в таком случае не будет ясного лозунга у русского национализма, то разумнее будет другой лозунг, более соответствующий цели, лозунг — “Русские для России”». В таком случае, полагал Сыромятников, «не будет национализма, а будет патриотизм, желание и потребность пожертвования своими личными благами

благу родины». В качестве доказательства своей правоты Сыромятников приводил следующий пример: «Пока римляне жили для Рима, империя была тверда и могуча, но как только Рим стал для римлян, так от римской империи остались одни развалины». «В самом чувстве национализма есть нечто больное, есть оскорбленное самолюбие, не только непристойное великим народам и великим империям, но и вредное им и разрушительное для них», — заключал публицист (Голос Москвы. 1909. 2 декабря).

Развивая далее свои идеи, Сыромятников старался доказать, что тезис националистов о том, что Россия построена русским народом, слишком упрощает ситуацию, поскольку империя строилась совместными усилиями русских и «миллионов инородцев» и «для этих миллионов инородных участников постройки империи должно быть по совести оставлено место в нашем государственном здании». Кроме того, продолжал публицист, в лозунге «Россия для русских» звучит некоторая закомплексованность: «Русские должны знать, что Россия для них, и что они для России, но зачем повторять это сотни раз? Если русские — хозяева России, они должны не говорить об этом, а соответственно действовать». К тому же у настоящего хозяина должны быть и хозяйские обязанности, в связи с чем Сыромятников писал: «Добиваясь пользы себе, мы должны так же добросовестно заботиться и о других, живущих в нашем доме, тем более что мы сами захватили их и приняли в число сограждан. Таким образом, общая польза ограни-

чивает уже понятие национализма. Он должен быть государственным, имперским, а будучи христианским, отрицающим рабство, он должен быть благожелательным и равным для всех верных сынов России» (Голос Москвы. 1909. 2 декабря).

Кроме того, Сыромятников видел в лозунге «Россия для русских» и явную опасность для имперской государственности. Требуя от русских четкого знания своих национальных задач и обязанностей, публицист вместе с тем предупреждал: «История покажет, для кого Россия, для русских или для евреев, поляков и финнов, но никакая формула не может заковать политической опасности, если мы будем возбуждать против себя наших сограждан кичливыми формулами, и в то же время ничего не будем делать положительного для того, чтобы настолько поднять умственный и нравственный уровень русских, дабы самая борьба с ними за власть стала невозможна для инородцев». В противном же случае, предупреждал публицист, русский национализм становится обоюдоострым оружием, ибо если его апологеты будут слабы, они лишь усилят своими лозунгами национализм нерусский, чреватый распадом империи. «Плох тот политик, — писал он, — который, стремясь укрепить Империю на деле, будет оскорблять на словах более четверти, 28%, русских подданных, грозя им исключением из России. Не разделение на классы, на белую и черную кость, укрепляет империи, а соединение всех в общем деле, в общих духовных и экономических интересах. Не в отделении себя от ино-

родцев обязанность русского, а в объединении их с русским племенем на общую работу, в пользу родины и ее Царя. <...> Мы можем требовать от них самопожертвования совсем не во имя наших исключительных племенных прав, интересов и выгод, а только во имя родины и наших общих с ними интересов. Было бы наивно думать, что киргизу, буряту или армянину приятно умирать за русских, работать на русских, жить для русских. Этого требовать так же неразумно, как неразумно требовать, чтобы русские охраняли и оберегали финляндцев или поляков, ничего взамен от них не требуя. Основа империй – не простая сила, а сила, направленная на добро, действующая во имя справедливости» (Голос Москвы. 1909. 2 декабря).

Подводя итог своим размышлениям, Сыромятников выносил лозунгу русских националистов следующий приговор: «Соответствует ли русской истории формула: “Россия для русских”? Нет, она ей противоречит. Это формула не геройства, а трусости, формула людей, которые, не верят в нравственное и умственное превосходство нашего народа... <...> Эта формула, стремясь дать исключительное положение русскому народу, на самом деле ставит его в положение гонимого инородца и развращает его требованием ненужных для него, несправедливых преимуществ, делает его несправедливым, завистливым и злобным. <...> ...Ни с религиозной, ни с государственной, ни с нравственной стороны формула “Россия для русских” не может быть защищаема. Она оскорбительна

и вредна для нас, русских, гораздо более, чем для инородцев. Она делает нас хуже, а не лучше, слабее, а не сильнее. Об этом следовало бы подумать тем, кто, повинуясь моде, берет себе лозунги, достойные маленьких народцев, но неуместные великому русскому народу» (Голос Москвы. 1909. 2 декабря).

Переубедить своих бывших единомышленников из правого лагеря, равно как и сторонников идеологии Всероссийского национально-го союза, для которых девиз «Россия для русских» являлся «боевым кличем всех русских националистов» (Савенко 1906) и «лозунгом русского Возрождения» (Меньшиков 1908), у С.Н. Сыромятникова, конечно, не получилось. (На статью Сыромятникова тут же были опубликованы возражения одного из организаторов Минского отдела Всероссийского национального союза Д.В. Скрынченко (Скрынченко 2009: 127–130)). Но аргументация, высказанная видным русским публицистом против «формулы национального эгоизма», как называли девиз «Россия для русских» некоторые из его критиков, представляется не только интересной, но и не потерявшей актуальности в наше время.

Впрочем, критики лозунга «Россия для русских» встречались и в среде публицистов, поддерживавших партию русских националистов – Всероссийский национальный союз. Русский националист В. Строганов, поддерживая ВНС во всех остальных пунктах его программы, выступал с критикой его девиза именно с русификаторских позиций. На-

зывая лозунг «Россия для русских» нелепым, Струганов заявлял: «либо мы должны отказаться от девиза “Россия для русских”, либо от обрусительной политики, так как совместить и то и другое — так же нелепо, как тушить пожар керосином» (Струганов 1912: 24, 148).

Критика лозунга звучала и из черносотенных рядов. Несмотря на то что девиз этот был подхвачен большинством правых партий начала XX в., в их рядах находились политики, которые шли в этом вопросе против течения, отстаивая принципиально иное отношение к формуле «Россия для русских». Наиболее аргументированную критику лозунгу «Россия для русских» в черносотенном лагере дал член Главной палаты Русского народного союза Михаила Архангела, депутат фракции правых III и IV Государственных Дум Г.А. Шечков. Политическое мировоззрение Шечкова напрямую вытекало из православного верования: «Мы, признавая кораблем спасения святую Церковь, обязаны прежде всего надеяться на ее ограду, а кони, колесницы и броневые стены — всё это приложится нам. И эту истину мы теперь более чем когда либо должны иметь мужество в слове и деле исповедовать пред лицом восставшего на нас языческого мира», — писал он в одной из своих работ (Шечков 1905а: 8). Исходя из этого, Шечков, близкий по своим взглядам С.Ф. Шаранову и Л.А. Тихомирову, выступал с резкой критикой «секулярного консерватизма» и критиковал взгляды русских националистов, в частности их тезис «Россия для русских»: «“Россия для русских” — вот ходячее

слово, общее место, готовое, кажется стать девизом наших националистов. Это, якобы очевидное положение все почти склонны принимать нынче за аксиому... [Об этом] не стоило бы и говорить, если бы дело ограничивалось кружком сторонников шаблонного европейского национальничанья, но “Россия для русских” возглашается устами двигателей нашего самосознания. Этот клич националистического сепаратизма выкрикивается борцами нашего единства. Тут, очевидно, досадное недоразумение» (Шечков 1905а: 4). Далее Шечков, как и Тихомиров, отмечал, что, во-первых, этот лозунг не является самобытным, а лишь «рабским осколком» с известных формул: «Англия для англичан», «Германия для германцев» и т. д.; а во-вторых, он таит в себе опасность разрушения Российской империи. «Нет, — восклицал Шечков, — Россия не для русских (sic), если мы не хотим, чтобы в черте еврейской оседлости она мечталась якобы призванной служить только для евреев, а в черте армянской — для армян и т. д.» (Шечков 1905а: 11). Кроме того, указывал Шечков, лозунг «Россия для русских» искажает священный для русских монархистов принцип — «Православие, самодержавие, народность» — так как если такая авторитетная правая организация, как Русское собрание, «будучи само по себе русским, вдобавок еще дополняет свой девиз новой формулой: “Россия для русских”, то этим самым начало национальное оно выдвигает вперед, а принципу самодержавия и православия отводит место второстепенное» (Шечков 1905b: 153). А это, по мнению политика-монархиста, было

недопустимо, ибо нарушало иерархию смыслов, заложенных в уваровской триаде, и создавало угрозу постепенного перерождения этого девиза в подобие немецкой формулы «Германия превыше всего». «Мне лично, — заключал Шечков, — ...дорога только та Россия, которая *ber alles* (превыше всего. — А.И.) ставит свое православие; а — такая Россия и такое Самодержавие, для коих православие может оказаться стоящим на последнем месте, последним делом — мне не нужны» (Шечков 1905b: 152). «Если же мы отстаиваем положение “Россия — для русских”, — заключал правый политик, — то этим обеспечиваем у себя развитие только одного национального начала в ущерб прочим двум. Ибо из этого положения не видно вовсе, о чем собственно идет речь: не видно, какая Россия и для каких русских? Не для “кровных ли она русских”, или не для русских ли “Моисеева исповедания”?.. Это, несомненно, не что иное, как формула того беспринципного национализма, который по выражению К.Н. Леонтьева, есть худший вид якобинства» (Шечков 1905b: 153).

Таким образом, появившись в эпоху «великих реформ», лозунг «Россия для русских» изначально не имел националистической составляющей и был направлен против панславистских увлечений И.С. Аксакова и его единомышленников, отождествлявших русские интересы со славянскими. Это и определило содержание первоначальной критики лозунга. Однако не принимая изначально содержания формулы «Россия для русских», его противники из кон-

сервативного лагеря взяли на вооружение сам лозунг, постепенно наполнив его новыми смыслами. В результате этих метаморфоз клише «Россия для русских» стало восприниматься в обществе как боевой клич русских правых и националистов, однако и в правом лагере, как было показано выше, в отношении данного лозунга не было единства. Несмотря на свою броскость и краткость, лозунг этот не смог объединить в отношении к себе даже консервативные и националистические силы страны, породив в конце XIX — начале XX в. многочисленные споры о правомерности и перспективности его использования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ведерников 2006 — *Ведерников В.В.* Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 137–169.

Весть. 1867. 1 декабря.

Весть. 1867. 15 ноября.

Головин 1910 — *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2: (1881–1894 гг.). СПб., 1910.

Иванов 2013 — *Иванов А.А.* К вопросу о содержании лозунга «Россия для русских» во второй половине XIX века // Герценовские чтения 2012. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. и учебно-метод. тр. / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2013. С. 57–63.

Иванов 2015 — *Иванов А.А.* Лозунг «Россия для русских» в консервативной мысли второй половины XIX века // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ: № 4. М., 2015. С. 34–42.

Катков 1868 — *Катков М.Н.* Чрезмерная свобода печати для органов антинацио-

нального направления // Московские ведомости. 1868. 5 марта.

Лукьянов 2006 — Лукьянов М.Н. «Россия — для русских» или «Россия — для русских поданных»? Консерваторы и национальный вопрос накануне Первой мировой войны // Отечественная история. 2006. № 2. С. 36–46.

Меньшиков 1908 — Меньшиков М.О. Собрание земли // Новое время. 1908. 30 октября.

Москва. 1867. 25 ноября.

Московские ведомости. 1867. 10 декабря.

Савенко 1906 — Савенко А.И. Заметки // Киевлянин. 1906. 30 августа.

Санькова 2011 — Санькова С.М. Сыромятников Сергей Николаевич // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М., 2011. С. 641–643.

Сигма 1896 — Сигма. Разбор ходячих понятий // Новое время. 1896. 23 июня.

Скрынченко 2009 — Скрынченко Д.В. Минувшее и настоящее. Избранная публицистика: В 2 ч. Ч. 1. / Сост. В.Б. Колмаков. Воронеж, 2009.

Строганов 1912 — Строганов В. Русский национализм. Его сущность, история и задачи. СПб., 1912.

Сыромятников 1909 — Сыромятников С.Н. Пределы национализма // Голос Москвы. 1909. 2 декабря.

Тихомиров 1895 — Тихомиров Л.А. Русское дело и обрусение // Русское обозрение. 1895. № 4. С. 927–937.

Тихомиров 1910 — Тихомиров Л.А. Что такое национализм // Московские ведомости. 1910. 30 июля.

Шарапов 1908а — Шарапов С.Ф. Друзьям, читателям, подписчикам // Свидетель. 1908. № 16–17. С. I–XV.

Шарапов 1908б — Шарапов С.Ф. Мой ответ В.Н. Снежкову // Свидетель. 1908. № 16–17. С. 10–34.

Шечков 1905а — Шечков Г.А. Наше знамя. Харьков, 1905.

Шечков 1905б — Шечков Г.А. Письмо к редактору // Мирный труд. 1905. № 5. С. 147–154.

A.A. Ivanov. Conservative criticism of the slogan «Russia for russians» (end of 19th — beginning of 20th century)

Key words: “Russia for Russians”, Russian conservatism, Russian nationalism, pan-Slavism, the black hundreds.

The paper is devoted to one of the pages of the history of the slogan “Russia for Russians”. Based on the materials of journalism of the second half of 19th — early 20th centuries, the author shows that in the right-nationalist camp the substance of this motto was not unambiguous. Contrary to stereotypes, this cliché had not only supporters, but also critics in the conservative camp, among whom were well-known journalists and politicians (L.A. Tikhomirov, S. Sharapov, K.F. Golovin, S.N. Syromyatnikov, A. Checkov etc.).

REFERENCE

Vedernikov V.V. Natsional'nyy vopros v zerkale konservativnoy publitsistiki. Gazeta «Vest'». *Istoricheskie zapiski*. 2006. N 9 (127). P. 137–169.

Vest'. 1867. 1 dekabrya.

Vest'. 1867. 15 noyabrya.

Golovin K.F. *Moi vospominaniya*. T. 2: (1881–1894 gg.). Saint Petersburg, 1910.

Ivanov A.A. K voprosu o sodержanii lozunga «Rossiya dlya russkikh» vo vtoroy polovine XIX veka. *Gertsenovskie chteniya 2012. Aktual'nye problemy sotsial'nykh nauk*: Sb. nauchn. i uchebno-metod. tr. Sost. A.B. Nikolaev. Saint Petersburg, 2013. P. 57–63.

Ivanov A.A. Lozung «Rossiya dlya russkikh» v konservativnoy mysli vtoroy poloviny XIX veka. *Tetradi po konservatizmu*. Al'manakh Fonda ISEPI: N 4. Moscow, 2015. P. 34–42.

Katkov M.N. Chrezmernaya svoboda pechati dlya organov antinatsional'nogo napravleniya. *Moskovskie vedomosti*. 1868. 5 marta.

Luk'yanov M.N. «Rossiya – dlya russkikh» ili «Rossiya – dlya russkikh podannykh»? Konservatory i natsional'nyy vopros nakanune Pervoy mirovoy voyny. *Otechestvennaya istoriya*. 2006. N 2. P. 36–46.

Men'shikov M.O. Sobiranie zemli. *Novoe vremya*. 1908. 30 oktyabrya.

Moskva. 1867. 25 noyabrya.

Moskovskie vedomosti. 1867. 10 dekabrya.

Savenko A.I. Zametki. *Kievlyanin*. 1906. 30 avgusta.

San'kova S.M. Syromyatnikov Sergey Nikolaevich. *Petr Arkad'evich Stolypin: entsiklopediya*. Moscow, 2011. P. 641–643.

Sigma. Razbor khodyachikh ponyatiy. *Novoe vremya*. 1896. 23 iyunya.

Skrynchenko D.V. *Minuvshee i nastoyashchee. Izbrannaya publitsistika*: 2 parts. Part 1. Comp. V.B. Kolmakov. Voronezh, 2009.

Stroganov V. *Russkiy natsionalizm. Ego sushchnost', istoriya i zadachi*. Saint Petersburg, 1912.

Syromyatnikov S.N. Predely natsionalizma. *Golos Moskvy*. 1909. 2 dekabrya.

Tikhomirov L.A. Russkoe delo i obrusenie. *Russkoe obozrenie*. 1895. N 4. P. 927–937.

Tikhomirov L.A. Chto takoe natsionalizm. *Moskovskie vedomosti*. 1910. 30 iyulya.

Sharapov S.F. Druz'yam, chitatelyam, podpischikam. *Svidetel'*. 1908. N 16–17. P. I–XV.

Sharapov S.F. Moy otvet V.N. Snezhkovu. *Svidetel'*. 1908. N 16–17. P. 10–34.

Shechkov G.A. *Nashe znanya*. Khar'kov, 1905.

Shechkov G.A. Pis'mo k redaktoru. *Mirnyy trud*. 1905. N 5. P. 147–154.

С.Н. Зенкин

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И ЧТО ЕЙ МЕШАЕТ

Среди многих проблем современной высшей школы – и, шире, научного сообщества – я хочу остановиться на моральной проблеме: недостатке солидарности в научно-преподавательской среде. Он вызван разными причинами, некоторые из которых – материальные, связанные с характером и организацией нашего труда, разобщающими людей. Ученые-гуманитарии, если говорить специально о них, по большей части трудятся в одиночку в библиотеке, в архиве, в студенческой аудитории, им редко приходится работать совместно, командой (в лабораториях, экспедициях и т. д.). У них обычно нет служебных кабинетов, где можно было бы готовиться к лекциям, встречаться с коллегами, принимать студентов, поэтому они мало бывают в стенах университета (в основном во время лекций и семинаров), а значит, опять-таки мало общаются между собой. Важно также, что большинство вузовских преподавателей живут «на голодном пайке», в условиях недоплаты и перегрузки, а многие еще

и вынуждены работать по краткосрочным временным контрактам, без всякой уверенности в будущем. В условиях такого внешнего пресинга конкуренция преобладает над солидарностью, каждый выступает за себя.

Сотрудники вузов дружно жалуются на рост бюрократической документации, на вал всё более детальных планов и отчетов, которых от них требуют. Нужно правильно понимать: дело тут не только в количестве запрашиваемой информации и в потерях времени и труда на ее подготовку (в конце концов, современная электронная техника позволяет обрабатывать ее легче и эффективнее, чем раньше), но и в ее качестве, которое отрицательно влияет на моральную атмосферу и на корпоративное самосознание. Заполняя бесконечные бланки и таблицы, мы видим воочию, как начальство пытается учитывать и оценивать нашу работу по неадекватным критериям, не имеющим отношения к содержанию интеллектуальной деятельности, – по каким-то случайным (прежде всего количественным,

причем тоже произвольно взятым) показателям, которые сами ученые при оценке друг друга могут ставить на последнее место. С таким же успехом об умственной жизни человека можно судить по размеру его обуви... Это усиливает нашу отчужденность от вузовской и министерской администрации и мешает ощущать себя членами научной корпорации: в таком сообществе должно быть минимальное профессиональное взаимопонимание между рядовыми членами и руководством, мы же оказываемся перед лицом чужой, не понимающей нас и не ответственной перед нами власти, которая не затрудняет себя объяснением своих задач и мер и руководит нами то ли вообще вслепую, то ли на основании сомнительных, не заслуживающих доверия принципов.

Еще один фактор, болезненно ощущаемый ответственными учеными, — это качественное размывание преподавательского состава, подрывающее авторитет науки. Скажу здесь только об одном, наиболее бесспорном аспекте этой сложной проблемы. Хорошо известно, какое массовое распространение получил в последние годы академический плагиат, от студенческих курсовых до докторских диссертаций. Одно из его последствий — опять-таки разрушение солидарности, взаимного доверия в научной среде. В университете мы вынуждены ходить по одним коридорам, сидеть на одних и тех же собраниях с людьми, чья репутация подмочена защитой фальшивых аттестационных работ, в которой они принимали участие как диссертанты, научные руководители, оппоненты, члены совета.

Никаких публичных объяснений, или оправданий, или извинений они не произнесли, компрометирующая их информация хотя и многим известна (спасибо экспертизам «Диссернета»!), но держится под спудом, не обсуждается открыто. В таких условиях становится трудно доверять и другим коллегам, кого ты не знаешь лично или по трудам в твоей узкой специальности: непонятно, насколько честно они получили свои ученые звания и степени, насколько добросовестно работают, чего на самом деле стоят.

В отличие от бюрократизации, идущей «сверху», из государственных инстанций, за позорную практику плагиата в большей мере отвечает конкретный вуз: это ведь не министерство организует защиты сомнительных диссертаций, в последние годы оно даже пытается как-то (тоже, впрочем, бюрократическими методами) с ними бороться. На уровне же вуза даже разоблачение плагиата часто не влечет внятных последствий для тех, кто был в нем замешан. У нас в РГГУ, например, был распущен диссертационный совет по экономике под руководством бывшего проректора Минаева, оскандалившийся утверждением десятков фальсифицированных диссертаций. Но при этом не только не было принято никаких решений по поводу участников таких защит (а это целый ряд действующих сотрудников университета, включая высокопоставленных) — по этому делу вообще не было дано никаких публичных объяснений, на прямые вопросы к администрации мы слышим примерно такой ответ: «Знаем, но другим не скажем».

Между тем технически проблема легко решается. Требуется просто вслух назвать фальсификаторов фальсификаторами, публично огласить уже хорошо установленные факты. Не обязательно даже наказывать этих людей — пусть они сами почувствуют, как на них смотрят окружающие, и сделают выводы. То есть это именно задача научного сообщества, общественного мнения.

Мы в РГГУ пытаемся что-то делать в этом направлении. Например, в 2014 г. официально, в плановом порядке провели научно-практический круглый стол «Плагиат в науке» с участием коллег из других вузов и из «Диссернета», на котором обсуждали эту проблему и вообще, и на конкретном примере своего университета. Информацию и материалы круглого стола опубликовали в Интернете, в журнале «Социологическое обозрение»; мы получили много сочувственных откликов — «надо же, у вас открыто говорят об этом!»; не было только отклика со стороны администрации. Правда, в 2015 г. в РГГУ создали комиссию по противодействию коррупции. В принципе она могла бы заняться проблемой плагиата: это ведь и есть одна из форм коррупции, специфичная именно для высшего образования, разъедающая его изнутри. Но комиссия состоит только из должностных лиц, в ней нет ни одного представителя профессуры, преподавателей, которые непосредственно ощущают на себе последствия коррупционных процессов. Программа мероприятий, разработанная комиссией, опубликована на сайте РГГУ: в ней 24 пункта, в большинстве своем декларатив-

ные и практически непроверяемые. Из конкретных мер значитесь разве что ужесточение контроля над входом в РГГУ во время вступительных экзаменов и разработка «кодекса этики». Этот кодекс действительно разработан, и теперь работников заставляют при подписании трудового договора расписываться об ознакомлении с ним — не показывая, однако, самого текста. Боюсь, не показывают его неспроста, так как этот документ, доступный на сайте университета, выглядит некомпетентной отпиской. В нем вообще не упомянут академический плагиат как форма коррупции, зато был включен целый ряд либо пустых, ненужных пунктов, либо просто бессмысленных. Например, требование к сотрудникам РГГУ «воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок в отношении деятельности РГГУ, ее руководителя» (именно так — «ее», с грамматической ошибкой). Если следовать этому анекдотическому параграфу, то нельзя высказывать даже положительные оценки университета, скажем, призывать молодежь поступать к нам учиться: это будет нарушением кодекса...

К сожалению, и в данном случае мы сталкиваемся с нехваткой корпоративной солидарности. Многие наши коллеги этот кодекс подписывают, не читая, видимо полагая, что не в их силах его изменить или что он вообще не имеет практического значения (ошибка: подобные документы могут долго оставаться «спящими», но в какой-то момент срабатывают). Только несколько человек, в том числе и я, обратились к ректору, указывая на дефектность кодекса. Наши пись-

ма дошли по адресу, злосчастный параграф был изменен — теперь запрещается только «распространять заведомо ложные сведения» об университете, т. е. кодекс этики дублирует Уголовный кодекс: «не клевети»... Понятно, что этой поправки недостаточно. Нужна более конкретная и практическая программа борьбы с коррупцией, и есть сомнения, что существующая комиссия справится с этой задачей. Захочет ли она помощи от научного коллектива? Не знаю.

В любом случае средством борьбы за оздоровление обстановки и восстановление профессиональной солидарности должна быть, повторяю, гласность: открытое, ответственное, желательно по официальным институциональным каналам распространение информации о том, что происходит в университетской среде. Если говорить об этом с недомолвками, никакого дееспособного сообщества образоваться не может.

А.И. ИВАНЧИК: «БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ПРЕСС НА НАУКУ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ВЫРОС»

Аскольд Игоревич Иванчик — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, Directeur de recherche в Национальном центре научных исследований (Институт изучения древности и средневековья Ausonius, Бордо, Франция), декан исторического факультета РАНХиГС, профессор МГУ и РГГУ, Senior Fellow Института исследования древнего мира при Нью-Йоркском университете, член-корреспондент Германского археологического института (2002) и Итальянского института Азии и Африки. Беседовал С.Е. Эрлих.

С.Э. Уважаемый Аскольд Игоревич, мы договорились, что Вы расскажете о положении ученых РАН и о тех проблемах, которые возникли после так называемой реформы, начатой в 2013 г. Но прежде хотелось бы, чтобы Вы сказали несколько слов о проблемах, которые существовали в Академии еще до реформы.

А.И. Конечно, Академия наук не была идеальным местом и до реформы — но идеальных мест и не бывает. Многие люди критиковали тогдашнюю систему, но критиковали не с целью ее уничтожения, а улучшения. Проблемы академической науки хорошо известны. Главная проблема, которая стояла перед нами в последние двадцать пять лет — это хроническое недофинансирование научных исследований и в академическом секторе, и в вузовском. Зарплаты в сфере науки были ничтожно низкими и по

сравнению со средним уровнем зарплат по стране, и по сравнению с уровнем зарплат коллег на Западе. Особенно тяжело было в девяностые и в первой половине 2000-х гг. На ту зарплату жить было невозможно. У ученого, особенно молодого, оставалось два пути. Первый — отъезд за границу на временную или на постоянную работу. Многие этот путь избрали. Некоторые жили на два дома. Временные стипендии и приглашения на временную работу позволяли за два-три месяца накопить достаточно денег для жизни в стране в остальную часть года, где цены еще были невысокими. Второй путь — это просто уход из профессии. Этим во многом объясняется та возрастная структура, которая сейчас существует в Академии наук. Довольно хорошо представлено старшее поколение, т. е. те, кто сложился как ученый еще в советское время. У этих людей, в силу возраста, по сути выбора не было. Вторая группа — молодежь. С середины 2000-х гг., когда зарплаты стали хоть

немного повышаться и появились возможности получить грантовое финансирование, молодежь стала возвращаться в науку. Хуже всего представлен средний возраст. Это те люди, которые были молодыми в 90-х и первой половине 2000-х гг. Материальная проблема, на мой взгляд, главная. Это не только зарплата. Это и возможности для проведения исследований, которые требуют денег. В большей степени это сказывается в естественных науках. Но и в гуманитарных науках нужно оборудование. Например, в археологии все большее значение приобретают междисциплинарные исследования, сотрудничество с естественными науками. А это требует средств, сопоставимых с теми, которые нужны в естественнонаучных исследованиях. Необходимы средства и на закупку научной литературы, и на доступ к платным ресурсам в интернете, на командировки, в том числе и для участия в конференциях, и т. д.

Многие другие проблемы Академии в значительной мере производны от этой проблемы недофинансирования, но есть и не связанные с ней. Сами принципы, на которых построена академическая система, мне кажутся правильными и полезными для развития науки. Академия — место, где занимаются чистыми исследованиями, в обязанности ее сотрудников преподавание не входит. Конечно, здесь есть опасность отрыва науки от образования, но в реальности его не было ни в советское время, ни особенно в последние десятилетия, поскольку практически все академические ученые преподавали в университе-

тах — но в объеме, не мешающем основному занятию, исследованиям. Всегда существовала и академическая аспирантура. Второй принцип, на котором основывалась академическая система — это постоянные позиции для научных сотрудников, так называемые позиции в штате; для занимающих их исследователей раз в пять лет проводилась переаттестация, которая должна подтверждать (или не подтверждать) их профессиональную пригодность. Такие позиции дают активно работающим ученым уверенность в своем будущем и, соответственно, возможность работать над длительными проектами, для выполнения которых иногда требуется вся жизнь, а то и жизнь нескольких поколений ученых; исследователи, работающие на краткосрочных контрактах, в том числе по грантам, такой возможности лишены: они могут планировать свою работу обычно на три, максимум на пять лет вперед. Нечего и говорить о том, насколько важны для нормального развития науки такие долгосрочные проекты. Постоянные научные позиции — предмет мечтаний исследователей во всем мире, и поэтому кандидаты на них должны отбираться по конкурсу, а переаттестации важны для подтверждения того, что исследователь продолжает активно работать. К сожалению, проведение настоящих конкурсов не было в обычае в Академии, а вакантные позиции появлялись нерегулярно и должны были немедленно заполняться, что нередко приводило к тому, что их получали не лучшие кандидаты. Переаттестации же были формальными. Здесь тоже безденежье играло

свою роль: Академия не могла предложить конкурентоспособных условий молодым людям, не говоря уже о молодых иностранных ученых, а ведь конкурсы на такие позиции в успешных в научном отношении странах обычно международные, что позволяет привлекать лучшую научную молодежь со всего мира.

Наконец, Академия была построена на важнейшем принципе научного самоуправления: наукой в ней управляли ученые, а не чиновники. Даже те из академических начальников, кто давно перестал заниматься наукой, в прошлом были учеными и потому несравненно лучше представляли себе нужды науки, чем чиновники, пришедшие из других сфер. Конечно, далеко не все достойные избрания ученые были избраны членами Академии, и не все члены Академии были крупными учеными, но всё же таких было большинство. А главное сам принцип того, что в Академию избирают за научные заслуги, и что научными институтами руководят ученые, никогда сомнению не подвергался. Наблюдавшаяся в последние десятилетия тенденция старения членов Академии объясняется отчасти тем провалом в демографической структуре российской науки, о котором я говорил: среди ученых среднего возраста было значительно меньше достойных кандидатов, чем раньше, молодые еще не успели достигнуть тех результатов, за которые можно избирать, так что объективно большинство хороших кандидатов принадлежали к старшей возрастной группе. Другой причиной этого старения было то, что в Академии наук очень долго не обновлялось руководство: при одном и том же пре-

зиденте Академия жила 25 лет. Это распространялось и на более низкий руководящий эшелон: во многих институтах директора не сменялись десятилетиями. Это, конечно, вело к застою. Я вообще-то не сторонник возрастных ограничений для научных руководителей, но считаю, что пребывание на руководящих постах должно ограничиваться двумя сроками: такое ограничение, на мой взгляд, лучше, чем ограничение по возрасту. Выборы нового президента Фортова в 2013 могли бы стать предпосылкой обновления Академии. Собственно, Фортов и пришел с реформаторской программой. Мы знаем, что она была, и знаем ее положения. Но во что конкретное она могла бы вылиться, мы никогда не узнаем, потому что ему ее не дали реализовать. Нынешняя реформа, а точнее, разрушение Академии началось уже через месяц после того, как В.Е. Фортов был избран, и до того, как он был утвержден на своем посту.

Хочу еще добавить, что 90-е гг. для гуманитарной науки были не только временем тяжелого материального положения, но и периодом бурного расцвета, когда для ее развития сложились весьма благоприятные условия. В первую очередь положительно сказалось уничтожение идеологических рамок, в которых в советское время были обязаны развиваться гуманитарные исследования. В моей науке, правда, это чувствовалось меньше, чем в других. На нас уже в 70-е и 80-е гг. мало обращали внимания. Вполне можно было, не цитируя ни разу классиков марксизма-ленинизма, защищать диссертации и публиковать работы. Но даже в наименее идеологизиро-

ванных отраслях науки чувствовалась изоляция от коллег в остальном мире, поскольку российские гуманитарии — это только часть, в большинстве случаев — не самая значительная, мировой науки. После того, как границы открылись, возникла возможность контактов, что приводило к увеличению интеллектуального разнообразия и вообще к возвращению российской науки в мировую. Это способствовало ее успешному развитию. С другой стороны, появились возможности уехать. Тут же выяснилось, что представители одних наук вполне конкурентоспособны на международном научном рынке, а других — куда в меньшей степени. Наиболее востребованными оказались специалисты в естественных науках. Самые активные из них уехали на Запад. Но и среди гуманитариев также оказалось немало специалистов высокого уровня. В первую очередь это лингвисты, а также специалисты по древности и по средним векам, филологи и историки. Выяснилось, что наша научная школа — вполне на мировом уровне, многие ее представители получали приглашения на работу. Таким образом, 90-е гг. были временем включения российской науки в общемировую систему. Конечно, когда резко меняются условия общественной жизни, то неизбежны и проблемы. Научная инфраструктура не была готова к изменению ситуации. К счастью, 90-е и первая половина 2000-х гг. — это было время, когда у начальства было много своих дел и, в общем-то, ученых более-менее оставили в покое. Да, их не кормили, но зато и не контролировали. Происходила самоорганизация. Ученые жили своей

жизнью, а начальство, в том числе академическое, — своей. Связь между обычными научными сотрудниками, работающими в институтах, и членами Академии, безусловно, была, но она была слабее, чем должна была бы быть. Это являлось еще одной проблемой.

С.Э. Получается, что главным минусом дореформенной ситуации было недостаточное финансирование, а главным плюсом — невмешательство научных чиновников в работу ученых. Нынешнее начальство — ФАНО — в работу исследователей, несомненно, вмешивается. Но может, это вмешательство способствовало увеличению финансирования науки?

А.И. Увеличение финансирования происходило постепенно со второй половины 2000-х гг. вместе с ростом госбюджета вслед за ростом цен на нефть. Какая-то небольшая часть перепала и науке. И всё же в течение этого периода Академия наук оставалась «золушкой». Академия вызывала подозрения своей относительной независимостью, в частности так и не удалось навязать ей нужные власти кадровые решения. Довольно быстро росло финансирование университетов. В то же время финансирование академической науки номинально оставалось на том же уровне, но из-за инфляции в реальности оно уменьшалось. И это довольно странно. Академия наук была наиболее продуктивной в смысле числа публикаций. Известно, что в «старой» РАН (т. е. до объединения с Академиями медицинских и сельскохозяйственных наук) работало примерно 17% людей, занятых в науке. Но на

них приходится больше половины, по-моему 60 %, публикаций. А если брать публикации, цитируемые в мировой науке, то этот процент еще выше. То есть качество исследований, проведенных РАН, гораздо выше вузовских исследований. Диссернет недавно опубликовал данные о случаях плагиата в диссертациях в наиболее затронутых коррупцией в сферах — экономических и юридических науках. Выяснилось, что в Академии наук случаев плагиата практически нет, а среди ректоров вузов число «клиентов» Диссернета составляет больше 20 %, т. е. находится на катастрофическом уровне. Эти данные свидетельствуют, что в среднем и уровень науки, и уровень научной честности в Академии несравненно выше, чем в вузах. Тем не менее, в середине 2000-х гг. появилось довольно сильное лобби, включающее высокопоставленных чиновников, в том числе и выходцев из научной сферы. У них свои представления о том, как должна быть устроена наука. В частности, они считают, что наука должна быть в университетах, а Академия наук и вообще учреждения, где занимаются чистой наукой, не нужны. Эти люди полагают, что таким образом воспроизводится западная модель. Но это превратное представление. Во всех научно развитых западных странах есть довольно крупные учреждения, которые занимаются чистой наукой вне университетов. Особенно это характерно для континентальной Европы. Во Франции и в Германии есть большие учреждения, подобные Академии наук, которые занимаются чистой наукой. И в Штатах есть крупные национальные лаборатории, которые по числу занятых в них вполне сравнимы с Ака-

демией, и там занимаются чистой наукой. Существование Академии наук, где не преподают, а занимаются только наукой, не является чем-то исключительным, от чего нужно избавляться под предлогом, что нигде в мире этого нет. С середины 2000-х гг. всё настойчивее стали попытки уничтожить или максимально уменьшить значимость Академии наук в пользу университетской науки и других форм ее организации. А.А. Фурсенко, фактически определяющий всю научную политику в России в последние 15 лет, — главный идеолог этого направления. Нынешний министр Д.В. Ливанов занимает сходные позиции. В результате в 2013 г. произошла реформа Академии. Вначале она была задумана в гораздо более радикальной форме. Планировалось уничтожение Академии и создание на ее месте нового учреждения под тем же названием, лишённого всякой самостоятельности. Планировался также демонтаж системы научно-исследовательских институтов. Наши реформаторы следовали модели, реализованной в странах Прибалтики и в Грузии. В некоторых других восточноевропейских странах такого не было. В Польше, например, Академия наук сохранилась и продолжает играть большую роль. В результате сопротивления активной части академического сообщества была выбрана компромиссная модель. Сохранилась Академия наук (правда, к ней были присоединены Академии медицинских и сельскохозяйственных наук, что сильно понизило ее научный уровень). Но самое важное, что сохранилась система институтов. Правда, она была выведена из-под руководства Академии и переподчинена Федеральному агентству

научных организаций (ФАНО). Сейчас появились некоторые признаки того, что возможно движение в обратную сторону. Стало понятно, что эта модель не действует.

С.Э. Следовательно, старых проблем Академии ФАНО не устранило. А какие новые проблемы возникли в результате его бурной административной деятельности?

А.И. ФАНО — организация чиновническая, возглавляемая хорошим специалистом в управлении имуществом и финансистом М.М. Котюковым. Руководителям ФАНО удалось, на мой взгляд, достичь существенных успехов в том, что они хорошо умеют делать, т. е. в управлении имуществом РАН. Одной из проблем старой Академии была довольно таки запущенная ситуация с имуществом. Были обвинения, что оно разворовывалось, однако доказательств этому приведено не было. По-видимому, дело здесь не столько в воровстве, хотя злоупотребления безусловно были, и имена людей, связанных с злоупотреблениями в прежнем Президиуме РАН, известны. Скорее, проблемы с управлением имуществом были связаны с отсутствием компетенции и с отсутствием полномочий и финансирования. Управление имуществом требует денег, а на это денег не выделялось. Видимо, Президиум Академии наук не считал это важной проблемой. ФАНО за два года оформило имущество Академии так, как это должно было быть сделано. Его юристы выиграли ряд тяжб, в том числе по поводу некоторых институтов в Москве, здания которых уже были у них практически отняты.

В этом направлении ФАНО оказалось эффективным. Но с управлением наукой, научными исследованиями, с тем, что является главной функцией научных учреждений, ФАНО не справляется. Это не их профессия. Они не знают как это делать, хотя вокруг Котюкова создана довольно динамичная команда, да и сам Котюков человек очень способный и легко обучающийся. Тем не менее, всего этого оказывается недостаточно. Выясняется, что Академия наук справлялась с этой задачей лучше, потому что лучше понимала нужды науки. Поскольку чиновники не очень хорошо понимают то, чем они руководят, то следуют обычному для любого чиновника в такой ситуации рефлексу: оградить и обезопасить себя большим числом бумаг, чтобы потом было чем защищаться, если обвинят в каких-то проблемах, которые неизбежно возникнут. Все сотрудники администрации всех институтов жалуются на постоянно увеличивающийся вал бумаг, смысл которых часто непонятен. Их объем таков, что трудно представить, что эти бумаги кто-то читает. Некоторые директоры, у которых есть такие возможности, просто нанимают специальных сотрудников, которые заняты только формальными ответами на эти бессодержательные бумаги, отрывая средства от финансирования науки. В институтах, у которых таких возможностей нет, этим приходится заниматься директору или его заместителям. Они могли бы потратить это время с гораздо большей пользой на что-нибудь другое, в том числе и на собственные исследования. Я уверен, что институтом должен руководить действующий

ученый, а не чистый администратор, и директору-ученому есть чем заняться, кроме бесконечного бумагопотока. Главная претензия к деятельности ФАНО состоит в том, что бюрократический пресс на науку очень сильно вырос. Время от времени рождаются инициативы, которые свидетельствуют о полном непонимании того, как действует наука. Например, требуют запланировать публикации на три года вперед, что абсолютно невозможно. Если ты начинаешь работать над какой-то темой или писать статью, то не знаешь, какой будет результат, тем более не сможешь спрогнозировать, чем конкретно ты будешь заниматься через три года и каковы будут результаты. Сотрудники ФАНО этого не понимают совершенно. У них отсутствует представление о специфике научной работы. То вдруг предполагается вводить нормирование часов, сколько часов научный сотрудник должен думать над какой-то проблемой и как это должно быть выражено в рублях. Нормирование, допустим, труда рабочего, производящего какие-то детали — это понятно. А как нормировать труд ученых — это так же непонятно, как нормирование труда художника или музыканта. Не исключена возможность того, что чиновники начнут требовать постоянного присутствия на рабочем месте, не учитывая, например, что ученый, если брать историка, должен работать в архивах и библиотеках, да и вообще любой ученый, когда обдумывает проблему, которой он занят, то делает это непрерывно, а не с девяти до пяти на рабочем месте. Специфика работы ученых часто чиновникам непонятна, и по-

скольку им приходится руководить этой непонятной сферой, они производят всё больше бумаг. Ответы на эти бумаги в разы больше, чем исходные документы. Допустим, они пишут циркулярное письмо во все институты и получают тысячу ответов оттуда. Это нужно как-то обрабатывать, они не справляются и должны нанимать новых сотрудников. Армия чиновников растет. Это давно описанная Паркинсоном модель разрастания чиновнических структур. В ФАНО мы это прекрасно видим. Количество чиновников, занимающихся управлением наукой в президиуме РАН, было существенно меньше, чем сейчас в ФАНО.

С.Э. А во сколько раз?

А.И. Точно ответить на этот вопрос я не могу, нужно поискать цифры, если они опубликованы. Но разрастание аппарата ощущается. Зримое выражение этого, например, тот факт, что в здании РАН на Ленинском проспекте, 32 постоянно приходится освобождать новые площади для всё прибывающих новых чиновников. Скоро здесь и институтов не останется — постоянно идет речь об их выселении. Но главная проблема, конечно, не в том, что чиновники занимают всё больше места, вытесняя институты: это скорее яркий символ отношений между учеными и чиновниками в системе ФАНО. Важнее то, что чем больше этих чиновников становится, тем больший процент финансирования они поглощают. Зарплата чиновников ФАНО довольно высокая по сравнению с научными сотрудниками. Начальник среднего звена в ФАНО получает больше, чем директор ака-

демического института, не говоря уже о научных сотрудниках.

С.Э. А эти расходы тоже считаются бюджетом науки?

А.И. Конечно, это бюджет на фундаментальные исследования.

С.Э. Сейчас в вузах одна из серьезных проблем — сокращение количества преподавателей и увеличение нагрузки. В Академии намечается что-нибудь подобное?

А.И. Намечается. Вузы просто раньше стали реагировать на указы президента о повышении средней зарплаты в науке до двухкратной по регионам. В зависимости зарплаты от региона есть, конечно, некоторые основания. Но прямая привязка — это довольно разрушительная вещь. Получается, что научный сотрудник, занимающийся одной и той же проблемой и работающий с той же продуктивностью, если он живет в Москве, будет получать зарплату чуть ли не в два раза выше, чем его коллега, живущий даже в Подмосковье, не говоря уже о более удаленных регионах. Если эти указы действительно будут выполняться, что не факт, то Москва будет работать как пылесос: если вам в столице предлагают зарплату в два-три раза больше, чем за ту же работу платят в другом месте, то естественно, те, кто сможет, будут устраиваться в Москве. Этот указ довольно легко выполнить в региональных центрах — в Нижнем Новгороде, в Новосибирске — где средняя зарплата не очень высока, и там он уже выполняется. Но для Москвы это большая проблема.

Если средняя зарплата в Москве в прошлом году была примерно 56 тысяч, то в науке вам нужно иметь среднюю зарплату 112 тысяч. Не секрет, что в Москве средняя зарплата в институтах РАН 25–30 тысяч. Это означает более чем четырехкратное повышение зарплаты. За выполнение этого указа отвечают директора институтов. Есть «дорожная карта», требования которой они должны выполнять. Чтобы выполнять эти указы, им нужно или массово сокращать сотрудников, повышая зарплату немногим оставшимся, или искать иные источники финансирования зарплаты, или придумать какие-нибудь хитрости, вроде перевода большей части сотрудников на неполную ставку. При сохранении той же фактической зарплаты, на бумаге она будет в два-четыре раза выше. Впрочем, скорее всего с этим методом «повышения» зарплаты будут бороться. Возможно, несколько улучшат статистику дополнительные источники финансирования, прежде всего, — гранты. Потому что учитывается общая зарплата, а не только базовая. Но средний грант РГНФ и РФФИ — 400–500 тысяч на группу до десяти человек. То есть 50–100 тыс. руб. в год на одного человека. Это существенно ситуацию не меняет, даже если все деньги пустить на зарплату, а они должны идти не только на зарплату, но и на командировки, на покупку оборудования и так далее. Гранты РФ другого порядка. Они позволяют назначать зарплаты уже более приличные, но и то не в таком объеме, чтобы вывести их на уровень, требуемый указом президента. Гранты РФ — это

большие гранты, но их мало кто получает, в отличие от грантов РФФИ и РГНФ. Они маленькие, но их получает много людей. Можно полагать, что будут большие сокращения числа работников академической сфере. Даже если удастся обойтись переводом на неполные ставки, это будет означать, что людям, формально работая на части ставки, придется выполнять прежний объем работы.

С.Э. Процесс сокращений еще не идет пока?

А.И. Уже идет. Просто он начался примерно года на полтора позже по сравнению с университетами, потому что после начала реформы РАН было не до того.

С.Э. А есть у гуманитариев какие-то специфические проблемы, которые возникли в связи с реорганизацией РАН?

А.И. Проблемы общие у всех ученых. Гуманитариям проще, потому что они меньше зависят от внешних условий, чем исследователи, которые нуждаются в дорогостоящем оборудовании. Это связано не только с невысоким уровнем финансирования. Процедура закупки оборудования стала сейчас гораздо более бюрократизированной, чем несколько лет назад; всё обросло целым рядом бюрократических ограничений. У гуманитариев меньше шансов с этим столкнуться, хотя если речь идет об отраслях гуманитарной науки, которые связаны с закупками оборудования или экспедиционными работами, то здесь проблемы те же самые.

С.Э. Во второй половине 2000-х много говорили о проекте Сколково как альтернативе РАН. Сейчас о Сколково почти ничего не слышно.

А.И. Сколково существует. Оно было одной из главных площадок недавней Недели науки в Москве. Мне о деятельности Сколково мало известно, потому что там гуманитарные науки не представлены. Там сделан упор на прикладные исследования в биологии, химии, информатике и т. д. Есть и университет. На Сколково возлагались очень большие надежды. Пока не видно, чтобы они реализовались. По крайней мере, отдачи, сравнимой с объемом финансирования, не видно. Хотя там зарплаты совершенно невиданные для российской науки. Профессор Сколтех получает, по словам работающих там людей, 800 тысяч в месяц.

С.Э. А с точки зрения публикационного процесса, появление Сколково привело к какому-то прорыву?

А.И. Мне об этом ничего не известно. Это не моя специальность. Я не слежу за публикациями в сфере, где работает Сколково.

С.Э. Вы обрисовали негативные последствия деятельности ФАНО для науки. Как, по Вашему мнению, дальше будет изменяться положение Академии? Есть ли надежда, что чиновники поймут, что наносят вред науке и внесут коррективы в свою деятельность?

А.И. В принципе ФАНО и Президиум Российской академии наук стараются налаживать сотрудничество.

Первоначально реформой РАН предусматривалось, что Академия никакого отношения больше к институтам не имеет. Все решает ФАНО, которое является учредителем институтов. ФАНО не только распределяет деньги и занимается имущественными делами, но также занимается научной политикой, назначает директоров и т. д. Вскоре после начала реформы эта позиция была смягчена, и ФАНО вступило в переговорный процесс с Президиумом РАН. В результате Президиум вернул себе часть полномочий. Стали говорить о принципе «двух ключей», согласно которому руководство институтами будет осуществляться ФАНО и Президиумом совместно, будет такое двойное подчинение. В реальности, поскольку нормативная база осталась прежней и изменения в закон о реформе Академии не были внесены, единственным учредителем институтов остается ФАНО. Вся власть у ФАНО. У Президиума есть только консультативные функции. Правда, Президиум и вообще Академия получили довольно существенный рычаг влияния на выборы директора. Кандидаты в директоры институтов теперь должны проходить через утверждение сначала отделением, а потом Президиумом. Это хорошая новость. Был сформирован Научно-консультативный совет при ФАНО, в который вошло большое число представителей Академии. Но формально он с Академией не связан, это не учреждение Академии. Постоянно происходят консультации между Президиумом РАН и ФАНО, но пока это не очень институционализировано. Сейчас обсуждаются разные варианты взаимодействия. Есть вариант, который мне кажется

достаточно реалистичным. Это изменение закона, согласно которому Президиум и ФАНО становятся соучредителями институтов. ФАНО занимается имуществом и вопросами финансов. Академия занимается руководством научной частью, координацией и т. д. Это был бы неплохой вариант. Сибирское отделение РАН предлагает подчинить ФАНО Академии. Это тоже был бы неплохой вариант. Это, собственно, та система, которая действовала в советское время: тогда имуществом занималось Управление делами Академии, руководителя которого назначал не президент Академии наук, а правительство. Управление делами находилось в составе Академии, но у ее руководства было двойное подчинение. Это тоже была работающая модель. Мне кажется, что развитие, в конце концов, придет к тому, что станет понятно, что руководить институтами без участия Академии просто невозможно. На мой взгляд, реформа не удалась, и чем скорее это будет осознано, тем с меньшими потерями из нее можно будет выйти.

С.Э. Я знаю, что недавно была пресс-конференция нескольких академиков. На ней уважаемые ученые об этих проблемах говорили. Но это выглядело, как их частное мнение. А создаются ли в РАН инструменты, которые могут транслировать обществу информацию о проблемах российской науки? Осведомленность широкой публики, несомненно, будет способствовать решению проблемы.

А.И. В Президиуме РАН, разумеется, есть пресс-служба; собственные средства массовой информации

есть и у Президиума РАН, и у ФАНО, и у Министерства образования и науки, но, на мой взгляд, для отношений с обществом важнее структуры, созданные учеными в порядке самоорганизации. Есть постоянно действующая Конференция научных работников, которая собиралась трижды. Первая конференция была проведена в 2013, сразу после реформы. Тогда нам менее чем за месяц удалось собрать две тысячи человек из разных регионов России, из разных учреждений. Это было крупное достижение. Это успешный пример самоорганизации научного сообщества. На этой конференции было принято решение, что ее оргкомитет сохраняется как постоянно действующий орган. С тех пор конференция собиралась еще дважды. Кроме того, ученым удалось вызвать довольно большой резонанс в прессе. По крайней мере, в той, которая желала интересоваться научными проблемами. Внутри Академии есть «Клуб 1 июля», состоящий из членов РАН, объявивших об отказе войти в новую Академию наук, если РАН будет распущена, как это планировалось по первой версии реформы РАН. Есть общественный Комитет по контролю за реформами в сфере науки. В него входят представители и «неформальных» организаций, таких как Общество научных работников, Оргкомитет Конференции научных работников, «Клуб 1 июля», и официальных. Я там представляю Совет по науке при Министерстве образования и науки. Президиум РАН тоже там представлен, как и профсоюз РАН. Там есть журналисты, постоянно с нами сотрудничающие. То есть через Комитет тоже ведется работа

по коммуникации с обществом и доведению до его сознания информации о том, что происходит в науке в целом. Есть налаженные связи и с рядом изданий. Мы тесно сотрудничаем с «Троицким вариантом». «Троицкий вариант», на мой взгляд, вообще играет очень важную роль. Это независимое издание, созданное самими учеными и заслужившее в научной среде очень хорошую репутацию; оно распространяется также и через Интернет. Я знаю, что его читают не только представители научного сообщества, но и научное начальство. Общественное телевидение России тоже делает очень хорошие научные передачи.

С.Э. Что бы Вы посоветовали ученым? Что они могут сделать, чтобы изменить ситуацию в Академии в лучшую сторону?

А.И. Ученым я бы рекомендовал проявлять больше общественной активности. Даже в критический момент, когда началась реформа Академии, которая затрагивала жизненные интересы всех ученых, работающих в этой системе, в протестных акциях участвовало не так много людей. В Москве на них удавалось собрать максимум две-три тысячи. Если подсчитать научных сотрудников и членов их семей, то это меньше 5%. Многие не интересуются ничем, узнают о происходящем в Академии и даже в их собственных институтах с опозданием в месяцы. Я бы посоветовал научным сотрудникам следить за событиями и реагировать на них. Это даже не общегражданская позиция, а позиция по защите своих профессиональных интересов. Если бы против реформы РАН никто

не протестовал, то был бы реализован первый вариант реформы, который был гораздо хуже нынешнего. Благодаря тому, что было некоторое количество протестов, довольно неожиданных для власти, удалось добиться уступок. Если бы эти протесты были мощнее, если бы позиция научного сообщества была более артикулирована, то этот компромисс был бы заключен на более выгодных для ученых условиях, а может быть, реформа была бы вообще свернута.

Когда я говорю о слабой активности ученых, о том, что они практически не осознают себя как сообщество, то речь идет совсем не только о протестных акциях. Пожалуй, гораздо важнее — но и сложнее — повседневное участие в управлении наукой, что предполагает не только противостояние, но и сотрудничество с чиновниками, диалог и выработку вместе с ними таких решений, которые исходили бы из интересов науки. Во всем мире в управлении наукой участвуют две главных силы — сами ученые и чиновники; участие последних неизбежно хотя бы потому, что они в нормально организованной стране представляют общество, которое вправе понимать, каким образом расходуются средства налогоплательщиков. Между учеными и чиновниками существует определенный баланс сил, свой в каждой стране, но, естественным образом, каждая сторона стремится увеличить свой вес и роль в принятии решений. Так что наступление чиновников на интересы ученых — вещь обычная во всем мире, но обычно оно парируется организованным и осознающим свои интересы научным сообществом, или, если угодно,

ученой корпорацией. В западных странах попытки чиновников или политиков покуситься на интересы ученых, или провести какие-нибудь непродуманные реформы (реформы — любимое занятие чиновников во всем мире), встречают немедленный и организованный отпор, в котором участвует всё научное сообщество. Баланс интересов достигается прежде всего путем диалога и сотрудничества, и протестные акции — крайний метод, который применяется лишь тогда, когда чиновники пытаются продавить нужное им решение, игнорируя мнение ученых. У нас, к сожалению, научное сообщество оказалось не в состоянии защитить свои интересы, и сейчас практически полный контроль над организацией науки получили чиновники. И связано это с тем, что научное сообщество в значительной своей части готово передоверить решение своей судьбы каким-то внешним силам и не готово не только бороться за свои интересы, но даже и тратить время и силы на то, чтобы их сформулировать. Многие ли из научных сотрудников знают содержание хотя бы тех нормативных документов, которые регулируют их профессиональную жизнь, понимают, какие у них есть права и что от них имеет право требовать администрация даже их собственных институтов, не говоря уж о более высоких инстанциях? По моему опыту, таких единицы, очень немногие интересуются и теми изменениями в законодательстве, которые уже очень скоро будут определять их повседневную жизнь.

Важно понимать, что реформы совсем не закончились. Их исход

во многом связан с реакцией научного сообщества. Новое наступление на интересы ученых вполне возможно и даже вероятно. Каждый научный сотрудник должен заботиться о корпоративных, т. е., в конечном итоге, о собственных интересах. К сожалению, на практике мы массовой активности не наблюдаем.

С.Э. Это удивительно. Если мы вспомним историю дореволюционной России, историю западных стран, то там студенты и профессора всегда были лидерами общественного движения по отстаиванию гражданских прав. Сейчас мы наблюдаем, что активно бастуют «дальнобойщики». А профессора молчат. Здесь важно, что речь идет не об абстрактных для многих политических свободах, а в прямом смысле о материальном выживании. Наступление на права ученых не встречает никакого сопротивления. Это поразительный феномен. Почему образованные люди отстают в социальном развитии от тех же водителей грузовиков?

А.И. Когда началась реформа Академии, раздавались и такие голоса: «С вузами гораздо раньше начали обращаться, как сейчас с Академией, и давили нас еще хуже. Но что-то вы, сотрудники РАН, не выступали в нашу поддержку. Почему мы должны сегодня вас поддерживать?» Извини-

те, но вузовские сотрудники должны были сами выступать в свою защиту. Если вы сами себя не защищаете, то как же вас сможет защитить кто-то посторонний? Сейчас ситуация в вузах значительно хуже, чем в Академии. Их давят гораздо больше, но протестов там гораздо меньше. И это удивительно. Когда мы организовывали последнюю Конференцию научных работников, то я предлагал некоторым сотрудникам исторических факультетов из региональных университетов приехать и выступить. Они в частном порядке рассказывают совершенно жуткие вещи об уничтожении исторического образования, просто на корню, в хороших региональных вузах, где раньше дело было поставлено совсем неплохо. Но профессора боятся, видимо, чувствуют себя более зависимыми и уязвимыми, чем сотрудники РАН. Публично никто на эту тему не выступил.

С.Э. Получается, что водители более смелые?

А.И. Ученые надеются договориться с начальством в частном порядке, выгадать при общей гибели некоторую отсрочку. Зря надеются.

С.Э. На этой «оптимистической» ноте можно завершить наше интервью. Спасибо огромное.

П.М. КУДЮКИН: «ЕСЛИ ЛЮДИ НЕ БУДУТ БОРОТЬСЯ ЗА СВОИ ТРУДОВЫЕ ПРАВА, ТО ОНИ ПОТЕРЯЮТ И ПРАВА ОБЩЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ»

Павел Кудюкин – сопредседателем Центрального совета Межрегионального профсоюза работников высшей школы «Университетская солидарность». Беседовал С.Е. Эрлих.

С.Э. Павел Михайлович, зачем надо было создавать еще один профсоюз, если во всех университетах существуют официальные профсоюзы?

П.К. Действительно, у нас очень мало вузов, где не было бы первичных организаций Российского профсоюза работников образования и науки, входящего в ФНПР. Проблема в том, что большинство таких профсоюзных организаций не слишком хорошо выполняют свою главную задачу – защиту интересов своих членов и вообще наемных работников. Как и все ФНПРовские профсоюзы, Роспрофобр объединяет как рядовых работников так и руководство, тех, кто обязан отстаивать интересы работодателя. Типичная ситуация, когда председателем профкома является представитель административного персонала, порой высокопоставленный. Например, в МГУ председатель объединенного профкома – про-

ректор. Так чьи же интересы отстаивает объединенный профком – администрации или работников? По традиции ФНПРовские профорганизации занимают, как правило, соглашательскую позицию по отношению к работодателям. Собственно, именно это и вызывает недовольство наиболее активных работников и приводит к созданию новых профсоюзных организаций, которые строятся на иных принципах и занимают гораздо более боевые позиции.

По уставу «Университетской солидарности» членами нашего профсоюза могут быть профессорско-преподавательские работники, научные работники, учебно-методические и учебно-вспомогательные работники, но ни в коем случае не представители администрации. Самый высший административный уровень, к которому может принадлежать член нашего Профсоюза, – это заведующий кафедрой, и то с усложненным порядком принятия. Ведь заведующий кафедрой –

© «Историческая экспертиза», 2016

это такой слуга двух господ. Кто-то из них выступает как послушный передатчик давления сверху вниз, кто-то, наоборот, пытается прикрывать работников от неразумного давления сверху. Тут нужен индивидуализированный подход. Мы считаем, что такой («классовый») принцип членства в профсоюзе позволяет более жестко и четко представлять интересы именно работников.

С.Э. В каком году был создан ваш профсоюз, сколько в нем членов, где есть его отделения?

П.К. Профсоюз зародился на волне протестного движения в ноябре 2012 г. Тогда недавно назначенный министр образования и науки Д. Ливанов в одном из своих интервью заявил, что вообще преподаватели высшей школы, которые получают меньше 30 тыс. в месяц, — это преподаватели низкого уровня. Поскольку таких преподавателей в тот момент было более 90 %, то это было воспринято многими как личное оскорбление, тем более что министр еще и в коррупции таких преподавателей обвинил. Господин Ливанов не подумал, что министр вообще-то несет личную ответственность за уровень оплаты работников подведомственной ему бюджетной, подчеркиваю — бюджетной! — сферы.

Результатом стало обращение к «несуществующему сообществу» преподавателей высшей школы, которое подписали более тысячи преподавателей из разных регионов страны. Из этой среды выделилась инициативная группа, ставшая потом оргкомитетом профсоюза.

В апреле 2013 г. при поддержке Общероссийского объединения профсоюзов «Конфедерация труда России» состоялась учредительная конференция. В ней принимали участие преподаватели и научные сотрудники вузов из тринадцати регионов. Не во всех из них потом возникли первичные организации. Всё оказалось сложнее, чем нам представлялось изначально. Сейчас мы представлены в Москве, Иванове, Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге. К сожалению, у нас с трудом идет работа по созданию организации в Санкт-Петербурге. Там есть некоторый актив, который пока никак не оформится организационно. Нам пока что не удалось и перевалить через Уральский хребет. Самая восточная организация — в Екатеринбурге.

Существуют организации двух типов: вузовские первички, т. е. традиционная для нашей страны организация по месту работы, и межвузовские территориальные первички, работающие наряду с вузовскими. Таких у нас три: в Москве, Нижнем Новгороде и в Екатеринбурге. Мы рассматриваем межвузовские организации как своего рода инкубаторы, из которых постепенно будут отпочковываться вузовские организации. Всего первичных организаций у нас около полутора десятков. В них состоит чуть больше трехсот членов, т. е. организации маленькие.

Территориальная организация лучше защищена от давления со стороны работодателя, но, с другой стороны, у нее из-за особенностей нашего законодательства практиче-

ски нет возможности влиять на работодателя. Согласно трудовому законодательству, все механизмы влияния на работодателя привязаны к тому, что первичные организации должны существовать именно на уровне трудового коллектива.

Это проблема не только для нашего профсоюза. Например, самый боевой профсоюз современной России — МПРА. Он возник как Межрегиональный профсоюз рабочих-автомобилестроителей с традиционными первичными организациями на предприятиях. Потом он преобразовался в многоотраслевой Межрегиональный профсоюз «Рабочая ассоциация», работающий в разных отраслях промышленности. Одновременно с этим преобразованием МПРА изменил свою организационную структуру, сделав базовой единицей территориальную организацию профсоюза. Тем не менее представительства на предприятиях всё равно были сохранены, так как без этого невозможно вести переговоры с администрацией.

Многие руководители вузов, узнав, что возникла первичная организация какого-то непонятного для них профсоюза, да еще всерьез претендующего защищать интересы работников, относятся к этому весьма агрессивно. Типичный аргумент: зачем нам еще один профсоюз? У меня уже есть *свой*. Очень характерная оговорка. Официальные ФНПРовские профсоюзы ректоры воспринимают как «свой», и не без оснований, естественно.

Главная наша проблема состоит в следующем. Возникает первичка.

Она составляется из наиболее продвинутых активистов вуза и потом застывает в этом состоянии. Очень трудно, оказывается, сделать следующий шаг — выйти за пределы достаточно узкого круга и начать наращивать свое влияние, привлекать новых членов. Здесь, конечно, многое зависит от конкретной ситуации.

К примеру, довольно успешно развивается первичка в МФТИ. Там администрация относительно лояльно отнеслась к созданию нашего профсоюза. Пока что это единственная вуз, где администрация заключила формальное соглашение с нашей первичной организацией, признала ее права. Проблема в том, что это соглашение не очень хорошо соблюдается руководством МФТИ, но по крайней мере оно есть, и к нему можно аппллировать.

В МГУ сейчас представитель нашей первичной организации включен в профсоюзную сторону комиссии по подготовке нового коллективного договора. Это тоже дает новые возможности для нашей организации. Мы можем активно пропагандировать предложения первичной организации «Университетской солидарности», работать над включением их в проект коллективного договора. Идет сбор предложений от работников. Посмотрим, во что это выльется. Тут есть некоторый риск. Наши предложения могут не включить в проект коллективного договора. А потом сказать: «Вот, они участвовали, а что толку? Каким был коллективный договор, таким и остался, а то, может, и хуже стал». Это часто проявляющаяся тенденция. В новых коллективных

договорах условия для работников нередко ухудшаются по сравнению с предыдущими. При этом ссылаются на кризис и многое другое.

С.Э. Какие особо острые проблемы возникают у преподавателей высшей школы сегодня и с какими они столкнутся уже в ближайшее время?

П.К. Самая острая проблема — это проблема сокращений. Действует дорожная карта, принятая правительством, по отраслям образования и науки. Действует Федеральная программа развития образования. По высшей школе к 2020 г. планируется ополовинить состав преподавателей по сравнению с 2012 г. Понятно, что какая-то часть этой задачи может быть выполнена за счет естественной убыли: ведь значительная часть преподавателей — люди уже в изрядном возрасте. Кто-то умирает, кого-то можно выпихнуть на пенсию, вопреки его или ее желанию. Значительная часть преподавателей пенсионного возраста продолжает работать потому, что не может не работать, без работы потеряет смысл жизни, а какая-то часть потому, что на пенсию прожить практически невозможно, не имея каких-то приработков. Сокращения обосновываются тем, что у нас — демографическая яма, уменьшается возрастная когорта, обеспечивающая поступление в вузы. Но дело в том, что дно демографической ямы будет достигнуто уже в 2018 г., и потом начнется новый рост. А к тому времени мы изрядно уже преподавателей разгоним. Уменьшение количества преподавателей приводит к тому,

что растет численность потоков на лекциях. При этом во многих хороших вузах прием, несмотря на демографическую яму, растет. Например, в МФТИ сейчас многие потоки не вмещаются в аудиторию. Это один из предметов конфликта нашей первички с администрацией. Растет численность семинарских групп. Понятно, что в слишком большой группе полноценный семинар провести практически невозможно. В лучшем случае получится серия монологов. Студенты будут делать сообщения, преподаватель будет сопровождать их комментариями. Но вовлечь всех, если в аудитории сидит скажем тридцать человек, а тем более — сорок, в полноценную коллективную работу весьма затруднительно.

Фундаментальная проблема вузовской жизни — постоянное свертывание элементов университетской автономии и академической свободы. Повсеместно отменяются выборы ректоров. Согласно новому закону об образовании, университетский устав утверждает не коллектив университета, а учредитель. Можно сказать, что всё равно результатами выборов манипулировали. Это так, но с этим же можно бороться. А в новой ситуации почва для борьбы исчезает. Министерство утверждает устав вуза и вписывает туда, что ректор назначается учредителем, т. е. в государственных вузах — министерством, которому подведомственен вуз. Теперь и по букве закона возразить нельзя.

Идет идеологическое давление на университеты со стороны «державников» и клерикалов. Начина-

ются, вопреки Конституции и Закону об образовании, увольнения по идеологическим мотивам. Хотя законодательство прокламирует свободу преподавателей в выборе содержания, форм и методов преподавания. Да, преподаватель не имеет права вести агитацию за какую-то политическую партию (что нередко нарушается в интересах сами знаете какой партии). Но трудно представить в общественных науках преподавателя, не имеющего идеологических предпочтений. А ныне иметь взгляды, отличные от воззрений власти, становится рискованным.

Другая важная проблема – рост нагрузки. Она растет очень интересным образом. У нас продолжают действовать нормы, установленные Минобрнауки о том, что максимальный объем учебной нагрузки составляет 900 часов в год. Это ограничение тоже нередко обходят, но главным образом идут по пути изменений внутренней структуры нагрузки. Во многих вузах сейчас пересматриваются нормы времени на различные виды работ. Урезаются нормы времени на проверку письменных работ, на руководство курсовыми и выпускными работами, на проведение зачетов и экзаменов, на консультации (это, кстати, под шумок разговоров, что надо уделять больше внимания индивидуальной работе со студентами). Общая нагрузка остается вроде бы прежняя, но при этом внутри нее растет удельный вес «горловой» нагрузки, аудиторной, а у нас она и без того самая высокая в мире. Для большинства преподавателей проблемы с горлом стали уже привычными, хотя это не считается

профессиональным заболеванием. Не секрет, что нужно действительно иметь луженую глотку, чтобы выдержать такое число лекций. Растет объем аудиторной нагрузки, увеличивается количество студентов в аудитории. И то и другое негативно влияет на качество.

Очень часто идет чехарда с курсами. Этот курс мы у тебя забираем и передаем другому преподавателю, а ты начни вот этот, который до тебя никто не читал. Человек вынужден параллельно читать курсы на очень разные темы. Бывает, сообщают о том, что нужно читать новый курс, буквально за несколько дней. В прошлом учебном году мне 28 августа сказали: «Ты в этом году будешь читать курс не тот, который читал раньше, а новый. 5 сентября уже первая лекция». Это, к сожалению, не уникальный случай.

Важнейшая проблема – несоответствие растущей нагрузки и заработной платы. Руководители образования постоянно отчитываются, как замечательно выполняются президентские указы 2012 г. о повышении заработной платы. На самом деле, если соотнести растущую нагрузку с ростом зарплаты, то картина будет далеко не радужная. Во-первых, рост зарплаты вовсе не такой значительный, как показывают в официальных отчетах. В этих отчетах всегда приводятся средние цифры, которые не учитывают разброс размеров зарплат. Если бы показывали, например, соотношение зарплат между 10% самых низкооплачиваемых и 10% самых высокооплачиваемых, а также медианное значение заработной платы, это было бы

гораздо показательнее и точнее. Но эти данные скрываются. А главное, — зарплата существенно отстает от растущей нагрузки. За единицу трудозатрат преподаватель сегодня получает меньше, чем прежде. Идут манипуляции с индексацией заработной платы. В 2016 г., очевидно, будет резкое падение реальных зарплат в высшей школе. В принципе оно началось уже в этом году. Согласно проекту бюджета, принятому в первом чтении, очевидно, что даже номинальные зарплаты будут падать за счет урезания.

Существует проблема так называемого «эффективного контракта». В образовании пытаются ввести какую-то своего рода сдельщину, что для преподавания вообще, с моей точки зрения, нелепо. Даже в производственных отраслях существует общемировая тенденция, согласно которой удельный вес работников, оплачиваемых по сдельщине, уменьшается. Сдельщина считается архаичной формой оплаты, негативно влияющей на качество, а у нас пытаются внедрять ее в сферу, где она вообще неприменима. В каких формах эффективный контракт будет применен в высшей школе, еще неясно, хотя есть уже совершенно вопиющие примеры. Например, в Ивановском госуниверситете преподавателям пытаются навязать обязанность заниматься привлечением новых студентов и слушателей на повышение квалификации, ставя в зависимость от этого их оплату. В Государственном университете управления в Москве пытаются обязать преподавателей самих заниматься поиском коммерческих заказов (представьте себе, например, преподавателя

философии или истории, ищущего коммерческий заказ по своей специальности). По сути администрация пытается переложить на преподавателей свои обязанности.

На этом фоне требования по научной работе выглядят еще невинно, хотя там тоже немало абсурда и формализма. Если, скажем, человек хочет серьезно работать над монографией, то получится, что он не будет выполнять своих обязанностей по научной работе, так как учитываются только статьи в ваковских и скопусовских и т. д. журналах и измерения индекса Хирша.

Чрезвычайно опасна тенденция к сокращению сроков трудовых договоров. Во многих вузах сейчас решили на годичные трудовые договоры, т. е. преподаватель всё время чувствует себя подвешенным. Этот год работаю, а что будет дальше — неизвестно. С начальством ругаться становится просто опасно, потому что можно лишиться работы.

С.Э. Не является переход на одногодичный контракт нарушением трудового законодательства?

П.К. В Трудовом кодексе этот вопрос в 332-й статье не урегулирован. Там говорится, что могут заключаться как срочные, так и бессрочные договоры и не оговаривается, на какой именно срок срочные договоры могут заключаться. Тут пробел в законодательстве, который пока не удастся восполнить в тех же коллективных договорах. Хотя даже в отраслевом соглашении, подписанном Роспрофобром, есть рекомендательная норма о том,

что желательно по возможности заключать бессрочные договоры, а срочные не короче, чем на три года. Но это остается благим пожеланием, потому что без давления непосредственно на рабочих местах — в вузах, эта рекомендация исполняться не будет. Есть разъяснение Верховного суда о том, что в случае многократного перезаключения срочного договора он должен заключаться как бессрочный. Мы как раз сейчас начали поиск информации, есть ли примеры, чтобы преподаватель, который заключил очередной срочный договор, добился через суд признания этого договора бессрочным. Я пока такого не встречал. Подозреваю, что если даже преподавателю в одиночку удастся добиться такого бессрочного договора через открытый конфликт и обращение в суд, работодатель всегда найдет возможность избавиться от неугодного («нелояльного») работника. А вот если судебное решение будет подкреплено коллективным действием, то тут работодатель гораздо сильнее будет связан и не сможет творить произвол. Но подобного коллективного действия пока, к сожалению, нет.

Наконец, вузовские преподаватели буквально стонут от роста всякого роста бюрократической писанины, которую навязывают как государственные органы, так и «своя» администрация. Причем подготовка многочисленных бумаг (которые чаще всего даже никто не читает) отнимает массу времени и сил, которые могли быть использованы для научной и методической работы, для лучшей подготовки к занятиям.

С.Э. В России часто грубо нарушаются принципы университетской демократии. Современная профессура, увы, легко с этим смирилась. Но сегодня идет наступление не только на ценности, но и на материальные интересы преподавателей высшей школы, вплоть до массового увольнения с работы. При этом сопротивление пока не возникает. Каким способом ваш профсоюз намеревается изменить ситуацию?

П.К. Нужна разъяснительная работа, нужны хотя бы маленькие истории успехов: «Видите, мы, даже маленькие, можем чего-то добиться, а если вы нас поддержите, нас станет больше, мы сможем добиться большего». Это самый трудный момент. Пока что наши успехи весьма ограниченные. Где-то мы добились, чтобы сокращения шли не по произволу начальства, а в соответствии с Трудовым кодексом. Речь идет о случаях, когда пытаются уволить людей до истечения срока трудового договора. Гораздо сложнее бороться, если увольняют, так как трудовой договор закончился, а конкурс не объявляют. Добиваемся восстановления уволенных активистов нашего профсоюза. Но в последнем случае довольно двусмысленная ситуация. Удастся восстановить по суду, когда работодатель просто откровенно нарушил процедуры, установленные законодательством. Здесь мы работаем в известном смысле против себя, занимаясь правовым образованием работодателя. В следующий раз он будет соблюдать процедуры, и суд ничего не сможет сделать. Именно поэтому в Конфедерации труда

России — объединении профсоюзов, куда входит «Университетская солидарность», — у нас существует установка, что профсоюз — это не правозащитная организация. Да, нам приходится заниматься и правозащитной деятельностью тоже. Но мы должны в большей мере полагаться не на суд, не на трудовую инспекцию, а на коллективные действия. Пока мы маленькие и слабенькие, коллективные действия не слишком эффективны. Их не очень замечают, а когда замечают, то реагируют репрессиями. У нас была история, когда активистов профсоюза, раздававших листовки у вуза, избил вузовская охрана. В полиции с большим скрипом приняли заявление о нападении, но никакого хода делу так и не дали. За раздачу листовок у другого вуза активистов задержали и обвинили в том, что это был несанкционированный пикет. Это нелепица, потому что пикет без плакатов, без знамен — это не пикет. Таковы особенности нашей правовой системы, когда решения сплошь и рядом принимают не по закону, а по указаниям свыше. Мы разъясняем, что коллективные протестные действия дают хоть какой-то шанс. К сожалению, многие преподаватели думают следующим образом: «Я сейчас начну выступать и тогда точно попаду под удар, а если я буду тихонечко сидеть, а еще желательно подпевать начальству, то, глядишь, и уцелею». И начинается происходит отрицательный отбор. Наиболее активные в первую очередь выдавливаются из системы. Кризис — не самый лучший период для развития профсоюзного движения. Некоторый оптимизм дает то, что во всем мире профсою-

зы развивались в борьбе в условиях репрессий и, ничего, выжили. Так что будем работать. Не остается ничего другого, как руководствоваться известным афоризмом, который любят приписывать Антонио Грамши, на самом деле он принадлежит деятелю французского рабочего движения, участнику Парижской коммуны Бенуа Малону: пессимизм разума и оптимизм воли.

С.Э. Какие конкретные примеры Вы можете привести, чтобы усилить оптимизм воли наших читателей.

П.К. В Ивановском госуниверситете просто в штывки было встречено создание нашей профсоюзной организации. Председателя профкома, заместителя председателя профкома уволили. Прошли судебные заседания. Решением суда товарищей восстановили. Естественно, администрация продолжает давление. Она надеется повторно уволить активистов. Несмотря на это, там первичка несколько подросла. Правовое управление Ивановского госуниверситета в ходе этих событий демонстрирует вопиющую юридическую безграмотность. Пытается действовать не столько в правовом поле, сколько навешивая политические обвинения: это якобы деятельность не профсоюзная, а под видом профсоюзной деятельности будто бы работает незарегистрированная Партия прогресса, это запрещенная в образовательных учреждениях политическая деятельность, это вообще чуть ли не иностранные агенты. Притом лишь один из членов местного профсоюза является активистом партии Прогресса и никакой политической деятельностью

на рабочем месте не занимался и не занимается.

В Москве, когда в МГУ еще не было первички и существовала только инициативная группа, ее лидера, Михаила Лобанова, пытались уволить по истечении срока трудового договора. Нам удалось его отстоять за счет шумной общественной кампании. Доходило даже до угрозы оккупировать приемную ректора. Видимо, В.А. Садовничий сообразил, что репутационные потери будут куда больше, чем риск от сохранения непослушного преподавателя. Михаил продолжает работать в МГУ. Сейчас он является сопредседателем нашего профсоюза и председателем первички в МГУ.

В 2013 г. удалось смягчить процесс сокращения в Государственном университете управления. Это тот самый случай, когда администрацию заставили проводить сокращения по закону, а не по собственному хотению. Для тех, кого сократили, это слабое утешение, но по крайней мере откровенные беззакония удалось пресечь. Вот такие маленькие успехи, которые очевидны.

С.Э. Опыт «Университетской солидарности» показывает, что сопротивление даже незначительной части преподавателей приводит к успеху. К сожалению, я не раз слышал от своих друзей — работников высшей школы — такую мотивацию отказа от защиты своих прав: «Пока в стране существует нынешний режим, на своем рабочем месте ничего изменить нельзя». Подобная установка представителей «мыслящего со-

словия» удручает. Если внутри российского общества не возникнут зоны корпоративной демократии и свободы, то уход Путина приведет лишь к смене правящего лица, суть нынешних отношений не изменится. Если мы вспомним пример Западной Европы, то университеты там изначально были зонами академических свобод, из которых постепенно возникла европейская политическая демократия. Можно ли сейчас начинать создавать территории российской свободы внутри университетских корпораций?

П.К. В Европе университеты хорошо вписались в конфликт между церковной и светской властью. Вообще этот конфликт сыграл, с моей точки зрения, гигантскую роль вообще в становлении европейской свободы. Дореволюционная Россия не была образцом демократии и свободы, но тем не менее зародыши профсоюзов начали возникать еще до революции, до 1905 г., в условиях подполья. В ходе первой русской революции произошел взрыв развития профсоюзов. Между революциями профсоюзы жили в очень тяжелых условиях, которые были существенно тяжелее, чем наши. Тем не менее профсоюзы существовали, развивались, боролись. Если говорить про академические свободы, то университетская профессура Российской империи сопротивлялась. Вспомним историю с протестом против Кассо. Далекое не каждый профессор имел крепкие тылы, чтобы бросить свою должность. Тем не менее ситуация отличалась от нашей, многие представители профессуры тогда не боялись про-

тестовать в защиту академических свобод. Заявлять сегодня о своих правах и пытаться их отстаивать — это чрезвычайно важно. Делать это надо для того, чтобы мы не дошли до такой стадии, когда отстаивание своих прав будет с порога грозить жуткими репрессиями. Пока мы еще по уровню репрессивности не скатились даже до брежневских времен.

С.Э. Сегодня единственная реальная репрессия — это увольнение с работы.

П.К. Если сильно достать начальство, не университетского, но государственного уровня, то можно и за «экстремизм» загреметь. Но всё равно уровень опасности по сравнению с советскими временами несоизмеримо ниже. Тут вопрос действительно в состоянии общества и в готовности людей либо терпеть, либо не терпеть то, что с ними творят. К сожалению, люди скорее могут выйти на уличную акцию, чем вступить в профсоюз и открыто заявить о претензиях к своему начальнику. Специфика демократии при капитализме заключена в афоризме: демократия кончается у ворот предприятия. Тем не менее на Западе работник всё равно отстаивает свои интересы, свои права. В этом смысле борьба за демократию должна вестись не только на выборах и на улицах, но и на своем рабочем месте.

В мае 2015 проходил съезд Конфедерации труда России, а перед ним большая международная конференция. Я там делал доклад о прямой связи трудовых прав и демократии.

Мы ругаем тех же учителей за то, что они в избирательных комиссиях участвуют в фальсификациях. Но почему учитель в них участвует? Потому что он такой плохой? Нет! Потому что директору «сверху» заявляют: если на вашем избирательном участке не будут обеспечены такие-то результаты, то уволим с работы. Тот в свою очередь говорит своим учителям: «Не будете этого делать — уволю». Начальство всё чаще требует от работников бюджетной сферы фотографировать избирательный бюллетень перед опусканием в урну на телефон, чтобы проконтролировать «правильность» голосования. И ведь фотографируют и отчитываются! Негарантированность трудовых прав работает в связке с нарушением политических свобод. Если люди не будут бороться за свои трудовые права, то они потеряют и права общедемократические.

С.Э. Может ли ваш профсоюз научных работников организовать просвещение наемных работников посредством публикаций по теме профсоюзного движения в дореволюционной России? Сотрудникам вузов, вероятно, было бы полезно ознакомиться с материалами об истории и современном состоянии университетского самоуправления на Западе, а также о рецепции академических свобод в незападных обществах?

П.К. Мы этим уже занимаемся. В апреле 2015 г. наш профсоюз при поддержке Конфедерации труда России и Фонда Розы Люксембург проводил историческую конференцию, посвященную двадцатилетию

КТР. Там были доклады и по дореволюционной истории профсоюзного движения в России, и по ситуации в советскую эпоху, и по возрождению реальных профсоюзов в постсоветской России. Я делал доклад об огосударствлении профсоюзов в Советской России / СССР

и судьбах независимого рабочего движения. Были доклады по постсоветским профсоюзам, по международному профсоюзному движению. Скоро должен выйти сборник с материалами конференции, и он будет использоваться в профсоюзной работе.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ, ИЛИ ПОЧЕМУ ТАК ВАЖНЫ АКАДЕМИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ?

Состояние высшего образования в России характеризуется рядом противоречивых тенденций. Неоднозначной остается ситуация с автономией и академическими свободами — фундаментальными принципами университетской жизни. В своей статье я хотел бы остановиться на академических свободах как факторе качественного современного образования. Развитие любой страны определяет человеческий капитал в узком смысле этого слова, т. е. качество человека как работника. Это качество в различных цивилизациях разное, оно не внедренное, оно формируется самим государством и обществом, и зависит от многих параметров, в том числе и от отношения к творческой инициативе людей. Индекс человеческого развития, которому столь много внимания уделяется в документах ООН, напрямую связан с эффективностью системы образования и качеством образовательных стандартов.

Для того чтобы обеспечить себе устойчивое развитие и будущее,

необходима собственная система качественного университетского образования. Университеты — это стратегический ресурс, без которого не может выжить и быть конкурентоспособной ни одна страна. Пока подобное понимание не стало общепринятым в российском обществе, поэтому мы не осознаем, что самое главное, что у нас есть, — не нефть и не газ, а знания.

В системе образования России за последние десятилетия произошли многочисленные изменения. В 1990-х гг. государство «освободило» высшие учебные заведения не только от идеологической опеки, но и от финансовых ресурсов. Это заставило вузы обратиться к поискам средств и способов выживания, что вызвало снижение академического качества.

Потребность выживания вынудила сначала вводить коммерческие образовательные программы, значительная часть которых не была обеспечена содержательным потенциалом (преподавательские кадры, научная база, библиотечные

ресурсы и т. д.). Затем доля этих программ стала нарастать, отодвигая на второй план в специализированных вузах традиционные конкурентоспособные программы. Включение университетов в рыночные отношения имело негативные последствия для качества образования. Всё это породило разговоры о недостаточном государственном контроле над университетами, о вреде университетской автономии, демократии, академических свобод. Во многих российских университетах возобладали тенденции «вертикализации» власти, бюрократизации. Слишком часто администраторам, руководителям высших учебных заведений оказывается гораздо привычнее и выгоднее закрытая модель управления, всё та же административная вертикаль (см. *Девятайкина* 2006). Рубеж XX–XXI вв. отмечен тенденциями формализации выборности, политизацией и даже клерикализацией университетов. Как заметил П. Кудюкин, «повсеместно отменяются выборы ректоров», «университетский устав утверждает не коллектив университета, а учредитель» (П. Кудюкин: «Если люди...» 2016: 91). Таким образом, под видом оптимизации разрушается привычная и успешно работавшая модель организации университетской жизни, классическая внутренняя структура высших учебных заведений (кафедры, факультеты). В частности, идет процесс преобразования исторических факультетов в институты или их слияния с другими подразделениями. При этом, как правило, выборный декан замещался назначаемым университетской администрацией директором. Порочность

такой практики вынуждены признать и некоторые высокопоставленные политики. Председатель Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин в 2014 г. на праздничных мероприятиях в МГУ в честь 80-летней годовщины восстановления исторического образования заявил: «Тревожным является переименование исторических факультетов в российских университетах и слияние их с другими факультетами. Подобное чуть не случилось в Санкт-Петербургском университете и уже произошло в Саратовском и Нижегородском университетах. С таким подходом я не могу согласиться <...> Принадлежность к тому или иному факультету всегда была предметом гордости для студентов, выпускников, аспирантов и преподавателей. Это тот живой дух истории, который мы должны сохранить». Он отметил, что трудно говорить о повышении внимания к истории, понижая одновременно статус специализированных учебных и научных структур в рамках того или иного российского университета: «Государство добьется успеха, содержательно ответит на общественный запрос, если будет системно взаимодействовать с профессиональным сообществом историков» (Нарышкин против объединения... б./д.). Очевидно, российским университетам еще предстоит долгий и непростой поиск оптимальной формулы взаимоотношений с государством и обществом.

Нам представляется, что грандиозный резерв для повышения уровня и качества образования существует именно в сфере университетской демократии, автономии и академи-

ческих свобод. Дальнейшее развитие науки, образовательных программ невозможно без развития демократии. Она не может быть экспортным лозунгом, она должна быть стилем, образом жизни научного и академического сообщества. Университеты надо оберегать от авторитаризма, политических страстей и пристрастий отдельных политических лидеров. Власть административная не должна превалировать над властью духовной, сила интеллекта должна быть выше политической конъюнктуры. Университеты – продукт европейской культуры, они даже в самые темные времена являлись островками свободы и независимости духа (Ректорида 2009: 316).

Академические свободы и университетская автономия являются важнейшими условиями современного образования и качества профессиональной подготовки. Именно они способствуют формированию у студентов навыков самостоятельно делать профессиональный выбор, видеть конечный результат этого выбора и нести за него ответственность.

Однако процесс реализации академических свобод и реальной университетской автономии на практике столкнулся с рядом трудностей. Чтобы понять суть этой проблемы, остановимся на некоторых трактовках понятий «академические свободы» и «университетская автономия» в России.

Обратимся к тексту Федерального закона «О высшем и послевузовском образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ в последней редак-

ции. В ст. 3 п. 1 и 3 говорится: «1. Под автономией образовательного учреждения высшего профессионального образования (далее – высшее учебное заведение) понимается его самостоятельность в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом высшего учебного заведения, утвержденным в установленном законодательством порядке. <...> 3. Педагогическим работникам из числа профессорско-преподавательского состава, научным работникам и студентам высшего учебного заведения предоставляются академические свободы, в том числе свобода педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, а также свобода студента получать знания согласно своим склонностям и потребностям»¹.

Сравним это определение с трактовкой начала XX в. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1907–1909 гг.) понимал под академическими свободами «право высших учебных заведений в лице профессоров на самоуправление; определение программ преподавания и внутреннего порядка высших учебных заведений, выбор профессоров и ректоров независимо, без вмешательства посторонней административной власти»².

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/

² <https://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз%20и%20Ефрон/Академическая%20свобода/>

Таким образом, понятия «академические свободы» и «университетская автономия» в приведенных определениях разводятся между собой. Первое относят преимущественно к организации внутреннего функционирования и жизнеустройства высших учебных заведений, в то время как второе регулирует взаимоотношения с внешней средой. Тем не менее реализация академических свобод невозможна без наличия автономии, которая является главным условием свободного развития университета. Автономия представляет собой институциональную форму академической свободы, необходимую для осуществления задач высшего образования. Отход от принципов выборности и их формализация негативно сказываются как на автономии университетов, так и на характере академических свобод (см. *Пономарев, Скрякова б./д.*).

Академическая свобода во многом основывается на этических правилах и законах, присущих ученому миру. Академические свободы в конкретном высшем учебном заведении определяются моральными нормами, корпоративным этикетом и цеховой дисциплиной. Где-то их больше, где-то меньше, но в любом случае, пока академические свободы носят локальный характер, они зависимы от личностного фактора (качеств и свойств личности конкретного ректора, декана и т. д.) и слабо институционализированы (см. *Пономарев, Скрякова б./д.*).

Содержательное наполнение академических свобод и механизм их реализации затрудняется отсутствием

их ясного понимания и четкого закрепления в законодательстве Российской Федерации.

На уровне связки «общество – Министерство образования и науки РФ» существует противоречие между потребностью общества в активных, творческих и конкурентоспособных специалистах и недостаточным объемом академических свобод, предоставляемых студентам в процессе их обучения. Современные учебные планы и сама система их формирования стала жестко централизованной и унифицированной. Недостаточное участие студентов в формировании содержания своего образования, безусловно, уменьшает их профессиональную мотивацию.

Особого внимания заслуживает вопрос об автономии применительно к введению в высших учебных заведениях нелинейных образовательных траекторий. Данная система действительно имеет значительное число преимуществ, главным среди которых является высокая индивидуализация высшего образования. Студент в рамках учебного плана выбирает те дисциплины, которые больше соответствуют его профессиональным устремлениям. Как правило, при использовании нелинейных образовательных траекторий количество дисциплин по выбору возрастает по мере перехода студента с курса на курс. Так, на первом курсе студенты имеют возможность выбирать 20–40 % дисциплин (остальные дисциплины обязательные), на втором – 40–60 %, на третьем – до 80 % («Мягкий путь» вхождения... 2005: 69). Опыт европей-

ских университетов показал, что нецелесообразно выходить за рамки 40 % дисциплин по выбору, когда этот объем превышает, образовательный процесс находится на грани дезорганизации, а студент не получает полноценного образования по избранной специальности. Важно соблюдать грань между индивидуальными и фундаментальными компонентами образования («Мягкий путь» вхождения... 2005: 69–70).

Суть современного образования – это не перемещение своих знаний в голову студента. В наше время источников информации и так много. Самое главное для университетского преподавателя научить студента добывать информацию, думать и анализировать. Очень часто у студентов отсутствует информация об их академических правах и обязанностях, в результате чего они остаются пассивными потребителями образовательных услуг.

Любой современный уважающий себя университет должен стремиться обеспечить студенту «индивидуальную образовательную траекторию». Академические свободы – это в том числе и право студентов участвовать в формировании своей учебной программы. Студент выбирает курсы и семинары, и он сам несет ответственность за ту сумму знаний, которую получит. Это идеальная ситуация, которой у нас практически нигде не существует. Но в этом направлении движется вся образовательная система XXI в.

Отсутствие реальной автономии университетов приводит к снижению ответственности за результаты

своей деятельности на рынке образовательных услуг. Очевидно, что предоставляемые академические свободы влекут за собой академическую ответственность за создание оптимальных условий для свободного поиска истины, ее свободного изложения и распространения (см. Александров б./д.).

Потребность российского университетского сообщества в академических свободах наглядно демонстрируют несколько ярких примеров. Одним из них является нашумевшая история с социологическим факультетом МГУ, где студенты и преподаватели активно выразили свою гражданскую позицию, желая противостоять авторитарным методам управления факультетом. Широкую огласку в России и за рубежом получила также борьба за академические свободы в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского (см. Михель 2007).

Университет – это не просто предприятие для производства знаний, подготовки специалистов, ученых. Университет – институт воспитания гражданственности, жизненной позиции. Университет – это источник альтернативных идей, независимой экспертизы, это партнер и одновременно оппонент власти. Выполнить эту миссию университет не может, если уничтожается внутренняя университетская демократия. Университет по определению не должен и не может быть «карманным».

Возможно, в университете работают те же тенденции, что и в об-

ществе в целом. Но университет имеет принципиальные отличия от устройства государства, потому что это место, где дают знания, где вырабатывают знания, передают знания и, если хотите, продают знания. Успех и эффект от работы педагогов и студентов зависит от того, как они себя чувствуют, насколько им психологически уютно и комфортно в этом пространстве. В этом принципиальная значимость университетской автономии и самоуправления. Они не означают отрицания власти, это другое понимание и восприятие легитимности власти. В университетах не может быть вертикали власти, она им просто противопоказана.

В условиях России реальные академические свободы могут стать фактором повышения качества университетского образования. Знание невозможно в неволе, академическая свобода — это свобода мышления, свобода научного суждения, свобода выражения собственной точки зрения; для которых не может быть административных ограничений. Университеты не должны становиться политическим инструментом. Это опасно для бытия университета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

«Мягкий путь» 2005 — «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс. М., 2005.

Александров б./д. — Александров Д.А. Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // <http://www.polit.ru/research/2006/06/16/aleksandrov.html> (дата обращения 20.05.2016).

Девятайкина 2006 — Девятайкина Н.И. Год противостояния: академические свободы и административный произвол // *Общественное мнение [Саратов]*. 2006. № 12.

Михель 2007 — Михель Д.В. Университетская интеллигенция и бюрократия: борьба за университетские свободы в постсоветской России // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 1.

Нарышкин против объединения б./д. — Нарышкин против объединения исторических с другими факультетами // <http://ria.ru/society/20140515/1007878804.html> (дата обращения 30.05.2016).

П. Кудюкин: «Если люди...» 2016 — П. Кудюкин: «Если люди не будут бороться за свои трудовые права, то они потеряют и права общедемократические» // *Историческая экспертиза*. 2016. № 2. С. 88–98.

Пономарев, Скрыжова б./д. — Пономарев С.В., Скрыжова Е.В. Академические свободы и комментарии к ним // <http://www.pgpalata.ru/reshr/as/01.shtml> (дата обращения 30.05.2016).

Ректориада 2009 — Ректориада: хроника административного произвола (2003–2008) / Сост. А.Ю. Колобродов, Д.М. Фельдман. Саратов, 2009.

REFERENCE

«Miagkii put'» vkhozhdeniia rossiiskikh vuzov v Bolonskii protsess. Moscow, 2005.

Aleksandrov D.A. Mesta znaniia: institsiional'nye peremeny v rossiiskom proizvodstve gumanitarnykh nauk. URL: <http://www.polit.ru/research/2006/06/16/aleksandrov.html> (date of access 30.05.2016).

Deviataikina N.I. God protivostoianii: akademicheskie svobody i administrativnyi proizvol. *Obschestvennoe mnenie*. 2006. N 12.

Mikhel' D.V. Universitetskaia intelligentsia i biurokratiia: bor'ba za universitetskie

svobody v postsovetskoj Rossii. *Neprikosnovennyi zapas*. 2007. N 1.

Naryshkin protiv ob'edineniia istoricheskikh s drugimi fakul'tetami. URL: <http://ria.ru/society/20140515/1007878804.html> (date of access 30.05.2016).

P. Kudiukin «Esli liudi ne budut borot'sia za svoi trudovye prava, to oni poteraiut i

prava obschedemokraticheskie...» *Istoricheskaiia ekspertiza*. 2016. N 2. P. 88–98.

Ponomarev S.V., Skriakova E.V. Akademicheskie svobody i kommentarii k nim. URL: <http://www.pgpalata.ru/reshr/as/01.shtml> (date of access 30.05.2016).

Rektoriada: khronika admonistrativnogo proizvola (2003–2008). Comp.: A.U. Kolobrodov, D.M. Fel'dman. Saratov, 2009.

П.Ю. УВАРОВ: «ВАЖНО, ЧТОБЫ ЗАРАБОТАЛИ РЕПУТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ, ЧТОБЫ СФОРМИРОВАЛАСЬ НАУЧНАЯ СРЕДА, НЕПРИМИРИМАЯ К ПЛАГИАТУ И К ХАЛТУРЕ»

Павел Юрьевич Уваров — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой Социальной истории Факультета истории Высшей школы экономики, профессор РГГУ, председатель Экспертного совета ВАК РФ по истории, приглашённый профессор Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, и университетов Paris4-Sorbonne, Paris1-Panteon, Rennes-2. Беседовал С.Е. Эрлих.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, о Вашей научной биографии.

П.У. Никаких особых зигзагов в моей научной судьбе не было. Окончил я не Московский университет, а Московский пединститут им. Ленина, в 30-е гг. его называли «Второй МГУ». Я еще застал остатки былой роскоши. Были такие выдающиеся преподаватели, как Сергей Львович Утченко, Эдуард Николаевич Бурджалов, Владимир Борисович Кобрин — имена, которые сделали бы честь современному МГУ. Потом работал в школе по распределению три года. Параллельно учился в заочной аспирантуре на кафедре истории Древнего Мира и Средних веков МГПИ. Отработав три года, ушел в Отдел редкой книги Библио-

теки иностранной литературы. После школы это показалось мне раем. Потом защитился, вернулся на кафедру в МГПИ и был там ассистентом какое-то время. С 1985 г. перешел работать в Институт всеобщей истории, о чем не жалею.

С.Э. Вы много занимались исследованием французских университетов. П.Н. Милюков писал, что университет был одним из главных зародышей европейской демократии. Как Вы считаете, почему современные российские университеты не выполняют в нашем обществе функции продвижения демократической практики?

П.У. Университетская автономия может быть благом, но может быть и препятствием развитию науки и образования. Известно много

© «Историческая экспертиза», 2016

случаев, когда человек захватывает власть в университете, дальше меняет под себя ученый совет и может сидеть до скончания лет. Его пытаются сместить, а нельзя, потому что у нас автономия, и таких примеров довольно много. Когда во Франции при Саркози была реформа, которая усиливала автономные начала, французские интеллектуалы восстали против этого «расширения демократии». Они говорили: «Вы делаете нас заложниками президента университета. Он будет продвигать своих любимчиков. Лучше пусть министерство заботится о соблюдении справедливости».

Права человека, парламентаризм, свобода слова, демократия и т. д., как показывает опыт, вне западного контекста не всегда приживаются, принимают причудливые формы. А вот университет приживается везде. В Иране – пожалуйста. В Африке – да сколько угодно. Китайские университеты вообще прекрасные. Университет – это форма, которая очень хорошо адаптируется к требованиям среды, при этом сохраняя, конечно, тот импульс демократии, который присущ университетам изначально. Даже в СССР, если человек из советской структуры, где всё реально решала КПСС, приходил в Академию или университет, то он видел, что здесь все-таки немного по-другому, не так, как он привык.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, о вашей работе в ВАК.

П.У. Скоро будет три года, как я заседаю в ВАК. Сначала мне там очень не нравилось. Сейчас уже привык.

Понимаешь, что изнутри системы видишь механизмы ее работы, невидимые со стороны. Избавляешься от мифов и предвзятых мнений. Самое интересное в том, что можешь вживую наблюдать «историографический процесс», изменение исторической моды.

Важный момент – борьба против списанных диссертаций. Большое спасибо «Диссернету». У нас с ними пока что не было проблем. Те апелляции, которые они давали, мы проверяли, и они подтверждались. Хотя, конечно, само по себе отсутствие напрямую списанных больших кусков текста не гарантирует качество диссертации. К сожалению, мы не можем отвергнуть диссертацию на том основании, что она плохая. Мы можем ее не признать, если нарушена процедура. Допустим, диссертант указал, что это ВАКовский журнал, а он был не ВАКовским. К этому мы можем придаться. А сказать: «Знаете, ничего нового в диссертации нет», – нам очень сложно, даже если автор прочитал четыре книжки, но не списал их, а пересказал своими словами. К сожалению, нет трибуны, с которой можно было бы обращаться к ученым советам, к научной общественности. Есть только ультимативный язык: «Мы диссертацию не рекомендуем к защите, не согласны с решением диссертационного совета». В таком случае вызывают диссертанта на Президиум ВАК. Это как бы уже крайняя мера. Хотя бывает, что Президиум ВАК, разобравшись, отпускает человека с миром.

Раньше было проще. Раньше экспертный совет имел право вызвать на свое заседание и беседовать с ав-

тором работы. В течение получаса можно получить представление, о том, насколько самостоятельна работа. Сейчас решением правительства нас лишили этого права. Перевели стрелки на Президиум ВАК. И это — полная катастрофа. Я сижу на президиуме как представитель нашего экспертного совета. Заседание начинается в 11 часов, а заканчивается порой к шести часам, а иногда и позже. Дела рассматриваются и об открытии ученых советов, и о научных журналах, и об утверждении защит. Но львиную долю времени идет поток диссертантов всех социально-гуманитарных дисциплин, которых вызывают для собеседования. В основном это экономисты. Их не менее двух третей от всей страдающей толпы диссертантов. За день проходит несколько десятков человек. На каждого можно потратить не более 5–10 минут. Пригласить в зал, задать вопросы, удалить из зала, принять решение, снова вызвать в зал заседаний и торжественно огласить приговор. Что можно выяснить за это время? Если вернуть старую систему, это повысит уровень экспертизы. Это будет не нынешний утомительный и бессмысленный конвейер из 50 человек разных научных специальностей за день, но два-три диссертанта, с которыми будут разговаривать специалисты. Затем они примут решение, с которым далее Президиум либо согласится, либо нет. Но для этого надо отменить прежнее решение, а этого то ли министерство, то ли правительство делать упорно не желает.

Или пресловутый ВАКовский список журналов. Согласно новому

распоряжению, он идет не разрешительным, а заявительным путем. Наверное, чтобы избежать коррупции. Но это не значит, что журнал зарегистрировать стало легче, наоборот. Нужно разных собрать 37 документов, иначе заявление будет автоматически отторгнуто компьютерной базой данных. В том числе нужен договор с Книжной палатой о праве обязательного экземпляра, уставные документы, договор с издательством, договор о выдаче ISSN и т. д. И чем издание старше, тем труднее собрать все бумаги. Какие уставные документы могут быть у нашего журнала «Средние века»? Мы с 1942 г. издаемся. Зато если документы собраны, то ВАК не имеет права отказать в регистрации. То есть любой журнал, даже явно халтурный, мы обязаны зарегистрировать.

Нам удалось собрать работающий коллектив экспертов ВАК. Вчера, например, было заседание, к которому накопились за праздники 60 дел. Мы сидели очень долго, но процедура не вырождалась в формальное штампование решений. Эксперты действительно старались вникнуть в содержание, указать характерные ошибки. Чаще всего при этом диссертацию всё равно рекомендовали утвердить, но иногда, впрочем, терпение заканчивалось, работу или отправляли на дополнительную экспертизу, или рекомендовали вызвать диссертанта на Президиум. Но, главное, совет старается обсуждать некие научные нормы, определяя, что допустимо, а что нет. Это и есть процесс развития науки, его важная составная часть. Очень нужен канал общения и с уче-

ными, и с техническими службами диссертационных советов. Ну вот, например, откуда-то возникла мода писать фразу о личном вкладе соискателя в подготовку работы, которая «заклучалась в личном участии на всех этапах подготовки диссертации». Это — полный бред. Очевидно, что формулировка списана из каких-то общих рекомендаций, относящихся к естественнонаучным дисциплинам, когда работать может целая лаборатория или творческий коллектив, а защищается кто-то один. Но для историков она не имеет никакого смысла. Но не «резать» же из-за этого всю работу! Да и выносить замечание совету только на этом основании тоже жалко, поскольку после третьего замечания совет закрывают. Вот и нужен неформальный канал связи, чтобы разьяснять хотя бы такие вещи, не говоря уже о более серьезных случаях.

С.Э. Предусмотрена ли в ВАК процедура проверки на плагиат? Или остается надеяться на Диссернет?

П.У. Это обязанность диссертационных советов. Они присылают справку о проверке диссертации через Антиплагиат. В случае необходимости, если, например, поступают апелляции, мы проверяем и сами. Но у нас действует презумпция невиновности, Диссоветам принято доверять. Вообще давно говорят о том, что ВАК нужно отменить, передать все дела в диссертационные советы. В МГУ, в СПбГУ, а затем и в других центрах все сами будут присваивать свои степени по при-

меру американских и других университетов. В 1990-е это была популярная идея. Потом ее резко оборвали, решив, что это — растаскивание единого научного пространства. Но неизбежны и юридические проблемы. Обязаны ли в Улан-Удэ принимать на работу «доктора МГУ»? Допустим, там его примут, но тогда в свою очередь потребуют, чтобы и местная степень автоматически признавалась бы в Москве, если человек с улан-удинской степенью решит работать в МГУ. Легко предвидеть некоторые трения.

Контроль со стороны ВАК, увы, оправдан. И новые требования, на которые сетуют диссертанты и диссертационные советы, все-таки повышают научный уровень защит. Вот, например, удалось изменить процедуру назначения оппонентов. До недавнего времени это никак не контролировалось. Очень часто Диссертационный совет, а точнее — научный руководитель либо сам диссертант назначали оппонентов по принципу лояльности. Есть понятие «дежурный оппонент», который безотказно выезжает на защиту и в ответ знает, что ему окажут такие же услуги. Сейчас всё же надо показать, что оппонент занимается этой темой, у него за последние пять лет есть такие-то работы по этому сюжету. К сожалению, мы имеем право контролировать этот выбор только постфактум, уже когда диссертация защищена. Была история с диссертацией по экзотической специальности, требующей знания некоего древнего языка. Выяснилось что оппоненты — очень хорошие историки, но ни один этого языка не знает, хотя в стране

такие специалисты есть. Диссертацию пришлось посылать на дополнительную экспертизу, было затрачено очень много сил, времени и нервов. А ведь диссертация совсем не плохая, и если бы с нами заранее посоветовались, можно было бы избежать многих проблем

С.Э. Как часто плагиат встречается в диссертациях по истории?

П.У. Было много, пока Диссернет не заработал. Были «фабрики» по производству диссертаций. Они и сейчас есть, просто стали тоньше работать. Раньше они просто брали из разных работ большие куски и компоновали их. Кстати, понятие плагиата тоже является историческим. Попробуйте примените «Антиплагиат» к любому сочинению средневекового автора или титана Возрождения. Макиавелли может быть и прошел бы, да и то с большим трудом, а вот остальные со своим центонно-парафразным методом были бы объявлены плагиаторами. Сегодня плагиату, несомненно, способствует компьютерная техника. Раньше надо было мучиться, переписывать, перепечатывать, а сейчас — одним щелчком мышки решена проблема. Но «Антиплагиат» ловит тексты на русском языке, причем речь идет преимущественно о диссертациях, а не о монографиях или статьях. Хотя сейчас технические возможности этой системы растут. Но если же диссертант берет английский текст, переводит его на русский и выдает за свой, то «Антиплагиат» здесь бессилён. Только коллеги могут выявить эту практику.

Самая большая наглость — это фиктивная публикация. Это — вполне продуманная стратегия, ведь если опубликуешь статью с «заимствованиями», ее могут прочитать и схватиться за голову. А если она существует только в ссылках, то, собственно, ее никто и не проверит. Таких ссылок было много по теме «Молодежная политика в 90-е годы в таком-то районе». Вряд ли будет толпа желающих читать такую статью. На это и был расчет.

С.Э. После того как Диссернет развил бурную деятельность, число чиновников, защищающих диссертации, уменьшилось?

П.У. Очень сильно. Это видно по тематике. Раньше шел вал диссертаций о молодежной политике, о развитии демократии в такой-то области в такие-то годы. Сейчас эта мода прошла. Оставшиеся диссертации на эту тему проверяются теперь с особой тщательностью. Сейчас зато идет много диссертаций по истории образования. Это уже начинает тревожить. Диссертации локальные, написанные на архивах одной области. Нигде ведь не написано, что тема должна охватывать всю страну. В любом случае, все-таки у нас нет такого количества случаев плагиата, как у экономистов и юристов.

С.Э. А если плагиат обнаружен не в диссертации, а в статье или монографии. Есть какие-то способы воздействия?

П.У. У нас нет. Совет в ВАКе решает вопросы квалификационного характера. Хотя иногда очень хочется

расширить сферу нашей деятельности. Порой прочитаешь отзыв на диссертацию и понимаешь, что оппонент элементарно неграмотен, не понимает, что такое историческое исследование. Но мы не можем лишать оппонентов степени за то, что они написали в своем отзыве. Важно, чтобы заработали репутационные механизмы, чтобы сформировалась научная среда, непримиримая к плагиату и к халтуре. Острая полемика по этим вопросам идет в социальных сетях. Для своей дисциплины — медиевистики, я всё пытаюсь авторов ярких «сетевых» высказываний по нашей тематике привлечь к написанию рецензий для нашего журнала «Средние века». Иногда получается. Для издателя нет большего деликатеса, чем отрицательная рецензия. Разумеется, не скандала ради. В итоге проявляется положительный смысл подобных дискуссий. Особенно если критикуемый отвечает, ведется полемика. В вашем журнале «Историческая экспертиза» я с большим удовольствием читаю ругательные рецензии. Это важно. Правда, я не читал ответов пока что. Может те, кого ругают, не читают «Историческую экспертизу»?

С.Э. У нас на сайте опубликована статья о школьных учебниках, и авторы одного учебника написали ответ.

П.У. Ну, тогда будет нормальная дискуссия, если это читают и не отмахиваются. Есть единый контекст. Проблема здесь не столько во власти, не в ВАКе и даже не в жуликах. Проблема в том, что разрушено единое научное пространство, еди-

ный контекст. Где-то считается, что надо знать французский язык, чтобы заниматься внешней политикой России. А где-то не считается. И в тех советах, где это не считается, это проходит, и никак им не объяснишь, что это недопустимо. Меня впечатлил вопрос на защите диссертации опять же о политике России XIX в.: «А как Кремль относился к тому-то и тому-то?». Политика Кремля в XIX веке — это сильно.

С.Э. Что, по Вашему мнению, следовало бы заимствовать из международного опыта защиты диссертаций?

П.У. Неплохо бы перенять немецкий опыт. В Германии нельзя защищаться по месту работы и затруднительно — по месту учебы. Таким образом повышается независимость экспертизы. Нам вообще не хватает университетской мобильности. Где родился, там и пригодился. Во многих российских университетах работают только выпускники этих университетов. Это по многим соображениям мешает развитию науки.

Стоит ввести систему жюри. Сейчас в составе диссертационных советов от 20 до 30 человек. Если в теме защищаемой диссертации разбираются три человека, то это уже хорошо. Остальные либо слушают вполуха, либо занимаются своими делами. Ответственность расплывлена между как минимум двумя десятками человек, чаще всего полагающихся на мнение оппонентов, которые решения не принимают, полагаясь, в свою очередь, на мнение членов Диссертационного совета. На Запа-

де жюри состоит из 5 человек, действительно являющихся специалистами по данной теме, и они полностью берут на себя ответственность за качество обсуждаемой работы. Это более логично.

Конечно, в нынешней форме защит на большом совете есть свои плюсы: ученые расширяют свой кругозор, а диссертант в принципе должен излагать свои тезисы так, чтобы его поняли не только узкие специалисты. Но ведь диссертационные советы не обязательно распускать, они могут утверждать или не утверждать решение жюри. Таким образом, это будет комбинированная система.

Пример действительно продуманной системы экспертизы показала Высшая школа экономики. Они потратились на экспертизу для своих внутренних целей, чтобы выяснить, кому платить надбавки за публикации. Для этого они составили рейтинг журналов. Делали они это для своих целей, поэтому региональные издания там слабо представлены. Но сама идея представляется перспективной. У них есть черный список, куда попадают журналы,

где берут деньги за публикацию, где нет двойного рецензирования. Не учитываются публикации в журналах, где ты главный редактор, для меня это плохо, но вообще-то справедливо.

С.Э. В каких еще странах существует система, подобная ВАК?

П.У. В Таджикистане принята наша система. Мы рассматриваем и утверждаем таджикские диссертации. Это отдельная песня. Схожая с нашей система существует во Франции. Степени там присваивают университеты, но министерство контролирует этот процесс, и были случаи отмены защиты. Кроме того, во Франции есть параллельная государственная система конкурсной аттестации на занятие преподавательской должности — aggregation. Вообще же, если сегодня отменить ВАК, то количество обладателей ученой степени будет стремительно приближаться к численности населения страны, и с этим ничего нельзя будет сделать.

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза».

Т.А. Некрасова

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ХДС: АЛЬТЕРНАТИВЫ К. АДЕНАУЭРУ

Рец.: *Петелин Б.В.* Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр — Якоб Кайзер — Отто Нушке. 1945–1952 гг. Череповец: ЧГУ, 2014. 207 с.

История ФРГ с момента ее создания в 1949 г. осмысливалась западными немцами как некая единая линия, — наподобие полета стрелы, выпущенной точно в цель метким лучником. «Экономическое чудо» ФРГ в 1950-х гг., казалось, подтверждало бесперспективность любого другого пути и предвещало воссоединение Германии в 1990 г. под эгидой ФРГ. Метким лучником был Конрад Аденауэр, не признававший компромиссов с Востоком в разгоревшейся Холодной войне и олицетворявший уверенность в своем выборе в пользу Запада. Однозначность его политической линии послужила поводом к появлению популярного мифа о «канцлерском акте», тайном государственном договоре, который якобы был подписан 21 мая 1949 г. с союзниками по антигитлеровской коалиции и обязывал каждого из канцлеров ФРГ предпочитать интересы западных союзников в ущерб немецким.

Тем важнее обратиться к времени создания партии Аденауэра, ХДС, что сделано в монографии Б.В. Петелина «Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр — Якоб Кайзер — Отто Нушке». Как и любую другую партию, ее сопровождали на ранних этапах программные искания, неопределенность, конкурирующие подходы нескольких лидеров: «В истории почти всех политических партий чаще всего наиболее сложным периодом в исследовании является их создание, когда первоначальные планы, идеи и надежды так и остаются не воплощенными в тот окончательный вариант, с которого начинается их реальная политическая деятельность — борьба за власть» (с. 10).

При этом, как справедливо отмечает автор, для христианских демократов это новое начало было действительно новым — в отличие от их главных партийных конку-

рентов. Так, коммунисты и социал-демократы имели опыт активной деятельности и политической самоорганизации в Германской империи и/или Веймарской республике, в то время как «другим политикам приходилось начинать практически с нуля». «Немарксистским» силам, т. е. тем, кто в годы национал-социализма не оказывал явного сопротивления режиму, было трудно заслужить доверие к себе как на Востоке, так и на Западе страны. В случае ХДС основополагающим принципом, особенно актуальным после устрашающего опыта национал-социализма, стало обращение к церкви, которая действовала «в соответствии со своим предназначением, оказывая населению широкую благотворительную помощь, не отталкивая от себя тех, кто встал на путь освобождения от нацистской идеологии» (с. 13–14).

При этом, хотя обращение к христианским ценностям было «естественным, а не вынужденным шагом» (с. 13), на пути оформления партийной идеологии встал ряд обстоятельств. Во-первых, перед новой партией стояла задача сплочения всех христиан Германии, разъединенных со времен Реформации на две конфессии. Идея примирить протестантов и католиков возникала у немецких политиков и раньше, в том числе — у самого Аденауэра в 1920-х гг.

Во-вторых, Германия была разделена на оккупационные зоны, так что духовные искания начинались в разных центрах, причем «время работало не на единство партийных рядов, а на обособление, раскол,

отчуждение между политиками» (с. 14). Видных политиков в ранней истории ХДС было три. Главы монографии последовательно показывают смену идейного лидерства — от Якоба Кайзера в Берлине к Отто Нюшке на Востоке и Конраду Аденауэру на Западе Германии. Б.В. Петелин приводит биографии каждого из них, при этом значительный перевес в информации по-прежнему на стороне Аденауэра, хотя его путь рассмотрен в историографии наиболее пристально. Подробности того, например, как именно Кайзер участвовал в 1915–1920 гг. в создании «межконфессиональной христианско-социальной народной партии» и каковы были детали его взаимоотношений с национал-социалистическим государством (с. 26), сильно обогатили бы картину предыстории ХДС богатой жизненной ретроспективой его создателей.

Бюро в Берлине, о котором идет речь в главе «Образование ХДС в Берлине: Якоб Кайзер и ХДС», формально появилось первым (с. 18), так что местная ячейка изначально претендовала на центральное представительство христианских демократов. Однако у нее сразу возникли сложности с оккупационными властями: «Партия выступала против всех более или менее крупных экономических и политических мероприятий, осуществляемых СЕПГ или СВАГ» (с. 20). Кайзер, берлинский лидер, был убежденным сторонником идеи «христианского социализма» — своеобразного «третьего пути», который должен был гарантировать ХДС весомые позиции как «народной христианской партии» в противовес КПП

и СДПГ (с. 27). Эта идея сама по себе была многообещающей, даже советские донесения сообщали, что идеи «христианского социализма о любви к ближнему, о равном распределении доходов как среди рабочих, так и среди предпринимателей, уничтожении всех пороков капитализма и приход к социализму “без крови” у многих членов ХДС стали заманчивыми идеями и начали широко распространяться среди населения» (с. 28–29).

Однако эта абстрактная перспектива не учитывала политических реалий своего времени. Во-первых, она во многом повторяла идеи «национального социализма» НСДАП, т. е. была дискредитирована. Во-вторых, «третий путь» составлял конкуренцию советскому социализму, следовательно, должен был выдержать прямую борьбу за власть в советской зоне, исход которой без обширной поддержки внутри и за пределами Германии был предрешен. Как раз этой поддержкой Кайзеру не удалось заручиться, поскольку «Берлин не может стать единым партийным центром до тех пор, пока сохраняется там советский оккупационный режим» (с. 32). Любые ссылки на «социализм» вынуждали ХДС к сотрудничеству с СДПГ и размывали четкий облик новой партии. В качестве альтернативы Аденауэр выступал за «социальные реформы» и «социальную работу» (с. 56), поставив во главу угла право собственности, которое «должно быть защищено так же, как и остальные права» (с. 64). Всё это позже легло в основу концепции «социального рыночного хозяйства», принесшей боль-

шие успехи первому канцлеру ФРГ и западногерманскому государству в целом: «Социальное рыночное хозяйство — это не копия с прежнего капитализма, а как раз та новая экономическая модель, которая стараниями реформатора Людвига Эрхарда помогла ХДС закрепиться у власти в 1949 г.» (с. 64).

И, наконец, последний фактор успеха Аденауэра — его связи с немецкими деловыми кругами и католической церковью (с. 31), оказавшиеся для истории христианских демократов важнее, чем абстрактная поддержка населения. До 1949 г. выбор пути для Германии оставался в руках политиков, а не избирателей. В результате Кайзер проиграл в борьбе за лидерство, покинул Берлин и продолжил деятельность на западе Германии — в тени Аденауэра, но при сохранении собственных взглядов, что показано в главе «ХДС в изгнании».

Аденауэр отказывался открыто выступить в поддержку концепции Кайзера в том числе потому, что не поддерживал вторую составляющую его программы — идею Германии как «моста» между Востоком и Западом (с. 30). Хотя тогда предстоявшее разделение Германии на два государства еще не могло быть столь очевидным, все же сторонников у компромиссов становилось все меньше, причем Аденауэр к таковым никогда не принадлежал. Б.В. Петелин показывает, как Аденауэр, будучи последовательным антикоммунистом, раньше других осознал перспективу раскола Германии: «При неизбежной утрате немецких земель на востоке можно

было не обременять себя заботой о единстве рядов ХДС» (с. 61).

В главе «ХДС на западе Германии: Конрад Аденауэр и партия» Б.В. Петелин переосмысливает биографию первого канцлера ФРГ с точки зрения его восприятия в послевоенной германской историографии. Речь идет не столько о деталях его жизни, из которых многие остаются недосказанными (более подробного освещения требуют такие моменты как, например, причины расхождения Аденауэра с Рейнскими сепаратистами в 1919 г., условия получения им солидной компенсации от национал-социалистов в 1937 г. или освобождения из заключения в 1944 г.), сколько о том, какие качества позволили Аденауэру выйти победителем в конкурентной борьбе первых послевоенных лет. Автор поднимает новые исследовательские вопросы, которые ранее не принято было обсуждать, например: «Всё ли сделал Аденауэр для воссоединения страны?» (с. 40).

Проведенное исследование показывает, что Христианско-демократический союз, как и другие немецкие партии, на этапе становления находился в поле напряжения развертывавшейся Холодной войны. Это наложило явный отпечаток как на программный облик ХДС,

так и на выбор одного из трех лидеров. Каждая глава в ранней истории Союза демонстрирует: победили не столько выдвинутые лозунги, сколько удачная тактика одного из ведущих христианских демократов. Как в Веймарской республике, так в 1945 г. успеху Аденауэра способствовало тонкое чувство политического момента и верность совершенному выбору — в данном случае в пользу западных держав, уже в годы Берлинского кризиса заслуживших доверие немцев.

Отдельная глава «Отто Нуске и “социалистический выбор” ХДС 1948–1952 гг.» повествует о развитии ХДС в советской зоне оккупации после смены руководства с Кайзера на Нуске — в чем-то оппортуниста, но в целом сторонника «малых дел» (с. 72). Оккупационные власти не возражали против перспективы «иметь в лице ХДС послушную партию, пусть и отличную в чем-то от СЕППГ» (с. 70). В результате раскол в партии стал отражением раскола страны: к 1949 г. среди лидеров ХДС с обеих сторон от внутригерманской границы не осталось ни одного сторонника компромиссов. Путь к взаимопониманию мог быть найден лишь после воссоединения двух германских государств — и двух христианско-демократических партий.

А.В. Золов

Рец.: [Розенберг А.] Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. М.: Фонд «Историческая память», Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2015

Дневники — один из наиболее интересных видов исторических источников. Причины обращения людей к бумаге с целью фиксации происходивших с ними событий разные. Кто-то вел дневник по привычке, сформировавшейся чуть ли не с детства, стремясь упорядочить впечатления от прошедшего дня, кто-то осознавал важность происходивших событий, свидетелем которых он был, и старался запечатлеть их для будущего, кто-то доверял бумаге то, что не мог высказать публично, а высказаться хотелось, кто-то видел в дневнике основу будущих мемуаров. Отсюда и различный уровень дневников — от страшного в своей простоте и безыскусности дневника Тани Савичевой до дневников политических деятелей, министров, дипломатов, маршалов (В.Н. Ламздорф, Д.А. Милютин, А.М. Коллонтай и т. д.).

Для специалистов, занимающихся политической историей, особый интерес представляют дневники видных политических деятелей, людей, находившихся в эпицентре событий, вносящих свой вклад в их формирование, видевших внутренние, скрытые факторы их осуществления.

Конечно, дневники никогда не являлись и не могут являться истиной

в последней инстанции. Они, естественно, несут на себе отпечаток личности их автора, отражают его вкусы, интересы, предпочтения, симпатии и антипатии. Они субъективны. В то же время именно этот субъективизм и составляет основную ценность этого источника, поскольку сама эпоха отражается в нем через личность автора, да и личность автора проявляется через его отношение к описываемым событиям.

Исходя из этого и следует оценивать рецензируемое издание — «Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг.», изданный Фондом «Историческая память» в сотрудничестве с Ассоциацией книгоиздателей «Русская книга».

Несколько слов об авторе дневника. Альфред Розенберг (1893–1946) — уроженец Ревеля (ныне Таллин), получил высшее образование в Риге и Москве, бежал из большевистской России в 1918 г., осел в Мюнхене, был свидетелем появления и гибели Баварской Советской республики, вступил в национал-социалистическую партию на самом раннем ее этапе, став одним из ее основателей, в дальнейшем вошел в высшее руководство партии, заняв пост редактора ее ведущей газеты «Фёлькишер Беобахтер». Активно занимался публицистикой, клеймя позором врагов германского

народа, к которым причислял евреев, масонов, марксистов и католическую церковь. В 1929 г. опубликовал свой главный труд под претенциозным названием «Миф XX века», ставший, пожалуй, второй библией национал-социализма после «Майн кампф» Гитлера. В результате Розенберг занял нишу ведущего теоретика этого движения, хотя в глазах многих нацистских деятелей, в том числе «старой гвардии», он был чужероден, недостаточно проявил себя в практической борьбе, поэтому так и не вошел в узкий круг приближенных фюрера.

После прихода нацистов к власти в 1933 г. А. Розенберг не получил какого-либо значимого государственного поста, оставаясь редактором главной газеты партии и возглавив Управление внешней политики НСДАП, в определенной степени дублировавшее функции министерства иностранных дел Германии. Гитлер постоянно насаждал параллелизм в деятельности различных ведомств, что позволяло ему сохранять за собой роль арбитра в межведомственных коллизиях и не допускать чрезмерного сосредоточения полномочий в одних руках. В результате в системе формирования внешней политики сложилась постоянная и ревнивая конкуренция между ведомством Розенберга и министерством иностранных дел, а также министерством пропаганды, что получило достаточно полное отражение на страницах дневника. Кроме проблем идеологии и внешней политики Розенберг активно занимался разработкой расовых вопросов, внес весомый вклад в формирование человеконена-

вистической политики Третьего рейха, за что и получил достойную награду в виде смертного приговора Нюрнбергского трибунала окончив свою жизнь на виселице.

Вести свой дневник А. Розенберг начал в мае 1934 и завершил в декабре 1944 г., дав тем самым читателю возможность проследить развитие событий на нацистском Олимпе на протяжении всего периода существования этого преступного режима от становления до кануна его окончательного краха. Автор дневника оказался не слишком педантичен и аккуратен, в тексте встречаются временные лакуны до нескольких месяцев, а то и года. В 1934, 1936, 1939, 1940 гг. записи шли достаточно регулярно, особенно выделяется 1941 г., когда Розенберг был, похоже, на вершине счастья от перспективы реализации своих планов освоения славянского Востока. В другие годы записи шли менее регулярно, лакуны становились всё больше.

Сразу следует отметить, что особых секретов дневник А. Розенберга не содержит, записи зачастую носят довольно обыденный характер. Автор скрупулезно описывал свою пропагандистскую деятельность, с удовольствием фиксируя дифирамбы в свой адрес со стороны слушателей и читателей, с гордостью отмечал свое чуть ли не ключевое место во время проведения партийных съездов (его речи по традиции открывали партийные форумы). Ему льстило доверие Гитлера, постоянно признававшего высокое качество и заметную роль его публичных выступлений и печатных трудов.

Много места в дневнике занимает фиксирование ошибок, допущенных его конкурентами в системе нацистской власти. Особенно критичен он в отношении министерства иностранных дел — что при К. фон Нейрате, что при И. фон Риббентропе, которого Розенберг открыто считал выскочкой и бездарностью, постоянно отмечая действительные и кажущиеся успехи своего внешнеполитического ведомства в продвижении идей национал-социализма за рубежом и формировании благоприятного для Рейха внешнеполитического климата на самых разных направлениях — от Афганистана до Норвегии. В этом свете большой интерес представляет демонстрация в дневнике тесных взаимоотношений ведомства Розенберга с политическими и военными деятелями Великобритании и Франции, во многом объясняющих успехи Гитлера в восстановлении военной мощи и политического влияния Германии.

Конечно, подробного анализа перипетий внешней политики Германии в дневнике нет, далеко не все ключевые события того бурного времени получили в нем надлежащее освещение. Но отчетливо можно видеть, как всё более жестко действовал Гитлер, ощущая слабость и податливость своих оппонентов, как всё более амбициозными выглядели его цели и всё более авантюристичными — его действия. Розенберг восторженно приветствовал действия своего вождя, высказав некоторую критику только однажды, после подписания пакта о ненападении с СССР, с которым он был в душе абсолютно не согласен, хотя и здесь

отмечает убедительность доводов фюрера о временном и вынужденном характере этого соглашения, отнюдь не означавшего, по заверению Гитлера, его отказа от неизбежного броска на Восток после решения проблем на Западе.

Большое место в дневнике А. Розенберга занимает его деятельность по утверждению в германском народе идей национал-социализма, в ходе которой одним из объектов нападок автора являлась церковь. Еще в своем главномopusе «Миф XX века» Розенберг обвинял Ватикан в губительном для арийских народов стремлении внедрить в европейский мир свои, как он писал, малоазиатские принципы и идеи, искажающие истинную сущность Христа и превращающие нордического свободного человека в послушный объект эксплуатации со стороны Рима. Не менее виновны в этом плане, по мнению Розенберга, и протестанты, сделавшие Библию, продукт малоазийского мифотворчества, основой своего вероучения, тем самым превратившись в адептов иудаизма и губителей всё той же нордической идеи. Ненависть к любой церковной организации буквально пронизывает страницы дневника. Розенберг с глубоким удовлетворением отмечал, что в Германии за годы нацистского правления и не без его активного участия роль и влияние церкви неуклонно падало, а популярность идей национал-социализма, особенно среди молодого поколения, росла.

Дневник Розенберга убедительно опровергает тезис некоторых отечественных и зарубежных историков

и публицистов, согласно которому Гитлер был верен пакту о ненападении и не готовился воевать с СССР, а был вынужден начать боевые действия спонтанно ради предотвращения агрессии со стороны Красной армии. Розенберг, как видно из дневника, не был в курсе разработки плана «Барбаросса». Впервые о перспективе войны с СССР он был поставлен в известность Гитлером 2 апреля, когда, согласно дневнику, фюрер заявил своему верному палачу: «Розенберг, теперь настал ваш час». В двухчасовой беседе Гитлер познакомил Розенберга с планом нападения на СССР и поручил ему создание ведомства, которое должно было заниматься всеми делами, связанными с управлением будущими восточными владениями. Розенберг с гордостью отмечает, что был полностью готов к выполнению этой миссии и тотчас же передал фюреру докладную записку с конкретными рекомендациями по осуществлению поставленной задачи.

Представленная докладная записка содержала идеи, в конечном итоге предопределившие смертный приговор их автору в Нюрнберге. Розенберг был буквально одержим мыслью о расовом превосходстве немцев над восточными соседями, причем эта одержимость не осталась голой теорией. Особую ненависть он испытывал к Советскому Союзу, уничтожение которого стало делом всей его жизни. Он настойчиво искал способы и методы достижения этой цели и, как он считал, нашел желанное средство. Слабой стороной СССР он считал многонациональный характер советского государства, а посему настойчиво

продвигал идею использования для развала СССР националистических настроений. Причем речь шла не о развале именно *социалистического СССР*, но об уничтожении Российского государства в любой его ипостаси и с любой формой правления. Отсюда его неприятие даже открыто антисоветских эмигрантских групп и организаций, стоявших на позициях сохранения российской державности, что в конечном итоге могло, по его мнению, в будущем вновь создать угрозу германской империи.

Особо важную роль в борьбе против СССР как нового воплощения ненавистной России он отводил Украине, которая, как считал Розенберг, при условии надлежащего подхода со стороны немцев, могла бы стать их главной опорой в борьбе против Москвы. Ради этого он предлагал поддерживать и укреплять украинское «историческое самосознание», развивать «украинскую словесность», даже соглашаясь создать в Киеве украинский университет как опору и основу этой самостоятельности. Антирусская Украина в дальнейшем должна была стать ядром и опорой аналогичных русофобских движений других малых народов Советского Союза. При этом ни о каком реальном суверенитете Украины речи не шло. Это новообразованное государство должно было стать фактически германской колонией, играя роль поставщика сырья, продовольствия и дешевой рабочей силы.

Как видно из дневника, сразу после начала войны против СССР Розенберг горячо взялся за реализацию своих идей. К огромной радости на-

цистского идеолога, 16 июля 1941 г. его полномочия были расширены — он был назначен рейхсминистром оккупированных восточных территорий, т. е., как с гордостью отмечает он в своем дневнике, «практически всего Советского Союза». На совещании в главной военной ставке Гитлера 20 июля того же года, как пишет Розенберг, нацистские лидеры с наслаждением предавались приятному занятию — перекраиванию карты бывшего (по их мнению) Советского Союза, планируя, что из него кому и куда отойдет, что появится на этой территории в будущем и кто будет этим богатством распоряжаться. Правда, как с обидой отмечает в дневнике Розенберг, всей полноты власти на восточных территориях он так и не получил. Гитлер сохранил практику создания системы перекрещивающихся полномочий, в результате чего планы Розенберга постоянно нарушались самодеятельностью разных гауляйтеров, преследовавших свои цели, зачастую противоречившие идеям рейхсминистра.

Так, не получила поддержки мысль Розенберга о создании на территории СССР антирусских квазигосударственных образований из представителей малых народов. Слишком велика была уверенность нацистов в своем военном превосходстве, слишком отчетливо проявлялось стремление к максимальной эксплуатации оккупированных земель и презрение к населявшим эти земли людям. Розенберг постоянно пишет о том, что эта чрезмерная жесткость, а то и жестокость, проявляемая оккупационными властями, в частности гауляйтером Укра-

ины Кохом, делала напрасными все его надежды на формирование в украинской среде русофобии и антибольшевизма, подпитывала ненависть местного населения к новым господам. Но поделаться он ничего не мог, ибо идею создания некоего подобия украинского государства на антирусской основе не поддержал Гитлер, открыто заявивший, что сама история явственно продемонстрировала неспособность украинского народа к самостоятельному государственному существованию, а стало быть, любая попытка действовать в этом направлении обречена на неудачу.

Кстати, стремление Розенберга поощрить украинскую самостийность не распространялось, например, на прибалтов. Запись от 2 августа 1941 г. содержит категорическое заявление на этот счет: «Для балт[ийских] стран вопрос о независимости вообще больше не стоит... Город[ская] интеллигенция страдает манией величия... Былинки — это не деревья». Далее: «Сегодня эстонцы, латыши и т. д. благодарны, через некоторое время они снова потребуют свою “собственную государственность”, как будто Германия только для того и существует, чтобы раз в 20 лет рисковать своей шкурой для всякой мелкоты (намек на роль Германии в создании прибалтийских государств на развалинах Российской империи в 1918 г. — А.З.). Весь этот рейхскомиссариат Остланд под немецкой протекцией должен навсегда стать землей Рейха».

Изданы дневники А. Розенберга вполне качественно. Публикацию предваряет очень квалифициро-

ванное предисловие, содержащее характеристику автора дневника и историю появления текста в печати. Документ сопровождается постраничными примечаниями, помогающими получить более полное представление о времени и действующих лицах. Завершает книгу именной указатель, облегчающий работу с этим источником. Другими словами, мы имеем дело с хорошей качественной работой составителей и издателей дневников.

Может возникнуть вопрос: а стоило ли публиковать эти дневники сейчас, по истечении 70 лет после окончания Второй мировой войны и казни через повешение их автора? Ответ однозначен — стоило и стоит. Во-первых, потому что для понима-

ния сути происходивших событий прошлого важны даже самые, казалось бы, незначительные нюансы. Во-вторых, потому что, к сожалению, это прошлое вдруг получило новую реинкарнацию в современных условиях. Примеров этого много, взять хотя бы ту же Украину или Прибалтику, что, кстати, видимо, и послужило одной из причин публикации рецензируемого текста. Нужно, и здесь нельзя не согласиться с издателями, отчетливо знать и понимать, что на самом деле происходило в те давние трагические дни, какие планы строили в отношении нашего народа и нашей страны тогдашние враги России и СССР, какое будущее они нам готовили, откуда берутся корни нынешней русофобии. Знать, помнить и делать выводы...

И.П. Потехина

СУДЬБА ПРЕСТОЛОВ, ИЛИ ТРУДНЫЙ ПУТЬ ШОТЛАНДИИ В РОССИЙСКУЮ МЕДИЕВИСТИКУ

Рец.: *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А.* Средневековая Шотландия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 352 с., 7 карт

В названии этого текста не случайно содержится аллюзия на популярный в наши дни британо-американский сериал в жанре фэнтези «Игра престолов», снятый по мотивам романов современного писателя Дж. Мартина. История так называемых «британских композитов» (Шотландии, Ирландии и Уэльса), одному из которых и посвящается рассматриваемая мной книга, не только вдохновляет бесчисленное количество беллетристов, но и сама по себе отчасти напоминает запутанный фэнтезийный мир, истоки которого теряются в тумане легенд и не раз переписанных и перекроенных преданий, а бурные события более позднего времени не дают читателю (а равно зрителю, слушателю и т. п.) ни минуты эмоциональной передышки. Рассуждать об истории этих самых композитов тем более сложно, что в отечественной исторической науке роль их до сегодняшнего дня остается «не сыгранной» (обыденное же сознание преспокойно довольствуется

всякого рода суррогатами истории, порождаемыми современным неомедиевализмом (*Панфилов 2014*)). Можно сказать, что, несмотря на отдельные попытки исследователей (*Басовская, Зверева 1985; Зверева 1987; Федосов 1990; Брандт 1993; Федосов 1996; Игнатьев 2005; Апрыщенко 2006; Зверева 2006; Игнатьев 2011; Федосов 2014*), систематическому изучению исторический путь британской периферии у нас, по сути, не подвергался и самостоятельной научной школы в той дисциплине, которую при известной фривольности — и в русле нынешней тенденции к дискретизации исторического знания — можно было бы назвать шотландоведением, до сих пор не существует. К слову, шотландские, ирландские и валлийские сюжеты в этом смысле отнюдь не одиноки. Отечественная медиэвистика — при всех ее непомерных претензиях — вообще изобилует белыми пятнами, и перспектив их закрытия пока не видно... Именно поэтому выход в свет книги, о которой пойдет речь в данной рецензии, стал, на мой взгляд, событием знаменательным

и до определенной степени знакомым (в первую очередь, конечно же, для петербургской медиевистики).

Итак, перед нами сравнительно свежая (если принимать во внимание скорость «обновления» исторической науки), выпущенная в конце 2014 г. в издательстве «Дмитрий Буланин» монография под названием «Средневековая Шотландия» (Фёдоров, Паламарчук 2014). Авторами ее выступили сотрудники Института истории (в прошлом Исторического факультета) СПбГУ доктор исторических наук Сергей Егорович Фёдоров и кандидат исторических наук Анастасия Андреевна Паламарчук, являющиеся в каком-то смысле «лицом» современного петербургского англоведения.

Построенная в целом по всем канонам исторического исследования монография состоит из историографического введения («Предисловие» (с. 5–15)), трех разделов, посвященных соответственно Шотландии I–XII вв. (с. 16–132), эпохе войн за независимость и правления династии Брюсов (с. 133–196) и эпохе ранних Стюартов (с. 197–294), и заключения («Послесловие» (с. 295–297)). Метаданные в работе представлены указателями имен и географических названий, набором карт (иллюстрирующих в основном раннюю историю Шотландии) и обширным списком источников и литературы, наглядно демонстрирующим более чем богатую научную базу исследования (с. 298–316). Такая простая и четкая композиция, знакомая всем профессиональным историкам еще со времен научной юности, оче-

видно, как нельзя лучше отвечает одной из главных задач работы, сформулированной авторами в предисловии, а именно ознакомлению с историей Шотландии *широкого круга* читателей и прежде всего «целевой аудитории» – студентов, работа с которыми и послужила толчком к написанию книги (с. 14).

Как явствует из приведенного перечня разделов монографии, хронологические рамки заявленного ее авторами «шотландского средневековья» предполагают рассмотрение наиболее значимых событий, происходивших на землях Шотландии от момента проникновения туда римлян до начала пресвитерианской реформации в середине XVI в. Таким образом, в фокусе авторского внимания оказывается наиболее характерный период шотландской истории, в продолжение которого сформировались основные социальные и политические черты региона, его неповторимая культурно-историческая специфика. При этом социальная эволюция, как нетрудно догадаться, имеет для авторов первостепенное значение. Магистральной линией исследования является анализ структурных особенностей шотландского общества, в рамках которого происходило сначала смешение разнородных (и порой враждебных друг другу) локальных кельтских и германских (скандинавских) элементов, а затем – постепенная трансформация общественных устоев и традиций по европейскому (de facto англо-нормандскому) образцу. Огромное значение при этом имеет стремление (и умение!) авторов учесть как внутренние, так и многообразные

внешние факторы общественного развития (в сфере политики, религии, культуры), вписать историю Шотландии на каждом ее этапе в максимально широкий исторический контекст — одним словом, насытить событиями окружающий шотландцев средневековый мир. И на стороне наших исследователей в этом смысле превосходная ориентация не только в светской истории средневековья, но, что немаловажно, и в истории идеологической — церковной (вплоть до недавнего времени также оставшейся «нетронутым полем» отечественной исторической науки). В связи с этим особого упоминания, как мне кажется, заслуживают фрагменты монографии, посвященные рассмотрению процесса христианизации британского Севера (с IV в.) и постепенной интеграции его обитателей в западный церковный мир, а также авторская трактовка взаимоотношений так называемой «кельтской церкви» и церкви римской (с. 106–132). Будучи историком позднесредневекового папства, не могла я пройти и мимо глав, освещающих отношение шотландской короны к церковным событиям эпохи Авиньонского пленения пап и последовавшей за ним Великой схизмы (с. 176–178, 190, 195, 199–202, 220–224), повлиявшим на весь европейский политический климат, но в отечественной историографии незаслуженно оставленным без внимания. При этом необходимо отметить, что церковные и околоцерковные сюжеты — при всей социальной и политической значимости средневековой церкви, связующей воедино весь католический мир, — отнюдь не назовешь

единственным «ярким пятном» в панорамной реконструкции шотландской истории, представленной нам С.Е. Фёдоровым и А.А. Паламарчук. На страницах «Средневековой Шотландии» читатель в избытке находит и детальный анализ неоднозначных в своих показаниях исторических источников, и попытки воссоздания древнейшего пласта легенд, повествующих о становлении скоттских и пиктских королевств, предшественников Альбы, и ценные географические и демографические сведения, и захватывающие описания политических и семейных (клановых) интриг, и яркие портреты церковных и государственных деятелей. Интересно, что при этом книга совершенно лишена какой-либо излишней героизации и романтизации исследуемых явлений и персонажей (что нередко случается с увлеченными своим предметом исследователями). Не впадая в популярные рассуждения, авторы умеют заинтересовать читательскую аудиторию, тем самым с успехом решая обозначенную выше просветительскую задачу работы. Несомненным украшением «Средневековой Шотландии», наконец, нужно признать литературный язык ее авторов. И хотя между написанными ими разделами наблюдаются определенные отличия (о них чуть ниже), вся книга оставляет по себе впечатление достойного и яркого образчика профессиональной научной прозы.

Конечно же, как и всякая научная (и не только научная) публикация, работа С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук не свободна и от разнообразных огрехов и недостатков. Однако

подавляющее их большинство носит скорее формальный, технический характер — а потому замечания в данном случае могут быть адресованы не только (и не столько) авторам, но и издательству. Здесь и некоторое количество опечаток, «упущенных из виду» редакторами и корректорами (например, родословная пиктских королей оказывается сконцентрирована в «придании», а Уильям Уоллес, судя по указателю, вероломно захватил все страницы книги с 15 по 161, прожив, таким образом, восемь столетий (с. 34, 336)); и встречающиеся без пояснений, а подчас и без перевода названия гэльских источников (так, «Lebor Bretnach» с опечаткой впервые появляется на с. 38, а перевод и правильное написание обретает лишь через 6 страниц (с. 38, 44)); и немногочисленные, хотя порой и весьма курьезные разночтения в приводимых именах и топонимах. Всё это в совокупности может свидетельствовать о поспешности в подготовке издания, о недостаточно плотном взаимодействии авторов и редакторов, но ни в коем случае не дает основания для какой-либо принципиальной критики работы по существу.

Несколько настораживает то обстоятельство, что в издании, ориентированном на отечественного читателя, авторы, блестяще восстанавливая современный историографический контекст темы, в то же время совершенно обходят вниманием существующие (пусть и крайне немногочисленные) русскоязычные работы по истории Шотландии, оговаривая, впрочем, свое стремление избежать сюжетных

повторов и пересечений с предшественниками (вернее, с одним конкретным предшественником, русским шотландоведом Д.Г. Федосовым (Федосов 2014)). Единственной же проблемной особенностью рецензируемой книги, на которой мне хотелось бы остановиться отдельно и чуть подробнее, является то, что можно было бы назвать жанровой неопределенностью текста. Изначально «Средневековая Шотландия» позиционируется целиком и полностью как научное издание — и с первых же страниц предисловия читатель может воочию убедиться в этом, разбираясь вслед за авторами в особенностях шотландской медиевистики и сложной историографической полемике вокруг изучаемого региона. Однако последующие содержательные разделы книги выглядят и воспринимаются как научный нарратив уже не так однозначно.

Справедливости ради следует отметить, что в том же предисловии авторы указывают на структурные особенности своей работы и предупреждают о различиях в подходе к повествованию в первом и последующих разделах книги. Но масштабы этих различий на проверку оказываются более чем заметными. По сути дела, под обложкой «Средневековой Шотландии» перед нами предстают два разных по характеру текстовых фрагмента, первый из которых, написанный в русле проблемного подхода, явно диссоциирует со вторым — линейно-хронологическим, — напоминающим и по стилю, и по подаче материала скорее фактологически насыщенный учебник, нежели научное исследо-

вание. Такая особенность лишней раз демонстрирует нам, что у монографии именно *два* автора — причем автора разных и по манере письма, и по методологическим установкам (и даже по своему отношению к читателям), и различие это в процессе подготовки общей публикации никак не маскировалось и не нивелировалось. Если второй и третий разделы (в меньшей степени глава 3 первого раздела, посвященная христианизации (с. 106–132)) делают именно то, что требуется от учебного пособия, — на базовом уровне *знакомят* нас с историей Шотландии в XIII–XV вв., — то начальные главы раздела I, сосредоточенные на наиболее актуальных проблемах источниковедения и историографии раннесредневековой Шотландии, адресуются исключительно специалистам (а таких, с учетом сказанного выше о шотландской проблематике в России, боюсь, не так уж много). Разумеется, от этого упомянутые главы не становятся менее интересными и захватывающими, чем их наполненное войнами и династическими интригами линейно-хронологическое продолжение. Напротив, анализ научной полемики по тем или иным туманным вопросам ранней шотландской истории развивается не хуже настоящего британского детектива — чего стоит хотя бы реконструкция истории и «литературной биографии» народа пиктов (с. 20–50). Не меньший интерес представляет и проанализированный во второй главе раздела процесс сближения гэльской и пиктской культур, осложненный «продавливаемым сверху» процессом европеизации шотландского общества (с. 60–106). Тем не менее

для полноценного понимания этих глав от читателя требуется такая масштабная предварительная подготовка и такая степень освоения раннебританских сюжетов, как будто в отечественной медиевистике уже не одно десятилетие развивается собственная школа научного шотландоведения. И уж по крайней мере не лишним кажется заблаговременное ознакомление с работами игнорируемого авторами Д.Г. Федосова... Таким образом, монография пребывает в состоянии некоей неуравновешенности — проблемному разделу явно недостает «линейности», способной облегчить «участь» неискушенного читателя, а в разделах последующих заведомо редуцирован проблемный компонент.

Впрочем, нетрудно заметить, что все подобные замечания относительно стиля и жанровой разбалансированности теста — так же как и указания на редакторские оплошности и опечатки — носят сугубо формальный характер и никоим образом не могут испортить общего благоприятного впечатления от прочитанной монографии. Ведь для читателя, действительно одержимого жаждой знаний, стилистика и жанр научного (да и любого другого) текста вряд ли будут иметь принципиальное значение. А уж новых знаний «Средневековая Шотландия» способна дать немало! Что до сложностей, с которыми сталкиваются историки, берущиеся за исследование новой, не изученной (или же слабо изученной) темы — а тем более такой запутанной, как история британской периферии — то они вполне закономерны и естественны. Но без этих сложностей

нет и научного прогресса – говоря словами Овидия, «*ardua molimur, sed nulla nisi ardua virtus*». Остаётся надеяться, что авторы рассмотренной здесь книги с успехом продолжат и разовьют свои научные изыскания в области британских композитов, а сама «Средневековая Шотландия» найдёт своего благодарного и внимательного читателя и, обретя «младших братьев» (запланированные к публикации книги «Средневековая Ирландия» и «Средневековый Уэльс»), со временем послужит отличной основой для еще одного мощного и актуального направления петербургской медиевистики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Апрыщенко 2006 – *Апрыщенко В.Ю.* Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2006.

Басовская, Зверева 1985 – *Басовская Н.И., Зверева Г.И.* Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII–XV вв. // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 71–90.

Брандт 1993 – *Брандт М.Ю.* Шотландия в европейской системе государств: Вторая половина XVI в. М.: Прометей, 1993.

Зверева 1987 – *Зверева Г.И.* История Шотландии. М.: Высшая школа, 1987.

Зверева 2006 – *Зверева И.А.* Шотландия в системе международных отношений в конце XV – 80-е гг. XVI века: Автореф. дис. ... к. и. н. М., 2006.

Игнатъев 2005 – *Игнатъев С.В.* Англо-шотландские отношения в первой половине XV в.: Автореф. дис. ... к. и. н. СПб., 2005.

Игнатъев 2011 – *Игнатъев С.В.* Шотландия и Англия в первой половине XV в.:

высокая политика и региональные амбиции. СПб.: Алетейя, 2011. (Pax britannica).

Панфилов 2014 – *Панфилов Ф.* Рыцарь каминного коврика. «Игра престолов» и другие образы средневековья на экране с точки зрения историка-медиевиста. 2014. 11 февраля [Электронный ресурс] Colta. URL: <http://www.colta.ru/articles/media/1997> (дата обращения: 04.03.2016).

Фёдоров, Паламарчук 2014 – *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А.* Средневековая Шотландия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

Федосов 1990 – *Федосов Д.Г.* Шотландия в XI – начале XIV в.: общественное развитие и политическая борьба: Автореф. дис. ... к. и. н. М., 1990.

Федосов 1996 – *Федосов Д.Г.* Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV века. М.: ИВИ, 1996.

Федосов 2014 – *Федосов Д.Г.* Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.–М.: ЕВРАЗИЯ – ИД Клио, 2014.

REFERENCE

Apryshchenko V. Yu. *Klanovaya sistema gornoy Shotlandii: traditsii i modernizatsiya.* Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2006.

Basovskaya N.I., Zvereva G.I. *Soyuz Frantsii i Shotlandii v sisteme anglo-frantsuzskikh protivorechiy XII–XV vv. Srednie veka.* 1985. Vol. 48. P. 71–90.

Brandt M. Yu. *Shotlandiya v evropeyskoy sisteme gosudarstv: Vtoraya polovina XVI v.* Moscow: Prometey, 1993.

Zvereva G.I. *Istoriya Shotlandii.* Moscow: Vysshaya shkola, 1987.

Zvereva I.A. *Shotlandiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v kontse XV – 80-e gg. XVI veka: Avtoref. dis. ... k. i. n.* Moscow, 2006.

Ignat'ev S.V. *Anglo-shotlandskie otnosheniya v pervoy polovine XV v.: Avtoref. dis. ... k. i. n.* Saint Petersburg, 2005.

Ignat'ev S.V. *Shotlandiya i Angliya v pervoy polovine XV v.: vysokaya politika i regional'nye ambitsii*. Saint Petersburg: Aletyya, 2011. (Pax britannica).

Panfilov F. Rytsar' kaminnogo kovrika. «Igra prestolov» i drugie obrazy sredne-vekov'ya na ekrane s toчки zreniya istorika-medievista. 2014. 11 fevralya. *Colta*. URL: <http://www.colta.ru/articles/media/1997> (date of access: 04.03.2016).

Fyedorov S.E., Palamarchuk A.A. *Srednevekovaya Shotlandiya*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2014.

Fedosov D.G. *Rozhdennaya v bitvakh: Shotlandiya do kontsa XIV veka*. Moscow: IVI, 1996.

Fedosov D.G. *Rozhdennaya v bitvakh. Shotlandiya do kontsa XIV veka*. Izd. 2-e, ispr. i dop. Saint Petersburg – Moscow: EVRAZIYA – ID Klio, 2014.

Fedosov D.G. *Shotlandiya v XI – nachale XIV v.: obshchestvennoe razvitie i politicheskaya bor'ba*: Avtoref. dis. ... k. i. n. Moscow, 1990.

Н.П. Копанева

Рец.: *Мезин С.А.* Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 310 с.: ил.

Книга С.А. Мезина обобщает, продолжает и развивает предыдущие исследования автора, посвященные вопросам, близким к теме монографии. Стоит вспомнить такие его работы, как «Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I»; «Визит Петра I в Париж и первый союзный договор России и Франции 1717 года»; «Парижские встречи Петра I» (Мезин 1999; 2010; 2013). Уровень исследований о первом и втором «путешествиях» Петра I в Европу находятся в таком состоянии, что в первую очередь обращаешь внимание на вводимые новые источники и на критику уже известных. Сам автор отметил, что основные отечественные источники, по которым можно судить о пребывании Петра I во Франции, — делопроизводственные документы, периодическая печать, источники личного происхождения — в основном опубликованы, но требуют «критической оценки и комплексного изучения». Представляя франкоязычные источники, С.А. Мезин делает акцент на сообщениях газет о визите Петра, которые обеспечивают «полноту событийного ряда», передают «свежесть восприятия необычного русского царя евро-

пейскими современниками» (с. 36), а также на письмах современников, дневниках, мемуарах. Несомненный интерес вызывают впечатления самого Петра, описываемые им в кратких письмах жене или лицам из ближайшего окружения. Вполне ожидаемы, но не менее интересны эмоционально оценочные суждения французов о Петре, основанные или на личных впечатлениях, или чаще всего на слухах, распространявшихся о нем в Париже. Но жаль, что те документы, которые ранее не публиковались и выявлены автором в российских и французских архивах — «часть делопроизводственных документов, официальной и частной переписки, мемуаров, касающихся визита Петра I во Франции», — заявлены в обзоре источников, но никак не описаны и не охарактеризованы.

Сформированный комплекс источников, разнообразных по виду и происхождению, позволил автору раскрыть все основные аспекты пребывания царя во Франции: от стремления к политическому сближению двух стран, интереса Петра I к культуре, науке, техническим новинкам, его визитов, разговоров, покупок до бытовых деталей проживания царя и его окружения

© Копанева Н.П., 2016

в Париже и во время пути до него и обратно.

Поскольку при начавшемся сближении России и Франции по сравнению с политическим «культурное взаимодействие было более успешным» (с. 51), то именно ему и уделено основное внимание в книге.

Особенностью новой книги С.А. Мезина является то, что в его основу положена детальная, подневная хроника пребывания Петра I во Франции с 10/21 апреля по 13/24 июня 1717 г. Перечень важнейших событий визита Петра во Францию выделен в особую главу со ссылками на источники, но без комментариев. Возможно, эту хронику можно было бы дать в качестве приложения в конце книги, что, на мой читательский взгляд, было бы удобнее при справочном обращении к датам при чтении других глав. Но композиция книги, конечно, дело автора.

Насыщенность информацией разной степени достоверности из разных источников часто по одному и тому же поводу требует от автора максимального внимания к ее комментированию и трактовке. Без этого не всегда понятно, как читателю оценить достоверность сообщаемых сведений. Такие формулировки, как «современный автор предположил, что среди прочего царю продемонстрировали “зажигательное зеркало”, с помощью которого плавили золотые монеты и кусочки стали» (с. 196), не должны оставаться без пояснений исследователя: на основании чего предположил, возможно ли это было (вполне

возможно; зажигательное зеркало Чирнгауза было позднее представлено в собрании Кунсткамеры и сейчас является экспонатом Музея М.В. Ломоносова в МАЭ РАН).

Отсутствие в ряде случаев авторского комментария к перечисляемым событиям приводит к тому, что некоторые суждения воспринимаются просто как декларация или следование стереотипам. Что подразумевается под утверждением: «В отношениях царя с научным сообществом Парижа возникли проблемы, обусловленные в конечном счете существенной разницей в уровне культурного развития двух стран» (с. 211). Какие проблемы могли возникнуть у русского царя с французскими академиками? И что понимается под разницей уровней «культурного развития»? Здесь могут быть разные мнения. Одно из них – о Франции, было, например, у Вольтера, стоит лишь почитать его «Lettres philosophy ques sur les Anglais». Вызывает сомнение и утверждение, что «заметный рост гуманитарных интересов царя сдерживался незнанием французского языка» (с. 211). Но интересовался же он, не зная французского языка, скажем, фортификацией?

Не хватает и пояснения к неоднократно повторенному замечанию о карте Московии Гийома Делиля, выполненной по «запискам царя» (с. 106, 193). Видимо, речь идет о «Carte de Moscovie; A son Excellence Monseigneur André Artémónides de Matueof, Ministre d'Etat de sa Majesté Csarienne...» (A Paris: Chez l'Auteur sur le Quai de l'Horloge, 1706). Но что это за «записки ца-

ря», по которым карта составлена, не разъяснено.

Декларативно обобщение, что знакомство с Версалем повлияло «на дальнейшую культурную политику Петра I» (с. 158), приводимое без дополнительных пояснений: в чем сказалось это влияние? Требуется уточнений заключение автора, что «едва ли царь уяснил во всей полноте идейную подоплеку Версальского комплекса». Что это за «идейная подоплека» и почему Петр не мог ее понять? Бывает, что автор некритично воспроизводит информацию того или иного источника, не поясняя, почему он это делает. Например, сообщая, что в кабинете маршала Вильруа Петру «продемонстрировали драгоценности короны», С.А. Мезин ссылается на слова «журналиста», который отметил, что царь рассуждал об их красоте и стоимости как знаток. А герцог Сен-Симон, который, по мнению автора, «более точен», утверждал, что в отношении драгоценностей царь сказал, «что очень мало понимает в них» (с. 106). Почему герцог Сен-Симон более точен? Вряд ли Петр не был знаком с сокровищами Оружейной палаты в Москве и не понимал ценности того, что там хранилось, и не мог по достоинству оценить то, что ему показывали у маршала Вильруа.

Несмотря на то что в начале книги, как уже было отмечено, заявлен принцип комплексного изучения источников и их критической оценки, автор не всегда последователен в его соблюдении. По справедливому замечанию автора, «Петр ехал в Париж, уже имея некоторую

представление о том, что могло его там заинтересовать» (с. 51). Но посещение Петром Парижа в книге часто описывается в отрыве от уже накопленного русским царем опыта знакомства с другими странами, политиками, учеными и научными обществами, коллекционерами и музеями и т. д. Это не позволяет понять, что же собственно нового узнал Петр в Париже и нашли ли его новые знания воплощение в России. Например, автор пишет, что для царя было «актуальным» посещение Ботанического сада «в плане перенимания опыта, который можно было применить в Аптекарском огороде в Петербурге, заложенном около 1713 года, в Генеральном госпитале (1715), а также при устройстве Кунсткамеры (1719)» (с. 190). Но к этому времени в Москве уже был Аптекарский огород; как отметил сам автор, и в Петербурге был заложен Аптекарский огород, к тому же Петр хорошо знал Hortus Botanicus в Амстердаме и Лейдене. Какой опыт Ботанического сада в Париже перенял Петр? Такого анализа нет, есть только констатация факта. Однако к ботаническим исследованиям у Петра тоже был интерес. У амстердамского анатома Фредерика Рюйша он купил не только его анатомическую коллекцию, но и огромный гербарий. В Проекте положения об Академии наук ботаника включена в число специальностей физического класса, чего не было в уставе Берлинского научного общества, но было в уставе Парижской академии (Копаневич 1977: 59). Ну и в приведенной цитате непонятна дата, отнесенная к Кунсткамере. Годом основания Кунсткамеры и Библиотеки, в бу-

душем Библиотеки Академии наук, принято считать 1714 г. К 1719 г. Кунсткамера была уже довольно большим музеем, располагавшимся в Кикиных палатах, для которого в 1718 г. было заложено специальное здание на Васильевском острове. Если 1719 г. — это дата открытия музея для публики в Кикиных палатах, то значит, к этому времени музей уже был устроен.

Вопросы такого же рода возникают при описании посещения Парижской академии. Встречи с учеными для Петра I к 1717 г., как известно, были не в новинку. Сопоставление уже накопленных Петром знаний с парижскими впечатлениями позволило бы объяснить, почему его интересовали те или иные научные направления и не интересовали другие, почему он по несколько раз посещал «известные научные центры Парижа, отдавая предпочтение естественным наукам и медицине, астрономии, механике и географии» (с. 211). Он и в других городах и странах возвращался к осмотру одних и тех же мест, например собрание разного рода инструментов в кунсткамере в Дрездене, которое он изучал в 1698 г. в ночь с 1 на 2 июня, а 3 июня был там еще раз. В Амстердаме он не единожды был у Фредерика Рюйша, знаменитого медика и химика Г. Бургаве, коллекционера Я. Де Вильде и т. д. Просто утверждение, что Петра интересовал «прикладной аспект научных знаний», стало уже общим местом. Трудно представить, что первое лицо государства, да еще с таким характером, как у Петра, удовлетворится просто «научной экскурсией». Для примера обратимся к тому,

почему Петр уделял внимание в Париже анатомии и Ж.-Г. Дюверне. Известно, что царь с анатомией и медициной к этому времени был хорошо знаком, причем до такой степени, что называл себя учеником Фр. Рюйша. К апрелю 1717 г. царь уже купил не только знаменитую на весь свет коллекцию амстердамского анатома, но и секрет консервации препаратов. Что интересовало Петра у Ж.-Г. Дюверне? С.А. Мезин справедливо пишет, что лейб-медик Р. Арескин уже после визита Петра вел переписку с парижским анатомом по поводу восковых анатомических моделей, которые у него были заказаны. Но дело в том, что Петр отправился к Дюверне не просто на экскурсию, а уже зная, что тот славен своими восковыми анатомическими моделями. У Дюверне учился Р. Арескин, а будущий президент Петербургской Академии наук Л.Л. Блюментрост не просто консультировался у него, как пишет автор (с. 10), а с сентября 1716 г. слушал у парижского ученого курсы по неврологии, остеологии, миологии. Именно Л. Блюментрост в письме Р. Арескину в январе 1717 г. обратил внимание на парижскую новинку — анатомические препараты из воска (*Дриссен-ван хет Reve* 2015: 77). Причина, по которой так нелегко шла покупка восковых анатомических моделей у Дюверне, не в финансовых трудностях. О них подробно написала нидерландская исследовательница Й. Дриссен-ван хет Reve (*Driessen-van het Reve* 2006): Дюверне страстно хотел заполучить секрет консервации анатомических препаратов, который Рюйш передавал Петру через Арескина. Этими переговорами проникнута

вся последующая переписка Дюверне с Арескиным, этим объясняется его трогательная забота о том, чтобы русский царь был введен в состав Парижской академии. В связи с этим отметим, что, подробно останавливаясь на исследованиях Е.А. Княжецкой о посещении Петром Парижской академии и справедливо указывая на ее ошибку в дате приема царя в члены Академии, С.А. Мезин не пишет, что об этом как установленном факте писала в 1977 г. Ю.Х. Копелевич: «19 июня в честь Петра I было устроено чрезвычайное собрание <...> 22 декабря 1717 г. состоялось избрание Петра I в члены Парижской академии» (Копелевич 1977: 44). На работы Ю.Х. Копелевич сошлюсь и в связи с заключением, сделанным С.А. Мезиным: «...едва ли не главное последствие научных контактов царя в Париже видится в основании в Петербурге Академии наук. Не случайно в проекте Академии, утвержденном Петром I, указывалось, что новое учреждение “такой академии, которая в Париже обретается, подобно есть”» (с. 211). Такой вывод, с которым трудно согласиться, требует серьезного фактического подтверждения. Ю.Х. Копелевич в книге «Основание Петербургской академии наук» убедительно показала, как шла подготовка к созданию этого учреждения в России, начавшаяся задолго до посещения Петром Франции. Несомненно, деятельность Парижской академии привлекла Петра, но лишь как один из возможных образцов. Его советниками были Лейбниц и Хр. Вольф, которые предлагали иные проекты. Ю.Х. Копелевич ясно и четко показала, что из существо-

вавших на тот момент научных обществ, в том числе и Парижской академии, конечно, взял Петр при разработке своего проекта Академии художеств и наук в Петербурге. Так, в структуре Парижской Академии не было гуманитарного класса (для этого во Франции были другие академии), но похожий класс был в Берлинском научном обществе и т. д. Учреждение, проект которого готовил Петр, включало в себя академию как сообщество наук, университет и гимназию, что совсем непохоже на Парижскую академию и т. д. В той цитате из Проекта положения об учреждении Академии наук и художеств 1724 г., которую приводит нам С.А. Мезин, речь идет о названии учреждения: «И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобна есть (кроме сего розличия и авантажа, что сия Академия и то чинит, которое университету или коллегии чинить надлежит) того для я надеюсь, что сие здание удобнейше Академиею названо быть имеет» (Уставы Академии наук СССР 1974: 33). А общий принцип, положенный Петром в Проект положения, был следующим: «Понеже ныне в России здание к возрощению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства как в разсуждении обучающихся, так и обучающихся» (Уставы Академии наук СССР 1974: 32). Преувеличением являются и слова об «ученом десанте» из Франции: в Петербургской академии наук из французских ученых были Ж.-Н. Делиль и его брат Л. Делиль де ла Кройер, научные

таланты последнего были довольно сомнительны. Правда, эта моя претензия в адрес не С.А. Мезина, а автора предисловия под названием «Летопись незабываемого путешествия» — Е.В. Анисимова.

О роли искусства в пропаганде успехов страны, в прославлении образа монарха Петр также узнал не во Франции (с. 186), вспомним, например, гравюрное искусство в Голландии. В Париже Петр увидел, сколь высокохудожественно это можно развивать, используя живопись, медальерное искусство, создавая шпалерные мануфактуры.

С.А. Мезин максимально полно использовал существующую литературу по исследуемой им теме. Но есть некоторые досадные пробелы. О книге Ю.Х. Копелевич я уже писала. Часто в книге С.А. Мезина упоминается имя архитектора Леблona, который хотя и был нанят на русскую службу до приезда Петра в Париж, но оказал заметное влияние на архитектуру Петербурга и пригородов. Странно, что при этом не упоминаются известные труды о Леблоне Н.В. Калязиной, которая ввела в научный оборот многие архивные документы о деятельности французского архитектора в России, в том числе и некоторые из тех, что приводит автор.

Интересно подобранные иллюстрации, к сожалению, не всегда документированы: у ряда гравюр не указаны гравер, дата их создания, местонахождение.

Критически характеризуя в обзоре источники газетные статьи,

автор в дальнейшем поддается искушению давать из них обширные цитаты, не всегда опять же поясняя приводимые там оценочные суждения и слухи. То же можно сказать о цитировании мемуаров. Цитаты с пересказом пикантных анекдотов, гротескных описаний пьянства и обжорства часто неоправданно длинны (с. 156, 162, 248). Вряд ли автор по примеру камер-юнкера де Либуа, высказывание которого приведено на с. 37, считает, что благодаря этим «красноречивым статьям» «простой люд будет доволен».

Большой труд, проделанный С.А. Мезиным по поиску источников и выявлению в них необходимой информации, несомненно, интересен и вызывает уважение, но при этом оставляет после чтения впечатление недосказанности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дриссен-ван хет Реве 2015 — *Дриссен-ван хет Реве Й.* Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб., 2015.

Калязина 1984 — *Калязина Н.В.* Архитектор Леблон в России 1716–1719 гг. // От средневековья к Новому времени. М., 1984. С. 94–123.

Калязина, Калязин 1997 — *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. СПб., 1997. С. 67–111.

Копелевич 1977 — *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.

Мезин 1999 — *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 1999 (2-е изд, испр. и доп.: Саратов, 2003).

Мезин 2010 — Мезин С.А. Визит Петра I в Париж и первый союзный договор России и Франции 1717 года // Россия – Франция. 300 лет особых отношений / Отв. ред. Ю.И. Рубинский, М.Ц. Арзаканян. М.: Росизо, 2010.

Мезин 2013 — Мезин С.А. Парижские встречи Петра I // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 70: Петровское время в лицах — 2013. К 400-летию Дома Романовых (1613–2013). Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013.

Уставы Академии наук СССР 1974 — Уставы Академии наук СССР: Сборник / Сост.: А.А. Богданова, Б.В. Левшин, Л.Н. Киселева и др. М.: Наука, 1974.

Carte de Moscovie... 1706 — Carte de Moscovie; A son Excellence Monseigneur André Artémonides de Matueof, Ministre d'Etat de sa Majesté Csarienne... Paris: Chez l'Auteur sur le Quai de l'Horloge, 1706.

Driessen-van het Reve 2006 — Driessen-van het Reve J. De Kunstkamera van Peter de Grote. De Hollandse inbreng, gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba en Johann Daniel Schumacher uit de jaren 1711–1752. Hilversum, 2006.

REFERENCE

Carte de Moscovie; A son Excellence Monseigneur Andr — Art — monides de Matueof, Ministre d'Etat de sa Majest — Csarienne... Paris: Chez l'Auteur sur le Quai de l'Horloge, 1706.

Driessen-van het Reve J. De Kunstkamera van Peter de Grote. De Hollandse inbreng, gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba en Johann Daniel Schumacher uit de jaren 1711–1752. Hilversum, 2006.

Driessen-van het Reve J. Gollandskie korni Kunstkamery Petra Velikogo: istoriia v pis'makh (1711–1752), Saint Petersburg, 2015.

Kaliazina N.V. Arkhitektor Leblon v Rossii 1716–1719 gg. Ot srednevekov'ia k Novomu vremeni. Moscow, 1984. P. 94–123.

Kaliazina N.V., Kaliazin E.A. Zhan Leblon. Zochie Sankt-Peterburga, XVIII vek. Saint Petersburg, 1997. P. 67–111.

Kopelevich U.H. Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk. Leningrad, 1977.

Mezin S.A. Vzgliad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I. Saratov, 1999 (2nd ed.: Saratov, 2003).

Mezin S.A. Vizit Petra I v Parizh i pervyi soiuznyi dogovor Rossii i Frantsii 1717 goda. Rossia – Frantsiia. 300 let osobykh otnoshenii. Eds. U.I. Rubinskii, M.T. Arzakanian. Moscow: Rosizo, 2010.

Mezin S.A. Parizhskie vstrechi Petra I. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 70: Petrovskoe vremia v litsakh – 2013. K 400-letiiu Doma Romanovykh (1613–2013). Materialy nauchnoi konferentsii. Saint Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2013.

Ustavy Akademii nauk SSSR: Sbornik. Comp.: A.A. Bogdanova, B.V. Levshin, L.N. Kiseleva et al. Moscow: Nauka, 1974.

С.М. Рязанов

Рец.: *Ялтаев Д.А.* Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах: Монография. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2012. 156 с.

С конца 90-х гг. прошлого столетия вышло множество исследований полицейских учреждений Российской империи в их региональном преломлении. Сложно назвать губернию, о полиции которой не появилось бы в последние годы диссертации или монографии, не говоря уже об огромном количестве статей. Однако исследований территорий, населенных преимущественно национальными меньшинствами, не так уж и много. Одним из них стала работа Д.А. Ялтаева о полиции чувашских уездов, написанная на основе его кандидатской диссертации.

Первое, на что можно обратить внимание, даже не открывая книги — узость заявленной темы. И дело не в территориальных рамках, ограниченных тремя уездами (Цивильским, Чебоксарским и Ядринским), или в хронологических границах, представляющих лишь пореформенный период существования полицейских учреждений. И то, и другое вполне обосновано. Слишком узка проблематика. Если в своей диссертации Д.А. Ялтаев рассматривал устройство и деятельность общей полиции вообще (*Ялтаев 2004*), то в монографии, судя по заглавию, должен бы ограничиться исключительно правоохранительным аспектом ее функционирова-

ния. К счастью, в самой книге автор неоднократно выходит за обозначенные рамки. Собственно, правоохранительной деятельности как таковой посвящены лишь три главы из шести, которые в общей сложности составляют чуть более половины книги.

Монография начинается с рассмотрения устройства полиции Казанской губернии. Разумеется, здесь оно представлено не столь подробно, как в диссертации. В частности, без внимания остаются такие аспекты как финансовое обеспечение уездной полиции и социальная характеристика штатного состава. Отсутствие последнего особенно удручает, ведь судя по диссертации национальные особенности сказались на личном составе довольно существенно (*Ялтаев 2004*). Тем не менее, из первой главы даже человек, не занимающийся специально историей полиции, сможет получить вполне законченное представление как о структуре и эволюции уездной полиции вообще, так и о ее специфике в рассматриваемом регионе. Д.А. Ялтаев выделяет в развитии казанской полиции три этапа. Водоразделом служат наиболее значительные преобразования этого института.

Последний из них (1905–1917 гг.) автор характеризует как «полный

переход к профессионализации нижних чинов полиции, но при ориентировании большинства из них на охрану «феодално-монархического строя» (с. 10). Периодизация логична и обоснована, но дань советской не столько даже методологии, сколько идеологии в формулировке последнего пункта классификации непонятна. Тем более что в шестой главе автор сам же ее опровергает. На с. 130 он пишет, что в годы Первой русской революции полицейские стражники систематически отказывались стрелять в восставших крестьян на поражение. Причем, как утверждает Д.А. Ялтаев, это решение не было связано с тем, что и стражники, и урядники сами происходили из местного населения. Выходит, все-таки было для «большинства из них» нечто дороже «феодално-монархического строя»?

Вторая глава посвящена месту уездной полиции в системе органов власти и управления. Во второй половине XIX — начале XX в. власти по-прежнему рассматривали полицию не как инструмент охраны правопорядка, а как орган государственного управления с чрезвычайно широкими функциями. В результате далеко не со всеми задачами полицейские успевали справляться на должном уровне. Эта проблема с не меньшей остротой присутствовала и в других регионах России. В частности, екатеринбургский полицмейстер писал в 1914 г.: «В настоящее время озлобление и неуважение к полиции существует у населения... потому, что полиция, перегруженная и переобремененная массой работы, не имеет физических сил охра-

нять город и жителей от преступного элемента, посягающего на личность и имущество обывателей...» (Петров 2007: 41–42).

В третьей главе автор наконец добивается до правоохранительной деятельности, подробно анализирует сыск, дознание, предупреждение преступлений и полицейский надзор. По данным Д.А. Ялтаева, число преступлений в пореформенный период выросло в чувашских уездах в 3–4 раза. Это не сильно отличается от общероссийских данных. Национальные особенности проявились здесь в том, что чуваша в силу суеверий скрывали следы преступлений, а татары считали своим долгом укрыть преступников-мусульман от «неверных». При этом раскрываемость, судя по рапортам, была почти стопроцентной. На основании этого явного несоответствия Д.А. Ялтаев приходит к выводу, что местные полицейские просто не обо всех преступлениях доносили властям.

Анализируя деятельность полиции по противодействию преступности, автор вопреки классовому подходу приходит к выводу, что она практически с одинаковым рвением защищала все группы населения, а не только «феодалов». «Даже в деле решения споров помещиков и крестьян полиция, в отличие от высших властей, пыталась разобраться в ситуации и часто выступала на стороне крестьян, а не помещиков и местных чиновников» (с. 66), — утверждает Д.А. Ялтаев.

Четвертая глава посвящена политико-охранительным функциям.

В рассматриваемых уездах не было жандармерии и «охранки», поэтому задачи политической полиции целиком лежали на плечах общей. Автор приходит к заключению, что, с одной стороны, уездная полиция лучше справлялась с этой задачей, так как хорошо знала местные условия, а с другой — она не могла отделаться от стереотипа о политической пассивности чувашского населения.

Пятая глава специально посвящена религиозному надзору полиции. Это вызвано тем, что рассматриваемая территория отличалась большим религиозным разнообразием. Так на 1 января 1892 г. в гражданской конвойной команде из 29 человек помимо православных были католик, евангелист, лютеранин, мусульманин и даже язычник. Полиции, особенно во 60–70-х гг. XIX в., приходилось активно сдерживать распространение старообрядчества, а также пропаганду татарами ислама среди новокрещенных чувашей.

Пожалуй, наибольший интерес представляет последняя глава, которая, как и первые, имеет только косвенное отношение к заглавию монографии — «Взаимоотношения уездной полиции и местного населения. Правонарушения полиции». В ней приводится множество интересных фактов, выисканных в архивных документах, однако выводы, к которым приходит исследователь на их основе, весьма спорны. Например, невыполнение чувашами распоряжений полиции о противопожарных мерах Д.А. Ялтаев считает проявлением развитого «антагонизма населения к полиции» (с. 125).

Еще более дискуссионным выглядит утверждение, что чиновничество у населения сохранялось в XIX в., но в начале XX «ситуация резко переменялась» (с. 140). При этом несколькими страницами ранее автор описывал восстание в д. Первое Семеново Цивильского уезда в ноябре 1906 г., где крестьяне напали на отряд стражи и земского начальника, но находившегося тут же уездного исправника не осмелились задеть даже словом. Что это как не проявление якобы исчезнувшего «чинопочитания»? Безусловно, указанный автором процесс изменения общественного сознания имел в рассматриваемый период место, но изменения эти, даже в среде рабочих, происходили постепенно (Кириянов 1997). Надо полагать, что представления чувашского населения о властях эволюционировали еще медленнее.

И, наконец, описывая многочисленные факты коррумпированности полицейских чинов, Д.А. Ялтаев заключает, что «для тоталитарных режимов выгодно, если чиновник берет взятки» (с. 135). Отметим, что даже Р. Пайпс, которого сложно обвинить в симпатиях к монархии, не использует по отношению к политическому режиму Российской империи эпитет «тоталитарный» (Пайпс 1993). Не говоря о спорности самого утверждения, представляется сомнительным, что глобальный вывод о «тоталитарном характере» русского самодержавия можно сделать на основе анализа правоохранительной деятельности полиции в трех уездах Казанской губернии.

Хотя в рецензии, возможно, чересчур акцентировано внимание

на моментах, с которыми я не могу согласиться, сама монография Д.А. Ялтаева представляет прекрасный образчик добросовестного, всестороннего, академического, научного исследования. У человека, находящегося за пределами чувашского краеведческого дискурса, отдельные моменты могут вызывать затруднения: так, восстания, упоминаемые в четвертой главе, подробно описаны только в шестой. Однако в целом работа должна быть понятна и интересна даже неподготовленному читателю-историку.

В своих выводах автор, на мой взгляд, чересчур критичен по отношению к полиции, он по сути оказывается заложником тех устаревших методологических установок, которыми пользуется. Однако в основном тексте работы он анализирует полицию всесторонне, без замалчиваний ее положительных или отрицательных сторон в угоду избранной концепции. Поражает скрупулезная проработка автором огромного числа неопубликованных источников из Национального архива Республики Татарстан и Центрального государственного архива Чувашской Республики, благодаря которой картина устройства и функционирования института получила законченный и целостный характер. Основу исследования составляют материалы делопроизводства, отложившиеся в фондах Канцелярии казанского губернатора, Казанского губернского правления, учреждений общей и политической полиции. При этом ситуация в чувашских уездах не рассматривается как нечто обособленное, она постоянно и, насколько это возможно

по опубликованным источникам и литературе, точно сравнивается с общероссийской.

Несмотря на небольшой объем, явно не достигающий 10 рекомендованных ВАК авторских листов, данная работа, безусловно, заслуживает названия монографии, более того, по своему уровню превосходит многие гораздо более объемные труды по истории местной полиции, которые мне приходилось видеть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кириянов 1997 — *Кириянов Ю.И.* Рабочие России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1997. № 4. С. 40–53.

Пайнс 1993 — *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.

Петров 2007 — *Петров А.В.* Полиция и милиция Урала и Западной Сибири в начале XX в. (историко-правовое исследование): Дис. ... д. ю. н. М., 2007.

Ялтаев 2004 — *Ялтаев Д.А.* Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 годах (по материалам чувашских уездов): Дис. ... к. и. н. Чебоксары, 2004.

REFERENCE

Ialtaev D.A. *Uezdnaia politsiia v Kazanskoi gubernii v 1862–1917 gg. (po materialam chuvashskikh uezdov)*: Dis. ... k. i. n. Cheboksary, 2004.

Kir'ianov U.I. *Rabochie Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. Otechestvennaia istoriia*. 1997. N 4. P. 40–53.

Pipes R. *Rossii pri starom rezhime*. Moscow, 1993.

Petrov A.V. *Politsiia i militsiia Urala I Zapadnoi Sibiri v nachale XX v. (istoriko-pravovoe issledovanie)*. Dis. ... d. u. n. Moscow, 2007.

О.В. Кузнецов

«РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ»

Рец: Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост.: А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское Дело, Русская народная линия, 2015. 736 с., ил.

Литература, посвященная правому движению в России, пополнилась интересным и фундаментальным изданием. Авторский коллектив (И.Е. Алексеев, Д.Д. Богоявленский, А.А. Иванов, А.Д. Каплин, Ю.В. Климаков, М.В. Медоваров, Е.М. Михайлова, А.Д. Степанов, Д.И. Стогов) предложил читателям, как определили сами составители, «галерею портретов выдающихся русских правых государственных и общественных деятелей начала XX века, последних рыцарей последнего Царя», очерки «о жизненном пути, политических взглядах и непримиримой борьбе этих людей против революции» (с. 2). Мы бы назвали это задачей-минимум. На страницах 663–716 помещен внушительный список «руководителей и активных участников монархического движения» 1901–1922 гг., насчитывающий 776 имен. В книгу вошли жизнеописания 33 из них. (Эта цифра выглядит символично, вызывая ассоциации с таким же количеством сказочных богатырей, призванных хранить «славный город» и его князя.)

Среди героев «Правой России» — представители духовенства митро-

полит Антоний (Храповицкий), игумен Арсений (Алексеев), протоиерей Т.И. Буткевич, протоиерей И.И. Восторгов, епископ Гермоген (Долганов), епископ Макарий (Гневушев), протоиерей М.В. Митроцкий; видные государственные, политические, общественные деятели, ученые, публицисты, поэты: Е.В. Богданович, П.Ф. Булацель, В.Л. Величко, А.С. Вязигин, М.Я. Говорухо-Отрок, В.А. Грингмут, Ф.В. Дубасов, А.И. Дубровин, И.А. Думбадзе, П.Н. Дурново, Д.И. Иловайский, А.А. Киреев, Н.А. Маклаков, Н.Е. Марков, В.П. Мещерский, Б.В. Никольский, В.М. Пуришкевич, А.А. Римский-Корсаков, А.Т. Соловьев, Н.Н. Тиханович-Савицкий, Д.А. Хомяков, С.Ф. Шарапов, Г.А. Шечков, С.Д. Шереметев, А.А. Ширинский-Шихматов, И.Г. Щегловитов.

Хотя авторы никак не объясняют выбор именно этих персоналий, но по прочтении книги он представляется удачным. Через биографии названных выше деятелей монархического движения читатель получает в достаточной степени цельное представление о политических идеалах и программе правых, организационных формах, основных направлениях и результатах

их борьбы за сохранение монархии и единства Российской империи.

Открывается книга текстом молитвы Георгию Победоносцу — гимном «Союза русского народа», одной из самых известных монархических организаций начала XX в. Этот текст можно рассматривать как эпиграф к книге, которая сама является своеобразным гимном правому движению.

Автор вводной статьи «Последние рыцари последнего Царя» А.Д. Степанов задает тон всему изданию, определяет его идеологию, расставляет смысловые и содержательные акценты. (Попутно отметим, что А.Д. Степанов является автором и соавтором еще 14 очерков-жизнеописаний.) Прежде всего это касается важнейшей задачи, которую преследовали авторы. Ее мы назвали бы задачей-максимум. Она если и не формулируется напрямую, всё же прочитывается достаточно ясно: способствовать духовно-нравственному возрождению современного русского общества и в конечном итоге возвращению «государственного корабля на державный путь» (с. 7). Сделать это можно, как следует из вводной статьи, только преодолев либеральные иллюзии 1990-х гг. Либералы, «захватившие власть в России в 90-е годы и по сию пору занимающие господствующие позиции в информационной и идеологической сфере», с их планами распродажи государственной собственности в частные руки, превращения религии в частное дело, переноса на русскую почву традиций европейской культуры, рассматриваются как носители идей «абсолютно

чуждой и даже враждебной России цивилизации» (с. 7–8). При этом либералов автор упрекает в том, что они без всяких на то оснований называют себя «правыми», выстроив даже под это незаслуженное ими название своеобразную организационно-идейную инфраструктуру: партию «Союз правых сил»; лозунги «Правые всегда правы», «Наше дело правое», «Ты прав» (с. 8).

Действительно, в современном общественном сознании произошла аберрация — в российской политической практике последних десятилетий традиционная типология различных политических сил (левые, правые, центр) дала «сбой». Если левые остались на своем привычном месте, то с правыми и центром произошла определенная путаница. Консерваторы, традиционно считавшиеся правыми, оказались в общественном сознании смещенными к центру политической жизни, а либералы обрели наименование правых. Политический критерий был заменен нравственным. Правые — не потому, что находятся на правом фланге политического спектра, а потому, что отстаивают правое дело.

Авторы книги выступают за восстановление исторической справедливости и возвращение наименования «правых» их, так сказать, законным обладателям, тем, кто действительно боролся за правое дело, — монархистам начала XX в. Строго говоря, правыми в приведенном выше значении считали себя представители разных политических сил. Либералы не были в этом отношении оригинальными. Достаточно, напри-

мер, припомнить слова революционной песни:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Не отказываясь от привычных понятий «правые» и «левые», А.Д. Степанов предлагает критерий для различения истинно правых (т. е. монархистов) и правых «самозванцев»: державность. Другими словами, подлинно правое дело в России — это созидание, укрепление и защита на протяжении веков Российского государства, неправое (т. е. левое) дело — его разрушение: «Настоящие правые в России были всегда. И всегда они составляли подавляющее большинство — и среди народа, и среди элиты. Их кровью защищалось от врагов Отечество, их духовными трудами воздвигались непреодолимые рубежи Святой Руси, их потом созидалось могущество Державы Российской. А многочисленные левые <...> т. е. либералы и радикалы-социалисты, разрушали Веру, Державу и Национальную Культуру» (с. 10). В качестве дополнительного, усиливающего аргумента приводится ссылка на о. Иоанна Кронштадтского, также считавшего настоящими правыми в России монархистов: «Правые стоят за монархию, левые за конституцию. Запомните, если не будет монархии, не будет и России; только монархический строй дает прочность России. При конституции она вся делится по частям...» (с. 10).

Во вступительной статье выявляются идейно-теоретические истоки

правых начала XX столетия — это русский консерватизм XIX в.; вкратце прослеживается история монархического движения до Октябрьской революции и его последующего окончательного крушения. А.Д. Степанов не скрывает своих симпатий к правым, но при этом не обходит молчанием их слабые стороны, откровенные ошибки, говорит о неоднородности монархического движения, политических разногласиях, «борьбе амбиций и самолюбий», вносивших раскол в лагерь правых и тем самым ослаблявших их, сложных отношениях с властями (прежде всего с П.А. Столыпиным), об упущенных возможностях. И как результат — горькое признание, что к Февралю 1917 г. правые подошли фактически обреченными на поражение: «...разобщенными, организационно ослабленными, морально не готовыми к борьбе, неспособными противопоставить левым силу народного единства» (с. 26). Они не выполнили свою главную миссию: спасти монархию и Империю. Но, как можно понять из текста, трагедия правых была всё же «оптимистической»: проиграв политически, они «выиграли нравственно, победили духовно», потому что «правые были правы!» (с. 2, 34).

Как уже было сказано, биографические очерки дают более или менее цельное представление об организационных формах борьбы правых за сохранение монархии и единства государства, их общественно-политических взглядах и программах. Показана деятельность различных монархических организаций, возникших в начале XX в. («Русское

собрание», «Союз русского народа», «Русский народный союз», «Всероссийский союз русского народа» и др.), правых группировок в Государственной Думе и Государственном Совете, частных кружков-салонов (Е.В. Богдановича, В.П. Мещерского, А.А. Римского-Корсакова, С.Д. Шереметева), призванных противостоять распространению либеральных и социалистических идей, разрушительной революционной деятельности.

Не все очерки равноценны по объему и содержательному наполнению. Так, например, В.П. Мещерский (которому посвящено неполных восемь страниц) и Д.А. Хомяков слабо представлены в качестве активных деятелей монархического движения. Но их появление в качестве героев книги не случайно и вполне оправдано. Они, если можно так выразиться, не дают распасться «связи времен», выражают генетическое родство правых начала XX в. и их предшественников — консерваторов XIX столетия, нацеленных на историософское осмысление фундаментальных проблем русской жизни и злободневных вопросов внутренней и внешней политики. А через Д.А. Хомякова монархисты начала XX в. почти напрямую связываются авторами с классическим славянофильством, ставшим идейно-теоретическим фундаментом для будущих поколений русских консерваторов.

И здесь наряду с организационной выступает другая сторона деятельности монархистов: осмысление ими политических и социально-экономических проблем начала XX в.,

поиск путей выхода из того общественного кризиса, который неминуемо приближал Россию к революциям.

Как представляется, вторая половина XIX в. стала во многом переломной для судеб российского самодержавия. Страна уверенно вступила на путь буржуазного развития, что исключало возможность сохранения в течение длительного времени неограниченной монархии. Самодержавию предстояла нелегкая задача трансформации в соответствии с требованиями времени. Поэтому актуальной становилась проблема концепции власти, отвечающей новым историческим реалиям. Свою концепцию власти имели представители различных общественно-политических лагерей. Однако для самодержавия в первую очередь интерес могли представлять идеи русских консерваторов. Консерватизм как направление общественной мысли и как политическая практика в наибольшей степени соответствовал потребностям монархии, так как он по определению предполагал постепенное, без радикальных потрясений обновление тех сфер политической и социально-экономической жизни, которые исчерпали себя и политически, и исторически.

Анализ авторами общественно-политических программ деятелей правого движения доказывает, что их воззрения не отличались принципиальной новизной. Не вдаваясь в подробности, выделим основное. Главными виновниками всех русских бед монархисты начала XX в. считали, как и их предшественники, либералов и евреев.

От либералов, как показано на страницах книги, исходила двоякая угроза для Российского государства. Прежде всего они в своем стремлении насадить исторически чуждые России политические и нравственные ценности подрывали фундаментальные основы всего строя русской жизни, выраженные на тот момент формулой «православие – самодержавие – народность». В то же время, сами того не желая, либералы расчищали дорогу для радикальных левых сил, готовя для России еще большие бедствия. О том, что либералы будут сметены и уничтожены левыми, задолго до Октября 1917 г. предупреждали, в частности, П.Н. Дурново, М.Я. Говорухо-Отрок; о том же по сути писал П.Ф. Булацель (см., напр., с. 29, 301, 555–557, 583).

Как видно из биографических очерков, не все правые стояли на антисемитских позициях. Так, по утверждению Д.И. Стогова, не был юдофобом Е.В. Богданович (с. 329). Не задевать и не оскорблять «никакой национальности» и с уважением относиться к «чужим верованиям» призывал Т.И. Буткевич (с. 263). Но не они определяли общее настроение правых по еврейскому вопросу. Отношение к евреям красноречиво выражено в приводимых Д.Д. Богоявленским и А.А. Ивановым словах Н.Е. Маркова, сказанных с трибуны Государственной Думы: «Иудеи суть враги государства, и их нельзя вооружать знаниями, нельзя вооружать дипломами, нельзя ими засорять наши чиновные, судейские и профессорские места. <...> И не потому я против иудеев, что я их лично ненавижу. <...> я про-

тив иудеев как племени, вредного для русского государства <...> у нас они вредны как таковые, как иудеи – не как отдельные личности, а как вредный государственный элемент» (с. 108–109).

Кроме того, слабость власти, предательство со стороны близких к царю людей, отсутствие единства в рядах сторонников и защитников самодержавия – всё это, как хорошо показали авторы, приближало, по мнению монархистов, крушение Российской империи, делало его, казалось, неизбежным. «Вокруг царя всё сгнило <...>» – в этих словах В.М. Пуришкевича заключена квинтэссенция понимания правыми содержания происходившего на их глазах (с. 159).

Что могли предложить монархисты для предотвращения надвигающейся катастрофы? Из материалов книги видно, что рецепты также не были новы. В первую очередь необходима была твердость власти в борьбе с революционным движением. В конкретно-политическом плане выбор, предлагаемый правыми, тоже был невелик: от незыблемости самодержавия до умеренно-конституционных проектов. За незначительными исключениями эти предложения оставались в рамках «теории официальной народности».

Всем содержанием книги авторы подталкивают читателей к размышлениям, подчас полемического характера, по поводу прочитанного. Поделемся некоторыми из них.

При знакомстве с книгой создается впечатление, что авторы стремятся

внушить читателям мысль о том, что правые (монархисты) в России — это по своей природе, по происхождению исключительно российское явление (напомним фрагмент приведенной выше цитаты: «Настоящие правые в России были всегда»), а либералы и социалисты — феномен, порожденный благодаря занесенным в Россию европейским идеям. Понятие «черносотенцы», прочно связанное с монархистами начала XX в., авторы воспринимают как проявление глубокой укорененности правых в исторической толще русской жизни, их неотделимости от народного духа и традиций. Понятия «черносотенцы», «черносошные», «черные слободы» выступают семантически однородными. Позиция авторов понятна. Но зададимся вопросом: а в какой всё же степени генетически чужды русской жизни и русской истории были русские либералы и социалисты?

Отыскать европейские истоки русского либерализма, видимо, не очень трудно. Но почему бы не посмотреть на проблему несколько иначе, менее пристрастно? А не стало ли зарождение либерализма в России естественной реакцией со стороны дворянства на ту форму правления, которая утвердилась еще при образовании Российского государства и определяется современными авторами как «деспотическое самодержавие»¹, на фактическое закрепощение Петром I дворянского сословия? Не случайно ведь после смерти Петра Великого,

¹ О причинах и процессе складывания деспотического самодержавия см.: (Кобрин, Юрганов 1991).

когда «хватка» власти несколько ослабла, дворяне воспользовались первой же благоприятной возможностью (заговор верховников 1730 г.), чтобы во всеуслышание заявить о своих политических правах и покуситься на незыблемость самодержавия. А.А. Кизеветтер небезосновательно называл В.Н. Татищева, автора одного из «конституционных» проектов, появившихся в 1730 г., «первым теоретиком русского либерализма»².

В.Н. Татищева, равно как и, к примеру, идеологов русского либерализма К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, трудно заподозрить в нелюбви к России и отсутствии патриотизма, желании разрушить государство. А идея ограничения монархии восходит к еще более ранним временам, нежели заговор верховников. Не об этом ли, среди прочего, шла речь в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского. Мы уже не говорим о «севернорусских народоправствах».

Утверждение о том, что социалистические идеи, пришедшие в Россию из Европы, не имеют никаких корней на русской почве, явление совершенно чуждое русской исторической традиции, было общим местом еще в консервативной публицистике второй половины XIX в. Об этом, в частности, писали Ф.М. Достоевский, В.П. Мещерский, Р.А. Фадеев. Но существует и другое мнение. Н.А. Бердяев,

² О проблеме зарождения либерализма в России и основных этапах его истории см., в частности, содержательную статью В.А. Китаева и В.В. Ведерникова: (Китаев, Ведерников 1996).

посвятивший поискам «истоков и смысла русского коммунизма» отдельную книгу, признавая, с одной стороны, его интернациональный характер, с другой — подчеркивал, что он «явление русское и национальное», имеет русские «национальные корни», детерминирован русской историей (Бердяев 1990: 7).

Быть может, русские либералы и социалисты, так же как и монархисты, выросли на родной почве? Их питательной средой была сама российская действительность, политический строй и социально-экономические отношения со всеми их противоречиями? Безусловно, формат книги не предполагает глубокого анализа политического и социально-экономического положения страны во второй половине XIX — начале XX в., но не учитывать его нельзя.

Одним из главных внутренних врагов правые считали евреев. Антиеврейские инвективы А.И. Дубровина, Н.Е. Маркова, епископа Макария (Гневушева) и др. авторы оставляют без комментариев. Не означает ли это, что в своей оценке пагубной роли евреев как «главных виновников русской революции и всех несчастий, постигших Россию в последние годы» (с. 76), правые тоже были правы? И другой вопрос к авторам очерков: почему так много евреев «пошло в революцию»? Если из-за ненависти к России, то чем (или кем?) эта ненависть была продиктована? Собственно, еврейский вопрос — лишь часть национального вопроса. Думается, национализм правых был малопродуктивным. И даже замена лозунга «Рос-

сия для русских» девизом «Россия для православных», как предлагал Г.А. Шечков (с. 606–607), мало что меняла по существу, какой бы смысл в этот девиз ни вкладывался.

Наша страна изначально складывалась как многонациональная. Это историческая данность, с которой нужно считаться. В своей истории мы уже «проходили» и попытки обрусения некоторых национальных меньшинств, и дискриминацию по национальному и религиозному признакам, и репрессии в отношении отдельных народов. Всей нашей историей мы выстрадали, кажется, истинную правду в национальном и конфессиональном вопросах, отличающуюся от правды монархистов начала XX в. Для всех народов, населяющих Россию, представителей всех вероисповеданий она должна быть матерью, а не мачехой. Сохраняя свою национальную и религиозную самобытность, они должны чувствовать себя равноправной, органичной, неотделимой частью большой многонациональной страны, сильной единством народов.

На протяжении всей книги проводится мысль о слабости, порой беспомощности власти в начале XX в. Герой одного из очерков, И.Г. Щегловитов, характеризуя события 1905 г., говорил: «Паралитики власти слабо, нерешительно борются с эпилептиками революции» (с. 394). Автор очерка о И.Г. Щегловитове А.Д. Степанов вторит своему герою и добавляет: «...паралитиков во власти к 1917 году оказалось катастрофически много. А еще больше людей, готовых изменить сво-

ему Государю. И могучая держава пала...» (с. 394–395). Приведем другую цитату, иллюстрирующую ту же мысль. Д.И. Стогов, автор очерка о С.Д. Шереметеве, пишет: «...граф С.Д. Шереметев разделял тезис многих правых, считавших, что крах монархического строя в России был неизбежен, и что в этом крахе виноваты сами представители правящей династии» (с. 383–384). Причины слабости власти, как видно хотя бы из приведенных цитат, крылись в личности последнего российского императора, ненадежности его ближайшего окружения. Ослабить власть, по мнению П.Н. Дурново, могли ее заигрывания с либералами (с. 300–301). Не станем спорить и попробуем предложить дополнительные рассуждения на эту же тему.

Напомним, что в концепции средневекового самодержавия ключевой была идея государства-вотчины. Великие князья московские и всея Руси, потом и первые русские цари рассматривали государство в качестве собственной вотчины, настаивая на своем праве свободно распоряжаться властью и собственностью, казнить и милловать подданных. Петр I внес в эту концепцию существеннейшее дополнение: идею служения, которая, по точному замечанию Е.В. Анисимова, «стала главным стержнем его жизни, наполняла для него высшим смыслом все его действия и поступки» (Анисимов 1989: 23).

Возьмемся утверждать, что российские самодержцы, в лице своих последних представителей точно, утратили идею служения. Вскоре

после вступления на престол Николай II заявил: «Да поможет мне Господь служить горячо любимой Родине так же, как служил ей мой покойный отец <...>» (цит по: Боханов 1994: 314). Но эти слова о служении – не более чем фигура речи. Подлинное идеологическое кредо Николая II, его понимание своего места и роли даны им в красноречивом ответе о роде занятий в ходе первой общероссийской переписи населения 1897 г.: «Хозяин земли русской» (цит по: Боханов 1994: 314). То же самое мог бы, видимо, сказать о себе и Александр III. Фактически это означало возврат к средневековой концепции государства-вотчины. Российская монархия рубежа XIX–XX вв. не «шла в ногу со временем», была устремлена не в будущее, а в прошлое, в нем искала свою политико-идеологическую опору. К чему это могло привести? История дала ответ на этот вопрос.

Авторы книги справедливо отмечают, что отсутствие единства в правом лагере, «борьба амбиций и самолюбий» ослабляли монархическое движение. Соглашаясь с ними, мы вместе с тем не стали бы преувеличивать значение данных факторов. Всё это было и в стане их противников, в частности большевиков, в один из самых ответственных для них моментов – в октябре 1917 г., накануне вооруженного восстания. Но у большевиков имелся сильный, харизматичный лидер, сумевший даже в таких условиях привести свою партию к власти и привлечь на свою сторону широкие народные массы. А вот у правых, защищавших, по словам авторов, правое дело, такого лидера не ока-

залось, да и массы за ними не пошли. Тут есть над чем задуматься. При этом сразу заметим: все разговоры о «немецких деньгах» не заслуживают здесь серьезного внимания, даже если принять эту версию. Быть может, денег и хватило бы на захват власти, но их точно не достало бы для удержания власти, победы в Гражданской войне. Тем более что после подписания Брестского мира деньги пришлось возвращать.

На протяжении всей книги, начиная с гимна-молитвы, авторы с сожалением говорят о сложных отношениях деятелей монархического движения с правительственными кругами, даже о преследованиях правых. «Позоримым» и «гонимым» правым можно посочувствовать. Но принять это в качестве хоть сколько-нибудь значимой причины слабости монархического движения трудно. Политические противники правых, те же либералы, социалисты, не пользовались каким-то особым покровительством со стороны властей.

Есть еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Даже несмотря на ошибки и просчеты, неспособность монархистов решающим образом повлиять на положение дел, они, по мысли авторов, всё равно оставались правы, так как защищали правое дело. А их противники, левые, к которым отнесены и либералы и социалисты, изначально были неправы, в каком-то смысле ущербны: вот, дескать, и в русском языке слово «левый» имеет «двусмысленный характер» — «сходить налево», «левый товар» (с. 10). Фактически это означает

игнорирование авторами любых доводов левых в обоснование своей позиции. Справедливо ли это? Тем более что эта позиция была объективно обусловлена политическими, социально-экономическими и другими факторами. За оппозиционными силами стояли широкие слои населения.

Впрочем, такой подход авторов объясним. Они предлагают читателям не научную монографию, а научно-популярное издание, не претендующее на академизм. Поэтому необходимый анализ целого ряда проблем в книге порой заменяется беспелляционными суждениями о них. Во многих случаях авторы очерков вообще не дистанцируются от своих героев. Политические взгляды тех, о ком идет речь в книге, выглядят и воспринимаются как политические взгляды ее авторов. Объективности изложению это, к сожалению, не добавляет.

Подводя итоги разговора о книге «Правая Россия», можно смело сказать, что с задачей-минимум авторы, несомненно, справились. Они представили читателям замечательную галерею портретов выдающихся правых деятелей начала XX в. Для желающих глубже погрузиться в проблематику в приложениях, наряду с уже упомянутым странном списком руководителей и активных участников русского монархического движения, помещен список литературы и источников, включающий 100 наименований (с. 717–721). Яркой иллюстрацией к книге является картина «Дни отомщения постигоша нас... покаемся, да не истребит нас Господь»,

сопровождаемая содержательными комментариями (с. 722–729). Что касается задачи-максимум, то об этом говорить еще рано: книга только недавно увидела свет.

В начале XX в. правые потерпели поражение. Им не удалось спасти монархию и Российскую империю. Они были уверены, что крушение монархии и распад империи означали в то же время и гибель России. Такой же точки зрения придерживаются и авторы, по крайней мере, один из них: «...проиграли не правые, а проиграла Россия, повержена была вместе с правыми сама Россия» (с. 18). С учетом обстоятельств, когда почва уходила из-под ног, рушился привычный уклад жизни, правым простительно такое неверие в Россию, ее способность к возрождению после самых страшных потрясений, поражений и утрат. Гибла не вся Россия. С исторической сцены уходили силы, которые, подчеркнем, в тогдашнем своем виде, себя исчерпали. И прежде всего это относится к монархии. Выскажемся более прямолинейно: начиная с «эпохи великих реформ», страна нуждалась в личностях масштаба Петра Великого, но, к сожалению, имела на вершине власти совсем других лиц.

На короткий срок к власти пришли либералы. В период между Февралем и Октябрем 1917 г. либеральная альтернатива потерпела, по существу, в России крах. Русский либерализм, зародившийся в XVIII в. в форме идей и проектов, общественно-политической практики, отчасти правительственной политики в течение десятилетий

стремился утвердиться на русской почве, но в силу различных исторических причин и обстоятельств так и не стал мощной политической силой. Накопленных либералами исторических возможностей хватило на свержение самодержавия, но оказалось явно недостаточно для того, чтобы удержаться у власти. Коммунисты восстановили и страну, пусть и под другим названием, и сильную верховную власть, но не смогли сохранить ни того, ни другого. В 1990-х гг. начался, казалось, либеральный «Ренессанс». Однако значительная часть общества быстро разочаровалась в либеральных идеях, во всяком случае в том их виде, в каком они реализовывались в России в названные годы.

Похоже, у современных консерваторов вновь появился шанс доказать, что они и есть истинно правые. Воспользуются ли они этим шансом? Время покажет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анисимов 1989 – Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.

Бердяев 1990 – Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания УМКА-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990.

Боханов 1994 – Боханов А.Н. Николай II // Российские самодержцы. М.: Международные отношения, 1994.

Китаев, Ведефников 1996 – Китаев В.А., Ведефников В.В. Написана ли история русского либерализма? (о книге В.В. Леонтовича) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Философия. 1996. Вып. 1. С. 146–155.

Кобрин, Юрганов 1991 — Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.

REFERENCES

Anisimov E.V. *Vremya petrovskih reform*. Leningrad: Lenizdat, 1989.

Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya YMKA-PRESS, 1955 g. Moscow: Nauka, 1990.

Bohanov A.N. Nikolay II. *Rossiyskie samoderzhitsyi*. Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1994.

Kitaev V.A., Vedernikov V.V. Napisana li istoriya russkogo liberalizma? (o knige V.V. Leontovicha). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 4: Istoriya. Filosofiya. 1996. Vol. 1. P. 146–155.

Kobrin V.B., Yurganov A.L. Stanovlenie despoticheskogo samoderzhaviya v srednevekovoy Rusi (K postanovke problemy). *Istoriya SSSR*. 1991. N 4. P. 54–64.

А.А. Тесля

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РУТИНА ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

Рец.: *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 511 с.

Политическая история Российской империи времен «думской монархии» — одна из наиболее изученных тем. Этому способствовало и способствует сочетание многих факторов — и восприятие этого времени как «последнего шанса», отпущенного Империи (с неизбежным поиском «виновных» в том, что шанс остался нереализованным — или с признанием неизбежности неудачи, иллюзорности самого «шанса»), и осознание происходящих событий как исторических уже современниками, откуда вытекает обилие дневников, воспоминаний, разнообразных свидетельств, синхронных самим событиям или недалеко отстоящих от них во времени. Эти же обстоятельства предопределили долговременную, сохраняющуюся

во многом по сей день идеологизацию исследований — характерно, что первые работы по данной теме были написаны самими участниками событий (достаточно напомнить влиятельные до сих пор труды В.А. Маклакова (*Маклаков* 1936; 2006а; 2006б; 2006в), в которых мемуарная, исследовательская и публицистическая составляющие переплетаются в неразрывное единство), они же задали основные подходы к интерпретации ключевых событий и актов этого времени — так, идущие до сих пор споры о юридической квалификации государственного режима, установленного в Российской империи после издания Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и новой редакции Основных законов в 1906 г., восходят к позициям, отчасти обозначившимся в ходе разработки и утверждения этих актов, отчасти к квалификациям, данным сторонами в ближайшие несколько лет.

Работа К.А. Соловьева написана в принципиально иной плоскости — он не столько полемизирует с привычными схемами, сколько выби-

© Тесля А., 2016.

Исследование выполнено: (1) в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)»; (2) научно-исследовательской работы в рамках международного научно-образовательного сотрудничества по программе «Иммануил Кант» по теме: «Федералистские проекты в истории русской и украинской общественной мысли XIX века», № 28.686.2016/ДААД.

рает другой предмет рассмотрения: повседневное взаимодействие законодательной и исполнительной власти, как выстраивались и менялись отношения между различными органами и ведомствами за восемь лет, прошедших между созывом I Думы и началом I мировой войны.

Официальные декларации, идеологические позиции, заявляемые принципы и т. п. не уходят из поля рассмотрения, но оказываются одним из элементов – автор выстраивает многослойную конструкцию, начиная с доктринальных, идеологических подходов (гл. 1), затем рассматривая основные взаимодействующие государственные органы в их исторической динамике (Совет министров, Государственную Думу и Государственный Совет, гл. 2), сферы компетенции представительных учреждений (в области законодательства, принятия бюджета и области контроля, гл. 3), после чего фокусируется уже собственно на механизмах взаимодействия, выделяя среди них выборы, комиссионную деятельность и пленарные заседания Государственной Думы, взаимодействие руководства Думы и правительства, взаимодействие Государственного Совета и правительства (гл. 4), чтобы в последней, 5-й главе рассмотреть неформальные контакты, существующие между исполнительными и законодательными учреждениями.

Касаясь особенностей статуса взаимодействующих учреждений, К.А. Соловьев демонстрирует не только предсказуемое расхождение юридического и фактического, но и сложность самого правового

статуса данных учреждений, дававших возможность для обоснования весьма различных линий поведения. Так, например, особенностью редакции Основных законов 1906 г. было внесение законопроектов в Думу министрами, а не от имени Государя, как в Великобритании или Германской империи – т. е. получалось, что именно министр обладает правом законодательной инициативы. Подобная ситуация была следствием спешки при издании новой редакции Основных законов – в которых сохранился прежний порядок внесения законов, ведомственный, ориентированный не на конституционные процедуры, а на правила делопроизводства.

С другой стороны, обращаясь к реалиям взаимодействия законодательных и исполнительных органов власти¹, К.А. Соловьев приходит к выводу, что далеко не всегда правительственная практика была направлена на тщательную охрану или возможное сужение полномочий, предоставленных законодательным органам Основными законами. Детальное изучение бюджетной работы Государственной Думы (в первую очередь – бюджетной комиссии) и правительства показывает, во-первых, что в стремлении отстоять или увеличить свое финансирование, центральные ведомства в лице своих глав и высших сотрудников шли на активное взаи-

¹ Обильный материал для анализа представляют, в частности, материалы перлюстрации – использованные в рассматриваемой работе, а в дальнейшем откомментированные и опубликованные отдельно (Представительные учреждения... 2014; рец.: Тесля б./д.).

модействие с думцами, в то время как другие ведомства, рассчитывая на поддержку, например, государя, избирали конфронтационный сценарий — причем выбор линии поведения не был предопределен раз и навсегда. Например, военное министерство в период, когда его возглавлял А.Ф. Редигер, стремилось не только наладить прочное взаимодействие с Третьей Думой, но и использовало думские связи для воздействия на императора — так, во многом с подачи военного министра А.И. Гучков выступил с критикой деятельности Совета государственной обороны, отмечая вредные последствия практики наделения в военной сфере значительными полномочиями великих князей, фактически оказывавшихся неподотчетными. Аналогичным образом военное министерство инициировало думскую критику морских расходов, рассчитывая на пересмотр финансирования в пользу сухопутных войск. Напротив, в период, когда министерский пост занял В.А. Сухомлинов, военное ведомство сокращает контакты с Думой и использует капитана П.М. Михайлова, назначенного еще в 1908 г. по инициативе А.И. Гучкова на пост делопроизводителя, в комиссию по государственной обороне, для сбора информации о планах, мнениях и настроениях в комиссии (примечательно, что уволить П.М. Михайлова, поддерживаемого думскими правыми, удалось только в конце февраля 1911 г.). Противоположной динамикой отмечена позиция Морского министерства, с назначения И.К. Григоровича (март 1911 г.) начавшего особенно тесно взаимодействовать с парла-

ментариями, в том числе на фоне конфликта последних с сухопутным ведомством. В свою очередь репутация «симпатизанта» Думы, которой обладал министр финансов (а с сентября 1911 по январь 1914 — и председатель Совета министров) В.Н. Коковцов, связана отчасти с тем, что в лице Думы и ее бюджетной комиссии он находил союзника в ограничении требований других ведомств. Зачастую достаточным аргументом в его руках становилась сама ссылка на сложность или невозможность прохождения через процедуру утверждения Думой сметы, утвержденной его коллегами по Совету министров.

Одной из особенностей политического ландшафта рассматриваемого времени было то обстоятельство, что относительно полноценной парламентской партией являлась только Партия народной свободы (кадеты), а помимо нее партийные структуры были сформированы левыми (социал-демократами и социал-революционерами), рассматривавшими парламентскую деятельность как один из инструментов борьбы, но отнюдь не нацеленными на функционирование в существующих или несколько реформированных рамках, а ставившими своей целью кардинальную трансформацию порядка вещей. Кадеты, являвшиеся единственной партией парламентского типа, при этом не имели легального статуса — переговоры о признании партии велись с Министерством внутренних дел, но так и не привели к положительному результату, в то время как прочие, более «правые» партии — начиная с «мирнообновленцев» и «октябристов» — явля-

лись ситуативными объединениями, с большим трудом обретая определенность политического лица.

Трудности партийного строительства были связаны во многом со спецификой избирательного законодательства — предусматривая многоступенчатую процедуру выборов, оно делало труднопредсказуемым финальное голосование, в том числе и для самого правительства, на выборах в IV Думу столкнувшегося с ситуацией многочисленных комбинаций и трудно просчитываемых вариантов на каждой ступени избирательной процедуры. В результате «партийная машина», являющаяся в характерных для второй половины XIX — начала XX в. обстоятельствах «машиной выборов», утрачивала свою эффективность — оказывалось важнее не создавать большую, общеимперскую «машину», а в каждой губернии работать ситуативно, избираемые депутаты нередко не имели кого-либо ярко выраженного политического лица и входили в политические объединения в Думе ради эффективной работы в ней, а не в результате того, что были избраны партийными усилиями (их мандат далеко не всегда зависел от партии) — соответственно, возможность партий контролировать своих членов была ограничена, поскольку они располагали ограниченным ресурсом, который мог быть предложен их депутатам. Целый ряд «партий» фактически был именно думскими фракциями — т. е. объединением, нацеленным не на выборы, а на работу в Думе (поскольку от фракций зависело распределение по комиссиям, голосование по процедуре и т. д.).

Появление представительных органов законодательной власти кардинальным образом изменило политический ландшафт Российской империи, в том числе и для тех, кто занял консервативные, охранительные позиции, утверждая, что основы государственного строя остались неизменными и император остается «самодержцем» (как сказано в Основных законах) и «неограниченным» (каковая формулировка из Основных законов в 1906 г. была исключена). Так, «правое» крыло Государственного Совета, преимущественно члены по назначению, оказывались далеко не пассивными исполнителями воли правительства — напротив, в целом ряде случаев вступали в оппозицию к нему, т. е. использовали новые возможности, созданные представительством и возникновением публичной политики. Аналогично само правительство — и в лице «объединенного правительства» времен П.А. Столыпина, и отдельные министры — использовали открывшееся политическое пространство, причем весьма многообразно: от опоры на Думу (через демонстрацию возможностей договариваться с ней, проводить решения, в осуществлении которых заинтересована верховная власть) вплоть до открытого противостояния с Думой, что должно было укрепить позиции данного министра в глазах государя.

В заключение, подводя итоги, К.А. Соловьев пишет: «И министры, и депутаты видели в сложившемся положении вещей временное недоразумение, ожидая, что “маятник” решительно качнется в ту или другую сторону. Многие из них расчи-

тывали на окончательную победу над противоположной стороной, стыдились конструктивного сотрудничества и ждали, когда судьба, наконец, призвет вступить в последний бой. Эти голоса были еле слышны в кулуарах Думы и Государственного Совета, пока “за чашкой чая” у министра можно было разрешить самые трудные проблемы, а депутаты принимались руководителями ведомств без очереди. Но в случае обострения кризиса во взаимоотношениях правительства и представительных учреждений эти настроения неминуемо набирали силу. И тогда становилась неизбежной эскалация политической напряженности в стране, где к прежним неразрешенным противоречиям лишь присовокуплялись новые» (с. 499). Ранее он отмечал: «В России <...> политические доктрины развивались в соответствии с особыми характерными для них законами. Любая из них формировала свой категориальный язык, описывающий альтернативную политическую реальность. В ее рамках существовали строго заданные алгоритмы поведения, ясное размежевание на “своих” и “чужих” и жесткие правила игры, чаще всего не предполагавшие компромиссов между противниками. Партийный язык подчинял себе политика, отвращая его от всего того, что не соответствовало непоколебимым идеологическим установкам. Он заметно сужал “коридор возможностей”, задавал “угол зрения”, заведомо искажавший представление о доминировавших политических практиках» (с. 498–499).

Здесь, на наш взгляд, дихотомия оказывается уводящей от существа

проблемы — ведь в любом случае мы противопоставляем «политику», «политическое» (в собственном смысле слова) и «рутинную политику» — там, где существует всё множество взаимодействий, комбинаций, переговоров, не предполагающих дихотомии «друг/враг», создающих измерение «технического», калькулируемого, промежуточного. Язык политических доктрин оканчивается языком противостояния, разумеется, не совпадающим с языком рутинного действия — и если переформулировать суть высказывания К.А. Соловьева, то оно сводится к неудаче деполитизации 1906–1914 гг., в силу недостатка времени, ошибок, совершенных сторонами или почему-либо еще. Тем самым мы можем вернуться к изначальным описаниям — например, того же В.А. Маклакова — и отметить, что работа К.А. Соловьева не отменяет их, они не оказываются противостоящими версиями, а разными уровнями описания: на языке политического и на языке политической рутины. Другое дело (и здесь К.А. Соловьев оказывается согласен с версией В.А. Маклакова), что рутинная давала возможность изменить сами линии политического противостояния, выступая в качестве той практики, через посредство которой, зачастую незаметно для самих участников, меняется ландшафт. И тогда примечательным становится не расхождение между «доктриной» и «практикой» (вытекающее из самого существа дела), а то, что практика не привела к существенному изменению доктрины — новый кризис застал те же основные линии размежевания, исчерпав единственный ресурс — неопределив-

шихся, сторонников компромисса, так как весь промежуточный опыт продемонстрировал недолговечность любых соглашений, которые оказывались решением конкретных вопросов, но не приводили к созданию институтов. Характерным образом Временное правительство начало с того, что отказалось от единственного сохранившегося института, способного его легализовать и легитимировать, не возобновив сессию Государственной Думы – и тем самым зафиксировав несостоятельность репрезентативной функции последней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Маклаков 1936 – Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника): В 3 ч. Париж: Иллюстрированная Россия, 1936.

Маклаков 2006а – Маклаков В.А. Первая Государственная Дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 года. М.: Центрполиграф, 2006.

Маклаков 2006б – Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 года. М.: Центрполиграф, 2006.

Маклаков 2006в – Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике 1880–1917 гг. М.: Центрполиграф, 2006.

Представительные учреждения... 2014 – Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., автор предисловия В.В. Шелохаев; сост. и автор коммент. и предисловия К.А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Тесля б./д. – Тесля А.А. Надзирать и выслушивать // <http://www.russ.ru/pole/Nadzirat-i-vyslushivat> (дата обращения 27.05.2016).

REFERENCE

Maklakov V.A. *Vlast' i obschestvennost' na zakate staroi Rossii (vospominaniia sovremennika)*: 3 p. Paris: Illiustrirovannaia Rossiia, 1936.

Maklakov V.A. *Pervaiia Gosudarstvennaia Duma. Vospominaniia sovremennika. 27 apreliia – 8 iuliia 1906 goda*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006.

Maklakov V.A. *Vtoraia Gosudarstvennaia Duma. Vospominaniia sovremennika. 20 fevralia – 2 iunია 1907 goda*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006.

Maklakov V.A. *Vospominaniia. Lider moskovskikh kadetov o russkoi politike 1880–1917 gg*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006.

Predstavitel'nye uchrezhdeniia Rossiiskoi imperii v 1906–1917 gg.: Materialy perliustratsii Departamenta politicii / Ed. V.V. Shelokhaev, comp. K.A. Solov'ev. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2014.

Teslia A.A. *Nadzirat' i vyslushivat'*. URL: <http://www.russ.ru/pole/Nadzirat-i-vyslushivat> (date of access 27.05.2016).

А.А. Тихомиров

КАК РАБОТАЛА СОВЕТСКАЯ «МАШИНА ВРЕМЕНИ»?

Рец.: *Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов: Монография. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 196 с. ISBN 978-5-91274-167-8

Представления о времени являлись решающим фактором в легитимации диктатур XX в. Они определяли внутренний пульс общества, являлись движущей силой трансформации пространства и природы, но прежде всего были нацелены на преобразование человека и формирование идеальной в рамках господствующей идеологии субъективности. Прошлое, настоящее и будущее задавали универсальную систему координат, позволяя воображаемым сообществам — нациям и государствам — сформировать представления о том, откуда они происходят, где находятся и в каком направлении движутся. Без общих представлений о времени социальная интеграция, производство единых смыслов и осуществление коллективных акций было бы просто немислимо.

Для большевиков время являлось поступательным процессом разви-

тия: марксистское учение логично объясняло смену общественно-экономических формаций от первобытнообщинного строя, минуя рабовладельческую, феодальную, капиталистическую формы производственных отношений на пути к достижению заветной цели — коммунизма. Каждый, кто посещал советскую школу, уже на первых уроках истории посвящался в таинство нарратива о прогрессе и неизбежной закономерности истории человечества в виде наступления «светлого будущего». Являясь приверженцами научного марксизма, коммунисты верили в силу прогресса, триумф научного знания, управляемость временем за счет технической революции, индустриализации, урбанизации, принципов рациональности, планирования и контроля. Казалось, что сама советская действительность того времени подтверждала для современников правильность марксистских постулатов. Всё «советское» время

¹ © Тихомиров А.А., 2016

было поделено на пятилетки — планы экономического развития страны, выполняя которые, страна последовательно, шаг за шагом приближалась к созданной утопии. Коммунисты боролись за подчинение времени, которое должно было работать на легитимацию советского строя и утверждение идеи строительства коммунизма.

Книга Александра Фокина является первым историческим исследованием, полностью посвященным официальным и популярным представлениям о советском будущем на рубеже 1950-60-х гг. Автор пишет культурную историю времени, обращаясь к институтам и агентам, дискурсам и практикам изучаемого явления в период хрущевской оттепели. Автор показывает, как будущее формировало смысл настоящего, как оно было материализовано в артефактах пропаганды, схвачено в культурной продукции (фильмах, плакатах, архитектуре), а главное, как очарование будущим, ожидание которого заставляло граждан верить в советский строй и вносить личный вклад в приближение заветных временных горизонтов, способствовало укреплению доверия к режиму. Короче говоря, проект будущего требовал мобилизации всех ресурсов здесь и сейчас, не откладывая на далекое завтра.

Оригинальность книги заключается как в необычном для исторической науки предмете исследования, так и в выборе аналитического фокуса, источников и методов работы с ними. Автор отмечает сложность позиционирования в методологических подходах и исследователь-

ских школах относительно советской истории пост-сталинского периода, так как историки уделяли преимущественное внимание разработке сталинского времени. Это не помешало автору смело взяться за поставленную проблему и творчески подойти к решению намеченных задач.

Главный тезис монографии заключается в утверждении, что будущее и представления о нем являлись центральным политическим ресурсом индоктринирования и мобилизации населения, способным интегрировать вокруг идеи строительства коммунизма миллионы советских граждан. Автор предлагает три уровня анализа — производства, медиации и восприятия представлений о будущем, чтобы понять истоки и возникновение, каналы трансляции и передачи, границы интериоризации и воздействия значений времени в период оттепели. Идея будущего эпохи Хрущева была сконцентрирована в Третьей программе КПСС. Обращаясь к взаимодействию власти и общества через призму разработки, обсуждения, и принятия этого центрального документа партии, Фокин пишет историю коммуникации между партийно-государственными инстанциями и различными социальными группами. Автор дифференцированно подходит к анализу отдельных голов из хора советских людей, которые, почувствовав себя реальными участниками строительства коммунизма, получили в рамках официально организованных кампаний возможность выразить собственные мнения и позиции, предложения и эмоции. Молчаливые в тра-

диционной политической истории «низы» получают в обсуждаемой нами книге право на самовыражение, им делегируется право действовать и говорить, показывая себя значимыми игроками в процессе производства социального консенсуса и в механизмах легитимации советского строя.

Третья программа КПСС стала одним из важных результатов политики десталинизации. Она знаменовала разрыв со сталинским прошлым, подвела первые итоги хрущевских реформ и создала идеал будущего, которое должно было воплотиться в жизнь уже к 1980 г. Программа аккумулировала те значения и смыслы, которые были необходимы для строительства коммунизма. Она ставила целью улучшение социалистической повседневности и эмансипацию женщины, развитие индустрии и сельского хозяйства, стирание грани между городом и деревней. Моральный кодекс строителя коммунизма был призван форсировать формирование нового человека в целях широкого вовлечения граждан в управление страной.

Избегая противопоставления власти и общества в бинарных понятиях «принятия» и «сопротивления», «сторонников» и «противников» режима, автор выбрал совершенно иной путь. Он обращает наше внимание на пространство медиации, в котором власть и общество обменивались взглядами, конфликтовали, притирались друг к другу, вели переговоры об основах совместного существования и формировали коллективные смыслы ради достижения общей цели «светлого будущего».

Первая глава описывает общий стиль темпоральности оттепели в сравнении с предыдущими и последующими эпохами. Начиная с триумфа Октябрьской революции 1917 г. будущее коммунизма стало исторической закономерностью. В СССР утвердилось понимание времени, согласно которому наступление коммунизма мыслилось итогом революционного движения и результатом последовательной смены формаций как следствия реализации объективных социальных законов. Лишь ответы на центральные вопросы о том, когда будущее наступит и как оно будет выглядеть, менялись на протяжении советской истории. Как показывает автор, постепенно перспектива будущего всё более растягивалась и переносилась на десятилетия вперед.

Автор обращается к анализу уровня продуцентов Программы партии. В середине 1958 г. была создана специальная рабочая группа. Наряду с партийными работниками она включала представителей академической элиты, обществоведов, журналистов. Над текстом Программы трудилось около 100 специалистов (с. 23) Для государства и партии это был научный проект разработки реальной стратегии достижения будущего. Центральная роль в руководстве коллектива принадлежала лично Хрущеву, который по аналогии со Сталиным перенимает роль редактора официального дискурса, исправляя, оттачивая и одобряя готовящийся документ. После утверждения текста Программы в июле 1961 г. было принято решение организовать всенародное обсуждение, чтобы население СССР смогло по-

знакомиться с документом и высказать свое мнение. Развернулась широкая кампания пропаганды: к 15 сентября 1961 г. в прессу поступило более 29 тыс. писем, на собраниях и в конференциях участвовали в обсуждении более 44 млн человек (с. 27).

Будущее было призвано стать главным двигателем идеологического проекта строительства коммунизма в позднем СССР. Главной характеристикой будущего являлась его близость и ожидаемость в виде конкретного горизонта времени. Срок построения коммунизма за 20 лет не являлся голой выдумкой, а базировался на научном расчете и учитывал реальность актуальной ситуации экономического развития в СССР. Автор отмечает тот факт, что экономические успехи СССР конца 1950-х гг. были настолько впечатляющими, что как у советских, так и западных современников вполне могло сложиться впечатление, что СССР обладал всеми ресурсами, чтобы обогнать экономику США (с. 46).

Пожалуй, впервые документ предлагал четкое и понятное для масс определение «коммунизма». Приведем его полностью: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком

и осуществиться великий принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”. Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» (с. 34–35).

На практике предпринимались попытки соответствовать теории. Электрификация, автоматизация и широкомасштабное применение химии были призваны повысить производительность сельского хозяйства. Деревня и колхоз должны были стать фабриками коммунизма, стирая грань между городом и деревней. Для достижения этой цели появляется идея строительства агрогородов с разветвленной инфраструктурой школ, больниц, магазинов, детских садов, кинотеатров и т. д. В новых производственных и бытовых условиях планировалась трансформация советского человека и всей системы общественных отношений в целом. Жилищная программа стала главным проектом хрущевской эпохи по перedelке быта, практик потребления и субъективности советского человека. Параллельно звучали обещания отменить оплату жилья и коммунальных услуг, сделать бесплатным проезд на городском транспорте. Особая роль отводилась эмансипации женщины — процессу, который был связан с острой потребностью в новых рабочих силах для очередного индустриального рывка. Не слу-

чайно работа объявлялась главной потребностью и обязанностью «хорошего» советского гражданина (с. 72). В то же время автоматизация производства и техническая революция в быту обещала появление массы свободного времени для самообразования человека и его освобождения от груза домашних работ. Работа над собой — моральное самосовершенствование — продолжала объявляться главным инструментом перековки человека в коммунистического субъекта.

Вторая глава книги исследует медиаторов идей о коммунистическом будущем «сверху вниз». Автор указывает, что в первую очередь сама Программа партии являлась материальным транслятором идей в массы и виртуальным местом аккумуляции коммунистических представлений. Пропаганда использовала все возможные ресурсы для популяризации документа: для ее обсуждения на собраниях и конференциях создавалась система партийного обучения и политшколы, огромными тиражами печаталась пропагандистская литература — брошюры и методички в помощь лекторам, а также печатная продукция для широкой аудитории, искавшей ответы на волновавшие вопросы в книгах из серии «Библиотечка знаний о коммунизме», «Молодому строителю коммунизма» и т. д. Авторитет партии, оживающий культ Ленина и высказывания Хрущева были призваны передавать идеи новой партийной программы в массы. Печать, радио и телевидение должны были охватить всё советское общество, сформировав единую медиальную публичную сферу

обсуждения партийной программы. Дискурсивный анализ Программы и семантики ее основных положений показывает, как язык пропаганды апеллировал к массовому сознанию населения и производил интегративные смыслы коллективных действий. «Строительство коммунизма, — пишет автор, — воспринималось как общенародное действие, сплачивающее партию и народ, СССР и весь остальной мир» (с. 87).

Кроме официальной пропаганды, автор исследует влияние литературного жанра утопии на формирование официальных и популярных представлений о будущем. Примечательно, что даже в списке литературы для экспертной группы по разработке программы партии присутствовали сочинения А. Сен-Симона и Ш. Фурье (с. 109). Фантастическая литература, по мнению автора, отражала дух времени, а именно: путей поиска, возможностей и ресурсов приближения будущего. На страницах фантастики оживала утопия, или утопия получала право стать реальным временем. Прежде всего полеты в космос воплощали собой максимум динамики, скорости и преодоления невозможного. На примере «коммунистической утопии» И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957 г.) автор показывает, как советские идеи проникали в область литературы, как они осмыслились через обсуждение читателями, идеологами и критиками, и, наоборот, как литература выступала медиатором коммунистических идей среди читателей. Наряду с литературой киноискусство создавало иллюзию оживления «продовольственной утопии» в об-

ществе блага и дефицита. Рассказывая об идеологических коннотациях «Книги о вкусной и здоровой пищи», которая увидела свет еще при Сталине, но продолжала пользоваться популярностью в эпоху Хрущева (издание 1961 и 1964 гг.), автор рассказывает о нацеленной биополитике советского государства: полезное питание и гимнастика для поддержания здорового духа в здоровом теле были необходимы для обеспечения успешного производственного процесса и моральной устойчивости советского человека. Здоровье политизировалось и объявлялось главным признаком советскости верных режиму граждан.

В третьей главе автор справедливо дистанцируется от интерпретации критических мнений среди населения в терминах сопротивления режиму, предлагая анализ плюралистичности восприятия гомогенной официальной картины будущего. Термин «разномыслие» (Б. Фирсов), по мнению автора, помогает избежать бинарных оценок между «правильномыслящими» и «инакомыслящими». Среди лиц, которые положительно относились к Программе партии, автор выделяет сторонников «аскетического коммунизма энтузиастов» (это те, кто был готов терпеть лишения на пути к достижению поставленной цели) и сторонников «потребительского коммунизма» (это те, кто видел в коммунизме путь к личному обогащению и аккумуляции ресурсов). Для реконструкции популярных образов будущего автор творчески обращается к анализу писем граждан в различные партийно-государ-

ственные инстанции и произведений устного народного творчества: а именно: анекдотов, частушек и загадок. Использование концепции о публичных/частных сферах в СССР позволяет сформировать дифференцированное представление о границах дозволенной и табуированной риторики. Сам автор говорит о гибридности поведения одного и того же субъекта в зависимости от нахождения в той или иной публичной/частной сфере повседневности: в виде похвалы коммунизму на заводском собрании или при рассказывании «политических» анекдотов вечером на кухне.

Убедительным представляется утверждение автора о репрезентативности источников, составивших анализ популярных мнений. Анекдоты молниеносно распространялись независимо от возраста и пола, профессиональной и национальной принадлежности рассказчиков. Представители всех советских поколений писали письма в органы власти и принимали участие в обсуждении партийной программы. Интересно, что представители старшего поколения выражали нетерпение в стремлении к поставленным целям, ведь им хотелось дожить до столь долгожданного «часа икс». Поэтому здесь и сейчас они требовали привилегий в виде бесплатного проезда на общественном транспорте, предоставления бесплатного жилья и гарантий достойной пенсии за заслуги перед Родиной (с. 147). Пример еврейских диаспор, которые призывали бороться с антисемитизмом и держиваться пропагандируемых принципов интернационализма,

показывает, как различные конфессиональные и религиозные группы адаптировали идеологическую программу к своим интересам и выражали их в публичном пространстве (с. 162). Выделяемая автором разновидность «женского коммунизма», включала в себя творческую попытку эклектики традиционных ролей матери и хранительницы домашнего очага с требованиями эмансипации, равноправия полов и привлечения научно-технических достижений для облегчения женского труда. Как следствие, в дискуссиях и письмах во власть «представительницы слабого пола» требовали особых прав на дополнительные пособия по уходу за детьми, на продолжительный декретный отпуск, ликвидацию ночных смен работы и организацию достаточного количества мест в яслях и детских садах (с. 168–170).

В общем, население апеллировало к будущему, чтобы улучшить настоящее: открыть баню и магазин, проложить дорогу и провести свет. Как следствие, представления о будущем использовались авторами писем в качестве укора совести местным бюрократам и к советскому настоящему в целом.

Анализ практик мобилизации демонстрирует, как идея будущего завладела душами миллионов советских граждан. Это были коллективные и индивидуальные практики инвестирования в будущее: дополнительные рабочие часы на производстве, субботники, отчисления от зарплаты указывали на пространство идентификации с режимом и формирование чув-

ства принадлежности к проекту построения коммунизма. Широкое обсуждение программы становилось местом индивидуальных утопий, грез и желаний, призванных компенсировать разрыв между реальностью и пропагандой. Как отмечает автор, личные потребности внутри идеи коммунизма стояли выше общественных. По этой причине для многих рядовых граждан коммунизм ассоциировался с получением отдельной квартиры и покупкой автомашины (с. 174). Одновременно повсеместное обсуждение партийного документа можно сравнить со стремлением рядовых граждан перенять активную роль редактора идеологического языка, которая не была утрачена со смертью Сталина, а получила продолжение в практиках активного комментирования, обсуждения и утверждения партийно-государственных проектов.

Предлагаемая читателю книга заслуживает пристального внимания по целому ряду причин. Во-первых, настоящее исследование продолжает осмысление феномена стабильности позднего СССР в качестве диктатуры соучастия, сотрудничества и сопереживания, или политического режима, который — особенно после смерти Сталина — делал ставку не на террор и насилие, а в первую очередь на практики мобилизации, убеждения и вовлечения индивида в управление страной. Во-вторых, книга Александра Фокина является важным вкладом в исследование семантики времени в процессах легитимации авторитарных режимов власти. Показательно, что представления о будущем позволяли оправдывать все промахи,

погрешности, неудачи настоящего за счет приписывания их к прошлому и создания очередного горизонта «светлого будущего». И наконец, в-третьих, исследование показывает ключевую роль идеологии в практиках мобилизации населения посредством создания пространств медиации, позволявших населению вносить личные смыслы в официальный метанарратив. Мобилизационная природа советского строя заставляет задуматься над вопросом о том, являлась ли концепция легитимности власти в глазах населения необходимым условием реализации коммунистического господства. Может быть, практик мобилизации населения было вполне достаточно для создания впечатления социального консенсуса в СССР?

После прочтения увлекательно и живо написанной книги возникает образ СССР как «машины времени», увязшей в прошлом, забуксовавшей в настоящем и никогда так и не добравшейся до будущего. Работа Александра Фокина детально показывает, какие усилия прилагали государство и партия для создания этой «машины времени» — коллективного проекта коммунистического будущего, призванного выполнять функцию инте-

грации и стабилизации советского строя как внутри страны, так и на международной арене. «Порядок времени, — как писал Элиас Канетти в “Массе и власти”, — служит лучшим средством отграничения цивилизаций друг от друга. Они сохраняются, пока имеет место регулярное воспроизведение этого порядка. Они распадаются, когда этот порядок перестает проводиться. Цивилизация гибнет, если ее порядок времени не воспринимается всерьез» (Канетти 1997: 425). Как только советское общество утратило веру в будущее коммунизма, а политическая элита лишилась ресурсов, медиа и институтов символического кодирования времени, то советская цивилизация рухнула. Однако идеи «машины времени» в современной России продолжают жить и по сей день. И по сей день эта «машина времени» увязает в прошлом, буксует в настоящем, но не перестает определять горизонты прибытия в «светлое будущее».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Канетти 1997 — Канетти Э. Массы и власть. М., 1997.

REFERENCE

Canetti E. *Massa i vlast'*. Moscow, 1997.

Ю.В. Латыш

Рец.: *Плохий С.* Последняя империя. Падение Советского Союза / Пер. с англ. С. Гирик, С. Лунин, А. Саган. М.: Corpus, 2016. 624 с.

Исчезновение с политической карты Советского Союза вот уже четверть века будоражит умы историков, политологов, мемуаристов и конспирологов. За это время возникло большое количество версий, гипотез, более-менее стройных концепций, которые объясняют его причины. Среди основных факторов чаще всего называют историческую дефектность коммунизма (*Браун* 2014; *Малла* 2002; *Медушевский* 2011; *Coleman* 1996; *Kotkin* 2001); поражение в Холодной войне (*Согрин* 1995); экономический коллапс и неспособность советской экономики к переходу на постиндустриальный этап (*Алексеев, Алексеева* 2003; *Бузгалин, Колганов* 2003; *Гайдар* 2006); национальный фактор (*Грабовский* 1995; *Рыжков* 2007; *Чешко* 2005; *Beissinger* 2002; *Carrere d'Encausse* 1993; *Suny* 1993); противостояние М. Горбачева и Б. Ельцина, а также другие субъективные факторы (*Котц, Вир* 2013; *Козн* 2011; *Шубин* 2007); верхушечный переворот — так называемую «революцию элит» (*Киран, Кенни* 2009; *Крыштановская* 1995; *Мохов* 2015); уничтожение КПСС как стержня советской политической системы или же ее перерождение (*Медведев* 2010; *Над этим размышляет...* 2012); внешнее вмешательство и деятельность «пятой колонны» (*Островский* 2011; *Фроянов* 2003) и т. п. Эти факторы зачастую

тесно переплетены между собой, потому их изучение имеет смысл только с точки зрения поликаузального подхода. А значит, в историографии будут появляться всё новые попытки дать ответ на «вопрос вопросов» — «Почему не стало Советского Союза?».

Книга директора Украинского научного института Гарвардского университета С. Плохия (признанного специалиста по истории XVI–XVII вв., который в последнее время успешно разрабатывает новую тематику), интересна уже тем, что она является отражением двух традиций историописания: украинской и американской. Ведь каждый историк смотрит на любое событие или явление глазами гражданина собственной страны. И несмотря на стремление к объективности, в центре внимания украинской историографии распада СССР всегда будет находиться независимость Украины, в а центре внимания американской — победа в Холодной войне. Но ценность рецензируемой книги этим не исчерпывается. Автор раздвигает временные рамки и географию исследования. Если раньше в историографии крах СССР традиционно связывали с путчем ГКЧП и запретом КПСС, акцентируя особое внимание на личностном противостоянии М. Горбачева и Б. Ельцина, лишь вскользь упоминая о роли

© Латыш Ю., 2016

национальных республик в этом процессе, то С. Плохий детально, день за днем, излагает события последних пяти месяцев существования «советской империи», уделяя особое внимание решениям, которые принимались не только в Вашингтоне и Москве, но и в Киеве, Алма-Ате и столицах остальных союзных республик, вскоре получивших независимость. Центральную роль в этих процессах он отводит Президентам США, СССР, России, а также председателю Верховного Совета Украины Л. Кравчуку.

Через всю книгу красной нитью проходят два главных тезиса: 1) США не имеют практически никакого отношения к распаду СССР, а наоборот, были заинтересованы в его сохранении ради контроля над ядерным оружием; 2) ключевую роль в дезинтеграции Советского Союза сыграла Украина. Таким образом, условная роль «могильщика» СССР переходит от США к Украине. А это дает основания последней – в свете новейших тенденций украинской исторической политики по превращению советского периода истории в «советскую оккупацию», которой население противостояло как могло – переместиться из клуба побежденных стран в Холодной войне в клуб победителей.

Относительно первого тезиса следует заметить, что он опирается на мощную источниковую базу. Вообще главное достоинство книги, особенно с точки зрения российского и украинского читателя, – обилие американских источников, включая недавно рассекреченные документы из Президентской би-

блиотеки Дж. Буша: бумаги Совета национальной безопасности, меморандумы советников Президента и стенограммы телефонных переговоров с мировыми лидерами. Однако вне поля зрения автора оказалась деятельность американских спецслужб, которые, по утверждению ряда авторов, сыграли значительную роль в содействии коллапсу СССР (*Швейцер* 1995; *Широнин* 2010).

С. Плохий ставит под сомнение триумфалистскую интерпретацию распада СССР. Новые материалы свидетельствуют, что и Дж. Буш, и члены его команды (Дж. Бейкер, Б. Скоукрофт) пытались продлить жизнь Советского Союза. Их пугали рост влияния Б. Ельцина и стремление союзных республик к независимости. Американское руководство боялось превращения СССР в «Югославию с ядерными бомбами». Эти опасения нашли отражение в речи Президента США в Верховном Совете УССР 1 августа 1991 г., получившей ироничное название «Chicken Kiev». Буш убеждал украинцев, что «свобода – это не то же, что независимость», и предостерегал от «местного деспотизма» и «самоубийственного национализма». Только когда исход Всеукраинского референдума стал очевиден, а Белый дом оказался под давлением украинской диаспоры и сторонников независимости Украины в самой администрации (министр обороны Д. Чейни), было объявлено, что США признают Украину.

После распада СССР Дж. Буш в телеобращении 25 декабря 1991 г. и послании Конгрессу 28 января

1992 г. объявил, что Холодная война «не просто закончилась — она закончилась победой», и в мире, некогда разделенном «на два вооруженных лагеря» осталась только одна сверхдержава — Соединенные Штаты Америки. Эта триумфалистская риторика со временем стала основой американских представлений о финале Холодной войны и, с другой стороны, подготовила почву для распространения конспирологических теорий, согласно которым распад Советского Союза стал результатом усилий ЦРУ. Победные заявления американского президента С. Плохий объясняет стремлением Дж. Буша увеличить свой политический капитал в ходе президентской избирательной кампании. Ради победы в президентской гонке в администрации Дж. Буша предпочли не вспоминать совместную с М. Горбачевым декларацию о завершении Холодной войны во время саммита в декабре 1989 г. на Мальте, а также заявления Белого дома, из которых следовало, что московская встреча двух президентов в июле 1991 г. стала первой после Холодной войны.

Вместе с тем автор считает, что отдельные шаги, предпринятые Дж. Бушем и Дж. Бейкером, ускорили распад Советского Союза едва ли не случайно. Речь идет об американской поддержке независимости Литвы, Латвии и Эстонии, вхождение которых в состав СССР никогда не признавали в Вашингтоне. В свою очередь получение независимости прибалтийскими республиками не могло не породить цепную реакцию.

Стоит обратить внимание на выдержки из мемуаров Дж. Бейкера, которые приводит С. Плохий. Госсекретарь вспоминал: «Учитывая крайнюю неопределенность будущего СССР, мы... спешили закрепить достигнутое». Речь шла о ситуации, когда Президенты СССР и России «чуть ли не соревновались в своей готовности сотрудничать» и, к крайнему удивлению госсекретаря, он получил согласие сократить ядерный арсенал и прекратить поддержку Афганистана и Кубы. Мэр Москвы Г. Попов сообщил, что центрального правительства как такового не существует. Республики и крупные города предоставлены сами себе. Г. Попов признался, что «Москва не может пережить зиму», после чего попросил о поставках яиц, сухого молока и картофельного пюре быстрого приготовления: «Некоторые из этих товаров есть на складах вашей армии. Военные выбрасывают их после трех лет хранения. Но мы готовы взять и залежалый товар». Складывается впечатление, что Вашингтон явно был заинтересован в том, чтобы как можно дольше держать основного соперника в состоянии неопределенности и безвластия, поэтому не позволял Б. Ельцину ни взять под свой контроль союзный центр, ни навязать М. Горбачеву Союз в форме конфедерации.

Странно, что С. Плохий не усматривает причинно-следственной связи между запретом КПСС и распадом Советского Союза. В качестве обоснования утверждается, что партия к августу 1991 г. была ослаблена и потеряла реальную власть. Однако мог ли существовать СССР как

капиталистическая страна? Некоторые западные авторы дают на этот вопрос утвердительный ответ, исходя из тезиса о реформируемости советской системы (Козн 2011; Hewett 1990; Sakwa 1991). На этих же позициях стоит и М. Горбачев. Однако, на наш взгляд, и это не учитывают выше названные авторы, а также и С. Плохий, СССР не был историческим государством, не опирался на многовековые традиции истории и культуры. Творцом и сердцевиной Советского Союза выступала Коммунистическая партия, запрет которой немедленно поставил на повестку дня вопрос о целесообразности союзного государства. Как признает С. Плохий, России как ведущей республике не удалось предложить никакой привлекательной интеграционной идеи для Украины и других республик. Не удалось этого сделать и в последующие четверть века. Все попытки создать привлекательный интеграционный проект на постсоветском пространстве не увенчались успехом.

С. Плохий полагает, что проигранная гонка вооружений, экономический спад, возрождение демократии и идеологическое банкротство коммунизма сами по себе не предопределили гибель СССР. Ее причиной стали имперское наследие, полиэтничный состав населения и псевдофедеративное государственное устройство Советского Союза. Значение этих факторов в полной мере не осознавали ни американские политики, ни советники М. Горбачева.

По мнению С. Плохия, крах СССР аналогичен произошедшим в XX в.

распадам Австро-Венгерской, Османской, Британской, Французской и Португальской империй. Советский Союз называется «последней империей» потому, что он был последним государством, сохранявшим наследие «классических» империй нового времени. Однако сам автор избегает говорить, что в его понимании означает термин «империя». Названные им империи очень разные, причем различия касаются как путей их создания, так и особенностей внутреннего устройства. Если под империей подразумевать в первую очередь многонациональное государство, то почему СССР – последняя? Этот термин сегодня иногда применяется в отношении США, России или Евросоюза, а Дж. Сорос называет империей «систему мирового капитализма». Спорным является и утверждение, что СССР сохранил наследие «классических» империй нового времени (автор опять же избегает говорить о том, каково это наследие). Ведь Советский Союз, в отличие от современной России, никогда не признавал себя правопреемником Российской империи.

Как утверждает С. Плохий, крах СССР связан с несовместимостью имперской системы правления и электоральной демократии. Он полагает, что закат империй всегда начинался, когда демократически избранные власти метрополии выясняли, что содержание колоний (вопрос о целесообразности и корректности уподобления советских республик колониям оставим на совести автора) является слишком дорогим удовольствием и себя не оправдывает. В качестве при-

мера приводится так называемый «план ковчега», разработанный Е. Гайдаром. Один из гайдаровских принципов состоял в признании невозможности финансирования Россией других республик. Это, в свою очередь, вынуждало поднять вопрос о целесообразности сохранения союзного центра как с политической, так и с хозяйственной точки зрения.

И всё же ключевую роль в развале СССР автор «Последней империи» отводит Украине. Популярности этому тезису добавляет утверждение З. Бжезинского, что без Украины Россия перестает быть империей. Распад СССР действительно стал прямым следствием Всеукраинского референдума 1 декабря 1991 г., на котором более 90 % избирателей высказались в пользу независимости. Во всех регионах Украины, включая Крым и Донбасс, за независимость проголосовало более половины участников. Это волеизъявление аннулировало результаты предыдущего, мартовского, референдума, на котором 70 % участников высказались за сохранение Союза. Украинский историк Я. Грицак назвал его «последним гвоздем в гроб СССР» (*Грицак 2000: 310*). Поскольку ни одна другая республика бывшего СССР не проводила референдумов о независимости, то только позиция Л. Кравчука в этом вопросе опиралась на волю народа, а не определялась политической конъюнктурой.

При этом нельзя не отметить мудрость и политическое чутье украинского лидера, благодаря которым удалось в сложнейшей ситуации вы-

вести Украину из состава СССР, используя «формулу цивилизованного развода» (С. Станкевич), без единой капли крови. К сожалению, эти качества первого президента не были по достоинству оценены в независимой Украине и особенно в диаспоре, где со временем распространились представления, будто независимость «свалилась на голову», досталась без борьбы и кровопролития, что якобы стало причиной последующих неудач молодого государства.

Несмотря на исключительную роль стремления Украины к независимости в процессе дезинтеграции СССР, имеют право на существование и утверждения, что ключевую роль в этом процессе сыграла Декларация о государственном суверенитете РСФСР, провал августовского путча или крах политики перестройки. В частности, подписанты Беловежских соглашений изначально убеждали, что не разрушали Советский Союз, а только выписали свидетельство о его смерти, оставив процесс анархичного, стихийного распада. Историк Р. Пихоя утверждал, что на самом деле СССР скончался в первые дни после подавления августовского путча (*Пихоя 2000: 606*).

С. Плохий рассматривает события, предшествующие декабрю 1991 г., как часть процесса, не завершившегося до сих пор — процесса выхода Украины из состава «империи». Ведь многие конфликты, определяющие сегодня ленту новостей, прогнозировались еще в 1991 г. Историк напоминает, что после принятия украинским парламентом

Акта провозглашения независимости Украины 24 августа 1991 г. руководство РСФСР сразу же выдвинуло территориальные претензии (пресс-секретарь Б. Ельцина П. Вошчанов назвал и конкретные территории, которые подразумевались: Крым, Донецкая область), а М. Горбачев по мере приближения Всеукраинского референдума пытался разыграть сепаратистскую карту, заявляя о неприемлемости независимости Украины для южных и восточных регионов.

В целом книга С. Плохия заслуживает того, чтобы ее прочесть. Российскому читателю она будет полезна, так как представляет украинское видение сложного и неоднозначного процесса распада СССР.

Стоит отметить блестящий стиль изложения и доступный язык, благодаря которому книга читается легко и будет интересна не только специалистам. Очевидно, в этом немалая заслуга переводчиков — С. Гирика, С. Лунина и А. Сагана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев, Алексеева 2003 — *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20.

Бузгалин, Колганов 2006 — *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Сталин и распад СССР. М., 2003.

Браун 2014 — *Браун А.* Взлет и падение коммунизма. М., 2014.

Гайдар 2006 — *Гайдар Е.Т.* Гибель империи: уроки для современной России. М., 2006.

Грбовський 1995 — *Грбовський С.* Національне питання і «перестройка» (об що перечепилися реформи Горбачова) // Генеза. 1995. № 1. С. 215–217.

Грицак 2000 — *Грицак Я.* Нарис історії України: формування модерної української нації. ХІХ–ХХ століття. Київ, 2000.

Киран, Кенни 2009 — *Киран Р., Кенни Т.* Продавшие социализм: Теневая экономика в СССР. М., 2009.

Коту, Вир 2013 — *Коту Д.М., Вир Ф.* Путь России от Горбачева к Путину: Гибель советской системы и новая Россия. М., 2013.

Коэн 2011 — *Коэн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М., 2011.

Крыштановская 1995 — *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.

Малия 2002 — *Малия М.* Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002.

Медведев 2010 — *Медведев Р.* Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010.

Медушевский 2011 — *Медушевский А.Н.* Перестройка и причины крушения СССР с позиции аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3–30.

Мохов 2015 — *Мохов В.П.* «Восстание элит» в распаде СССР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–12. С. 146–149.

Над этим размышляет... 2012 — Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию с момента развала СССР / Гл. ред. Ли Шэньмин. Пекин, 2012.

Островский 2011 — *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.

Пихоя 2000 — Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, 2000.

Рыжков 2007 — Рыжков Н.И. Трагедия великой страны. М., 2007.

Согрин 1995 — Согрин В.В. 1985–1995: реалии и утопии новой России // Отечественная история. 1995. № 2. С. 3–17.

Фроянов 2003 — Фроянов И. Погружение в бездну. Киев, 2003.

Чешко 2005 — Чешко С.В. Роль этнонационализма в распаде СССР // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 443–468.

Швейцер 1995 — Швейцер П. Победа: Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995.

Широнин 2010 — Широнин В. Агенты перестройки. Рассекреченное досье КГБ. М., 2010.

Шубин 2007 — Шубин А.В. Распад СССР: роль субъективных факторов // Историческое пространство. 2007. № 2. С. 5–37.

Beissinger 2002 — Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge, 2002.

Carrere d'Encausse 1993 — Carrere d'Encausse H. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York, 1993.

Coleman 1996 — Coleman F. The Decline and Fall of the Soviet Empire: Forty Years that Shook the World, from Stalin to Yeltsin. New York, 1996.

Hewett 1990 — Hewett Ed. A. Is Soviet Socialism Reformable? // SAIS Review. 1990. Vol. 10, N 2. P. 75–87.

Kotkin 2001 — Kotkin S. Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000. Oxford, 2001.

Sakwa 1991 — Sakwa R. Gorbachev and His Reforms, 1985–1990. New Jersey, 1991.

Suny 1993 — Suny R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and

the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

REFERENCE

Alekseev V.V., Alekseeva E.V. Raspad SSSR v kontekste teorii modernizatsii i imperiskoi evoliutsii. *Otechestvennaia istoriia*. 2003. N 5. P. 3–20.

Beissinger M. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge, 2002.

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Stalin i raspad SSSR*. Moscow, 2003.

Brown A. *Vzliot i padenie kommunizma*. Moscow, 2014.

Carrere d'Encausse H. *The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations*. New York, 1993.

Cheshko S.V. Rol' etnonatsionalisma v raspade SSSR. *Tragedia velikoi derzhavy: Natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soiuz*. Moscow, 2005. P. 443–468.

Cohen S. «Vopros voprosov»: *pochemu ne stalo Sovetskogo Soiuz*? Moscow, 2011.

Froianov I. *Pogruzhenie v bezdnu*. Kiev, 2003.

Gaidar E.T. *Gibel' imperii: uroki dlia sovremennoi Rossii*. Moscow, 2006.

Grabovskii S. Natsional'ne pitannia i «perestroika» (ob scho perechepilisia reformi Gorbachiova). *Geneza*. 1995. N 1. P. 215–217.

Coleman F. *The Decline and Fall of the Soviet Empire: Forty Years that Shook the World, from Stalin to Yeltsin*. New York, 1996.

Gritsak Ia. *Naris istorii Ukraini: formuvannia modernoi ukrains'koi natsii. XIX–XX stolittia*. Kiev, 2000.

Hewett Ed. A. Is Soviet Socialism Reformable? *SAIS Review*. 1990. Vol. 10, N 2. P. 75–87.

Keeran R., Kenny T. *Prodavskie sotsializm: Tenevaia ekonomika v SSSR*. Moscow, 2009.

Kotkin S. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford, 2001.

- Kotz D., Weir F. *Put' Rossii ot Gorbacheva k Putinu: Gibel' Sovetskoi sistemy i novaia Rossiia*. Moscow, 2013.
- Kryshchanovskaia O. Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. N 1. P. 51–65.
- Malia M. *Sovetskaia tragediia. Istoria sotsializma v Rossii. 1917–1991*. Moscow, 2002.
- Medushevskii A.N. Perestroika i prichiny krusheniia SSSR s positsii analiticheskoi istorii. *Rossiiskaiia istoriia*. 2011. N 6. P. 3–30.
- Medvedev R. *Sovetskii Soiuz. Poslednie gody zhizni. Konets sovetskoi istorii*. Moscow, 2010.
- Mokhov V.P. «Vosstanie elit» v raspade SSSR. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. N 11–12. P. 146–149.
- Nad etim razmyshliaet istoriia. Zametki k 20-letiiu s momenta razvala SSSR*. Chief ed. Ly Shenmin. Beijing, 2012.
- Ostrovskii A.V. *Glupost' ili izmena? Rassledovanie gibeli SSSR*. Moscow, 2011.
- Pikhoia R.G. *Sovetskii Soiuz: Istoriia vlasti. 1945–1991*. 2nd ed. Novosibirsk, 2000.
- Ryzhkov N.I. *Tragediia velikoi strany*. Moscow, 2007.
- Sakwa R. *Gorbachev and His Reforms, 1985–1990*. New Jersey, 1991.
- Shironin V. *Agenty perestroiki. Rassekrechennoe dos'e KGB*. Moscow, 2010.
- Shubin A.V. *Raspad SSSR: rol' sub'ektivnykh faktorov. Istoricheskoe prostranstvo*. 2007. N 2. P. 5–37.
- Shveitser P. *Pobeda: Rol' tainoi strategii administratsii SShA v raspade Sovetskogo Soiuzia i sotsialisticheskogo lageria*. Minsk, 1995.
- Sogrin V.V. 1985–1995: realii i utopii novoi Rossii. *Otechestvennaia istoriia*. 1995. N 2. P. 3–17.
- Suny R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, 1993.

П.И. Талеров

МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ЗНАЧИТ ВОЙНА...

Рец.: Отечество в Великой войне 1941–1945 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова ; авт.-сост. К.М. Андерсон, З.Н. Вишнякова, Е.М. Мягкова, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Шириянц. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 279 с.: ил. ISBN 978-5-8243-1955-2

И вновь книга о войне – Великой Отечественной, 70-летний юбилей победы в которой наша страна отмечала совсем недавно. Память о той, поистине народной, войне не угасает многие десятилетия. О ней нам напоминают теперь уже новые взрывы и бедствия, обрушившиеся на Россию после распада СССР. В том далеком 1945-м наши отцы и деды, задушившие коричневую гадину в ее же берлоге, и думать не могли, что вернется военное лихолетье на нашу землю, что вновь заговорят пушки, посыплются бомбы с неба, тишину размеренной жизни разорвут пулеметные очереди, и по пыльным дорогам опять будут метаться беженцы в поисках укрытия от смертельной опасности.

Я хорошо помню рассказы своих родителей о той войне, которая с грохотом ворвалась в их молодые судьбы, разделив жизнь на две части: до и после. Долгие годы после, до самых последних дней отец и мать соотносили свои мысли и поступки с тем житейским опытом, который они получили на войне. 900 дней блокады Ленинграда, 900 дней ужа-

са, адских мук и страданий, целая вечность жестокости и варварства на российской/советской земле, но вместе с тем подвига, стойкости и мужества – такое не забывается никогда! А в 1980-х гг. мне довелось курировать общество ветеранов войны в Василеостровской районной партийной организации, слушать, записывать и помогать публиковать воспоминания блокадников и участников Великой Отечественной войны. Правда, память со временем притупляется, акценты смещаются, не все факты стыкуются, иногда больше помнятся эмоции. Вот тут и приходят на помощь документы, которые десятилетиями оставались скрыты в глубинах архивных хранилищ и по разным конъюнктурным, политическим и идеологическим мотивам далеко не всегда были доступны широкой публике. Нужно учесть, что работать в российских архивах бывает очень нелегко по разным причинам...

С годами, как свидетельствует исторический опыт, благодаря усилиям историков и журналистов при определенной общественно-политической поддержке, великая героическая 1418-дневная эпопея

© Талеров П.И., 2016.

нашего советского народа становится более яркой и рельефной, выводя из забвения всё новые имена героев, по недоразумению либо недомыслию долго остававшиеся в тени. Та война стала серьезным испытанием для наших предков-соотечественников, явилась проверкой на силу духа, на выдержку и терпение, на дружбу и преданность — верность своим близким, своему народу, своей Родине. Не все из этого испытания вышли победителями: кто был сражен вражеским снарядом, бомбой или пулей и остался на полях сражения, кто погиб от пыток и голода в концлагере, на оккупированной территории, в блокадном Ленинграде, а кто был ранен и с увечьями вернулся домой. Но все они, за исключением лишь малодушных и откровенных предателей, стали героями и своими жертвами упорно приближали долгожданный май 1945-го...

Листая изящно оформленную книгу-альбом увеличенного формата в суперобложке, изучая броские, шокирующие снимки той далекой жестокой войны, невольно задумываешься о дне сегодняшнем, воздух которого — увы!.. — и ныне пропитан стойким запахом пороха и крови, гарью пылающей земли. Новая книга — очередное предупреждение из прошлого, еще один призыв к потомкам беречь мир, лелеять и укреплять дружбу между народами, решительно противодействовать любым провокациям и военным конфликтам, помнить о жертвах войны.

Книга-альбом в целом построена по тематическому принципу, хотя

хронология событий вполне выдержана; в качестве заглавий разделов взяты строки из известных военных песен и стихов, что весьма способствует психологическому погружению в атмосферу минувшего лихолетья. Каждый раздел предваряет вступительное слово авторов-составителей, кратко и ненавязчиво, без штампов, клише и стереотипов характеризующее затрагиваемую тему. От первых дней героического сопротивления вероломной агрессии нацистских войск, первых горьких минут бессильного беспорядочного отступления вглубь поливаемой дождем из снарядов страны авторы-составители ведут своего читателя, опираясь на документальные свидетельства, через всё героическое и повседневное, через сердечное и мерзкое, по ухабам фронтовых дорог и потайными партизанскими тропами к закономерному завершению в Берлине всей этой кровавой бесчеловечной бойни. Вот названия только нескольких разделов книги: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...», «И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова...», «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...», «Выходила на берег Катюша...», «Пусть солдаты немного поспят...». В альбоме есть и поясняющие иллюстративные материалы подразделы, названия которых, отраженные в нижних колонтитулах на нечетных страницах, к сожалению, не внесены в содержание, что затрудняет использование книги в качестве справочного пособия. Для этих же целей было бы удобно отдельно разместить полный перечень иллюстраций (факсимиле документов и кадры хроники раздельно)

не только со ссылками на страницы, на которых они расположены, но и на источники, которые были использованы (в подписях у фотографий они не всегда указаны).

Диссонансом общему стилю замечательного альбома является вставка-подраздел «Поэты и война: Музы не молчали» (с. 134–165), в которой не по алфавиту и не по хронологии (где-то даже нет дат публикации/написания), непонятно по какому принципу систематизации, без иллюстраций и каких-либо пояснений, приводятся известные стихи и песни советских авторов как времен войны, так и послевоенной эпохи, включая Б. Окуджаву, В. Высоцкого, А. Тарковского. Как вариант, можно было бы разместить всё это в приложении, обязательно пояснив логику такой публикации, а вообще-то для этого есть особые книги с указанием биографий авторов и истории написания и дальнейших публикаций текстов. Здесь же никакого колорита, на который,

по-видимому, рассчитывал издатель альбома, не получилось...

Не хватает книге, на мой взгляд, толкового заключения, которое перебрало бы своеобразный мост из нашего жертвенного и героического прошлого в настоящее и будущее. В этом заключении должно было бы отразиться отношение наших современников к той далекой/близкой войне, повествующее как быстро уходящим в мир иной славным участникам Великой войны, так и бодро вступающим в земную жизнь поколениям о том, как ныне чтим мы подвиг своих отцов и дедов, передаем эстафету грядущим поколениям. Крайне досадно, что такой феномен сегодняшнего дня, как Бессмертный полк, в последние годы встретивший массовую поддержку практически по всей нашей стране благодаря открытости, откровенности и духовной мощи замысла, остался без должного внимания в таком крайне нужном и полезном издании.

П.В. Крылов

ИССЛЕДОВАНИЕ... ПОНИМАНИЕ... ОПРАВДАНИЕ?..

Уйдет ли в прошлое проклятие Адольфа Тьера?

Защита диссертации К.М. Александра, посвященной командному составу вооруженных сил «Комитета освобождения народов России» (КОНР), что состоялась 1 марта сего года в Санкт-Петербургском институте истории РАН, наделала немало шума. Частью шумового сопровождения были и обращения в органы прокурорского надзора и реагирования некоей организации «Народный собор» (какой народ представляет эта организация, в силу каких полномочий и каким образом она реализует принцип соборности, остается, впрочем, неясным, хотя это и находится за рамками непосредственного сюжета нашей статьи), и массовое появление в зале заседаний невнятных личностей со взором пылающим и сбивчивой речью, и митинг возле стен Института истории компании недовольных решением диссертационного совета граждан, который был проведен вскоре после защиты.

Митинг был согласован, несмотря на то что происходил он в вечерний час пик и если бы не малое количество участвовавших в нем активистов (на защиту их явилось значительно больше), он вполне мог бы помешать проходу и проезду торопящихся домой после рабочего дня граждан. Суть претензий к работе проста: по мнению организаторов мини-майда на Петрозаводской улице, диссертант в своей работе преследует цель героизации генерала А.А. Власова и его последователей, а диссертационный совет, проголосовавший за присуждение ему степени доктора исторических наук, пособничает ему в этом неблагоприятном деле.

Будучи ученым секретарем диссертационного совета, в котором состоялась защита, не считаю необходимым возвращаться к разбору содержания работы. Совет выразил свою позицию в официально принятом и опубликованном заключении. Диссертация была изучена ува-

жаемыми специалистами по отечественной истории XX в., которые выступили в качестве официальных оппонентов и дали свои положительные заключения, что и было учтено членами совета во время голосования. Не вижу никакого смысла пересказывать их аргументы, с которыми каждый желающий может ознакомиться в открытом доступе. Свою задачу я видел бы в том, чтобы представить мои размышления о мотивах, что легли в основу общественной ажитации вокруг исследования К.М. Александрова и его защиты.

Во-первых, насколько я припоминаю, основанием для обвинений в героизации коллаборационизма и переписывании истории Великой Отечественной войны стало для группы общественных (неофициальных) оппонентов, отсутствие в работе К.М. Александрова ярких эпитетов и патетических инвектив в адрес изучаемых им персонажей, уместных для боевого листка или репортажа из зала суда над военными преступниками. Действительно, словосочетаний «предатель Власов», «негодяй Буняченко», «кровавый палач фон Паннвиц», «угодливый слуга бесчеловечного гитлеровского режима Штрик-Штрикфельд», «шелудивый нацистский пес Каминский» или «опустившийся на самое дно морального разложения Воскобойник», в диссертации вы не обнаружите, что, впрочем, не значит, что ее автор дистанцируется от юридической и моральной оценки действий германских нацистов и их российских последователей. На страницах своего труда и во время защиты позиция диссертанта была заявлена здесь бо-

лее чем однозначно: «Деяния Власова и остальных — это государственная измена», — недвусмысленно заявляет К.М. Александров. Является ли это утверждение недостаточным? Необходимо ли сопровождать каждое упоминание фамилии очередного коллаборациониста или государственного деятеля гитлеровской Германии трафаретно-уничжительным определением? Такой уверенности у меня нет. К пониманию сути поставленной проблемы подобные риторические фигуры ничего не добавляют, а текст существенно перегружат. По моему разумению, вполне достаточно один раз и навсегда расставить акценты, поскольку у читателя нет никаких оснований полагать, что по ходу изложения они каким-то неведомым образом должны сместиться.

Во-вторых, героизацию власовцев авторы гневливых реплик увидели уже в самом выборе объекта исследования. Так, в одном из письменных отзывов, составленном от лица общественных активистов, присутствовал упрек в том, что К.М. Александров зачем-то изучает историю предателей, а не пишет свои книги о Зое Космодемьянской. Чувство горечи, которое испытывает упрекавший, я понимаю и разделяю. Серьезных монографических исследований о Зое Космодемьянской в российской историографии нет. Есть замечательные художественные произведения, есть мемуары, есть какие-то журналистские материалы, то претендующие на открытие неких сенсационных сведений, то опровергающие давно известные факты, то опровергающие тех, кто опровергает, и т. п. Есть

и небольшое количество академических статей М.М. Горинова, а вот профессионально выполненных монографий — нет. И если бы кто-то взял на себя труд написать книгу, в которой полная биография этой героини битвы за Москву была бы представлена в контексте проблематики советского детства и школы 1920-х — 1930-х гг., а также в контексте организации диверсионной работы осенью 1941 г., такую работу можно было бы только категорически приветствовать. Но нет подобной научной биографии, написанной в жанре «тотальной истории», с привлечением всех доступных документов, включая классные журналы из школ, в которых училась Зоя, и кассовых книг продмагов в Лихоборах, куда мать могла посылать будущую героиню за продуктами. И отсутствие такой работы едва ли случайно, потому что при ее написании автор столкнулся бы с большим количеством проблем и неразрешимых вопросов, а по выходу количество проблем определено только увеличилось бы.

Однако, понимая и признавая актуальность для отечественной историографии темы известной всем Зои Космодемьянской или, в качестве близкого для меня примера, тему мало кому известной подпольной партийно-комсомольской организации в городе Кингисепп (бывш. Ямбург), действовавшей на западе Ленинградской области, хотел бы высказать пожелание, чтобы у исследователя было право выбирать тематику и проблематику своих исследований, доказывая в ходе свободной академической дискуссии значение его работ. Допустим, нель-

зя изучать историю КОНР, потому что он стал средоточием государственных изменников, поднявших оружие на стороне врага. А историю Емельяна Пугачёва, поднявшего оружие против своего правительства во время русско-турецкой войны, изучать можно? Означает ли, что любая измена, мятеж, бунт должны быть приговорены к забвению? Есть ли у нас, как говорилось во время защиты диссертации К.М. Александрова, запретные темы? И кто, в таком случае, наделяется правом «вязать и решать», какая тема допустима, а какую требуется пресечь на корню?

Но наибольшее недоумение вызывает сам факт того, что исследование истории предательства ассоциируется с его героизацией. Может быть, следуя этому принципу ассоциации, будет уместно запретить криминалистику? Может быть, ученый, изучающий девиантное поведение убийцы или насильника, если сам и не является убийцей и насильником в глубине своей души, то фактом своих исследований пытается оправдать преступления? «Не было бы докторов, не было бы и болезней», — знакомый, очень образно обыгранный Александром Галичем в «Рассказе старого конармейца» тезис. И нельзя сказать, что сегодня его невозможно встретить. Но его живучесть не отменяет его бесперспективности, потому что и болезни физические, и болезни социальные, в число которых входит и предательство, существуют безотносительно того, хотим мы что-то про них знать или закрываем на них глаза. И если, закрыв глаза, и можно какое-то время сохранить

спокойствие, то найти лекарство уж точно не получится.

Когда Адольф Тьер, будущий палач Парижской Коммуны и президент Франции, работал над десятитомной «Историей французской революции», он пришел к мысли о том, что историк тогда только сможет достичь успеха у публики, если будет испытывать симпатию ко всем своим даже отрицательным персонажам, выражая эту свою внутреннюю установку на страницах сочинения. В итоге Тьер по очереди сочувствовал Мирабо, Дантону, Робеспьеру и Бонапарту, а потом сочувствовал тем, кто с ними сражался и их преследовал. Вознаграждением автора стал 150-тысячный тираж, разошедшийся при его жизни. Поколениям же историков, которые пришли после него, в наследство от Тьера до-

сталось проклятие. Какой бы темой они ни занялись, какой бы академичной ни была бы их речь, их подозревали и будут подозревать в том, что их цель — не только знание фактов социальной реальности прошлого, не только выявление закономерностей исторического процесса, но и недопустимая апологетика того, что не может иметь оправдания. Адольф Тьер давно ушел в небытие, его труды перестали быть бестселлерами и представляют интерес лишь для узкого круга специалистов по историографии, а сформированное благодаря ему подозрительное отношение широкой публики к ремеслу историка осталось. Во время защиты докторской диссертации К.М. Александрова эта неуместная подозрительность проявилась со всей яркостью... Старинное проклятие продолжает действовать. Увы...

С.А. Панарин, И.К. Фоменко

СКАЗ О ТОМ, КАК АДЪЮНКТ-ПРОФЕССОР НА КАРТЕ XV В. АЛМАТЫ НАШЕЛ

В 2015 г. в Астане вышел сборник статей «Национально-освободительная борьба казахского народа. Булантинская битва». Он был подготовлен по материалам Международной научно-практической конференции «Улытау – колыбель нации», включенной, согласно Постановлению Правительства Республики Казахстан №1448 от 31 декабря 2014 г. «О подготовке и проведении в 2015 году 550-летнего юбилея Казахского ханства», в план юбилейных мероприятий. Сборник издан с грифом подведомственного Министерству культуры и спорта Республики Казахстан Казахского научно-исследовательского института культуры (КазНИИК). Генеральный директор этого института, доктор философии (PhD) Андрей Хазбулатов фигурирует на контртитule книги в качестве ее главного редактора (Национально-освободительная... 2015: 5) и потому *volens nolens* отвечает за научность и достоверность всех содержащихся в ней статей.

Судя по названию сборника, его статьи должны раскрывать различные

сюжеты из истории освобождения в 1727–1728 гг. казахским ополчением междуречья Буланты и Белеуитты от джунгарских войск (Козыбаев, Галиев 2000: 139–143). Но из двух десятков составивших сборник статей лишь две, написанные новосибирским историком и археологом Л.А. Бобровым, имеют более или менее непосредственное отношение к Булантинской битве, поскольку посвящены военному искусству казахов и джунгар именно того времени, когда произошла битва. В остальных статьях можно прочесть и об итогах этнографической экспедиции 2010 г., и об антропологическом облике воинов из захоронения конца XIII – начала XIV в., и о ткани из погребения могильника Карасуыр, и об истории исследования мавзолея Ботагай, и о каракалпакской легенде «Жупар-Кемпир», и о шлеме из коллекции Метрополитена... И даже – об интеллектуальном потенциале нации и о том, для чего нужна история. Часть статей связана с Улытау как с местом исторически значимых событий, однако события, о которых идет речь в этих статьях, происхо-

дили не во время национально-освободительной борьбы казахского народа, а в эпоху средневековья (в XIII–XV вв.). Короче говоря, перед нами довольно типичный случай несоответствия содержания названию, что обычно отличает сборники, быстро изготовленные, что называется, «к празднику», когда первостепенное значение обретает не состав книги, а дата ее выпуска.

Та же «юбилейная» поспешность ярко отразилась и на аннотации к сборнику. В ней сказано, что авторы статей – известные ученые, историки и археологи, «специалисты научных учреждений Казахстана, России и США». На самом деле этой категорией перечень авторов отнюдь не исчерпывается. В их числе мы видим и нескольких музейных работников, и чиновника Министерства культуры, и аспирантку «Гнесинки», и заслуженного пенсионера. И даже проживающего в Астане журналиста-фрилансера Жана Дюлака, однофамильца двух довольно известных французов XX в. – киноактера и художника. Очень может быть, что все эти люди в своих областях деятельности не менее известны, чем те из авторов, что удостоились соответствующей оценки в аннотации; но всё же числить их по разряду «специалистов научных учреждений», мягко говоря, не совсем верно.

Впрочем, не будем дальше задерживаться на небрежно написанной аннотации. Сделаем лишь еще одно маленькое замечание: из 21 автора/соавтора статей сборника 15 представляют Казахстан и пятеро – Россию. Что касается «специалистов на-

учных учреждений США», таковых в наличии имеется один – Рафис Абазов. Его небольшой и буквально сразившей нас статье и посвящена данная рецензия. Но прежде чем перейти к ее разбору, хотелось бы, во-первых, познакомить читателя с ее автором, во-вторых, рассказать о его недавнем выдающемся открытии, которое, собственно говоря, и привлекло наше внимание к делам и трудам г-на Абазова.

I

В сборнике Рафис Фанисович Абазов называется (возможно, без его согласия) профессором Колумбийского университета. В действительности он – adjunct assistant professor в SIPA¹ или School of International and Public Affairs этого университета, что на русский обычно переводят как Факультет международных отношений². Следовательно, он принадлежит к самому большому отряду преподавателей SIPA³, чей статус ниже «полноправного» (core) профессора. Впрочем, в американской традиции даже преподавателей колледжей величают профессорами; будем считать, что именно ею руководствовался глав-

¹ См.: (Rafis Abazov б./д.). Все последующие биографические данные, за исключением относящихся к работе Абазова в Казахстане, взяты из этого же источника.

² Во всяком случае, именно такой перевод дается на сайтах, рекламирующих обучение в Колумбийском университете. См., напр. (Колумбийский университет б./д.).

³ Всего в SIPA числится 487 преподавателей и исследователей, из которых самая многочисленная категория преподавателей разного статуса объединена под рубрикой “Adjunct” – 312 человек (SIPA Faculty б./д.).

ный редактор сборника, именуя Абазова профессором без всяких там *adjunct* и *assistant*.

В последние годы Абазов работает в качестве приглашенного профессора в Казахском национальном университете (КазНУ) им. Аль-Фараби (Алматы) менеджером Национальной образовательной программы «Всемирные уроки устойчивого развития» (*Global Classroom on Sustainability*)⁴, реализуемой КазНУ на правах одного из хабов международной программы «Академическое влияние» (*Утегенова* 2016). До того им было опубликовано несколько книг, и все они, за исключением одной, посвящены сюжетам не столько политологическим, сколько историческим и культурологическим. Например: «Исторический словарь Кыргызстана» (“*Historical Dictionary of Kyrgyzstan*”, Scarecrow Press, 2004), «Исторический словарь Туркменистана» (“*Historical Dictionary of Turkmenistan*”, Scarecrow Press, 2005), «Культуры и обычаи в республиках Центральной Азии» (“*The Cultures and Customs of the Central Asian Republics*”, Greenwood Press, 2007), «Культура и обычаи Турции» (“*The Culture and Customs of Turkey*”, Greenwood Press, 2009). По жанру все они близки справочным изданиям.

II

Судя по приведенным выше биографическим данным, в лице Рафиса Фанисовича мы имеем дело с человеком разносторонним и мо-

бильным: история, культура, международные отношения, устойчивое развитие, научно-образовательный менеджмент, разумеется, преподавание, а также экспертное консультирование — всё ему по силам. Однако любимыми его занятиями были и остаются история и культура Центральной Азии. О них — большинство его книг; они постоянно в фокусе его исследовательского интереса; любовью к ним, как можно предположить, в значительной мере определяется и выбор им институциональных партнеров в государствах региона. В Казахстане Абазов активно участвует в реализации различных проектов КазНИИК, а также Казахской национальной академии искусств (КазНАИ) им. Т. Жургенева. В частности, в 2013 г. он был приглашен выступить научным экспертом научно-исследовательского проекта, разработанного тогдашним ректором КазНАИ Арыстанбеком Мухамедиулы совместно с Андреем Хазбулатовым и директором образовательного центра «Италия» Кармине Барбаро. Проект был назван «Рим и Алаш⁵: культурное наследие», цель его заключалась в том, чтобы «пролить свет» на неизвестные страницы истории «взаимоотношений Римской империи и Рима с цивилизациями кочевников Евразии и особенно с предками казахов и казахских племен» (*Ученый нашел...* 2014). Для этого было решено исследовать архивы

⁵ *Алаш* — нарицательное самоназвание страны казахов, появившееся в их словарном обиходе не ранее XVII века. Его этимология восходит к этногенетическому мифу о предке казахского народа Алаша-хане, с именем которого связывается образование Казахского ханства. См.: (*Кондыбай* 2005: 49–54; *Джандосова, Ерофеева* 2011: 211–215).

⁴ О ней см.: (*Wiek, Arnim* в. а. 2013).

Ватикана и ордена иезуитов, и весной 2014 г. Абазов в сопровождении одного из авторов проекта и переводчика отбыл в Рим.

Дальняя поездка трех человек из центра Евразии в Италию, их проживание в Риме, оплата труда переводчика, копирование найденных архивных материалов — всё это не могло не быть делом затратным для бюджета Министерства культуры и спорта РК. Вполне естественно, что и Министерство, и научная общественность Казахстана ожидали весомых научных результатов от этого путешествия. Что ожидания оправдались, прямо говорится в двух интервью Абазова. Одно из них размещено на портале Zakon.kz (Ученый нашел... 2014), откуда оно в полном, расширенном либо сокращенном виде и под слегка измененными названиями перекочевало в некоторые другие электронные казахстанские СМИ, в частности на портал invest.kz. Второе можно прочитать на портале, посвященном истории Казахстана (Выходченко 2014) и на сайте КазНИИК. Интернет-публикации обоих интервью сопровождаются изображениями доказательств сделанного Абазовым открытия — фотографиями найденных в Риме старинных карт, включающих территорию Центральной Азии. Первая публикация содержит полные изображения трех карт, одна из которых, правда, сильно повреждена, и фрагмент четвертой карты, вторая — полные изображения тех же карт за вычетом поврежденной. Журналисты отметили, что «по предварительному заключению экспертов, с которыми консульти-

ровался ученый, историографы эти карты никогда не видели»; сам первооткрыватель был на этот счет осторожнее, лишь предполагая уникальность карт. В то же время, по мнению самого Абазова, «карты позволяют утверждать, что взаимоотношения казахских правителей с внешним миром были гораздо шире и, возможно, включали и Южную Азию, и даже Западную Европу. По этим картам мы можем пролить дополнительный свет на динамику развития казахской государственности...» (Ученый нашел... 2014).

При сопоставлении публикаций интервью выявляется противоречие, которое мы, не будучи авторами, не можем разрешить. В первой публикации читаем, что «в ходе кропотливой работы ученый случайно (sic!) обнаружил *пять карт* (здесь и далее курсив наш. — С.П., И.Ф.) и письма Папы Римского царю татаро-монголов (“Rex Tartari”)» (Ученый нашел... 2014), во второй — Абазов говорит журналистке: «Мы обнаружили *шесть карт*, которые отражают то, как воспринимает Западный мир Азию. Также мы нашли шесть документов, среди которых и письмо Папы Римского одному из тюркских ханов» (Выходченко 2014).

Наши комментарии по поводу этих открытий мы приведем в конце рецензии. Здесь же отметим, что в 2015 г., когда в Казахстане отмечалось 550-летие со дня основания Казахского ханства, Абазов неоднократно выступал на международных научных и общественных форумах в Астане и Алматы, посвященных этому событию. На них он сообщал о своих плодотворных разысканиях

в Ватикане, чем еще больше заинтриговал казахстанских историков. И вот в конце 2015 г. в том самом сборнике якобы о Булантинской битве, о котором сказано выше, появилась его «картографическая» статья «Становление казахской государственности на Великом шелковом пути в отражении карты “Фра Маоро”». Еще раньше, в сентябре, основные ее положения были обнародованы в одной из самых читаемых газет Казахстана (*Сагандыкова* 2015).

III

Образование Казахского ханства, как известно, имеет длительную предысторию. В конце XIII – начале XIV в. на территории казахстанских степей, именуемых в современной научной литературе Восточным Дашт-и Кипчаком, сложилось государство Ак-Орда, во главе с потомком старшего сына Джучи Урус-ханом (1368–1377). После смерти Урус-хана его наследникам пришлось почти целое столетие (с 1380 по 1470-е гг.) вести трудную борьбу за право обладания кочевьями Восточного Дашт-и Кипчака (*Ускенбай* 2011: с. 22–23).

С конца XIV и всю первую половину XV в. степи современного Казахстана именовались в средневековых сочинениях мусульманских авторов *Дийар-и Узбек*, т. е. «Страна узбеков», или «Узбекистан», поскольку основное кочевое население этого региона тогда называлось *узбеками*. При этом одна группа «кочевых узбеков» признавала над собой власть потомков Урус-хана, а другая была

подвластна Абу-л-Хайр-хану (1428–1468) – потомку Шибана, пятого сына Джучи (*Кляшторный, Султанов* 1992: 216–217; 2004: 224; *Пищулина* 1997а: 152–153).

В 1459–1460 гг. часть племен кочевых узбеков, входившая в состав ханства Абу-л Хайра, во главе с потомками Урус-хана султанами Керем и Джанибеком отделилась и откочевала – пошла «казаковать» – на территорию Моголистана (Семиречье и примыкающие к нему на западе земли в бассейне р. Чу), во владения чагатаида Есен-Буги-хана (1433–1462). Они встретили самый радушный прием со стороны этого правителя, выделившего им для кочевания местность «Чу и Козыбаши» – основную часть Чу-Илийского региона, входящую сейчас в состав Жамбылской области Казахстана (*Кляшторный, Султанов* 1992: 233–240; *Пищулина* 1997б: 321–327; *Атыгаев* 2006). В последующие годы число приверженцев откочевавших султанов постоянно увеличивалось за счет притока в их владения из государства «кочевых узбеков» новых групп кочевников, недовольных деспотизмом Абу-л Хайр-хана. В 1465 г. Керей и Джанибек провозгласили себя самостоятельными правителями отколовшейся от ханства Абу-л Хайра родоплеменной группировки тюркоязычных кочевников. Этот год современные казахстанские историки и считают датой основания Казахского ханства (*Пищулина* 1997б: 334–335; *Атыгаев* 2006; *Научное заключение...* 2014).

В первой половине 1470-х гг. Керей и Джанибек отвоевали у ближайших

потомков Абу-л Хайр-хана степи Центрального Казахстана, присоединив их вместе с местными кочевыми племенами к своему ханству. В первой половине XVI в. в его состав вошли отдельные районы в среднем течении Сырдарьи и Северное Приаралье, а в первой четверти XVII власть казахских ханов распространилась на Туркестанский район и город Ташкент. В течение XVI в. за ушедшими «казаковать» из владений Абу-л Хайра племенами кочевников постепенно закрепилось имя *казаки*, страна, ими населенная, стала называться в среднеазиатских источниках *Казахстаном*, а в русских посольских документах — *Казачьей ордой* (Пищулина 1997б: 335–361; Ускенбай 2011: 25–39; Джандосова, Ерофеева 2014: 208–211).

IV

Статья Абазова посвящена, как указано в ее заголовке, карте, также «проливающей свет» на историю казахской государственности. Это карта мира «Фра Мауро». Она была «предположительно создана в 1450–1460 гг. венецианским картографом-монахом Фра Мауро в монастыре Сан Джиовани (рядом с Венецией) по заказу короля Португалии». Значение ее трудно переоценить: «Это одна из самых загадочных и интригующих карт эпохи средневековья, которая не дает покоя исследователям из многих стран. Данная карта важна и интересна тем, что вместе с другими политико-культурными картами эпохи средневековья она может служить источником для изучения истории создания и разви-

тия Казахской государственности. Это особенно актуально в контексте научных дискуссий по вопросам 550-летия Казахской государственности» (Абазов 2015: 8).

Сразу возникает вопрос: почему в названии статьи и ее первой части карта обрела имя собственное, совпадающее с именем ее создателя? Поскольку далее слова Фра Мауро в кавычки нигде не заключены, понимаешь, что в заголовках — опечатки. От них никто не застрахован; но когда опечатка делается даже в названии научной статьи и остается в публикации, не истребленная ни автором, ни редактором, это навеивает грустные размышления о всё той же «юбилейной» поспешности и, как следствие, о пренебрежении читателем...

Уже не опечатка — систематически неверное написание в статье имени создателя карты. Ее автор⁶, венецианский монах ордена камальдулов, почему-то превращен Абазовым в Мауро, тогда как в монастырских документах он проходит как «Frater Maurus», т. е. «Брат Мауро» (*Almagià* 1954: 5) и под именем Фра Мауро фигурирует в любом тексте, посвященном его карте или лично ему. Кстати, слово *mauro* как в латинском языке, так и в итальянском вообще отсутствует. Есть слово *tauro*, заимствованное из греческого языка

⁶ Он был составителем карты и автором нанесенных на нее надписей-комментариев. Непосредственно рисовал карту знаменитый венецианский картограф Андреа Бьянко, а миниатюры в квадрате (подложке к карте) принадлежат художнику из знаменитой семьи Беллини, Леонардо Беллини. О них см. соответственно (Codazzi 1968; Galliano 2008).

(*mauros*) и означающее мавра (Мауро б./д.). Так первоначально называли выходцев из исторической Мавритании, примерно соответствующей северной части современного Марокко и Алжира, со временем же так стали звать всех мусульман, людей с темной кожей, негров (Моог б./д.). Есть и христианский святой с таким именем, ученик знаменитого св. Бенедикта Субиакского; о нем упоминает в частности Григорий Двоеслов в четвертой и седьмой главах второй книги своего «Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души»⁷.

Озадачивает и другое. Абазов широко оповестил казахстанскую общественность об открытии им нескольких карт, возможно, неизвестных науке, а статья написана на основе карты одной-единственной, к тому же широко известной, многократно воспроизводившейся, доступной любому желающему в Интернете. Почему он ограничился одной ею? Мы можем только предположить, что, как и полагается настоящему ученому, Рафис Фанисович не хотел использовать свои находки, пока они не прошли экспертизы профессионалами...

Карта, анализируемая в статье, в такой экспертизе не нуждается, ее ценность как источника самых разнообразных сведений общепризнана. Правда, с одной существенной оговоркой. Ценность карты неоспорима, когда анализируется многоцветный оригинал, хранящийся в Венеции в Национальной

библиотеке Марциана⁸, а также его качественные факсимильные воспроизведения, среди которых практически идеальным признается сделанное в 1804 г. Уильямом Фрезером факсимиле, находящееся сейчас в Британской библиотеке (William Frazer б./д.)⁹. К прочим копиям карты, в особенности к ее одноцветным прорисовкам, у специалистов есть претензии — к каким-то меньшим, к каким-то большим. Одна их причина заключается в том, что эти копии содержат искажения, а то и позднейшие включения; другая — в том, что авторы копий, не имея возможности добиться аутентичного воспроизведения оригинала, или по каким-то иным причинам намеренно «освободили» карту от текстовой и части топонимической нагрузки. Так, например, поступил один из первых исследователей карты Мауро, при этом, правда, четко указавший, что публикуемая им карта — всего лишь эскиз (*abbozzo*) подлинника (*Zurla* 1806: 171). Поэтому любой научный текст, претендующий на новую интерпретацию информации, заключенной в знаменитой карте, должен начинаться с указания, какой из ее версий пользовался исследователь. В статье Абазова такое указание от-

⁸ Ее оцифрованная репродукция хорошего качества доступна в нескольких местах, например, на специализированном сайте старых географических карт, где она помещена под номером 249 в разделе позднесредневековых карт. См.: (Fra Mauro's... б./д.).

⁹ Электронную версию в высоком разрешении и с возможностью значительного увеличения можно посмотреть на сайте Британской библиотеки, где сохранена страница состоявшейся в 2010 г. выставки «Magnificent Maps: Power, Propaganda and Art». URL: <http://www.bl.uk/magnificentmaps/map2.html> (access date: 25.02.2016).

⁷ Это сочинение доступно на: http://aleteia.narod.ru/gr_magnus/it_fathers/12.htm (дата обращения: 27.02.2016).

сутствует, хотя именно в ней оно категорически необходимо еще и потому, что Абазов объявляет карту «источником по истории казахской государственности». По сути, нам предложена захватывающая гипотеза, но при этом она не защищена подтвержденной релевантностью источника.

Рафис Фанисович оставил, однако, в своем тексте некоторые намеки на то, с какой копией карты он работал. В нескольких случаях приводимые им топонимы отличаются по написанию от топонимов оригинала. Так, в оригинале карты, в той ее части, которую можно сопоставить с современной Центральной Азией, есть такие топонимы: *Fl. oculus*¹⁰, *Bochara*, *Termici*, *Lago insical*, *Fl. iainch* (*Falchetta* s. d. *2378, *2390, *2399, *2401, *2498)¹¹. Абазов же, идентифицируя их в своей статье, дает несколько иное написание: *Osuch* – Окс (древнее название Сырдарьи), *Bocara* – Бухара, *Termes* – Термез, *Inisicol* – Иссыккуль и *Jainch* – Яик (р. Урал). И точно в таком же написании эти топонимы представлены на довольно распространенной черно-белой прорисовке оригинала (От древности до... б./д.). Для людей, далеких

от картографии, она имеет явное преимущество. На ней восстановлена привычная ориентация «круга земного», когда север располагается наверху карты и юг снизу, а не наоборот, как у Фра Мауро¹². Кроме того, на прорисовке удалены заметки о той или иной местности, нанесенные на карту ее создателем. Оставлены только топонимы, и читаются они легче, чем на точных воспроизведениях оригинала. Соответственно и пользоваться этой достаточно вольной копией удобнее, чем оригиналом. Но при этом следует иметь в виду, что данная упрощенная карта-реконструкция имеет такое же отношение к цветной карте-оригиналу, как детская игрушечная машинка – к своему прототипу, настоящему автомобилю.

Разумеется, мы ни в коем случае не утверждаем, что Рафис Фанисович пользовался именно этой или только этой картой...

V

Вернемся, однако, к тексту статьи. Она состоит из трех частей, выделенных автором следующими подзаголовками: «Венецианская Карта мира “Фра Мауро” как исторический источник», «Государственные образования региона в отражении ученого-картографа Фра Мауро»,

¹⁰ Именно так, со строчной буквы, даются в оригинале топонимы после слов *fl(umen)* – река и *lago* – озеро.

¹¹ Нам не довелось побывать в Библиотеке Марчиана, а на интернет-репродукциях карты, даже лучших, одни надписи читаются хорошо, другие – с трудом, а иные невозможно разобрать. К счастью, Пьеро Фалькеттой был подготовлен полный список всех имеющихся на карте надписей, на который мы и ссылаемся. Цифры, предваряемые звездочкой, соответствуют нумерации надписей в этом списке.

¹² Абазов высказывает предположение, что таким образом «Мауро» зашифровал смысл карты (с. 10). На самом деле это была довольно распространенная практика среди западноевропейских картографов того времени, возможно, следовавших в этом отношении за своими арабскими коллегами. См.: (Fra Mauro's... б./д.).

«Международная дипломатия и Казахская государственность». Уже по этим подзаголовкам понимаешь, что автор намерен донести до читателя. Однако намерение далеко не всегда получает убедительное воплощение, и разбираемая статья — яркий тому пример. На наш взгляд, каждая ее часть представляет набор утверждений и предположений, за отдельными исключениями не подкрепленных доказательствами. Видимо, это в глубине души сознавал и сам автор, иначе трудно объяснить, почему адъюнкт-профессор Колумбийского университета (четвертое, между прочим, место в рейтинге университетов США!), в отличие от всех остальных ученых — авторов сборника, обошелся без научно-справочного аппарата. В его тексте есть лишь одна постраничная сноска (Абазов 2015: 13, прим. 1). Но и она не отсылает к источникам или историографии. Это — благодарность «за помощь в подготовке данного материала» всему коллективу КазНАИ, генеральному директору КазНИИК Андрею Хазбулатову, «директору венецианской библиотеки Марчиано Мауризио Мессина, исследователю средневековых карт Пиеро Фальчетта, чрезвычайному и полномочному послу Италии в Республике Казахстан Стефану Раваньян».

Мы же как лица, не принадлежащие к всемирно известному научно-образовательному учреждению, доказательств со ссылками на страницы статьи уже приводили и еще приведем. И так как мы свято уважаем авторские права, цитаты из г-на Абазова изначально даются в нашей рецензии точно в том виде, в каком

соответствующие места можно прочитать в статье и интервью, хотя далеко не всегда этот «вид» соответствует правилам русского и итальянского языка.

С. 9. Мы узнаём, что содержащаяся в карте «детальная» (sic!) информация о «современной территории Центральной Азии» «может косвенно говорить о наличии дипломатических и военных отношений Венеции с государственными образованиями на территории Казахстана и возможно о существовании торговых и дипломатических делегаций в регион, неизвестных современным историкам». Вообще говоря, современным историкам много чего неизвестно из прошлого, и необязательно состоять в рядах «специалистов научного учреждения», чтобы на основании этого элементарного факта прийти к не менее элементарному выводу: чего мы не знаем, то могло произойти. Но в подобном рассуждении равно справедлив и противоположный вывод: то, чего мы не знаем, могло не произойти. Чтобы решить, какой вывод верный, нужно найти доказательство — предмет, документ, иногда даже устное свидетельство, — непосредственно подтверждающее или опровергающее спорный тезис. Карта таким свидетельством не является: она хорошо показывает объем знаний европейцев о том пространстве, что ныне называют Центральной Азией, и не более того.

С. 10. Приведем еще более обширную цитату. Карта «была подготовлена на основе многочисленных личных интервью Фра Маоро с путешественниками и дипломатами того

времени и географических материков, не дошедших до наших дней. Информация собиралась не только у венецианских и генуэзских торговцев, но и у путешественников и послов, которые жили в азиатском квартале (надо понимать, в некоем специальном квартале в Венеции. — С.П., И.Ф.). Источники подтверждают, что многие из жителей азиатского квартала были выходцами из Центральноазиатского региона, где были в ту эпоху заложены основы Казахской государственности. <...> Фра Мауро провел, говоря современным языком, контент-анализ информации по политическому, военному и культурному состоянию региона. Многие из этих источников не сохранились».

Сделанные нами выделения курсивом призваны фиксировать внимание читателя на речевых, фактических и прочих промахах автора цитаты. Нельзя, даже оговариваясь на этот счет, говорить «современным языком», когда описываешь времена давно минувшие. Венецианский монах мог расспрашивать, но никак не мог «брать интервью» — это дело журналистов и социологов; и уж тем более не мог он заниматься «контент-анализом», каковой метод был придуман лет на пятьсот позже. Далее. Мы не знаем историю Венеции так же хорошо, как Абазов, поэтому об «азиатском квартале» можем сказать только то, что разыскали в Интернете. Оказывается, проживание в Венеции «азиатских» купцов (из Османской империи) фиксируется лишь спустя полвека после смерти Фра Мауро. Проживали они, непостоянно и без семей, у частных лиц или в дешевых гости-

ницах, сначала около церкви Святых Иоанна и Павла, а с 1516 г. — в том самом сестьере Каннареджо, где тогда же было учреждено еврейское гетто. В начале XVII в. им был отдан в аренду один дворец на Большом канале, с тех пор получивший название Фондако (на венецианском диалекте Фонтего) дэй Турки. В нем они жили, в нем же у них был склад товаров, велась торговля (The Turks б./д.). Самое главное: если источники что-то «подтверждают», но при этом даже не называются в ссылке (не в первый раз, заметьте!), то с точки зрения и логики, и этики научной работы, да и просто здравого смысла, этих источников не существует. Ибо мы поставлены в положение, когда должны поверить либо не поверить автору на слово, что фактически возвращает нас к вышеописанной дилемме выбора между «может быть» и «может не быть». Но ведь это дилемма веры, а не научного знания...

С. 12. Здесь Абазов сообщает нам, что карта Фра Мауро «в контексте многих других материалов позволяет говорить о внешнеполитических предпосылках создания казахской государственности». Каких материалов? Тех, которыми пользовался Фра Мауро? Но двумя страницами ранее Абазов утверждал, что они «таинственным образом исчезли» после смерти составителя. Тогда, может быть, имеются в виду материалы научных исследований на эту тему? Или дело именно «в контексте» (без материалов) — в той исторической ситуации, что в середине XV в. побудила Венецию обратить внимание на далекие казахские степи? Непонятно. Сам Рафис Фа-

нисович перечисляет следующие предпосылки: «заинтересованность многих европейских государств и особенно Венеции в восстановлении и развитии Великого Шелкового пути» через территорию Казахстана и потенциальная готовность «венецианских купцов и торговцев поддержать создание централизованной государственности для того, чтобы товары и люди могли беспрепятственно и безопасно передвигаться на Запад». Плюс активизация деятельности «венецианских путешественников и миссионеров в регионе» (Абазов 2015: 12–13).

Тезис о внешнеполитических предпосылках возникновения государственности – общее место в политической науке. До сих пор, однако, нам не встречалась такая постановка этого вопроса, как у Абазова. У него получается, что значимой внешней предпосылкой деятельности Кирея и Джанибека были: а) «заинтересованность многих европейских государств» в появлении централизованного казахского государства; б) потенциальная готовность некоторой части подданных одного из этих государств поддержать создание ханства; в) участвовавшие путешествия купцов и миссионеров. Поскольку утверждение об активизации деятельности путешественников автор опять никак не доказывает, им следует пренебречь. Что касается двух других доводов, то тут нам остается поздравить Рафиса Фанисовича с настоящим прорывом в области политической теории: оказывается, *заинтересованность* и *потенциальная* (не реальная, а именно потенциальная!) *готовность* обладают такой

же внешнеполитической силой, как и состоявшиеся действия типа посылки дипломатической миссии для установления отношений или заключения союза.

VI

Теперь просмотрим статью заново на предмет демонстрации читателю разнообразных «ляпов», объяснить которые мы можем либо не очень высоким уровнем общей гуманитарной подготовки ее автора, либо – а почему бы нет? – диверсией редакторов книги или, на худой конец, ее верстальщика, злонамеренно искажившего текст Абазова.

С. 8. Планисфера, составленная Фра Мауро, названа в тексте *Mapro Mundo*, тогда как во всем мире она известна как *Mapra Mundi*, а в Италии еще и как *Mapra Mondo* (вариант в обоих языках – слитное написание). Что Абазов не владеет ни латынью, ни итальянским языком, он и сам косвенным образом признал в своих интервью; но чтобы правильно воспроизводить слово из неизвестного тебе языка, язык этот можно и не знать – достаточно заглянуть в словарь. Порой закрадывается крамольная мысль, что это привычные слуху итальянские имена типа Родольфо Валентино или Адриано Челентано коварным образом побуждали автора чисто рефлекторно заменять литеры *a* и *i* литерой *o*.

Там же. Исследуемая карта была изготовлена не «примерно в 1460 г.» и не «предположительно» «в 1450–1460 гг.». Существует документаль-

ное свидетельство того, что карта была доставлена из картографической мастерской Фра Мауро в библиотеку, где она хранится по сей день, после кончины ее автора, умершего 20 октября 1459 г. (*Almagià* 1954: 5).

Там же. С легкой руки Абазова мастерская Фра Мауро, находившаяся в монастыре св. Михаила ордена камальдулов на острове Мурано в Венецианской лагуне, где и создавалась карта, переместилась в монастырь «Сан Джаованни» (правильно — Джованни, итал. *Santi Giovanni e Paolo* — св. Иоанна и Павла), который находится не «рядом с Венецией», а непосредственно в ней самой.

С. 9. Подлинные размеры карты составляют 1,96 м с Запада на Восток и 1,93 м с Севера на Юг, стороны квадрата, в который она вписана, — около 2,23 м (*Almagià* 1954: 6), а не «2,4–2,4 метра», как у Абазова.

Там же. По Абазову, наличие на карте 300 легенд в регионе Центральной Азии свидетельствует о «высоком политическом и экономическом уровне данного региона в глазах (уровень “в глазах” — это здорово, попробуйте представить! — С.П., И.Ф.) венецианских и латинских (?) ученых и торговцев и его важности в системе международных отношений», и даже о наличии «дипломатических и военных отношений Венеции с государственными образованиями Казахстана» (sic!). Логика поистине восхитительная! Так и стоит перед глазами картина: толпятся казахские дипломаты на приеме во дворце дождей, представши пред светлы очи членов Большого

Совета и 66-го венецианского дожа Паскуале Малипьеро (правил с 1457 по 1462 г.). Но если следовать логике Абазова, то еще больше на этом приеме должно быть посланцев с Явы, Суматры, из Китая и Японии — ведь на эти регионы пришлось 467 — в полтора раза больше! — легенд на карте Брата Мауро.

Там же. Похоже, что Абазов не разделяет два совершенно разных понятия, «источниковый» и «источниковедческий», когда пишет об «источниковедческой базе самой карты» применительно к региону Центральной Азии. И база эта не совсем та, о которой сообщается в статье — не столько материалы картографического характера, сколько сочинение Марко Поло (*Almagià* 1954: 9).

С. 10 и 13. Еще несколько слов о транскрибировании имен. Имя известного итальянского исследователя карты Фра Мауро, на которого Абазов ссылается, он транскрибирует на английский манер. Поэтому вместо Пьеро Фалькетта (Piero Falchetta) получается Пиеро Фальчетта или Фалчетта (по мнению филолога-слависта, профессора Университета Бергамо Уго Перси, полученному в ходе консультации с ним 27 февраля 2016 г., итальянская *l* в сочетании с *ch* в русском языке может передаваться и как твердая, и как мягкая согласная, но второй вариант предпочтительнее.) Английский язык царит в мире, и, видимо, у погруженного в свою среду профессора даже подозрения не возникло, что в итальянском сочетание *ch* читается не так, как в английском. Откуда взялся

Пиеро, вообще непонятно. На английский манер искажено и имя директора Библиотеки Марчиана: вместо Маурицио Мессина — Мауризио Мессина. Но больше всех пострадал посол Италии в Казахстане: оставшись по имени мужчиной, он по фамилии стал в статье женщиной. Ибо в русском языке, на котором опубликована статья, сохранение формы именительного падежа при склонении иноязычной фамилии, оканчивающейся на согласный звук, указывает на то, что фамилия принадлежит женщине.

Самое пикантное заключается в том, что все эти искажения присутствуют в благодарности, выражаемой трем оказавшим Абазову помощь итальянцам. (Что уж говорить о давно умершем португальском короле, из Афонсу превращенном в Афонсо!) Разумеется, Рафис Фанисович и в мыслях не держал допустить хотя бы малейшую бестактность, когда вписывал в примечание свою злополучную благодарность; в этом мы его ни в коем случае не подозреваем. Скорее всего, причина в другом — в непоколебимой уверенности в своих филологических познаниях, помноженной всё на ту же поспешность, от коей серьезно пострадал замысел сборника в целом.

Там же. Цитируем: «На карте находится пояснительная географическо-политическая записка в обрамлении символов нескольких городов. Записка имеет заголовок “*Lordode Cagatai*” (“Чагатайская орда”) в котором (прямо в заголовке? — С.П., И.Ф.) упоминается наличие 12 процветающих городов,

стратегически великолепно расположенных в регионе». Поясняем: в легенде под грифом *Lordo de Cagatai*, расположенной на карте южнее города *Termici* и близ города *Organça*, рассказывается, что «царство старого Ургенча имело XII (двенадцать) знатных городов, расположенных в прекрасном, безопасном и богатом пастбищами месте»; что его границами были «на Западе — Кандак и Сарай, на Юге — море Баку, или Каспийское; на Севере — Нограт (Новгород?), который находится в России, а на Востоке — пределы Персии»; и что «Тамерлан разрушил названные города и сеньории», построив новый Ургенч в другом месте¹³.

Там же. Абазов отыскал в *Lordo de Cagatai* город *Almali* и тут же отождествил его с городом, который сейчас называется Алматы, в советское время писался как Алма-Ата, а в царское — был известен как город Верный. Не будем спорить по поводу отождествления, пусть даже оно заставляет вспомнить о толпах толкователей, свято верящих, что для отождествления древнего названия с современным достаточно просто созвучия¹⁴. Спор не нужен потому, что города *Almali* на оригинальной карте мира монаха ордена кальдулов вообще нет! Этот город¹⁵

¹³ См.: (*Falchetta s. d.* *2386); отрывки, приведенные из этой надписи, даны в переводе Уго Перси.

¹⁴ Очень рекомендуем профессору прочитать замечательную книгу одного академика на эту тему: (*Зализняк 2010*).

¹⁵ Вообще-то даже на качественной и увеличиваемой карте-прорисовке с сайта «Тетта Incognita. Сайт Рэдрика» окончание названия этого города может быть прочитано и как -li, и как -h.

обнаруживается лишь на уже упоминавшейся черно-белой прорисовке. Однако и там он показан за пределами Чагатаева улуса, у южного края Алтайских гор. Если наивно полагать, что все города и расстояния между ними на карте Фра Мауро примерно соответствуют городам и расстояниям на карте современной, то тогда получается, что этот город располагался на территории современной Монголии близ ее границы с Китаем. В то же время он показан относительно недалеко к юго-востоку от города *Xandu* (Ксанду, Чанду, Чианду), отождествляемого В.В. Бартольдом в его примечаниях к LXXV главе книги Марко Поло с Шанду — летней столицей императоров династии Юань. В главе CXIII Марко Поло сообщает о пограничной с Катаем области Манги или Манзи, столица которой называется им Акмалик, что при неоднократном и не слишком точном копировании в принципе могло преобразоваться в *Almalī*. Однако Бартольд и другие комментаторы этой главы локализуют Манзи к югу от бассейна Хуанхэ, а Акмалик — на территории современной провинции Хэбэй (Книга... 1990).

С. 11. Абазов объясняет, что словом «Тартария» «Фра Мауро (да-да, мы не ошиблись, именно в этом месте в первый и последний раз в тексте статьи неожиданно появляется Мауро. — С.П., И.Ф.) и многие латинские географы именовали территорию (земли) на запад от Волги, населенную кочевыми тюркскими народами». На самом деле в европейских табулах и в нарративных источниках, как в эпоху Средних веков, так и в Новое Время — вплоть

до конца XVIII в. — Тартарией именовались земли, расположенные и к востоку от Волги.

Там же. О миниатюрах повозок. По Абазову, наличие на карте Фра Мауро изображений распряженных двухколесных повозок — прямое свидетельство активного функционирования северного отрезка Великого Шелкового пути в середине XV в. Он так и пишет: «Венецианцы были уверены, что там идет интенсивная торговля и Великий Шелковый путь продолжает существовать — на это указывают многочисленные рисунки повозок на карте». Но равным образом изображение повозок можно интерпретировать как указание на кочевой образ жизни. И как вообще возможно на основании нескольких изображений на одной карте делать столь уверенные выводы насчет того, в чем венецианцы (не Фра Мауро, а вообще все венецианцы) были уверены? А если бы Андреа Бьянко не нарисовал изображения повозок на карте, что бы это означало? Что венецианцы «были уверены», что в данном регионе не существовало ни торговли, ни торговых путей, ни вообще кочевой жизни?

Там же. Ну а заявление о посылке детей чагатайской аристократии на учебу в престижные европейские университеты выглядит на фоне прочих впечатляющих тезисов Рафиса Фанисовича — да и практики начальников наших дней — не таким уж и фантастическим.

С. 12. Абазов постулирует «заинтересованность многих европейских государств и особенно Вене-

ции в восстановлении и развитии Великого Шелкового пути через северную ветку – территорию Казахстана от Черного моря, огибая Каспий через север (Огибают что-то не через север, а с севера, но не будем задерживаться на причудливом местами речевом оформлении мудрых мыслей – достаточно самих мыслей. – С.П., И.Ф.)». Напомним: карта была закончена в 1459 г., всего через шесть лет после падения Константинополя. «Турецкий марш» набирал силу, тень от полумесяца почти достигала Рима. Перед Европой на века встала жизненно важная задача – отбиться от османов, перед Серениссимой она стояла особенно остро – а у Абазова «многие европейские государства и особенно Венеция» спят и видят, как бы им восстановить с помощью Казахского ханства Великий Шелковый путь...

С. 13. Существовали, оказывается, «институциональные внешнеполитические предпосылки создания казахской государственности – именно в этот период вновь активизировалась деятельность венецианских путешественников и миссионеров». Объявлять деятельность отдельных людей институциональной предпосылкой можно лишь после того, как доказаны их связи с влиятельными институтами, направлявшими эту деятельность, либо тогда, когда известно, что сами эти люди образовывали какой-то политический, религиозный, экономический институт. Но это так, мелочь, меркнущая на фоне другого утверждения Абазова. Оказывается, «к этой эпохе относятся записи многих путешествий по Ближнему Востоку, южной и центральной Азии, оставлен-

ные венецианцами Николо Конти (*Niccolo de' Conti*, 1395–1469), Джон Кабот (*John Cabot*, 1450–1500), Себастиан Кабот (*Sebastian Cabot*, 1474–1557). То есть, существовал класс дипломатов и государственных деятелей в Венеции и других государствах западной Европы, которые хорошо понимали Восток».

Понятия «класс» и «институт» – нетождественные, но мы не будем к этому придирааться – как и к тому, что по Абазову *записи о нескольких путешествиях* в одни места (на Восток) доказывают *наличие целого класса* в другом месте (на Западе). Более интересно, что принципиально им не склоняемые «Джон Кабот» и «Себастиан Кабот» оба числятся по разряду венецианских «путешественников по Ближнему Востоку, южной и центральной Азии». Действительно, отец, Джованни Кабот (так в Англии, где он подвизался на службе королю, произносили итальянскую фамилию *Caboto*), пользовался в Венеции авторитетом опытного мореплавателя, не раз бросавшего якорь в портах Леванта. Но, оставаясь всю жизнь верным морю, он никогда не бывал в Центральной Азии, а в учебники попал как один из первооткрывателей Нового света (*Skelton 2003a*). Сын же его, Себастьян, устремлялся в своих путешествиях исключительно на запад, через Атлантику, в сторону «Катая» и «Индий» (*Skelton 2003b*). Если бы оба ожили и узнали, что бороздили на своих кораблях степи Центральной Азии, они, наверное, тут же от изумления выпали бы за борт. Что касается Никколо (*Niccolò*) Конти (умер в 1469 г.), который с 1419 по 1444 г. странство-

вал по Востоку, то его материалы действительно были использованы для составления Фра Мауро карты 1459 г. Только то были материалы не по Центральной Азии, а по Эфиопии, Индии, Китаю, Камбодже. Ближайшим к Казахскому ханству пунктом, где побывал Конти, был Дамаск; отсюда налаживать «дипломатические контакты с представителями казахской степи» было, конечно, удобнее, чем из Венеции, но всё же не очень. Видимо, поэтому на известной миндалевидной гемузской карте мира 1457 г., составленной на основе полученной от Никколо Конти информации, земли Казахского ханства и соседних регионов представляют собой «белое пятно», сиречь Terra Incognita (Brunnlechner 2013).

VII

Мы могли бы продолжить приводить примеры смысловых и логических ошибок и неточностей, в изобилии встречающихся в статье Абазова, но и приведенных, на наш взгляд, достаточно для ее оценки.

Не будем, однако, спешить с этой оценкой, а лучше помечтаем... Вдруг и вправду нам недолго осталось ждать часа, когда в хранилищах Ватикана и Венеции (и других красивых городов Италии, в которых так приятно бывать в ходе научных изысканий) Рафис Фанисович обнаружит документальные свидетельства того, что казахская элита и европейские дипломаты в эпоху поздних Средних веков и раннего Возрождения вели переговоры? Что они договаривались

где-нибудь на берегу Адриатического моря, или Евфрата, или Сырдарьи, да хоть бы и Меконга (почему нет?), а еще лучше в городе *Almali* о восстановлении Великого Шелкового пути? И что в следующую свою поездку в Италию он найдет средневековую карту с городом *Astana*, а то и план *Almali* с изображением тех мест, где через 500 лет воздвигнутся здания КазНИИК и КазНАИ?

Если же говорить серьезно, то нам, как людям по натуре своей гуманным, хотелось бы думать, что статья Р.Ф. Абазова была специально испорчена кем-то из его недоброжелателей, а ответственный редактор за множеством других важных дел этого просто не заметил. В противном случае у нас нет другого выхода, как признать этот текст типичным образчиком наскоро сляпанной халтуры, преподнесенной читающей публике под видом научной статьи. Халтуры, добавим, конъюнктурной. Ибо она испечена к значимому для Казахстана событию — в надежде, что под шум юбилея сие неудоваримое изделие будет воспринято как научный деликатес.

P.S. ВСЕ КАРТЫ СПРЯТАНЫ В РИМЕ, ИЛИ ЧТО ЖЕ НАШЕЛ АДЪЮНКТ-ПРОФЕССОР КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СЕКРЕТНЫХ АРХИВАХ?

Напоследок вернемся к «случайно» обнаруженным картам. Выше мы предположили, что первооткрыватель даже не упомянул их в статье потому, что, как полагается настоящему ученому, ждет окончательных результатов экспертизы своих находок. Но, может быть, дело тут совсем в другом?

Напомним: в интервью Абазов заявил, что нашел то ли пять, то ли шесть карт и разместил в Интернете фотографии четырех. Желаящие могут на них полюбоваться (Ученый нашел... 2014; *Выходченко* 2014). Одна карта очень плохого качества, поэтому не поддается идентификации по выложенному изображению. Зато отождествить три остальные карты большого труда не составило. Увы, дорогие читатели, демонстрациями подобных «находок» забит весь Интернет. Не требуется никакой специальной экспертизы, поскольку данные карты хорошо известны и, более того, являются картами *тиражными*, т. е. существующими во многих экземплярах, а значит, доступными состоятельной публике и уж точно не требующими для их обнаружения специальных расходов из бюджета Министерства культуры и спорта Республики Казахстан.

Карта «L'Inde de ça et dela le Gange, ou est l'Empire du Grand Mogol par Sanson d'Abbeville. A Paris... 1684».

В интервью Абазова, размещенном на портале Zakon.kz, она по порядку вторая, в интервью на сайте «История Казахстана» — третья. Карта представляет собой перегравировку карты 1654 г. отца французской картографии и учителя географии французских королей Людовика XIII и Людовика XIV Николая Сансона д'Аббвиля (1600–1667). Она демонстрирует Могольскую империю времен того самого Шах-Джахана I (правил с 1628 по 1658 г.), по воле которого был воздвигнут Тадж-Махал. Эта карта — отнюдь не раритет; цена ее в антикварных салонах Европы исчисляется даже не тысячами, а сотнями долларов США,

в чем нетрудно убедиться, набрав ее название в строке поиска Яндексa¹⁶.

Карта «El Asia con toda la Extension de sus Reinos y Provincias segun las ultimas y Provincias... En Londres», тоже тиражная. На портале Zakon.kz показана только ее центральноазиатская часть, на историческом — карта представлена полностью и идет первой. Сделана картографом Педро Гендроном в 1755 г., основана на таблице профессора математики из Виттенберга Иоганна Маттиаса Хазе (1684–1742), которая была отпечатана фирмой «Наследники Хоманна» и базировалась на русских материалах¹⁷. В высоком разрешении и с возможностью значительного увеличения, позволяющего прочесть мелкие надписи на ней, она имеется в открытом доступе на сайте Национальной библиотеки Португалии (El Asia... 2016). На специализированном аукционе в Великобритании лот с этой картой оценивался в 2013 г. в 150–200 фунтов стерлингов (Dominic Winter 2013: 32).

Карта «Asia» — последняя из выложенных Абазовым читаемых карт также является тиражной. Происходит она из италиязычного варианта Атласа Абрахама Ортелия «Theatrum Orbis Terrarum» («Обзор Круга Земного»), протограф вышел в свет в 1570 г., итальянская версия — отпечатана в 1608 и 1612 гг. (*Broecke* 2009: 137).

Вот такой получился конфуз — в полном соответствии с известным

¹⁶ Точнее, от 300 до 900. Ср.: (L'Inde... 2016; Nicolas Sanson... 2016).

¹⁷ См.: (Imperii Russici... 1739).

афоризмом дедушки Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник». То бишь беда, когда адъюнкт-профессор факультета международных отношений, получив неожиданным образом запрос на экспертные услуги от весьма далеких от политических исследований Академии искусств и Института культуры, начинает заниматься картографическими изысканиями. Можно, правда, надеяться, что еще не выложенная карта/карты и карта, которая сейчас в Интернете просто не читается, действительно неизвестны научной общественности. Однако в таком благополучном исходе нас заставляет сомневаться сочетание двух качеств, ярко продемонстрированных Рафисом Фанисовичем казахстанской публике его статьей и его громкими интервью об «открытиях». С одной стороны, это высокий уровень некомпетентности в той историко-культурной проблематике, которую предполагает замысел проекта «Рим и Алаш». С другой — еще более высокий уровень самоуверенности, убежденности в том, что стоит только немного польстить национальному чувству — и эта самая публика проглотит, не задумываясь, всё, что преподнесет ей «американский профессор».

Но мы, конечно, будем рады ошибиться...

Р.Р.С. МЕТАМОРФОЗЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ, ИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ ДРАКОНА В ВОЛКА

Обе свои электронные публикации Абазов снабдил дополнительным иллюстративным материалом — и он оказался очень кстати для того,

чтобы мы могли, тоже дополнительно, подтвердить только что сказанное выше.

К первой публикации приложен фрагмент барочной по стилю гравюры; на ней ангел указательным пальцем правой руки показывает некое место на карте, которую держит в левой. Абазов дал следующий комментарий (вся пунктуация и все несогласования — на совести лиц, размещавших материал): «На этой гравюре неизвестного нам автора, скорее всего, мы видим художественное отображение того, как римляне и Ватикан видели то, что называется сейчас Казахстан. Тартарна¹⁸ — это земля монголо-татар, земля казахов. Если они даже в иконографии показывали на карте эту территорию, то это значит, что в то время придавали большое политическое значение Центральной Азии... гравюра показывает, что политический вес ранних казахских государственных образований был очень сильным и большим. С точки зрения истории Казахстана и отображения культурного восприятия Казахстана внешним миром — эта гравюра тоже очень интересно».

Во второй публикации представлена фотография со следующим сопроводительным текстом Абазова: «...в Ватикане я сделал фотографию уникального древнего барельефа. На нем изображен волк. Этот символ можно найти у многих тюркских народов, возможно, он пришел вместе с гуннами. Интересно, как Западная культура отражала

¹⁸ Явная опечатка журналистки. В верхней части карты хорошо видна надпись Tartaria.

Восток. На Западе существует романтизация гуннов. То есть, когда Аттила подошел к воротам Рима, он развернулся и ушел, хотя у него были все возможности уничтожить город».

В обоих случаях стремление подтвердить наглядными иллюстрациями важность «случайно» сделанного им открытия сослужило Рафису Фанисовичу плохую службу: наглядно показало, что он либо сам, увлеченный пиаром своих «открытий», толком не видит, *что и как* рекламирует, либо — что куда хуже — всё видит, но намеренно манипулирует аудиторией.

По поводу первой иллюстрации. Если взглянуть в изображение, то видно: ангел держит *карту Китая*, на которой Тартария присутствует в виде пространства к северу от Поднебесной, и пространство это на гравюре вообще лишено топонимической нагрузки. Крайне сомнительно, чтобы о практически пустом месте в Европе упорно думали. И уж вовсе невероятно, чтобы пустота свидетельствовала о «большом политическом весе» привязываемых к ней государственных образований. На самом-то деле, для того чтобы у западной общественности не оставалось сомнений, где в Азии обретается этот самый вес, куда на самом деле должны устремляться на Востоке взгляды европейцев, указующий перст ангела направлен к окрестностям южнокитайского города Кантона, он же Гуанчжоу. То есть туда, где во времена Дэн Сяопина открылась первая свободная экономическая зона, ставшая одним из опорных столпов быстрого подъ-

ема Китая — к немалой выгоде и для его западных партнеров.

По поводу второй иллюстрации. Фотография «уникального древнего барельефа» с изображением тюркского волка, занесенного в Европу гуннами, получилась менее четкой, но это не беда. Любый желающий может, если захочет, полюбоваться качественным изображением этого зверя, для чего вовсе не надо лететь в Рим, а там стоять в туристской очереди в Ватикан. Хотя барельеф действительно древний и действительно уникальный, детально с ним ознакомиться ничего не стоит. Достаточно набрать в строке поиска слова «Колонна Траяна», каковая находится, между прочим, не в Ватикане, а в центре Рима, на форуме Траяна, как добрая Википедия предоставит вам возможность бесплатно полюбоваться десятками барельефов, украшающих этот памятник. Есть среди них и барельеф на базе колонны, фрагмент которого, собственно, и представлен на фотографии Абазова¹⁹. Вот только тюркский волк — не совсем (или не только) тюркский и не волк вовсе. Существо, показавшееся Рафису Фанисовичу волком, на самом деле является драконом. И помещено оно среди изображений доспехов — трофеев, свидетельствовавших о победе императора и украшавших его триумф, — не случайно. Ведь это так называемый *драконарий* — боевой штандарт в виде узкого длинного флага на высоком древке, венчаемый головой дракона с разверстой,

¹⁹ См.: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Trajan%27s_Column_-_Reliefs#/media/File:Trajanscolumn-base.JPG (access date: 26.02.2016).

как и положено огнедышащему чудищу, пастью со змеиным языком. Он издавна, как минимум с сарматской эпохи, был обязательным компонентом боевого снаряжения *катафрактариев* – знаменитых конных копейщиков кочевого мира, облаченных в почти неуязвимые для стрел доспехи. Римляне сталкивались с ними не раз и даже заимствовали у них драконарии в качестве отличительных значков некоторых своих легионов (Советова, Мухарева 2005; Туаллагов 2000).

Что касается Аттилы у ворот Рима, то в 452 г. он действительно вторгся в Италию, разрушил Аквилею и захватил Медиолан (будущий Милан). Но дошел он не до Рима, а всего лишь до Амбулейского поля, идентифицируемого исследователями в окрестностях современной Мантуи (Иордан 1960: прим. 544). Следовательно, от Рима это поле находилось по прямой в 388 км к северу.

Fini.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абазов 2015 – Абазов Р. Становление казахской государственности на Великом шелковом пути в отражении карты «Фра Маоро» // Национально-освободительная борьба казахского народа. Булантинская битва / Гл. ред. А.Р. Хазбулатов. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2015. С. 8–13.
- Атыгаев 2006 – Атыгаев Н.А. Время образования Казахского ханства: некоторые аспекты проблемы в историографии и источниках // Отан тарихы (Отечественная история). 2006. № 1. С. 96–107.
- Выходченко 2014 – Выходченко Л. В Ватикане обнаружены уникальные исторические карты Казахстана и Средней Азии // e-history.kz. 2014. 23.05. URL: <http://e-history.kz/ru/publications/view/608>; cultural.kz. 2014. 23.05. URL: <http://cultural.kz/ru/news/view?id=699> (дата обращения: 22.02.2016).
- Джандосова, Ерофеева 2014 – Джандосова З.А., Ерофеева И.В. Казахстан/Казакстан // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: КазНИИК, 2014. С. 206–221.
- Зализняк 2010 – Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мирь, 2010.
- Иордан 1960 – Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960.
- Кляшторный, Султанов 1992 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992.
- Кляшторный, Султанов 2004 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
- Книга Марко Поло 1990 – Книга Марко Поло. Алма-Ата: Наука, 1990.
- Козыбаев, Галиев 2000 – Козыбаев М.К., Галиев В.З. Отечественная война казахского народа против джунгарской агрессии в 20-х годах XVIII века // История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 3. Алматы: Атамура, 2000. С. 121–149.
- Колумбийский университет б./д. – Колумбийский университет. Факультеты и программы // My-Uni.ru. URL: <http://my-uni.ru/%D0%...8B/> (дата обращения: 21.02.2016).

Кондыбай 2005 – Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы: Нурлы Алем, 2005.

Научное заключение о времени... б./д. – Научное заключение о времени образования Казахского ханства Института истории и этнологии МОН РК от 04.06.2014 г. // Доступно на сайте Института. URL: <http://www.iie.kz?p=4051> (дата обращения: 28.02.2016).

Национально-освободительная война... 2015 – Национально-освободительная борьба казахского народа. Булантинская битва / Гл. ред. А.Р. Хазбулатов. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2015.

От древности... б./д. – От древности до завоевания Индии. Карта мира фра Мауро, 1459 г. // Terra Incognita. Сайт Рэдрика. URL: <http://territa.ru/photo/11-0-299> (дата обращения: 23.02.2016).

Пищулина 1997а – Пищулина К.А. Ханство Абулхайра («Государство кочевых узбеков») // История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 2. Алматы: Атамура, 1997.

Пищулина 1997б – Пищулина К.А. Казахское ханство в XV в. // История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 2. Алматы: Атамура, 1997.

Сагандыкова 2015 – Сагандыкова Л. О чем поведала таинственная карта // Казахстанская правда. 2015. 11.09.

Советова, Мухарева 2005 – Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Вып. 23. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 92–105.

Туаллагов 2000 – Туаллагов А.А. Аланские знамена-драконы // Нижневолжский археологический вестник. 2000. № 3. Доступно на: Qanuyatny Alany blog. 2015. 19.02. URL: <http://kanukov.blogspot.ru/2015/02/alanian-draconic-standarts.html> (дата обращения: 26.02.2016).

Ускенбай 2011 – Ускенбай К.З. Становление Казахского ханства и политической организации казахов (середина XV – начало XVII в.) // Историко-культурный атлас казахского народа / Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. С. 22–39.

Утегенова 2016 – Утегенова А. Потенциал университетов – устойчивому развитию // Байтерек. 2016. 23.02. URL: <http://www.baiterek.kz/node/1662> (дата обращения: 23.02.2016).

Ученый нашел... 2014 – Ученый нашел в секретных архивах Ватикана и ордена Иезуитов неизвестные карты Казахстана // Zakon.kz. 2014. 04.05. URL: <http://www.zakon.kz/4621461-uchenyynashel-v-sekretnykh-arkhivakh.html>; <http://news.ivist.kz/61864234-uchenyynashel-v-sekretnyh-arhivah-vatikana-i-ordena-iezuitov-neizvestnye-karty-kazahstana> (дата обращения: 22.02.2016).

Almagià 1954 – Almagià R. Presentazione // Il Mappomondo di Fra Mauro. Venezia: Istituto poligrafico della stato, 1954.

Broecke 2009 – Broecke M.P. R. van den. Ortelius' Theatrum Orbis Terrarum (1570–1641). Characteristics and development of a sample of *on verso* map texts. Utrecht: Koninklijk Nederlands Aardrijkskundig Genootschap, Faculteit Geowetenschappen Universiteit Utrecht, 2009.

Brunnlechner 2013 – Brunnlechner G. The So-called Genoese World Map of 1475: A Stepping Stone towards Modern Cartography? // Peregrinations: Journal of Medieval Art & Architecture. 2013. Vol. IV, N 1. P. 56–80.

Codazzi 1968 – Codazzi A. Bianco, Andrea // Dizionario Biografico degli Italiani. 1968. Vol. 10. Available at: URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/andrea-bianco_%28Dizionario-Biografico%29/ (date of access: 03.03.2016).

Dominic Winter 2013 – Dominic Winter. Specialist Auctioneers and Valuers //

dominicwinter. 2013. 06.11. URL: <http://www.dominicwinter.co.uk/DW101-104%20-%20lo%20res.pdf> (date of access: 24.02.2016).

El Asia... б./д. — El Asia con toda la extension de sus reinos y provincias segun las ultimas y nuevas observations de las Accademias y de Paris, y de Londres // Biblioteca national de Portugal — Biblioteca national digital. URL: <http://purl.pt/3452/3/> (date of access: 24.02.2016).

Falchetta б./д. — Falchetta P. Trascrizione integrale delle iscrizioni del Mappamondo di Fra Mauro (ca. 1450) conservato presso la Biblioteca Marciana di Venezia // geoweb. URL: http://geoweb.venezia.sbn.it/cms/images/stories/Testi_HSL/FM_iscr.pdf (date of access: 21.02.2016).

Fra Mauro's... б./д. — Fra Mauro's Mappamundi. URL: http://cartographic-images.net/Cartographic_Images/249_Fra_Mauros_Mappa-mundi.html (date of access: 24.02.2016).

Galliano 2008 — Galliano G. Mauro, fra // Dizionario Biografico degli Italiani. 2008. Vol. 72. Available at: URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/fra-mauro_%28Dizionario_Biografico%29/ (date of access: 03.03.2016).

Imperii Russici... б./д. — Imperii Russici et Tataria Universae tam majoris et Asiaticae quam minoris et Europae Tabula [...] opera Ioh. Mattiae Hasii math. P.P. [...] Impensis Homannianorum Heredum. Norib. A. 1739. Исторический музей (Москва): ГИМ 55709; ГО-6156.

L'Inde deçà... б./д. — L'Inde deçà et delà le Gange, où est l'Empire du Grand Mogol et pays circonvoisins: Tirée de Purchas, et de diverses relations les plus nouvelles; par le S. Sanson d'Abbeville // Antiquariat Dasa Pahor. URL: <http://www.pahor.de/maps-and-prints/india-l-inde-deca-et-dela-le-gange-ou-est-l-empire-du-grand-mogol-et-pays-circonvoisins-ti-ree-de-purchas-et-de-diverses-relations-les-plus-nouvelles-par-le-s-sanson-d-abbeville.html> (date of access: 24.02.2016).

Mauro б./д. — Mauro // Большой итальянско-русский словарь онлайн. URL: <http://www.classes.ru/all-italian/dictionary-italian-russian-universal-term-40252.htm> (date of access: 27.02.2016).

Moor б./д. — Moor // Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=moor> (date of access: 26.02.2016).

Nicholas Sanson б./д. — Nicholas Sanson: L'Inde deçà et delà le Gange, où est l'Empire du Grand Mogol Et Pays Circonvoisins Tirée de Purchas... 1654 // Barry Lawrence Ruderman Antic Maps Inc. URL: http://www.raremaps.com/gallery/detail/37319ops/LInde_deca_et_dela_le_Gange_ou_est_LEmpire_du_Grand_Mogol_Et_Pays/Sanson.html (date of access: 24.02.2016).

Rafis Abazov б./д. — Rafis Abazov. Available at: Columbia.edu. URL: <http://www.columbia.edu/~ra2044/> (date of access: 21.02.2016).

SIPA Faculty... б./д. — SIPA Faculty and Research Scholars. Columbia.edu. URL: <https://sipa.columbia.edu/faculty-research/faculty-directory> (date of access: 21.02.2016).

Skelton б./д. — Skelton R.A. Cabot, John // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 1. University of Toronto / Université Laval, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/cabot_john_1E.html (date of access: 27.02.2016).

Skelton б./д. — Skelton R.A. Cabot, Sebastian // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 1. University of Toronto / Université Laval, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/cabot_sebastian_1E.html (date of access: 27.02.2016).

The Turks б./д. — The Turks // Venice and Its Lagoons. World Heritage. The Dialogue between Cultures: Which Future. URL: <http://www.venicethefuture.com/schede/uk/249?aliusid=249> (date of access: 02.03.2016).

Wiek e. a. 2013 – Wiek A. et al. A Global Classroom for International Development Education // Creative Education. 2013. Vol. 4, N 4A. P. 19–28.

William Frazer б./д. – William Frazer. London and Venice. Manuscript on vellum: BL Add. MS 11267.

Zurla б./д. – Zurla P. Il Mappamondo di Fra Mauro camaldolese descritto e illustrato da Placido Zurla, dello stess'ordine. Venezia. 1806 // ETH Bibliothek. URL: <http://www.e-rara.ch/zut/content/zoom/94627> (date of access: 29.02.2016).

REFERENCE

Abazov R. Stanovlenie kazakhskoy gosudarstvennosti na Velikom shelkovom puti v otrazhenii karty «Fra Mauro». *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba kazakhskogo naroda. Bulantinskaya bitva*. Chief ed. A.R. Khazbulatov. Astana: Kazakhskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury, 2015. P. 8–13.

Almagià R. Presentazione. *Il Mappomondo di Fra Mauro*. Venezia: Istituto poligrafico della stato, 1954.

Atygaev N.A. Vremya obrazovaniya Kazakhskogo khanstva: nekotorye aspekty problemy v istoriografii i istochnikakh. *Otan tarikh*. 2006. N 1. P. 96–107.

Broecke M.P. R. van den. *Ortelius' Theatrum Orbis Terrarum (1570–1641). Characteristics and development of a sample of on verso map texts*. Utrecht: Koninklijk Nederlands Aardrijkskundig Genootschap, Faculteit Geowetenschappen Universiteit Utrecht, 2009.

Brunnlechner G. The So-called Genoese World Map of 1475: A Stepping Stone towards Modern Cartography? *Peregrinations: Journal of Medieval Art & Architecture*. 2013. Vol. IV, N 1. P. 56–80.

Codazzi A. Bianco, Andrea. Dizionario Biografico degli Italiani. 1968. Vol. 10. Available at: URL: <http://www.treccani.it/enciclopedia/andrea>

[bianco_%28Dizionario-Biografico%29/](http://www.treccani.it/enciclopedia/bianco_%28Dizionario-Biografico%29/) (date of access: 03.03.2016).

Dominic Winter. Specialist Auctioneers and Valuers. *dominicwinter*. 2013. 06.11. URL: <http://www.dominicwinter.co.uk/DW101-104%20-%20lo%20res.pdf> (date of access: 24.02.2016).

Dzhandosova Z.A., Erofeeva I.V. Kazakhstan/Kazakstan. *Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar' istoricheskikh toponimov Kazakhstana*. Comp. I.V. Erofeeva. Almaty: KazNIK, 2014. P. 206–221.

El Asia con toda la extension de sus reinos y provincias segun las ultimas y nuevas observaciones de las Accademias y de Paris, y de Londres. *Biblioteca nacional de Portugal – Biblioteca nacional digital*. URL: <http://purl.pt/3452/3/> (date of access: 24.02.2016).

Falchetta P. Trascrizione integrale delle iscrizioni del Mappamondo di Fra Mauro (ca. 1450) conservato presso la Biblioteca Marciana di Venezia. *geoweb*. URL: http://geoweb.venezia.sbn.it/cms/images/stories/Testi_HSL/FM_iscr.pdf (date of access: 21.02.2016).

Fra Mauro's Mappamundi. URL: http://cartographic-images.net/Cartographic_Images/249_Fra_Mauros_Mappa-mundi.html (date of access: 24.02.2016).

Galliano G. Mauro, fra // Dizionario Biografico degli Italiani. 2008. Vol. 72. Available at: URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/fra-mauro_%28Dizionario-Biografico%29/ (date of access: 03.03.2016).

Imperii Russici et Tataria Universae tam majoris et Asiaticae quam minoris et Europae Tabula [...] opera Ioh. Mattiae Hasii math. P.P. [...] Impensis Homannianorum Heredum. Norib. A. 1739. Historical museum (Moscow): ГИМ 55709; ГО-6156.

Iordan. *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getou Getica*. Vstup. st., per., komment. E. Ch. Skrzhinskoy. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1960.

Klyashtornyy S.G., Sultanov T.I. *Kazakhstan. Letopis' trekh tysyacheletiy*. Almaty: Rauan, 1992.

Klyashtornyy S.G., Sultanov T.I. Gosudarstva i narody evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e. Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004.

Kniga Marko Polo. Alma-Ata: Nauka, 1990.

Kozybaev M.K., Galiev V.Z. Otechestvennaya voyna kazakhskogo naroda protiv dzhungarskoy agressii v 20-kh godakh XVIII veka. *Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dnei*: V 5 t. T. 3. Almaty: Atamura, 2000. P. 121–149.

Kolumbiyskiy universitet. Fakul'tety i programmy. *My-Uni.ru*. URL: <http://my.uni.ru/%D0%...8B/> (date of access: 21.02.2016).

Kondybay S. *Kazakhskaya mifologiya. Kratkiy slovar'*. Almaty: Nurly Alem, 2005.

L'Inde deçà et delà le Gange, où est l'Empire du Grand Mogol et pays circonvoisins: Tirée de Purchas, et de diverses relations les plus nouvelles; par le S. Sanson d'Abbeville. *Antiquariat Dasa Pahor*. URL: <http://www.pahor.de/maps-and-prints/india-l-inde-deca-et-dela-le-gange-ou-est-l-empire-du-grand-mogol-et-pays-circonvoisins-ti-ree-de-purchas-et-de-diverses-relations-les-plus-nouvelles-par-le-s-sanson-d-abbeville.html> (date of access: 24.02.2016).

Mauro. *Big Russian-Italian dictionary online*. URL: <http://www.classes.ru/all-italian/dictionary-italian-russian-universal-term-40252.htm> (date of access: 27.02.2016).

Moor. *Online Etymology Dictionary*. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=moor> (date of access: 26.02.2016).

Nauchnoe zaklyuchenie o vremeni obrazovaniya Kazakhskogo khanstva Instituta istorii i etnologii MON RK ot 04.06.2014 g. URL: <http://www.iie.kz?p=4051> (date of access: 28.02.2016).

Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba kazakhskogo naroda. Bulantinskaya bitva. Chief ed. A.R. Khazbulatov. Astana: Kazakhskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kul'tury, 2015.

Nicholas Sanson: L'Inde deçà et delà le Gange, où est L'Empire du Grand Mogol Et Pays Circonvoisins Tirée de Purchas... 1654. Barry Lawrence Ruderman Antic Maps Inc. URL: <http://www.raremaps.com/gallery/detail/37319ops/LInde-deca-et-dela-le-Gange-ou-est-LEmpire-du-Grand-Mogol-Et-Pays-Sanson.html> (date of access: 24.02.2016).

Ot drevnosti do zavoevaniya Indii. Karta mira fra Mauro, 1459 g. *Terra Incognita. Sayt Redrika*. URL: <http://territa.ru/photo/11-0-299> (date of access: 23.02.2016).

Pishchulina K.A. Khanstvo Abulkhayra («Gosudarstvo kochevykh uzbekov»). *Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dnei*: 5 vols. Vol. 2. Almaty: Atamura, 1997.

Pishchulina K.A. Kazakhskoe khanstvo v XV v. *Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dnei*: 5 vols. Vol. 2. Almaty: Atamura, 1997.

Rafis Abazov. Available at: Columbia.edu. URL: <http://www.columbia.edu/~ra2044/> (date of access: 21.02.2016).

Sagandykova L. O chem povedala tainstvennaya karta. *Kazakhstanskaya pravda*. 2015. 11.09.

SIPA Faculty and Research Scholars. *Columbia.edu*. URL: <https://sipa.columbia.edu/faculty-research/faculty-directory> (date of access: 21.02.2016).

Skelton R.A. Cabot, John. *Dictionary of Canadian Biography*. Vol. 1. University of Toronto / Université Laval, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/cabot_john_1E.html (date of access: 27.02.2016).

Skelton R.A. Cabot, Sebastian. *Dictionary of Canadian Biography*. Vol. 1. University of Toronto / Université Laval, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/cabot_sebastian_1E.html (date of access: 27.02.2016).

Sovetova O.S., Mukhareva A.N. Ob ispol'zovanii znamen v voennom dele srednevekovykh kochevnikov (po

izobrazitel'nym istochnikam). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. Vol. 23. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.V. Bobrova. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005. P. 92–105.

The Turks. *Venice and Its Lagoons*. World Heritage. The Dialogue between Cultures: Which Future. URL: <http://www.venicethefuture.com/schede/uk/249?aliusid=249> (date of access: 02.03.2016).

Tuallagov A.A. Alanskie znamena-drakony. *Nizhnevolskiy arkheologicheskiy vestnik*. 2000. N 3. Qanyquaty Alany blog. 2015. 19.02. URL: <http://kanukov.blogspot.ru/2015/02/alanian-draconic-standarts.html> (date of access: 26.02.2016).

Uskenbay K.Z. Stanovlenie Kazakhskogo khanstva i politicheskoy organizatsii kazakhov (seredina XV – nachalo XVII v.). *Istoriko-kul'turnyy atlas kazakhskogo naroda*. Ed. I.V. Erofeeva. Almaty: Print-S, 2011. P. 22–39.

Utegenova A. Potentsial universitetov – ustoychivomu razvitiyu. *Bayterek*. 2016. 23.02. URL: <http://www.baiterek.kz/node/1662> (date of access: 23.02.2016).

Uchenyy nashel v sekretnykh arkhivakh Vatikana i ordena Iezuitov neizvestnye

karty Kazakhstana. *Zakon.kz*. 2014. 04.05. URL: <http://www.zakon.kz/4621461-uchenyyj-nashel-v-sekretnykh-arkhivakh.html>; <http://news.ivist.kz/61864234-uchenyy-nashel-v-sekretnyh-arkhivah-vatikana-i-ordena-iezuitov-neizvestnye-karty-kazahstana> (data obrashcheniya: 22.02.2016).

Vykhodchenko L. V Vatikane obnaruzheny unikal'nye istoricheskie karty Kazakhstana i Sredney Azii. *e-history.kz*. 2014. 23.05. URL: <http://e-history.kz/ru/publications/view/608>; *cultural.kz*. 2014. 23.05. URL: <http://cultural.kz/ru/news/view?id=699> (date of access: 22.02.2016).

Wiek A. et al. A Global Classroom for International Development Education. *Creative Education*. 2013. Vol. 4, N 4A. P. 19–28.

William Frazer. London and Venice. Manuscript on vellum: BL Add. MS 11267.

Zaliznyak A.A. *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike*. Moscow: Russkiy Mir, 2010.

Zurla P. Il Mappamondo di Fra Mauro camaldolese descritto e illustrato da Placido Zurla, dello stess'ordine. Venezia. 1806. *ETH Bibliothek*. URL: <http://www.e-rara.ch/zut/content/zoom/94627> (date of access: 29.02.2016).

П.В. Ильин

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИИ И ДЕКАБРИСТЫ (1825–2015)»

14–16 декабря 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась международная научная конференция «Историческая память России и декабристы», приуроченная к 190-летию событий на Сенатской площади. Таким образом, была продолжена давняя традиция, сложившаяся в области декабриствоведения – проведение крупных научных форумов в связи с юбилейными датами, берущая свое начало еще в 1925 г. В Санкт-Петербурге юбилейные конференции проходят каждое пятилетие начиная с 1990 г.

Нынешняя конференция стала новой вехой в ряду научных форумов, проведенных благодаря многолетнему сотрудничеству Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИН РАН) и Государственного музея истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб).

© Ильин П.В., 2016

В 2015 г. к числу организаторов присоединились Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, Москва), Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (ИИ СПбГУ), Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб), Международный благотворительный фонд им. Д.С. Лихачёва. Особая роль принадлежала Санкт-Петербургскому общественному фонду А.А. Собчака в лице его президента Л.Б. Нарусовой, без содействия которого конференция не получила бы статус масштабного научного форума.

Основными задачами, которые ставили перед собой организаторы конференции, являлись: привлечение внимания к проблемам изучения исторической памяти российского общества на примере истории декабризма, выявление актуальных направлений в исследовании декабристского движения,

определение его исторического значения на современном этапе отечественной историографии. Особенностью научного форума, по замыслу организаторов, стало то, что внимание принявших в нем участие исследователей сосредоточилось не только на истории декабристского движения и методологии его исследования, но охватило широкий фон исторической эпохи, затрагивая в особенности проблемы исторической памяти, современного исторического сознания, специальные вопросы биографики, источниковедения, историографии.

Организаторы стремились привлечь к участию в конференции специалистов по общественно-политической истории России первой половины XIX в., ведущих исследователей в области изучения исторической памяти, персоналистики, источниковедения данного периода отечественной истории. В конференции приняли участие более 80 ученых, представлявших различные регионы России, ближнее и дальнее зарубежье. Среди участников конференции — исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Твери, Рязани, Брянска, Саратова, Екатеринбурга, Челябинска, Уфы, Новосибирска, Иркутска, а также Рустави (Грузия), Киева (Украина), Гиссена (ФРГ), Токио (Япония).

Петербургская конференция стала единственным крупным российским научным форумом, посвященным истории декабризма, состоявшимся в юбилейный год.

Работа конференции продлилась три дня: 14 декабря заседания прош-

ли в Комендантском доме Петропавловской крепости (ГМИ СПб), 15 декабря — в ИИ СПбГУ, 16 декабря — в СПБНИИ РАН. Всего было заслушано 66 докладов и сообщений. Во время конференции в конференц-зале и читальном зале архива СПБНИИ РАН работали выставки книжных новинок последнего десятилетия и архивных документов, затрагивающих историю декабризма, подготовленные на основе фондов библиотеки и Научно-исторического архива СПБНИИ РАН.

Пленарное заседание открыл доклад *С.В. Мироненко* (ГАРФ, МГУ, Москва) «Александр I и Союз благоденствия», посвященный анализу причин терпимого отношения императора к декабристам. По мнению *С.В. Мироненко*, Александр I, с 1818 г. осведомленный о существовании в стране тайного общества оппозиционных дворян, не принял репрессивных мер, поскольку считал нелегальный союз либерально-просветительской организацией. Поставив вопрос о том, был ли Союз благоденствия революционной организацией, автор доклада отметил, что цель преобразования самодержавия и отмены крепостного права сама по себе не является достаточным основанием для вывода о революционности: необходимо заключение о насильственном характере путей достижения этой цели. Сами участники Союза, как и официальное следствие, не считали эту организацию революционной: многие ее члены не привлекались к ответственности, другие были освобождены.

Выступление председателя Оргкомитета конференции *А.Н. Цамута-*

ли (СПБНИИ РАН) касалось актуальных вопросов историографии движения декабристов. По его мнению, на современном этапе изучения важно сохранить всё действительно стоящее, сделанное предшественниками, и дополнить накопленные результаты новыми исследованиями. Докладчик обратил внимание на то, что в рамках советской историографии имелось многообразие точек зрения: М.В. Нечкина не была монополистом, существовали оппонировавшие ей исследователи; критикуя ее концепцию, нельзя упускать из виду немалые ее заслуги. А.Н. Цамутали отметил, что не следует недооценивать роль традиций дворянской фронды в генезисе первых декабристских обществ, указал на наличие разных политических позиций внутри декабристской среды.

Президент Санкт-Петербургского общественного фонда А.А. Собчака Л.Б. Нарусова в докладе «Отношение власти к движению декабристов на разных этапах отечественной истории» показала, как на протяжении почти двух столетий власть воспринимала декабристов и использовала их идеи в идеологических и прагматических целях. В советское время определяющую роль играла ленинская концепция «освободительного движения», ограничивающая исторический опыт декабризма. В новейший период идеи декабристов были востребованы в 1992–1993 гг.: при работе над действующей конституцией использовались идеи проектов П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева. В последние годы преобладают негативные оценки декабристского движения

и событий 1825 г., в которых видят прямые параллели с 1917 г., хотя разница в предпосылках, цели, тактике этих восстаний очевидна. Для исторической науки остается в силе задача продолжения углубленных исследований наследия декабристов, открытие новых направлений и методик изучения.

М.М. Сафонов (СПБНИИ РАН) призвал к преодолению историографических стереотипов, превратившихся, по его мнению, в своеобразную мифологию, которая долгие годы подпитывалась «ленинско-сталинской концепцией движения декабристов». Он предложил провести реконструкцию следственного процесса день за днем в хронологическом порядке, что позволит иначе подойти к анализу следственных материалов, пересмотреть мотивы деятельности лидеров тайных обществ, учитывая их национально-патриотическую (в том числе антипольскую) составляющую, изучить связи декабристов с правительственными верхами, особенно в период междуцарствия 1825 г.

Доклады В.В. Латина (СПБНИИ РАН, ЕУ СПб) «Историческая память как исследовательская проблема» и И.В. Грибан (Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург) «Историческая память как категория исторической науки: анализ современных подходов» ставили задачей дать всестороннюю характеристику понятия «историческая память», раскрыть современные представления об этой категории исторической науки, показать наиболее важные тенденции в изучении историче-

ской памяти. Затрагивались проблемы взаимоотношений научных исследований и исторической памяти, коллективной и индивидуальной коммеморации.

С.Е. Эрлих (издательство «Нестор-История», Санкт-Петербург) в докладе «Война мифов: декабристы в исторической памяти современной России» на материалах недавно опубликованного исследования (*Эрлих* 2016) осветил проблему мифологизации исторической памяти о декабристах в российском общественном сознании, уделив внимание функционированию нескольких вариантов «декабристского мифа» в актуальном общественно-политическом контексте.

Заключительный доклад пленарного заседания, подготовленный *Д.Н. Шиловым* (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург), был посвящен источниковедческим и методическим проблемам подготовки современных биографических словарей деятелей дореволюционной России — как универсального, так и специально-тематического характера. Исследователь уделил внимание проблемам выбора источников и верификации данных при подготовке биографических справочников, структуры формуляра биографических статей, корректного оформления научно-справочного аппарата и пристатейной библиографии.

Таким образом, в ходе пленарного заседания прозвучали выступления общего и проблемного характера, содержащие современный взгляд на дискуссионные вопросы в изуче-

нии движения декабристов, а также анализирующие представления об исторической памяти как категории исторической науки, методику подготовки современных биографических справочников — основы биографических исследований.

В следующие два дня прошли восемь секционных заседаний. Участники первой секции «*Власть, общество, декабристы и историческая память*» обсуждали проблемы взаимоотношений власти и общества в контексте исторической памяти о декабристах.

В.М. Бокова (ГИМ, Москва) в докладе «*“Русская правда” П.И. Пестеля и реформа П.Д. Киселева*» проанализировала характер отношений между Пестелем и Киселевым, сравнила решение крестьянского вопроса, намеченное в «Русской правде», и основные принципы реформы государственной деревни. При этом была подчеркнута близость ряда положений реформы Киселева к идеям «Русской правды»: оба реформатора обращали внимание на одни и те же аспекты, связанные в основном с казенными интересами: разделение земель на общественный (у Киселева — запасной) и частный фонды, взимание налога с имущества и т. д.

Доклад *Т.Н. Жуковской* (ИИ СПбГУ) характеризовал особенности исторической памяти выпускников и преподавателей Санкт-Петербургского университета. Анализируя механизм функционирования коллективной памяти университетского сообщества на протяжении XIX в., автор осветила

общие вопросы формирования исторической памяти русского общества об эпохе Александра I. Была затронута проблема коллективной памяти осужденных декабристов, сложившейся на каторге и отраженной в не сохранившемся коллективном мемуарно-публицистическом труде.

Директор Иркутского историко-мемориального музея декабристов *Е.А. Добрынина* отметила в своем докладе, что в последние годы происходит сужение пространства исторической памяти о декабристах, в связи с чем особое значение приобретает издательская (серия «Полярная звезда», сборник «Сибирь и декабристы», серия «Польско-сибирская библиотека») и экскурсионно-выставочная (цикл «Декабристское кольцо Восточной Сибири», передвижные выставки) деятельность музея.

М.В. Вершевская (ГМИ СПб) в докладе «Декабристы в Петропавловской крепости: память места и музейный контекст» сообщила, что проведенная ею научная реконструкция мест заключения декабристов («привязка» казематов и других арестантских помещений к конкретному лицу, основанная на архивных документах) завершена, но в экспозиционном отношении отражение достигнутых результатов далеко от желаемого уровня.

Выступление председателя Декабристской комиссии при Союзе краеведов России *Э.Б. Штеца* (Москва) было посвящено памятным местам декабристов в Восточной Сибири. Автор доклада предполагает издать

восемь томов богато иллюстрированной справочной публикации, посвященной памятным местам декабристов; на очереди издания, охватывающие Западную Сибирь, Санкт-Петербург, северо-западные и центральные российские губернии, Украину и Бессарабию.

В докладах второй секции «*Движение декабристов и нравственные вызовы эпохи: история, легенды, нарративы*» уделялось внимание проблемам морально-нравственного сознания декабристов, культурному и нравственному влиянию декабристов на современников.

Доклад *Е.А. Овчинниковой* (Институт философии СПбГУ) «Моральное сознание декабристского поколения: нормы, ценности, нарративы» обозначил важнейшие составляющие феномена декабризма в морально-этической области. Были охарактеризованы мировоззренческие установки, благодаря которым сложился новый тип личности в русской истории, представленный декабристским поколением: патриотизм, просветительский концепт «общественного блага», постулаты политической этики — ответственность перед обществом, общественно-полезная деятельность, а также негативное отношение к насилию и кровопролитию.

Т.А. Перцева (Иркутский государственный университет) в докладе «Декабристы и иркутское общество: причины, последствия и значение культурного влияния ссыльных дворян» выделила основные элементы механизма воздействия декабристов на сибирское обще-

ство, отметив в особенности их опосредованное влияние через купечество и чиновничество. В этом контексте следует говорить об укреплении либерально-просветительских традиций в Сибири, формирование которых происходило благодаря приезжавшим из Европейской России образованным ссыльным.

Е.Н. Туманик (Институт истории СО РАН, Новосибирск) в докладе «К вопросу об эволюции идей декабризма после восстания: А.Н. Муравьев и его проекты общественных и политических объединений 1848 и 1856 гг.» показала процесс трансформации политического сознания декабристов после 1825 г. на примере А.Н. Муравьева. Исследовательница обратилась к изучению его политического проекта 1848 г. и пришла к выводу о том, что главная цель задуманных бывшим декабристом мер – предотвращение экспансии революционных идей из Европы, для чего предполагалось создать дворянское ополчение «Царскую дружину» (прообраз «Святой дружины» 1880-х гг.). В 1856 г. А.Н. Муравьев написал устав «Общества народной совести», целью которого являлось содействие либеральным мерам правительства, в чем усматривается возвращение к идеям Союза благоденствия на новом витке истории.

Д.В. Четвертной (Петрозаводский государственный университет) в докладе «К особенностям политического языка декабристов в период ссылки на Кавказе» проанализировал дневники и письма бывших декабристов кавказского периода, на основании чего согласился с мнением

Я.А. Гордина о том, что в мировоззрении декабристов совмещались либеральные и имперские идеи: в период кавказской ссылки они поддерживали имперскую экспансию, поскольку считали необходимым усиление цивилизующей миссии Российского государства, направленной против восточных тираний.

В рамках третьей секции «*Европейские революции, события 1825–1826 гг. и историческая память*» обсуждались различные аспекты влияния западных политических идей и событий на российское государство, общество и декабристов, а также отражение этого процесса в представлениях современников.

А.Ю. Андреев (МГУ) в докладе «Взгляд из Швейцарии: события междуцарствия и 14 декабря 1825 г. в переписке Ф.-Ц. Лагарпа» отметил, что конституционалист Лагарп в восстании 14 декабря увидел продолжение переворотов XVIII в., мятеж вечно недовольного русского дворянства, стремящегося узаконить свои права и привилегии, а в декабристах – дворянскую фронду, которую воспринимал как препятствие в реализации правительственных реформ.

По мнению *Ф.Л. Севастьянова* (Санкт-Петербург), представившего доклад «Власть блостительная “Русской правды” П.И. Пестеля в свете теории разделения властей», принцип разделения властей в сочинениях декабристов переживает детство, но «Русская правда» предвосхищает современное понимание этой проблемы. В этом до-

кументе впервые появляется мысль о необходимости контроля над государственными институтами — «власти бюстительной», которой уделено немало внимания.

Доклад *И.А. Иванова* (Университет им. Ю. Либиха, Гиссен) «“Нешастное и постыдное приключение” как предвестник восстания декабристов: “Семеновская история” 1820 г. в зеркале истории государственной безопасности» освещал особенности восприятия властными структурами выступления гвардейской части, ставшего важным рубежом царствования Александра I. Особый интерес историка привлекла реакция на «Семеновский бунт» полицейских служб, показывающая, в чем власть видела главную угрозу для общественной безопасности. Докладчик отметил вызванный политическими событиями того времени страх правительства перед европейскими влияниями, ожидание политического кризиса, неуверенность в повиновении гвардии, безрезультатный поиск политической подоплеки событий (организованного заговора).

Профессор *Т. Мацумура* (Токио) в докладе «Скрытый план военного переворота декабристов: отношения между офицерами и нижними чинами во 2-й армии в первой половине 1820-х гг.» на основе архивных материалов РГВИА показал, что в рассматриваемую эпоху офицеры несли полную ответственность за солдат. Это касалось не только военной службы, но и ежедневного быта, заработка нижних чинов, содержания артельных денег; офицеры выступали посредниками при

найме солдат на хозяйственные работы. Анализируя отношения между офицерами и нижними чинами во 2-й армии, Т. Мацумура пришел к выводу, что они носили патерналистский характер и опирались на определенную экономическую базу.

М.С. Белоусов (ИИ СПбГУ) предложил свой взгляд на события заговора декабристов: по его мнению, следует разделять реальные политические планы и действия декабристов и форму их репрезентации в среде заговорщиков и материалах следствия. Автор представил результаты анализа следственных показаний 111 декабристов, находившихся в Петербурге в период междуцарствия, на предмет содержащихся в них интерпретаций важнейших решений лидеров заговора. Такой подход позволил прийти к ряду интересных наблюдений: докладчик предложил отказаться от формулы «Трубецкой был избран диктатором», заменив ее другой: «Рылеев, по согласованию с А. Бестужевым и Оболенским, провозгласил Трубецкого диктатором». В докладе сравнивался ход испанских «пронунсиаменто» 1810-х гг. и подготовка петербургского восстания. По мнению исследователя, Трубецкой, разрабатывая план мятежа, воспроизводил ход испанских событий и действия их лидеров.

Доклад *А.В. Паршиной* (ИИ СПбГУ) «Восстание декабристов с испанским акцентом» затрагивал историографию проблемы влияния на декабристов испанского либерально-революционного движения. В докладе было показано, что от-

ечественные и западные историки проводили сравнительный анализ испанской военной революции и выступления 14 декабря, анализировали влияние переворота под началом Р. Риэго на декабристов, российское общественное мнение об испанских событиях 1820 г. Однако остались невыявленными и неизученными каналы поступления информации, конкретные примеры заимствований, осуществленных декабристами из испанского опыта.

В ходе работы четвертой секции «*Биографика в России (конец XVIII – начало XX в.): традиции и современные подходы*» в центре внимания были проблемы биографических исследований.

В докладе *И.В. Ружицкой* (ИРИ РАН, Москва) «Портрет на фоне эпохи: Модест Корф» крупный государственный деятель был показан как представитель нового типа высшей бюрократии, отличительной чертой которого стали глубокая образованность и высокий профессионализм. В основе преобразовательных устремлений правящей элиты лежали идеи Просвещения, стремление к рационализации системы управления, действующей в рамках фундаментального законодательства. В этом отношении преобразовательные идеи нового поколения бюрократии имели сходство с планами декабристов.

Доклад *О.А. Любезникова* (Санкт-Петербург) освещал неизученные стороны биографии *Н.Н. Новосильцова*, который долгое время оценивался в историографии как

администратор «второго эшелона». Докладчик, возвращая его в первый ряд управленческой элиты первой трети XIX в., остановился на некоторых важных аспектах его биографии.

Н.Н. Аурова (ИРИ РАН, Москва) исследовала биографию *Н.Д. Дурново*, уделив особое внимание его неопубликованному дневнику, являющемуся важным источником по политической и военной истории первой четверти XIX в.

В докладах *Б.Ф. Егорова* (СПБ ИИ РАН), *К.В. Доник* (ЕУ СПб), *Е.В. Ситниковой* (Новосибирск), *А.С. Майоровой* (Саратовский государственный университет) внимание было привлечено к фигурам *А.С. Меншикова*, *Ястребцовых*, представителей рода *Бестужевых*, к деятелям отечественной науки и культуры первой половины XIX в., связанным с Саратовской губернией.

В рамках пятой секции «*Феномен декабризма: новые подходы к описанию и изучению*» в ряде проблемных докладов презентовались и обосновывались новые подходы к пониманию декабризма и методике исследования его идейно-политической программы, состава участников движения, были представлены некоторые результаты уже проделанной в этом отношении работы.

Значительный интерес вызвал доклад *Д.В. Тимофеева* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) «Проблема реконструкции общественно-политических настроений в России первой четверти XIX в. в контексте исто-

рии основных социально-политических понятий». Докладчик предложил исследовательскую модель применения в трудах по истории общественно-политической мысли методологии «истории понятий». На основе анализа политических текстов российских авторов первой четверти XIX в. были представлены различные контексты употребления понятий «закон», «конституция», «свобода», «рабство», «революция», «просвещение». Такой подход, по мнению Д.В. Тимофеева, позволит реконструировать процесс восприятия европейских либеральных идей и понятий в России в начале XIX в.

В докладе Т.В. Андреевой (СПБНИИ РАН) «“Сотворение декабристов”»: культурологический аспект феномена декабризма» были обозначены основные слагаемые процесса формирования декабристского поколения (социальный, сословно-дворянский, национально-вероисповедный, культурно-исторический, семейно-воспитательный). По мнению автора доклада, появление на исторической арене «людей 14 декабря» было обусловлено глубокими социальными процессами: в начале XIX в. происходит завершение складывания дворянского общества как социальной корпорации, отделявшей себя от государства и свои интересы от государственных. В 1810-х гг. из него выделяется собственно «общество», социально активная и политически образованная группа дворянства, представители которой становятся учредителями тайных обществ. Пути «сотворения декабристов» зависели от множества факторов:

социального статуса, национально-вероисповедной принадлежности, культурно-исторических и семейных реалий, в силу чего в самом движении не было единства взглядов.

П.В. Ильин (СПБНИИ РАН) в докладе «Другие декабристы: участники тайных обществ, избежавшие судебного приговора, как исследовательская проблема», продолжая его научные изыскания (Ильин 2004), обратил внимание на бросающееся в глаза логическое противоречие, присущее научной традиции: не всех участников движения декабристов считают декабристами. В историографии утвердился ограниченный подход: к декабристам относят в основном членов тайных обществ, существовавших после 1821 г., пострадавших по итогам судебно-следственного процесса (осужденные и часть административно наказанных). Другие участники движения часто отсекаются от понятия «декабрист», хотя многие из них играли более значительную роль, чем некоторые из осужденных. Это результат давления на историографию идеологически ангажированных концептов, которые радикализировали декабристов. Такая практика ограничивает возможности изучения идейного облика декабристов во всей его полноте, их письменного наследия. Противоречивая картина применения понятия «декабристы» характеризует историографию на всем протяжении существования, и только на современном этапе появляется возможность пересмотреть этот подход, применив вместо произвольных критериев (политического радикализма и понесенного наказания) — объективный критерий

рий доказанного участия в тайных союзах, заговоре и выступлениях 1825–1826 гг. Между тем в результате сложившейся историографической ситуации декабристы, избежавшие наказания, и их письменное наследие остаются, как правило, неизученными. В этой связи возникает практически неразработанная проблема эволюции взглядов участников движения, которые продолжали службу в царствование Николая I, открывающая новое направление для научных исследований.

С.В. Куликов (СПБНИИ РАН) посвятил свой доклад анализу публицистического наследия одного из таких декабристов, впоследствии крупного чиновника, практически забытого политического мыслителя умеренно-либерального направления С.П. Шипова, продемонстрировав первые результаты обозначенного П.В. Ильиным нового подхода. Подчеркивая либеральную сущность декабризма как общественно-политического явления, докладчик показал это на примере идейной эволюции С.П. Шипова, ставшего фактически одним из идеологов либеральной бюрократии середины XIX в. Сенатор при Александре II, он в цикле своих сочинений развивал преобразовательные идеи декабризма, предложив программу реформ государственного строя, которая сочетала в себе введение гражданских свобод, новых политических учреждений (в том числе представительных органов) и сохранение традиционных монархических институтов.

Совместный доклад К.Г. Боленко и Б.Н. Щедринского (Москва) затра-

гивал другой важный аспект проблемы декабристов, избежавших наказания – создание их научных биографий, в частности исследование послужных и формулярных списков (на примере того же С.П. Шипова).

А.Ю. Скрьдлов (Санкт-Петербург) представил доклад «Академик К.Ф. Герман и истоки декабризма: взгляды ученого на устройство государства и общества», в котором осветил политические воззрения обществоведа и экономиста К.Ф. Германа, оценил его роль в формировании политической программы декабристов в связи с тем, что ученый преподавал политические и экономические предметы ряду основателей и идеологов декабристских обществ.

Д.С. Артамонов (Саратовский государственный университет) в докладе «Легенда о призвании варягов в исторической памяти декабристов» показал, что несмотря на огромный авторитет Н.М. Карамзина у декабристов сложились собственные взгляды по затронутому вопросу. Они полагали, что добровольного призвания варягов не было, разделяя теорию завоевания славян. По мнению докладчика, это обуславливалось их политическими устремлениями, направленными на свержение самодержавия как государственной системы, делегитимизированной в силу захвата власти, имевшего место в прошлом.

Работа шестой секции «Декабристская историография: традиции и новации» открылась докладом А.Ю. Дворниченко и М.С. Белоусова (ИИСПбГУ), в котором были освещены научная

карьера видного историка-эмигранта Г.В. Вернадского и его взгляды на движение декабристов. Исследователи пришли к выводу о том, что в основе взглядов Г.В. Вернадского лежала дореволюционная историографическая традиция, развитие которой ученым в свою очередь оказало влияние на американскую русистику.

Выступление *Е.В. Каменева* (Петрозаводский государственный университет) «Поставим вопрос иначе»: характеристика Союза благоденствия в монографии М.В. Нечкиной «Движение декабристов»» содержало анализ риторических приемов, которые использовала М.В. Нечкина для обоснования концепции «революционности» Союза благоденствия. Исследователь показал, что актуализация концепта «революционности» осуществлялась историком с помощью явных и неявных отсылок к другим текстам, в частности через цитирование комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова и реминисценций на свою монографию «Грибоедов и декабристы».

В.С. Парсамов (НИУ ВШЭ, Москва) сообщил о результатах проведенной им реконструкции непрочитанного спецкурса Ю.М. Лотмана, посвященного декабристам (1980-е гг.). В центре внимания выдающегося литературоведа и историка, рассматривавшего движение декабристов как вершину пушкинской эпохи, всегда находились психология и этика его участников. Ученый видел парадокс политического мировоззрения декабристов в противоречивом соединении двух идеологических систем: просвети-

тельства и дворянского либерализма. Докладчик раскрыл важнейшие постулаты теории Ю.М. Лотмана о «литературности» декабризма и специфическом «поведенческом типе» декабриста, подчеркнув их важность в контексте современной науки. Также был затронут вопрос об актуальности применения разработанного Ю.М. Лотманом семиотического подхода к истории декабризма, заключающегося в анализе литературных и публицистических сочинений декабристов, а также их общественно значимых поступков и бытового поведения с применением знаковых систем.

Работу секции завершил *Ю.В. Латыш*, представивший в докладе «Современное украинское декабристоведение», подготовленном совместно с ведущим представителем украинской историографии декабризма *Г.Д. Казьмирчуком* (Киевский национальный университет им. Т. Шевченко), основные актуальные направления и тематику украинского декабристоведения, связав их с общей линией национального исторического нарратива.

Седьмая секция «*Декабристы: историческое сознание и документ*» открылась докладом *Н.П. Матхановой* (Институт истории СО РАН, Новосибирск) «Комментирование мемуарного наследия декабристов: исторический контекст». Отмечалось, что комментирование нужно прежде всего для разъяснения и уточнения исторического содержания мемуарного свидетельства. Принципы комментирования со временем стали строже, при этом стандартизация правил и приемов ком-

ментирования постепенно привела фактически к «ликвидации личности» комментатора.

В докладе «Немецкие учителя Павла Пестеля (по материалам семейной переписки)» *О.В. Эдельман* (ГАРФ, Москва) сообщила новые данные к биографии П.И. Пестеля, извлеченные из недавно опубликованной переписки его семьи.

В докладах *Н.А. Соколовой* (Центральный государственный архив г. Москвы), *Е.Ю. Лебедевой* (ИНИОН РАН, Москва), *Ю.С. Сулаберидзе* (Рустави, Грузия), *Г.А. Лумпановой* (Тверь) анализировались опубликованные и вновь выявленные архивные источники, освещающие малоизвестные страницы биографии или представляющие неизученное наследие П.И. Пестеля, А.П. Барятинского, Е.Е. Лачинова, М.И. Муравьева-Апостола.

Восьмая секция «Проблемы современной декабристоведческой биографики» была посвящена специальным вопросам биографических исследований в данной тематической области.

П.В. Акульшин (Рязанский государственный университет) в докладе «П.А. Вяземский и декабристы: “декабрист без декабря”?» осветил вопрос о том, как известный литератор и публицист относился к тайным обществам. Его взгляды и идеи декабристов в целом совпадали, однако П.А. Вяземский был лишь наблюдателем деятельности декабристских союзов. После попытки переворота 1825 г., подготовленной радикальным крылом декабристов,

тайное общество уже не рассматривалось им как реформаторский инструмент, а оценивалось как политический заговор.

Доклад *В.А. Шкерина* (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) «Два образа В.А. Глинки: декабрист и “главный командир” горнозаводского Урала» вновь поднял проблему трансформации мировоззрения декабристов, избежавших наказания в 1826 г., на примере члена Союза благоденствия В.А. Глинки.

В докладах *В.В. Ефимовой* (Петрозаводский государственный университет), *О.В. Бондаренко* (Архангельск), *Д.В. Бухарова* (Брянск) освещались малоизвестные или вновь установленные обстоятельства биографий Ф.Н. Глинки, А.И. Одоевского, В.А. Перовского.

На заключительном заседании основное внимание было привлечено к перспективам источниковедческой и археографической работы в области истории декабризма, которая в значительной мере определяет дальнейшее развитие декабристоведения. Речь шла о продолжении публикаций фундаментального характера, основополагающих документальных серий в данной области исторических исследований, а также о планах подготовки обобщающих справочных изданий.

О.В. Эдельман рассказала о перспективах серии «Восстание декабристов», с 1925 г. публикующей документы архивного фонда следствия и суда. Серия насчитывает 22 тома, далее будут изданы еще три, вклю-

чая заключительный справочный том¹. Е.А. Добрынина сообщила о публикации новых томов серии «Полярная звезда», с 1979 г. вводящей в оборот письменное наследие осужденных декабристов. За прошедшее время увидели свет 29 томов серии, однако программа масштабного документального издания не исчерпана, требуется привлечение новых авторов-составителей для подготовки следующих томов².

П.В. Ильин поставил вопрос о подготовке обобщающих справочных изданий – в частности в области декабристской биографики. Он обосновал необходимость составления нового биографического справочника декабристов: накопился большой объем поправок и дополнений к справочнику 1988 г.; ощущается потребность в пересмотре принципов и структуры существующего справочника, так как он охватывает не участников декабристских обществ и выступлений в их полном составе, как должно быть, а разнообразный круг лиц, оказавшихся в поле зрения следствия; издание должно включать в себя библиографические данные. В связи с началом работы по составлению нового биобиблиографического словаря декабристов П.В. Ильин предложил организовать сбор биографической и библиографической информации, обратившись с просьбой ко всем занимающимся историей декабризма – присылать дополнения и исправления к существующему биобиблиографическому справочнику.

¹ О перспективе серии «Восстание декабристов» см.: (Мифоленко 2001).

² О перспективе серии «Полярная звезда» см.: (Ильин 2013).

А.Н. Цамутали подвел итоги конференции, с удовлетворением отметив научное значение затронутых проблем, важность состоявшегося предметного разговора по целому комплексу сложных дискуссионных вопросов, плодотворность и перспективность ряда конкретных направлений исследовательской работы, обозначившихся в ходе обсуждения.

В целом конференция привлекла внимание к проблеме взаимоотношений общества и власти в отечественной истории, к изучению исторического опыта, который был приобретен в эпоху декабристов российским государством и обществом, осмыслению исторической памяти о событиях того времени. Форум прошел на высоком научном уровне, став своеобразным «смотром» исследовательских сил, показал наметившиеся в историографии новые направления исследований. Прозвучавшие выступления, чрезвычайно полезный обмен мнениями, состоявшиеся дискуссии актуализировали ряд основополагающих проблем современной историографии декабризма (генезис движения, влияние на него западных идей и политических событий, коррекция представлений о политической и экономической программе, составе участников, идейные связи с правительственным реформаторством, эволюция декабристского политического сознания после 1825 г., мифологизация исторической памяти о декабристах и т. д.). Конференция показала необходимость существенного обновления методологической основы исследований, преодоления

устаревших схем и представлений, коренящихся в идеологизированной дореволюционной и советской литературе, тщательного углубленного анализа спорных вопросов, обнаружила острую потребность в подготовке обобщающих научных трудов и фундаментальных справочных изданий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ильин 2004 – Ильин П.В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.

Ильин 2013 – Ильин П.В. 30 лет документальной серии «Полярная звезда»: достижения и перспективы // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М., 2013. С. 25–36.

Мироненко 2001 – Мироненко С.В. Государственный архив Российской Феде-

рации к 175-летию юбилею восстания декабристов // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 3–7.

Эрлих 2016 – Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.; М., 2016.

REFERENCES

Erlikh S.E. *Voina mifov. Pamyat' o dekabristakh na rubezhe tysyacheletiy*. Saint Petersburg; Moscow, 2016.

Ilyin P.V. *Novoye o dekabristakh: Proshchennyye, opravdannyye i ne obnaruzhennyye sledstviem uchastniki tainnykh obshchestv i voennykh vystupleniy 1825–1826 gg.* Saint Petersburg, 2004.

Ilyin P.V. 30 let dokumental'noi serii «Poliarnaia zvezda»: dostijenia i perspektivy. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2009–2010 gg.* Moscow, 2013. P. 25–36.

Mironenko S.V. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii k 175-letnemu iubileiu vosstaniia dekabristov. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2000 g.* Moscow, 2001. P. 3–7.

Е.Н. Струкова, И.Ю. Новиченко

ПРЕДВАРЯЯ РЕВОЛЮЦИЮ

Третьи Рязановские чтения в Государственной публичной исторической библиотеке

19 февраля 2016 г. в Центре социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России торжественно открылись Третьи Рязановские чтения. Это научная конференция, собирающая историков, специалистов библиотечного и архивного дела, круг интересов которых — история социальных и политических движений, общественных организаций XIX–XX вв., коллекций книг и документов, сформировавшихся в результате их деятельности или отражающих различные политические процессы прошлого.

Чтения проводятся в честь основателя библиотечных коллекций ЦСПИ, выдающегося политика и ученого — Давида Борисовича Рязанова (1870–1938). К сожалению, после ареста в 1931 г., лишения всех постов, ссылки в Саратов, повторного ареста и расстрела в 1938 г. вплоть до перестроечного периода о Рязанове практически не вспоминали, его работ не публиковали, о заслугах по созданию уникальных книжных и архивных коллекций не говорили.

Первые чтения (в 2011 г.) были полностью посвящены личности и раз-

личным аспектам жизни Д.Б. Рязанова (Известный и неизвестный... 2011).

Вторая научная конференция была озаглавлена «Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства». На ней речь шла о сложных судьбах отечественных книжных и документальных коллекций в советскую эпоху. Из выступлений участников конференции мы узнали не только об истории многих государственных, общественных и частных собраний, но и судьбах их хранителей. Вторые чтения совпали с юбилеем Первой русской революции, и специальное заседание было посвящено источникам по истории событий 1905–1907 гг. Сборник материалов по итогам конференции был опубликован издательством Государственной публичной исторической библиотеки в начале 2016 г. (Книжные и документальные коллекции... 2016).

Главная тема Третьих чтений была сформулирована следующим образом: «Предваряя Революцию: книжные, архивные и музейные коллекции». Предполагалось привлечь внимание специалистов, изучающих проблематику Великой российской революции, столетие которой будет отмечаться в 2017 г.

© Новиченко И.Ю., Струкова Е.Н., 2016

Чтения были приурочены к знаменательному событию — 95-летию основания Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ). Центр социально-политической истории как филиал Государственной публичной исторической библиотеки России является хранителем книжного собрания ИМЭ. Д.Б. Рязанов сумел так организовать работы по комплектованию фонда, что за десятилетие (с 1921 по 1931 г.) удалось создать одну из лучших в мире библиотек по социальной и рабочей истории России и Европейских стран. На ее основе можно изучать не только наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, но и мировую историю протестных движений, эволюцию общественной мысли, экономические теории, историю права, философию, историю социологии, международных отношений и многое другое.

Конференции предшествовало знаменательное событие — открытие выставки «Храним историю». Выставка рассказала об истории первого десятилетия работы институций, положивших начало коллекциям Российского государственного архива социально-политической истории и филиала ГПИБ России — Центра социально-политической истории. Помимо Института К. Маркса и Ф. Энгельса такими организациями являлись Институт В.И. Ленина и Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт).

Соорганизаторами Третьих Рязановских чтений выступили Российский государственный архив социально-политической истории и Российский государственный социальный университет. Инициатива проведе-

ния чтений принадлежит Государственной публичной исторической библиотеке России. С этого года мы можем говорить о том, что конференция является ежегодной, поскольку в 2015 г. чтения были возобновлены после четырехлетнего перерыва.

По уже сложившейся традиции чтения обычно открывают доклады, посвященные научной и революционной деятельности Давида Борисовича Рязанова. Третьи чтения не стали исключением — работа конференции началась с выступления Валерия Николаевича Фомичева, начальника отдела обеспечения сохранности документов РГАСПИ, который рассказал о недавних архивных находках и дал им характеристику в докладе на тему «Подготовительные материалы Д.Б. Рязанова к исследованию истории Первого Интернационала». В дореволюционный период в зарубежных архивах Д.Б. Рязанов изучал историю I Интернационала, считалось, что эти документы были утрачены после 1931 г. Но в РГАСПИ обнаружили весь комплекс источников, включающий копии протоколов заседаний, материалы прессы, переписку, выписки, подготовительные тексты и т. д.

Тему продолжила заведующая отделом специальных коллекций Центра социально-политической истории Ирина Юрьевна Новиченко. Ее доклад «Д.Б. Рязанов и книги в 1890-е годы» был основан на материалах следственного дела Д.Б. Рязанова; 1892–1896 гг.

Следующий тематический блок конференции был посвящен взаимоотношениям предшественников

Центра социально-политической истории – библиотек Института марксизма-ленинизма, Института В.И. Ленина, Института К. Маркса и Ф. Энгельса с другими учреждениями и институциями. Эта тема прозвучала в двух докладах: Татьяны Григорьевны Колосковой и Константина Григорьевича Боленко.

Помощник директора Государственного исторического музея Т.Г. Колоскова в докладе: «История Музея В.И. Ленина (1920–1938 гг.)» подробно остановилась на истории создания музея, его последующих трансформациях, особенностях складывания коллекции.

Константин Григорьевич Боленко, заведующий сектором редких книг, рукописей и фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское», выступил с докладом «Усадьбная библиотека в Архангельском и Институт К. Маркса и Ф. Энгельса в конце 1920-х гг.: к истории взаимодействия» и рассказал о трагической истории изъятия книг из усадьбной библиотеки для последующей передачи в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Выявление этих книг в фондах Центра социально-политической истории – объект исследовательского интереса автора.

Приоритетной темой чтений является исследование фондов Центра социально-политической истории ГПИИБ России. Здесь следует отметить блестящее выступление Аллы Юрьевны Морозовой, старшего научного сотрудника Института российской истории РАН. Ее сообщение было посвящено коллек-

ции студенческих листовок отдела специальных коллекций ЦСПИ. Докладчику удалось совместить подробный источниковедческий анализ коллекции с захватывающим рассказом о студенческих волнениях в России начала XX в.

Коллекции ЦСПИ были представлены в сообщениях сотрудников Государственной публичной исторической библиотеки. Главный библиотекарь Отдела специальных коллекций Николай Анатольевич Зеленьяк-Кудрейко представил участникам конференции собрание листовок и периодической печати из архива Бунда, библиотекарь Отдела фондов, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова Денис Эдуардович Миронов рассказал о стенгазетах 1920-х гг. в фондах Центра социально-политической истории.

В рамках ключевой темы конференции – «Предваряя революцию» – история 1917 г. нашла отражение в нескольких выступлениях. Игорь Михайлович Нагаев, вице-президент Российской ассоциации историков-архивистов, представил доклад «Документы Российского государственного военного архива по истории Октябрьской революции (переворота) 1917 г.» Исследование Леонида Владимировича Кудзеевича, старшего научного сотрудника Государственного музея политической истории России, «К вопросу о символике на денежных знаках 1917 года» с большим интересом было принято аудиторией. Казалось бы узкая тема – изучение денежных знаков, оказалась чрезвычайно важной для понимания идеологии нового государства.

Острая политическая борьба начала XX в. в России была упомянута в докладах профессора Института общественных наук РАНХиГС Константина Николаевича Морозова и в совместном докладе профессора Российского государственного социального университета Натальи Валентиновны Ляпуновой и доцента РГСУ Анастасии Павловны Рудницкой.

К.Н. Морозов представил обзор деятельности сложной фигуры революционных лет – Б.В. Савинкова, попытался осмыслить его роль в истории революционного движения. Доклад наших коллег из РГСУ был посвящен деятельности Государственного Совета и историческим параллелям с современностью.

Всего на конференции было представлено 15 докладов. Результатами своих исследований поделились специалисты Российского государственного архива социально-политической истории, Института российской истории РАН, Института востоковедения РАН, Государственного исторического музея, Государственного музея политической истории России, Государственного музея-усадьбы «Архангельское», Российского государственного социального университета, Института общественных наук РАНХиГС, Государственной публичной исторической библиотеки России и других организаций.

На наш взгляд, сегодня мы можем говорить о том, что на Рязановских чтениях формируется новая исследовательская традиция – изучение XX в. в аспекте формирования книжных и документальных комплексов, как отечественных, так и зарубеж-

ных. Острая политическая борьба, формирование коллекций вопреки обстоятельствам, судьбы коллекционеров и хранителей, многие другие драматические сюжеты становятся частью истории. Источниковедческий акцент конференции позволяет исследователям раскрывать новые источники и материалы, привлекать к ним внимание исследователей и общественности.

Четвертые Рязановские чтения пройдут в год 100-летия Великой Российской революции. И, безусловно, мы будем говорить о влиянии этого события на книжные и документальные коллекции XX в. Рязановские чтения планируются в формате секционного заседания международной научной конференции «Документальное наследие российской революции», которая состоится в мае 2017 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Известный и неизвестный... 2011 – Известный и неизвестный Давид Борисович Рязанов (1870–1938): к 140-летию со дня рождения. М., 2011.

Книжные и документальные коллекции... 2016 – Книжные и документальные коллекции XX в.: идеологии и обстоятельства: материалы конференции «Вторые Рязановские чтения» (18–19 марта 2015 г.). М.: ГПИИБ, 2016.

REFERENCE

Izvestnyi i neizvestnyi David Borisovich Riazanov (1870–1938): k 140-letiiu so dnia rozhdeniia. Moscow, 2011.

Knizhnyie i dokumental'nyie kollektzii XX v.: ideologii i obstoiatel'stva: materialy konferentsii «Vtoryie Riasanovskie chtenia» (18–19 marta 2015 g.). Moscow: GPIIB, 2016.

К.А. Тарасов

ИСТОРИК В МУЗЕЕ

Выставка «Революция в России, 1917–1922» в Государственном музее политической истории России

Государственный музей политической истории России (ГМПИР) известен всем историкам революционных процессов конца XIX – начала XX в. своим уникальным собранием воспоминаний, фотографий и других ценных документов. Его коллекция начала формироваться еще в 1907 г. Идея сохранения реликвий революционного движения возникла у его основных участников задолго до того момента, когда стало возможным помыслить о создании музея подобной тематики («Изъятию не подлежит... Хранить вечно!» 2007). Музей был учрежден в 1919 г. и на следующий год открылся для публики в помещениях Зимнего дворца. Вскоре после Великой Отечественной войны для ценнейшей коллекции по истории революции были переданы исторические здания особняка барона Бранта и дворца Кшесинской, помещения которого весной–летом 1917 г. занимали Центральный и Петербургский комитеты РСДРП(б) и Военная организация большевиков.

© Тарасов К.А., 2016

С этого времени музей являлся своеобразным «клубом» встреч для ветеранов-большевиков. Они передавали на хранение свои воспоминания, редкие документы и письма. Многим исследователям удавалось поработать с этими материалами в музейных хранилищах, что в последнее время не так просто осуществить.

Одновременно ГМПИР – один из музеев Санкт-Петербурга, который старается идти в ногу со временем и использовать современные методы экспонирования. Еще в 2013 г. здесь была создана масштабная экспозиция «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях», являющаяся по сути масштабным проектом с использованием интерактивных технологий. В том же ключе произошло недавнее обновление экспозиции «Революция в России, 1917–1922». Ее создатели постарались использовать ограниченное пространство трех залов музея для того, чтобы гости познакомились с событиями начала XX в. вне зависимости от их степени увлеченности и уровня под-

готовки. Для кого-то будет достаточно бегло осмотреть листовки, фотографии и предметы быта. Более внимательные могут передвигать стенды и находить уникальные документы, раскрывающие подробности заинтересовавшего события. На новой выставке не увидать привычную череду витрин с мелким текстом. Пространство залов напоминает художественную инсталляцию и при этом сугубо функционально. Несомненно, этот подход позволяет даже юным посетителям погрузиться в историческую эпоху и не заскучать над сложными перипетиями политической истории своей страны.

Однако еще более любопытно то, что у профессионального историка также есть причина посетить выставку и провести несколько часов с пользой. Дело в том, что организаторы сделали доступными для всех посетителей часть документов, ранее скрытых в фондах. Неудивительно поэтому, что путешествие по данной экспозиции может быть чревато неожиданными находками, которые можно использовать в своей профессиональной деятельности. Множество редких источников заставляют не раз схватиться за карандаш и сделать выписки.

Таким важным артефактом являются, например, письма рядового 3-го стрелкового полка П.И. Слесарева, датированные ноябрем 1916 – мартом 1917 г., представленные в самом начале выставки. Интереснейший источник представляет тот самый голос «маленького человека», который так важно и так сложно услышать специалисту по револю-

ционной тематике. За этот и подобные ему экспонаты необходимо выразить глубокую признательность авторам экспозиции.

Следует приветствовать и стремление музея работать в рамках современной историографии. Выбранная датировка 1917–1922 гг. отражает заметную, но не бесспорную тенденцию в новейших исследованиях расширения хронологических рамок революционного процесса. Впрочем, на композицию залов это не оказало никакого влияния. Мы видим традиционное построение, знакомое со времен советских школьных учебников: первый зал – Февральская революция, второй зал – Октябрьская (здесь же немного о Корниловском выступлении и Учредительном собрании), третий – Гражданская война. Впрочем, вопрос правомерности такой периодизации полемичен, поскольку ее по инерции продолжают использовать многие ученые.

Вполне понятно, что музейщикам пришлось выбирать в пользу той или иной трактовки событий, чтобы выставка получилась цельной. Подводные камни, которые с этим связаны, возможно, будут очевидны только для историков-профессионалов. Буквально первые же стенды о причинах революции в России могут быть тому свидетельством. Этот важнейший вопрос до сих пор служит причиной споров современных ученых. Причем в оценках развития государства в конце XIX – начале XX в. они по-прежнему делятся на «пессимистов» и «оптимистов». Первые полагают, что в этот период царский режим находился в состоянии на-

зревающего кризиса, постоянно растущего напряжения между властью и народом. Социальный взрыв был неизбежен. Для вторых революция стала результатом несчастливого стечения обстоятельств, проблемы империи были вполне решаемы, но Первая мировая война обострила их и сделала роковыми. На стендах выставки акценты расставлены таким образом, что работников музея с полной уверенностью стоит отнести к «оптимистам». Ими выделены в качестве основных факторов, приведших к началу революции, неудачи на фронте, разруха в тылу, оппозиция в Государственной Думе и среди членов династии Романовых.

Авторам экспозиции удалось наглядно продемонстрировать важное символическое событие первых недель после свержения старого строя — похороны жертв революции на Марсовом поле 23 марта 1917 г. Кроме редкой кинохроники в зале представлены плакаты и траурные венки. С помощью этих артефактов можно почувствовать тот подъем, который царил в «медовый месяц» революции, то значение, которое придавалось участниками этой церемонии жертве «павших борцов за свободу».

Следующий зал посвящен периоду конца лета — осени 1917 г. Основная часть отведена для демонстрации событий, связанных с захватом Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Здесь профессиональный историк вместе с обычными посетителями не может не остановиться надолго перед схемой штурма Зимнего дворца, сделанной одним из его руководителей

К.С. Еремеевым. Данный своеобразный мемуарный источник довольно интересно подан. Он представляет собой анимированную карту. Последовательно показываются те объекты, которые занимали войска Военно-революционного комитета 24–25 октября 1917 г., места их столкновений с правительственными силами, а также точное время происходящих событий. В этом случае видно, как современные способы экспонирования могут более доступно демонстрировать сложные для восприятия документы. Быть может, схема Еремеева будет полезна и историку, чтобы более наглядно представить события тех дней.

К недостаткам подхода, выбранного музейщиками для демонстрации событий периода, предшествующего свержению Временного правительства, можно отнести «петроградочентричность» в подаче материала. Основные события, представленные на экспозиции, происходили в главном городе страны. В то же время, например, октябрьские события в провинции имели не меньшее значение, чем в столице. Выдвижение на первый план действий большевиков в Петрограде льет воду на мельницу сторонников версии о том, что это был всего лишь заговор кучки оторванных от народа фанатиков. Это впечатление усугубляется тем, что события 24–25 октября квалифицируются как «Октябрьский переворот». Без дополнительных пояснений о том, что под этим подразумевается исключительно смена власти в Петрограде, может сложиться однобокое представление о событиях осени 1917 г. во всей стране.

Аналогично следовало бы уделить большее внимание национальным окраинам. Польский, украинский, финляндский вопросы оказывали значительное влияние на политику Временного правительства. Слишком медленное их решение способствовало эскалации конфликта национальных элит и власти, что в итоге привело к распаду Российской империи. Для этих событий выделено лишь немного места в зале о Гражданской войне.

Не удалось полностью избежать и «политикоцентричности». Главными действующими акторами продолжают быть политики — члены Временного правительства, Петроградского Совета, партии большевиков. Их мы видим на портретах, кадрах кинохроники. На выставке подробно рассказывается об основных кризисах правительства, съездах и совещаниях. Акцент сделан именно на схватке за власть вместо описания трагедии «маленького человека». Однако к чести авторов выставки нужно сказать, что они постарались внимательно отнестись и к ней. Кроме уже указанных писем рядового Петроградского гарнизона, на выставке можно встретить ряд уникальных документов. В основном они сосредоточены в зале о Гражданской войне. Это, в первую очередь, прекрасная подборка дневников и воспоминаний участников событий, с которыми может ознакомиться каждый желающий и даже сделать выписки за удобным столом. Другой уникальный источник эпохи — испорченные антибольшевистскими надписями бюллетени для голосования в Учредительное собрание. Вот, напри-

мер, одна из них: «Господин Ленин, вы страшный человек, зачем губите русский народ. Проклятье вам за многострадальный, но безумно любимый мною народ». Этот и некоторые другие немногие свидетельства эпохи будто прорываются сквозь канцелярские формулировки официальных документов или излишне красочные конструкции воззваний и листовок, из которых в основном состоит документальная часть экспозиции.

Действуя в русле современных исследований, организаторы выставки посвятили один из стендов событиям, происходившим за фронтами Гражданской войны, тяготам простого народа. Можно увидеть ломтик хлеба — паек рабочих Петрограда в 1918 г., суррогатное мыло и другие бытовые вещи рабочих и крестьян. На стенах вывешены портреты без подписей, символизирующие, по-видимому, тех самых безымянных жертв сложнейшего периода в жизни страны.

Вообще зал, посвященный Гражданской войне, претерпел ощутимые изменения по сравнению с предыдущей версией экспозиции. Раньше он был четко поделен на белую и красную стороны, что уже было довольно прогрессивным шагом, позволявшем взглянуть на события с обеих сторон фронта. Теперь же авторы выставки постарались отразить всё многообразие противоборствующих сил Гражданской войны: советский лагерь (большевики и их союзники), «революционная демократия» (эсеры, меньшевики), Добровольческая армия, национальные движения и, наконец,

крестьянское повстанчество. Сложно, однако, сказать, насколько легко подобное освещение событий сможет быть понято посетителями музея. Перегруженность материалами и полярными точками зрения вряд ли способствует самостоятельному вдумчивому анализу. Однако и в данном случае музей вполне отражает ситуацию современной историографии, не раз признававшей «безнадежную» сложность темы Гражданской войны.

Откровенных ошибок в музее такого уровня, конечно, не найти. Однако есть ряд моментов, к которым авторам выставки стоит еще раз вернуться. Например, Корниловское выступление описывается как «попытка навести порядок в Петрограде с помощью 3-го Конного корпуса и Туземной дивизии», которая привела к конфликту с премьер-министром А.Ф. Керенским. Стремление сделать формулировку наиболее обтекаемой привело к довольно сомнительному заявлению. Во-первых, беспорядков в городе в тот момент не было. Это был лишь предлог, под которым главнокомандующий снял войска с фронта. Во-вторых, из формулировки следует, что глава правительства либо не хотел наводить порядок, либо сам был его причиной. Это весьма спорное заявление требует дополнительных комментариев.

На экспозиции довольно большое место выделено для витрины с часами В.И. Невского, которые «рифмуются» с часами Н.И. Подвойского на противоположной стороне зала. Однако если экспонирование вторых вполне обосно-

вано — по легенде, это те самые часы, по которым он сверял время для начала штурма Зимнего дворца — то первые не имеют такого же символического значения. Невский и Подвойский, действительно, много работали вместе в Военной организации большевиков, были ее признанными лидерами. Однако в Военно-революционный комитет входил лишь Подвойский. Более того, по его собственным воспоминаниям, В.И. Невский отсутствовал в Петрограде в день взятия Зимнего дворца (*Невский* 1919).

Представленный документ «Личный состав ВРК» требует дополнительного комментирования. Этот список может ввести в заблуждение неподготовленного посетителя. Он не является полным, да и участие ряда указанных в нем лиц можно поставить под вопрос. Определение списочного состава Военно-революционного комитета является историографической проблемой. В разных исследованиях указываются от 30 до 100 фамилий (см., напр., *Пионтковский* 1927; *Орехова* 1971). Ввиду плохого ведения документации в наиболее сложный для новой власти период, а также текучести состава ВРК, этот вопрос нельзя решать с помощью одного из рабочих документов, происхождение которого неясно.

Не хотелось бы долго критиковать недочеты экспозиции. Как уже было сказано, в вопросе о происхождении и развитии Революции 1917–1922 гг. работа Государственного музея политической истории России идет в русле современной историографии со всеми ее досто-

инствами и недостатками. Это само по себе вызывает уважение к труду музейщиков. В сочетании с современными технологиями экспонирования, а также уникальными документами из фондов экспозиция «Революция в России, 1917–1922» может стать одним из лучших музейных пространств Санкт-Петербурга и всей страны. По крайней мере, если брать в качестве показателя тот факт, что и школьник, и просто интересующийся темой человек, и профессиональный историк найдут здесь что-то удивительное для себя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

«Изъятию не подлежит... Хранить вечно!» 2007 — «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!» 100-летие коллекции Государственного музея политической истории России. 1907–2007. СПб., 2007.
Невский 1919 — *Невский В.И.* Военная организация и Октябрьская револю-

ция // Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 43.

Орехова 1971 — *Орехова Е.Д.* О составе Петроградского Военно-революционного комитета // История СССР. 1971. № 2. С. 129.

Пионтковский 1927 — *Пионтковский С.А.* Военно-революционный комитет в Октябрьские дни // Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 115.

REFERENCE

«*Iz'iatiiu ne podlezhit... Khranit' vechno!*» 100-letie kollektcii Gosudarstvennogo museia politicheskoi istorii Rossii. 1907–2007. Saint Petersburg, 2007.

Nevskii V.I. Voennaia organisatsiia i Oktia-br'skaia revoliutsiia. *Krasnoarmeets*. 1919. N 10–15. P. 43.

Orehova E.D. O sostave Petrogradskogo Voенno-revoliutsionnogo komiteta. *Istoriia SSSR*. 1971. N 2. P. 129.

Piontkovskii S.A. Voенno-revoliutsionnyi komitet v Oktia-br'skie dni. *Proletarskaia revoliutsiia*. 1927. N 10. P. 115.

М.Д. АФАНАСЬЕВ: «В 2017 г. УСТРОИМ ПЫШНОЕ НОВОСЕЛЬЕ В ОТРЕМОНТИРОВАННОМ ЗДАНИИ»

Михаил Дмитриевич Афанасьев — кандидат педагогических наук, директор Государственной публичной исторической библиотеки. Беседовал С.Е. Эрлих.

С.Э. Расскажите о Вашей научной карьере.

М.А. Я закончил библиотечный факультет Института культуры. Когда выбирал, в какой вуз идти, у меня были колебания: поступать на исторический факультет или пойти в библиотечный. Выбрал библиотечный, хотя душа моя всё равно оставалась душой историка. После окончания института меня пригласили в библиотеку им. Ленина, в Сектор социологии книги и чтения, который изучал читательскую аудиторию в городах, в селах, среди рабочих и т. д. 20 лет я был профессиональным социологом и диссертацию защищал по теме, связанной с социологией чтения. Я часто вижу, что такого «социологического» взгляда не хватает многим историкам. Исследователь собрал громадное количество фактов и не знает, что с этим делать.

Он производит впечатление человека, объевшегося информацией. Он не видит те сюжеты в его копилке, которые позволяют построить оригинальную модель, увидеть интересные закономерности. Как ученый я стараюсь совместить в себе социологическое и историческое знание и выступаю как историк библиотечного дела, историк культуры, при этом пытаюсь применить социологические методы. Поэтому все мои публикации немножко социологические, вне зависимости, пишу ли я о библиотеках XVIII в. или XX. Эта о моей профессиональной исследовательской карьере. 90 % времени и сил — это, конечно, собственно администрирование и руководство процессом. Здесь я стараюсь, чтобы библиотека имела не только имидж библиотеки, удобной для читателя, но еще и сохраняла свою функцию исследовательского центра в доступных ей сферах.

© «Историческая экспертиза», 2016

С.Э. Расскажите об истории библиотеки.

М.А. У нас две даты основания. Первая — 1938 год. Тогда решением Политбюро была выделена из Государственного исторического музея существовавшая при нем Историческая библиотека. Она стала Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР. Но ни одна библиотека не может создаваться совсем на голом месте. Для библиотеки ГИМ предшественником было книжное собрание Александра Дмитриевича Черткова.

Параллельно существовала возникшая 95 лет назад библиотека Института марксизма-ленинизма, которая точно так же формировалась двойкой. С одной стороны — задача библиотеки вполне определенная — изучение истории и теории марксизма. Но люди, стоявшие у истоков той библиотеки, понимали, что вообще марксизм питался «всем тем богатством, которое выработало человечество». Основатели библиотеки видели свою задачу в изучении истории всех общественных движений, истории взаимоотношений власти и народа во всех странах. Если Савонарола выступал против тогдашней церкви и создавал некую общественную коллизию, то материалы по Савонароле здесь должны быть. И Фронда — это конфликт внутри государства. Соответственно Мазаринады — листовки, критикующие Мазарини, должны быть в этой коллекции. Таким образом, они собрали уникальную библиотеку, далеко выходящую за рамки узких партийных задач, которые изначально были поставлены при

создании библиотеки Института марксизма-ленинизма.

В 2014 г. эти два книжных собрания объединились.

Первое, что нам нужно было делать (сейчас мы в основном эту проблему решили) — это создать единое пространство для читателей основной библиотеки, которая здесь в Старосадском переулке находится, и филиала (бывшей библиотеки Института марксизма-ленинизма), который находится на улице Вильгельма Пика. Единое информационное пространство — вещь достаточно сложная, еще многое предстоит сделать, но задача решается. И сегодня уже есть единый вход и в наши многочисленные каталоги, и единую электронную библиотеку. Мы также пытаемся объединить те коллекции, которые развивались параллельно и оказались взаимодополняющими: первая — это эфемериды, коллекция листовок, документов временного назначения, которые становятся чрезвычайно важным источником по истории общественных движений. Когда я пришел сюда директором в 1989 г., то мы сразу создали такую группу, которая тогда, в эпоху перестройки начала собирать различные листовки: материалы народных фронтов, новых политических партий, предвыборные программы и т. д. Понимая значение этого материала, мы и сейчас продолжаем это делать. В библиотеке Института марксизма-ленинизма также сложилась потрясающая коллекция такого рода листовок более раннего времени: начала XX в., революционных событий 1905–1907, думские материалы, революций 1917 г., выборов в Учредительное со-

брание, агитационный материал 30-х, 40-х, 50-х гг. и т. д. Благодаря этим документам, история нашего общества предстает в «звучах времени». Если еще вспомнить, что у нас есть коллекции западноевропейских листовок, начиная от уже упомянутых Мазаринад до Парижской коммуны, то это такой источник, с которым можно работать.

Во-вторых, у нас оказалось две параллельных очень интересных коллекции эмигрантской литературы, в филиале — начиная с Герцена и дальше. В Исторической библиотеке до последнего времени работал Отдел русского зарубежья, в который мы привозили эмигрантские книги из Калифорнии, из Аргентины, из Западной Европы. Это всё мы сейчас соединяем. Получается замечательный ресурс по истории русской эмиграции.

Значит, можно думать о целенаправленном привлечении читателей под определенные коллекции. В качестве одной из таких аудиторий мы, например, видим зарубежных славистов, людей, занимающихся изучением советского периода. Мы готовы организовывать стажировки и выступать помощниками в подборе литературы для исследования. Раньше функцию помощи западным исследователям для работы в России оказывали западные фонды. Сегодня количество и круг этих помощников резко сократился. Поэтому мы здесь можем выступать «российским агентом».

После ремонта нашего здания на Старосадском мы хотим здесь развивать направления, которые

бы отвечали современным потребностям. Например, создаем кабинет биографики. Это будет центр, куда можно было бы обратиться с вопросом при поиске сведений о людях невеликих. Это одно из направлений собственно библиографической работы. Но это даже не генеалогия, а именно поиск во всех доступных источниках: в генеалогических исследованиях, в книгах памяти, в мартирологах. Важно, чтобы наши специалисты аккумулировали эту информацию.

Если говорить о филиале, то изучение советского периода должно стать его профилем. Сам бог велел бывшей библиотеке Института марксизма-ленинизма рассказать о том, как жили люди в советское время. Там для этого есть всё: и информационные ресурсы, и база, и книжные фонды.

С.Э. Вы сказали, что сканируете книги. Какая часть фонда уже отсканирована?

М.А. Массовое сканирование — это, с моей точки зрения, не дело библиотек. Это дело как коммерческих структур вроде Гугла, так и государства. Наша задача — другая. Мы должны выбрать в нашем фонде те вещи, на которые хотим обратить внимание. Вот к нам приходят люди, которых интересуют те же биографии. Зачем тратить время — сюда приходите? Мы берем генеалогическую литературу и все основные источники в области генеалогии оцифровываем их и выставляем. Смежная с этим вещь — военная история, упирается в такие справочники, как списки

офицеров по старшинству. Есть еще справочники, которые нужны для краеведов. Адрес-календари нужны. Адрес-календарей – громадное количество. Мы оцифровали в первую очередь те, которые есть только в нашей библиотеке.

Мы стремимся, чтобы оцифрованная литература была тематически замкнута на определенные темы, чтобы не получалось что всего понемножку, а толка нет. Кроме того, в вопросе сканирования мы сотрудничаем с другими организациями. Например, у нас есть договор о сотрудничестве с Президентской библиотекой им. Б.Н. Ельцина, которая формируется только из цифровых копий. Поскольку история государственности – это их профиль они к нам обращаются, и мы вместе оцифровываем книги. Счет идет уже на тысячи. Эти цифровые копии представлены в обеих библиотеках. Тем самым идет довольно большое пополнение электронных ресурсов Исторической библиотеки.

С.Э. У вас есть уникальные коллекции, которые фактически являются архивными материалами, так как существуют в единственном экземпляре. А какие есть еще интересные коллекции, которые привлекают историков?

М.А. Наши предшественники получали книжные коллекции от ученых и коллекционеров, занимавшихся определенными темами. Поэтому у нас часто качество подбора материала, его полнота и, самое главное, наличие редких изданий

лучше, чем в национальных библиотеках.

Приведу такой пример. Во Владимире жил коллекционер, который собирал материалы по истории земства, в первую очередь Владимирской и соседних губерний: какие-то отчеты, протоколы, которые печатались, но до обязательного экземпляра не доходили, а если доходили, то сил библиотеке обработать их не всегда хватало, и их складывали в ящики, потому что это не самая важная литература.

В этой ситуации личная коллекция, попавшая в нашу библиотеку, принесла материалы нигде более недоступные. Кроме того, у коллекционеров сохранялись не только отдельные издания, но и оттиски статей. Мы оттиски обрабатываем как книжки. Поэтому то, что обычно где-то потеряно, нигде эту статью найдешь, тут в каталоге у тебя есть информация об этой статье. Бывало, что издавали книжку в 20 экземпляров для близких, «не для продажи».

Многие исследователи мне рассказывали с удивлением, что они работали с двумя национальными библиотеками и считали, что всё по своей теме выявили. Но придя в Историчку, понимали, что надо начинать всё сначала по теме, по которой, казалось, была собрана вся литература. Люблю рассказывать историю о коллекции цензора А.И. Остроглазова. Андрей Иванович был библиофилом. Он из всех книг, которые запрещались цензурой и уничтожались, один экземпляр оставлял себе и на нем писал: «Есть три экземпляра –

один в Императорской публичной библиотеке, один в цензуре, один у меня». Иногда писал: «Все экземпляры уничтожены. Только у меня есть». Когда мы начали проверять перед оцифровкой книги по нашему каталогу, то находили по 2–3 экземпляра из полностью уничтоженных тиражей книг. Видимо, когда проходил слух об уничтожении книги, коллекционеры тайком из типографии добывали экземпляры. Затем коллекции этих библиофилов соединились в нашем фонде.

С.Э. Расскажите, что мешает работать?

М.А. Главная проблема — это нехватка места. Мы не можем как маленькая публичная библиотека, купив одну книжку, списать другую, чтобы найти место, куда новинку поставить. У нас фонды всё время растут. Филиал уже был заполнен, когда мы его получили. Основное здание также заполнено. Это колоссальная проблема и из нее нет простого выхода. Можно оцифровать, скажем, «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII в., но разве можно от них «освободиться»? Сегодня обычно жалуются на заработную плату, но сейчас с этим в библиотеке всё более-менее нормально. Есть проблема кадров — не хватает специалистов-историков, которые бы могли совмещать практическую работу с читателями и с фондами с исследовательской работой.

С.Э. Каким Вы видите будущее библиотек и вашей библиотеки в частности?

М.А. Маленькие библиотеки сегодня перестраиваются. Теперь они больше ориентируются на создание площадок для общения. Всё меньше являются источником информации. Для крупных научных библиотек это не столь актуально, хотя и для нас проблема создания среды для общения всегда важна. Из-за ремонта уже несколько лет мы не проводим в своих стенах какие-то публичные мероприятия, не приглашаем к себе ученых и студентов. Это мы возродим и даже будем развивать в ближайшем будущем, потому что потребность в коммуникации существует. У нас спрашивают: нельзя ли у вас провести презентацию, встретиться с людьми близкими по духу. Но у нас это никогда не будет главным. Мы будем существовать в трех сферах. Первая — традиционное книжное обслуживание. Вы придите, у нас есть такие книги, которых нигде нет. Вторая сфера — информационная. Всё, что можно, мы вам предлагаем в Интернете, в первую очередь каталоги. Следующая возможность — дистанционно заказать, отложить литературу, т. е. работать заочно как читатель и, наконец, сами книги получить через электронную доставку из нашей электронной библиотеки. И третья сфера — это место для коммуникации. У вас есть потребность общаться по поводу истории? Приходите. Эти три сферы и есть наше будущее.

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза».

В.Ю. АФИАНИ: «ОТ НАС ВО МНОГОМ ЗАВИСИТ, НЕ ТОЛЬКО КАКИМ БУДЕТ ПРЕДСТАВЛЕНО ПРОШЛОЕ, НО И КАКИМ БУДЕТ БУДУЩЕЕ»

Виталий Юрьевич Афиани — директор Архива РАН, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, доцент, профессор Академии военных наук РФ, заслуженный работник культуры РФ, почетный член Российской академии художеств. Беседовал С.Е. Эрлих.

Историком я стал благодаря моему, к сожалению, покойному, учителю — Сигурду Оттовичу Шмидту. Это был выдающийся педагог. Его кружок источниковедения истории СССР в МГИАИ действовал более 50 лет и поставил рекорд по количеству учеников. Трудно сосчитать, сколько историков и архивистов прошло через этот кружок. Кто-то писал дипломные, кто-то защищал кандидатские диссертации, кто-то — докторские. Я участвовал и в семинаре Шмидта, писал у него дипломную работу.

После института меня взяли в Летописную группу Института истории СССР АН СССР. Так я впервые попал в Центральный государственный архив древних актов (ныне — Российский государственный архив древних актов). В знаменитом читальном зале когда-то работал сам Сергей Михайлович Соловьев! Помню, с каким трепетом я сидел за его рабочим столом, сравнивая машинописный текст переписной оброч-

ной книги Деревской пятины XV в. с подлинником для ее нового издания. Это было мое первое задание.

Потом меня забрали в армию, где я прослужил год в Голодной степи в Казахстане. После этого Сигурд Оттович пригласил меня в Археологическую комиссию Академии наук, где я проработал 20 лет и защитил диссертацию. Занимался там в первую очередь многолетним проектом Сигурда Оттовича по созданию каталога личных архивных фондов историков СССР начиная с XVIII в. Издание крайне необходимое профессионалам. Первые тома уже вышли. Работа идет неспешно, потому что проект очень трудоемкий. Помимо изучения печатной продукции приходилось основательно работать в архивах, в том числе и Ленинграда.

В то же время я начал изучать публикации исторических документов в периодической печати XVIII — первой трети XIX в. И не мог пройти мимо деятельности Герхарда Фридриха Миллера, в советской

историографии более известного только в контексте его жарких споров с Ломоносовым о происхождении славян. И это очень повредило его «репутации». А Миллер много сделал для российской истории, в том числе для публикации источников по истории России. Он положил начало русской исторической журналистике, не только научной, но и популярной. Я опубликовал несколько статей о первом российском историографе. В 2005 г. в России, наконец, широко отметили 300-летний юбилей Миллера, и Санкт-Петербургский филиал Архива РАН основал «Миллеровские чтения». После этого и немцы узнали, какой у них был замечательный соотечественник. До этого они больше знали о его папе — почтенном директоре гимназии в городе Херфорде.

Во время моей работы в Археологической комиссии началась эпопея с «легализацией» исторического наследия Карамзина, который считался «реакционером» и «певцом самодержавия». Главной движущей силой был Сигурд Оттович. Мы провели в декабре 1991 г. первый официальный юбилей историографа в СССР, 225-летие, в Колонном зале Дома Союзов. В те годы группа энтузиастов начала и научное издание «Истории государства Российского». На одном дыхании мы подготовили первые пять томов для издательства «Наука». Потом все порушилось. Издание остановилось. Сейчас надеемся издать к новому юбилею историографа 7-й и 8-й тома.

Конец 80-х — 90-е гг. были очень «живым» временем. Тогда зароди-

лось много разных перспективных начинаний. Сигурд Оттович активно занялся краеведением. Археологическая комиссия вместе с Институтом культурологии Министерства культуры организовали семинар. Разработали программу «Культура русской провинции XVIII–XX вв.» Помню, ездили в Липецк, разговаривали с местным начальством о планах «восстановления» традиционной культуры. Одним из практических результатов стало воссоздание «Общества изучения русской усадьбы». Оно и сейчас работает.

Для написания кандидатской диссертации Сигурд Оттович посоветовал заняться журналом «Отечественные записки» Павла Петровича Свиньина, где было много публикаций исторических документов. Я решил расширить тему и взял все без исключения журналы первой трети XIX в. Это позволило применить некоторые количественные методы: тогда только еще началось увлечение этим направлением.

В результате я пришел к выводам, заинтересовавшим специалистов, о том, что в общественном сознании нет четкой границы между историческим и неисторическим. Одни события признаются историческими сразу, а другие в сознании современников и потомков могут восприниматься как «бытовые», не заслуживающие увековечивания. Я сам на себе испытал похожее чувство, когда в 1992 меня пригласили на должность заместителя директора по научной работе в только что созданный на базе подразделений структур ЦК КПСС Центр хранения

современной документации. Большинство там составляли сотрудники бывшего «партийного штаба». Хранившиеся в Центре документы в основном относились к периоду после 1953 г., рубеж – смерть Сталина и изменения в руководящих органах КПСС. Для меня, занимавшегося проблемами истории XVIII и первой половины XIX вв., хрущевская эпоха постепенно начала становиться вполне исторической. Пришлось окунуться в изучение истории этого времени. Я принимал участие в публикациях многих документов, в том числе в первом и пока единственном научном издании знаменитого так называемого «секретного» доклада Хрущева «О культе личности Сталина». А вот брежневский период для меня, пожалуй, даже до сих пор еще остается «становящимся историческим». Это вопрос психологии восприятия. Умом я понимаю, что конечно 1990-е гг. проложили отчетливую историческую грань, а психологически, в силу того, что я жил в том периоде, брежневское время для меня еще не стало полной историей.

Одновременно я участвовал в воссоздании журнала «Исторический архив», который в 1962 г. был закрыт решением секретариата ЦК КПСС.

Работа в ЦХСД дала возможность близко познакомиться с выдающимися российскими историками, Николаем Николаевичем Покровским из Новосибирска, «феодалом», известным своими исследованиями старообрядцев Сибири, и Александром Александровичем Фурсенко из Санкт-Петербурга, знаменитым

американистом. Я сдружился с Фурсенко, мы вместе немало с ним написали и опубликовали. Помимо исторического таланта он обладал недюжинными «пробивными способностями» для рассекречивания документов. Мы вместе издали трехтомный сборник документов черновых записей и стенограмм заседаний Президиума ЦК КПСС (в серии «Архивы Кремля»), который сейчас переиздан, том решений ЦК об Академии наук в 1950–1960-х гг. и др. Документы Президиума ЦК КПСС впервые показали закулисную сторону работы партийного ареопага, ход обсуждения проблем на нем. Заведующим Общим отделом тогда был В.Н. Малин и он записывал для себя, иногда буквально двумя словами, а иногда очень подробно, например, когда в 1956 обсуждались события в Венгрии, для того чтобы потом подготовить решение. Иногда это была почти стенограмма обсуждения очень сложных вопросов.

Еще с ленинских времен существовал запрет на стенографирование заседаний Политбюро ЦК, «чтобы враги не узнали, какие были разногласия»(!). В этих документах, как и в хрущевском докладе о «культе личности», ярко отразилась подоплека многих событий и решений. В основе многих из них, в том числе в процессе реабилитации жертв политических репрессий, преобладали не альтруистические мотивы, а циничная борьба за власть. А положительные перемены, получившее название «оттепели», можно сказать, были побочным эффектом этой борьбы. Идеализация личности Никиты Сергеевича имеет мало

общего с исторической реальностью.

Интересна масштабная документальная серия «Архивы Кремля». Вместе с Николаем Николаевичем Покровским из Новосибирска мы закладывали археографические и текстологические основы этой серии. Он вместе со своими учениками издал два тома «Церковь и власть», посвященные послереволюционным гонениям на церковь. Потом были опубликованы тома о судебных процессах 1920-х над эсерами, меньшевиками и т. д.

Александр Александрович Фурсенко пригласил меня вернуться в Академию. И вот уже больше десяти лет я работаю в Архиве Российской академии наук. Не оставляя хрущевскую эпоху и политическую историю, я должен был заняться и историей Академии. Она и раньше не была для меня закрытой страницей, но это были темы, связанные с XVIII–XIX вв.

Коллекция архивных фондов у нас огромная. Вместе с Санкт-Петербургским филиалом мы уже перешагнули в прошлом году символическую грань одного миллиона единиц хранения. У нас – более тысячи только личных фондов ученых. Это крупнейшее собрание документов академиков, других выдающихся ученых начиная с XVIII в. и до наших дней.

Новое время диктует свои правила. Мы начали активно развивать выставочную деятельность. В частности, сотрудничаем с Мультимедиа-арт-музеем Ольги Свибловой,

Еврейским музеем, «Гаражом» в ЦПКиО, прежде всего потому, что на эти выставки приходит много посетителей, особенно молодежи. Каждый год мы делаем выставки новых поступлений, несколько тематических выставок.

В фондах ученых хранится немалое количество изобразительных художественных материалов. Например, у нас есть волошинские акварели. Есть немало художественных работ членов Академии наук. Причем не только любительского уровня. Так, графика академика Е.А. Косминского, специалиста по средневековой Англии, не уступает работам профессионалов высочайшего уровня. На основе этих коллекций мы начали развивать тему «Наука и искусство», это ведь разные методы познания одних и тех же «объектов» – человека и природы.

Из выставочной деятельности, из содержания наших фондов, где хранится немало не только документов, но и музейного характера предметов, постепенно родилась идея Музея истории Академии наук. Например, у нас сохранились некоторые вещи Мечникова, Ключевского. Это позволяет сочетать в выставочной деятельности предметы с документами, что для посетителя значительно интереснее. Академия разрешила создавать его, хотя пока какой-то помощи в этом деле не предложила.

Для всемерного расширения возможности использования наших документов мы активно развиваем информационные технологии: создали сайты «Архивы РАН» и «Информа-

ционная система Архива РАН», сейчас они преобразуются в портал «Мнемозина». ИС АРАН имеет свою версию в Интернете, мы наполняем ее контентом, оцифровываем документы, размещаем их на своих сайтах, на сайте президиума РАН в разделе «электронные коллекции» в рамках проекта «Электронная библиотека научного наследия».

Фонды Архива РАН неисчерпаемы, тем для исследований и документальных публикаций бесконечное множество. Особая тема – история Академии наук. О томе документов, посвященном решениям партийного руководства об АН СССР в 1950-е гг., я уже упоминал. Подготовлен следующий том – с 1958 по 1964 г. Архив РАН принял эстафету от СПб филиала Института истории естествознания и техники РАН в подготовке документальной «Летописи Академии наук».

Еще одно важное направление – научное наследие ученых. Сравнительно недавно мы опубликовали мемуары микробиолога С.Н. Виноградского, переписку академика Майского, дневники и переписку академика М.В. Нечкиной. Подготовлена переписка академика Н.М. Дружинина, одного из крупнейших историков советского времени, человека интересной судьбы. Готовится сборник писем академика Б.Д. Грекова

Я бы особо выделил многотомную публикацию дневников В.И. Вернадского, состоящую благодаря подвижничеству сотрудника Института геохимии и аналитической химии В.П. Вол-

кова, к сожалению, скончавшегося, которому Архив РАН всемерно помогал. Тема жизни и деятельности гения XX в. увлекла и меня самого.

Из тех проектов, над которыми идет работа, я бы выделил подготовку совместно с РГГУ главного, как считал сам ученый, труда А.С. Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики».

Главная наша забота – сохранение документального научного наследия страны. А здесь не всё в порядке. И раньше были проблемы, которые усугубились в результате реорганизации РАН. Одна из серьезных проблем – архивы институтов РАН. Согласно архивному законодательству их документы должны сдаваться в Архив РАН в описанном состоянии с научно-справочным аппаратом. К сожалению, так происходило далеко не всегда. Штаты, средства для этой работы у институтов иногда отсутствуют, не все директора понимают значение сохранения документального наследия.

Всё время идут разговоры об оптимизации сети научных организаций, подведомственных ФАНО, в том числе о создании федеральных исследовательских центров, объединяющих несколько институтов, которые теряют свой юридический статус. Непонятное предложение. По законодательству документы при реорганизации должны передаваться в архив. Процесс объединения институтов уже начался. Надеемся, что «обвального» реформирования, «оптимизации»

институтов, не произойдет, так как свободных площадей в архивохранилищах у нас в Москве уже почти нет, а в Петербургском филиале их нет уже 50 лет. Нужны будут помещения, штаты, финансирование.

Мы всем миром добились решения правительства по строительству нового здания филиала в Петербурге. Благодаря поддержке двух премьер-министров, Д.А. Медведева и В.В. Путина, нас включили в федеральную целевую программу, выделены средства для финансирования. Благодаря поддержке научной и культурной общественности Санкт-Петербурга, ученых РАН, правительства и президента, мы получили участок. Хотя он меньше, чем надо бы, размеров, зато расположен в очень хорошем месте, в районе бывших Бадаевских складов на улице Киевской, недалеко от метро Фрунзенская.

Однако Санкт-Петербургская экспертиза почему-то не отнесла архив к числу научных учреждений. Не убедило их и постановление правительства РАН. Архив приравняли к складу бумаг и потому сократили общую смету на 600 миллионов рублей!

Общая проблема для науки — кадры, которые, как справедливо заметил один исторический деятель, «решают всё». Недостаток кадров не только наша проблема. В 1990-х гг. существенно были сокращены штаты Архива, а количество принимаемых на хранение документов каждый год увеличивается, объемы работ растут. Нам частично удалось восстановить штаты, но не в полном объеме.

В Москве у нас 145 фондообразователей — институты РАН из Москвы и Подмосковья, — а с ними работает всего три сотрудника. Подготовленные исследования, справочники, документальные публикации иной раз очень долго идут к своему читателю из-за того, что средства на издательскую деятельность Архиву не выделяются. Публикуем на средства от грантов, программ исследований, так же как, кстати сказать, и развиваем в Архиве информатизацию, оцифровку документов.

Главные тенденции современного архивного дела в мире — широчайшее использование информационных технологий, переход на электронный документооборот. Процесс перехода документации в электронный формат — неизбежен. Решаются многие насущные проблемы: экономия места для хранения документов, возможности использования их в базах данных, в Интернете. Но возникают новые проблемы. Сегодня поколения компьютеров, компьютерного обеспечения сменяются быстро. Это приводит к необходимости заново переписывать информацию, что требует значительных затрат времени и средств. Возникает вопрос: а что считать подлинным электронным документом? Как избежать случайных искажений в процессе переписывания и внесения сознательных изменений? Эти вопросы крайне важны не только с научной, но и с практической, в том числе юридической, точек зрения.

В связи с широчайшим внедрением информационных технологий во все сферы нашей жизни, думаю,

неизбежны изменения и в положении документального историко-культурного наследия. Возникает тенденция стирания различий между архивом, библиотекой и музеем. Каждый из них веками специализировался на какой-то отдельной части наследия: документ, книга, музейный предмет. Всё может быть переведено или создано с самого начала в электронном формате. Возможность использования в исследованиях, публикациях оцифрованных документов, книг, музейных предметов, изображений, фотографий, видеосюжетов, создание мультимедийных исследований и публикаций, как это расширит возможности

и историка, архивиста, археографа, и читателя-зрителя-слушателя!

Всё в мире меняется. Одни проблемы решаются, возникают другие. Но историки, архивисты обязаны быть оптимистами. Правильное название Вашей рубрики — «Время историка». Действительно, сейчас, как никогда, наступило наше время. От нас во многом зависит, не только каким будет представлено прошлое, но и каким будет будущее.

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза».

С.М. ЛУКАШЕВСКИЙ: «ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, КОТОРАЯ НОСИТ ИМЯ САХАРОВА, НЕ МОЖЕТ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ ТОЛЬКО НА ПРОШЛОМ»

Сергей Маркович Лукашевский — кандидат исторических наук, директор Сахаровского центра. Беседовал С.Е. Эрлих.

С.Э. Как Вы стали историком?

С.Л. Главное, что определило мою жизненную траекторию, это было сотрудничество с «Мемориалом». В 1991 г., когда я еще был школьником, меня позвал работать в программе изучения истории диссидентского движения друг семьи Александр Юльевич Даниэль. Это был удивительный момент. То, что еще буквально три года назад было жизнью, чреватой преследованиями власти, превратилось в историю. Диссидентская жизнь и правозащитная активность примерно с начала 1980-х гг. были у меня перед глазами, разумеется, в том виде, в котором это доступно зрению и слуху ребенка. И тут мне предлагают это изучать. Я с ранних лет увлекался историей. Ездил школьником на раскопки в Херсонес. Но тут мне сделали предложение, отказаться от которого было совершенно невозможно. А в 1992 г. я поступил в Историко-архивный институт, который стал подразделением

новообразованного Российского государственного гуманитарного университета. Поступал туда потому, что у него было реноме самого передового и демократического во всех смыслах учреждения

Важным обстоятельством было и то, что я оказался первым, кто разобрал архив Александра Сергеевича Есенина-Вольпина. Вольпин оказал принципиальное влияние на судьбу протестного, освободительного, демократического и т. д. движения в Советском Союзе. Он сформулировал и привнес в него правовую доминанту. Как сейчас известно, были и другие люди, которые пытались в своем противостоянии государству апеллировать к праву. Например, Архиепископ Ермоген (Голубев) или Эрнст Орловский. Но Александр Сергеевич оказался наиболее успешным в пропаганде этой идеи.

Я научился за эти первые годы самым разным аспектам архивного и исторического ремесла. Кроме того получил навыки верстки книжки, узнал как происходит типографский

© «Историческая экспертиза», 2016

цикл, как устроены базы данных, как создавать для них рубрикаторы.

Для меня «Мемориал» — это alma mater не в меньшей степени, чем Историко-архивный институт. Хотя, безусловно, формальное образование давало исторический кругозор.

Объем ресурсов, который «Мемориал» мог отводить на программу истории диссидентского движения, сократился. Я к этому времени женился, у меня уже был первый ребенок, нужно было искать заработки. В результате я попал в Московскую Хельсинкскую группу. Там я занимался подготовкой аналитических докладов и координировал мониторинговые программы. Потом был Центр «Демос», и опять информационная и аналитическая работа.

Когда мне предложили стать директором в Сахаровском центре, я это воспринял как возможность вернуться обратно к работе, связанной с историей, с историческим знанием. Конечно, не хватает времени на собственную научную деятельность, но, во всяком случае, хватает времени на работу просветительскую. В последние годы, пользуясь накопленными знаниями, читаю лекции по истории правозащитного движения в Советском Союзе, как в рамках разных просветительских проектов Сахаровского центра, так и в школах и вузах.

У нас произошла естественная аберрация, возникло представление, что права человека, за которые боролись правозащитники в СССР, это то, что было импортировано вместе с компьютерами и другими

технологиями в начале 1990-х гг. Это не так. Правозащитное движение не только возникло в СССР совершенно независимо, но и серьезно повлияло на то, как сейчас устроено международное правозащитное сообщество. В это трудно сейчас поверить, все помнят, что в Россию в 1990-е и 2000-е приезжали эксперты зарубежных правозащитных организаций и объясняли, как писать альтернативные доклады, как работать со структурами Организации объединенных наций и т. д. Но сама идея, что права человека на международном уровне — это не только работа дипломатов, а работа гражданского общества, эта идея родилась и была сформулирована в Советском Союзе.

С.Э. Расскажите о Вашей работе в Сахаровском центре.

С.Л. Я работаю в Сахаровском центре с декабря 2008 г. Это принципиально важное символическое место в Москве. Академик Сахаров остается в числе наиболее известных деятелей прошлого, который известен благодаря своей общественной гуманистической деятельности.

Я не знаю, имели ли это прямо в виду отцы-основатели, но Сахаровский центр построен по идеальному, как меня учили в Историко-архивном институте, принципу. В конце XIX в. была сформулирована идеальная форма научно-культурной институции: архив-библиотека-музей. Эти структурные части являются ядром Сахаровского центра.

В то же время у Сахаровского центра изначально была двойная миссия.

С одной стороны, работа посвящена сахаровскому наследию, с другой стороны, мы делаем ту же работу, что и общество «Мемориал», сохраняя память о политических репрессиях советского периода.

По тому же принципу организован музей. Во вводной части мы рассказываем, с одной стороны, о советской идеологии и мифологии, о том, как советская власть хотела, чтобы ее настоящее и будущее выглядело в глазах общества и внешних наблюдателей. С другой стороны, параллельно показывается, как соотносился этот образ социалистического рая с реальной жизненной практикой. Вторая часть – предметная. Она посвящена «пути через ГУЛАГ», истории политических репрессий и одновременно истории сопротивления. В других музеях о сопротивлении говорится совсем мало. Мы рассказываем и про лагерные восстания, и про марксистские кружки конца 1940-х – 1950-х гг., и конечно, про диссидентское движение и даже про советскую контркультуру. Эта экспозиция была открыта в 1996 г. По тем временам она была технически новаторской и до сих пор остается эстетически прекрасно сделанной.

Но общественная организация, которая носит имя Сахарова, которая объявляет своей миссией сохранение его наследия, не может сосредоточиться только на прошлом. В этом смысле мы оказываемся не только архивом, музеем и библиотекой, но еще общественной организацией в прямом смысле слова. Поэтому Сахаровский центр на протяжении своей истории выступал

с общественными заявлениями, участвовал в разнообразных правозащитных проектах, участвовал в кампаниях за прекращение войны в Чечне и других общественных инициативах. Сегодня у нас любая публичная общественная деятельность государственными органами рассматривается как деятельность политическая. А политическая деятельность организации, которая получает финансирование из-за рубежа, оказывается причиной для помещения ее в реестр организаций, «исполняющих функции иностранных агентов». Сахаровский центр на всем протяжении своей деятельности получал такое иностранное финансирование. Грантовые программы, которые созданы нашим государством, появились только в 2010-х гг. Но это исключительно проектное финансирование. Мы несколько раз получали так называемые президентские гранты на исполнение конкретной работы. А наша историко-культурная деятельность требует постоянного финансирования. Единственное, чем мы можем отчитаться, – это числом описанных дел или количеством новых поступлений в наши фонды.

Частное грантовое финансирование в нашей стране до сих пор развито чрезвычайно слабо. Есть, безусловно, прекрасная программа фонда Потанина для музеев. Но она опять же рассчитана на государственный музей, который имеет базовое финансирование: свет, тепло, штат и т. д.

Нам как раз довольно легко было достать средства на какой-то интересный творческий проект по работе

с обществом. А вот на постоянную работу доставать средства достаточно трудно. Нас поддерживал фонд «Династия». Это было очень важно. Это как раз была поддержка нашей деятельности в целом. Но, к сожалению, фонд «Династия» тоже попал в списки «иностранцев» и был Дмитрием Борисовичем Зиминым закрыт. Надеяться на то, что мы можем легко найти какие-то пожертвования внутри страны, где бизнес находится в большой зависимости от государства, достаточно сложно. Кроме того, для нас очень важную роль играет вопрос собственной независимости. Мы видим залог нашей независимости в диверсификации источников финансирования. Мы всегда старались использовать все возможные источники, в том числе внутри страны. Как я уже говорил, подавали на президентские гранты, пока наши заявки удовлетворялись, получили в 2012–2013 гг. три гранта. У нас всегда было от 5 до 10 доноров. Мы стараемся, чтобы их было много, чтобы мы не оказывались в зависимости от какого-то одного источника финансирования.

Нам удалось за это время сделать довольно много именно в плане историко-музейной части. Практически закончено описание документального наследия Сахарова. А фонд Сахарова — это порядка 10 тыс. разных документов, включая, например, 25 редакций «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Мы создали на нашем сайте открытый каталог, который уже насчитывает более 3 тыс. единиц. Любой человек, любой исследователь может

прийти на наш сайт и посмотреть, что у нас есть. Потом обратиться к нам и получить возможность использовать эти документы в своей работе.

Сегодня я всё больше сталкиваюсь с тем, что даже люди, вошедшие в средний возраст и получившие несколько высших образований, часто не знают базового контекста нашей трагической истории. Мы стараемся соединять лекции на современную общественную тематику с посещением музея и рассказом об истории советского правозащитного движения.

Тот, кто приходит на мероприятия в Сахаровский центр, конечно, услышит на них много разных критических соображений и замечаний по поводу того, что сегодня происходит в нашей стране. Но надо помнить, что в области прав человека наше общество со сталинских времен совершило немалый прогресс. Валерий Челидзе — сооснователь (вместе с Андреем Дмитриевичем Сахаровым) Комитета прав человека в 1970 г., прекрасно понимая, в каких условиях он работает и какой прессинг со стороны КГБ ожидает создателей такой организации, тем не менее писал в учредительном заявлении Комитета, что комитет осознает и отдает должное тому прогрессу, который за последние двадцать лет произошел в нашей стране в области прав человека. Для того чтобы здраво относиться к тем трудностям и даже ужасам, с которыми мы можем сталкиваться в нашей стране сегодня, надо, тем не менее, понимать и видеть в ретроспективе нашу историю. Надо

понимать, от ужасов какого масштаба мы пришли к сегодняшнему дню.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, о базе мемуаров репрессированных «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы», которая вывешена на вашем сайте <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/>

С.Л. Это тексты и отрывки воспоминаний о репрессиях, которые позволяют любому желающему получить информацию из первых рук. У нас есть персональный указатель по упоминаемым людям, указатель по авторам. Мы постоянно работаем над уточнением и созданием биобиблиографических карточек для авторов этих мемуаров. Там порядка 300–350 мемуаров. Всё время идет процесс пополнения. Причем есть отрывки как из известных опубликованных мемуаров, так и из неопубликованных. Мы их тоже сканируем, чтобы с ними можно было познакомиться. Этот интернет-архив очень востребован. У нас порядка 400 тыс. посетителей в год приходят, чтобы посмотреть на эту базу данных. А сайт в целом посещают до 700 тыс. в год. То есть мемуары — самый востребованный материал.

С.Э. Расскажите, пожалуйста, как отразилось на деятельности Сахаровского центра причисление его к списку так называемых «иностранцев».

С.Л. Сегодня это приводит к очень серьезным трудностям в работе с любыми государственными и окологосударственными учреждениями. Я имею в виду не только ведомства, но и просто школы, вузы и пр.

Мы работаем в основном с теми, кто к нам приходит. И я не увидел снижения числа людей, которые стали к нам приходиться после того, как мы оказались в этом реестре. Но в принципе весь этот закон — это очень неприятный правовой прецедент. Чтобы попасть в число «иностранцев» и лишиться права на занятие политической деятельностью, достаточно получить ОДНО частное пожертвование, в том числе частное пожертвование российского гражданина, пришедшее с его счета в иностранном банке. Это считается иностранным финансированием. Можно вообще осуществить такую провокацию. Перевести деньги на счет организации из-за границы — и всё. Ее при желании могут признать иностранным агентом.

Благотворительные организации невероятно обеспокоены этим законом. Деятельность благотворительной организации не может состоять только в том, что она просто помогает, предоставляет лекарства или оборудование. Как только она приходит, например, в Министерство здравоохранения и говорит: а давайте что-нибудь изменим в практике лечения детей от такого-то заболевания, давайте мы устраним вот эти злоупотребления и т. д. — всё это может трактоваться как политическая деятельность. Но всё же московское правительство приглашает нас к участию в муниципальных программах, но в регионах уже сейчас существовать в этом статусе совершенно невозможно.

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобровникова Татьяна Андреевна — кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Зенкин Сергей Николаевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ (Москва)

Золов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, профессор кафедры истории института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Ильин Павел Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Касьянов Георгий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Украины Национальной академии наук Украины (Киев)

Копанева Наталья Павловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М. В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии

им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Крылов Павел Валентинович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Кузнецов Олег Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Волгоградского государственного университета (Волгоград)

Латыш Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для гуманитарных факультетов Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Киев)

Мирзаханов Велихан Салманханович — доктор исторических наук, профессор, временно исполняющий обязанности директора ИНИОН РАН (Москва)

Некрасова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Новиченко Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, заведующая отделом специальных коллекций Центра социально-политической истории ГПИБ России (Москва)

Патарин Сергей Алексеевич — кандидат исторических наук, руководи-

тель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения (РАН) (Москва)

Потехина Ирина Павловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета) (Санкт-Петербург)

Рязанов Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, библиотекovedения и библиографии Пермского государственного института культуры (Пермь)

Талеров Павел Иванович — кандидат исторических наук, доцент, действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

Тарасов Константин Андреевич — кандидат исторических наук,

научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Тихомиров Алексей Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Франкфуртского университета им. Гёте (Франкфурт-на-Майне)

Струкова Елена Николаевна — кандидат исторических наук, заведующая Центром социально-политической истории ГПИИБ России (Москва)

Фоменко Игорь Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела картографии ГИМ (Москва)

ABOUT THE AUTHORS

Bobrovnikova Tatyana A. – Ph. D., associate professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Zenkin Sergey N. – Doctor of Sciences (philology), leading researcher of the Institute of higher humanitarian research of the Russian State University for the Humanities (Moscow)

Zolov Alexander V. – Ph. D., Professor of The Department of history, Institute of Humanities of The Baltic Federal Kant University (Kaliningrad)

Ivanov Andrey A. – Doctor of Sciences (history), Professor of The Department of Russian history of the Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)

Ilyin Pavel V. – Ph. D., researcher of the St Petersburg Institute of history of RAS (Saint Petersburg)

Kasianov Georgiy V. – Doctor of Sciences (history), Professor, Head of Department of modern history and politics of the Institute of history of Ukraine National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv)

Kopaneva Natalia P. – Ph. D., senior researcher of the Department of the history of the Kunstkamera and the Russian science of the XVIII century (Lomonosov Museum) Peter The Great Museum of anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS (Saint Petersburg)

Krylov Pavel V. – Ph. D., researcher of the St. Petersburg Institute of history of RAS (Saint Petersburg)

Kuznetsov Oleg V. – Ph. D., associate Professor of the Department of history, Volgograd state University (Volgograd)

Latysh Yuri V. – Ph. D., associate Professor of history for humanitarian faculties of the Kiev national Taras Shevchenko University (Kyiv)

Mirzekhanov Velikhan S. – Doctor of Sciences (history), Professor, acting Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow)

Nekrasova Tatyana A. – Ph. D., senior researcher of the Department of modern and contemporary history of historical faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Novichenko Irina Yu. – Ph. D., head of the Department of special collections of the Center for socio-political history of The State public historical library of Russia (Moscow)

Panarin Sergey A. – Ph. D., head of the Center for research of problems of the modern East, Institute of Oriental studies of RAS (Moscow)

Potekhina Irina P. – Ph. D., associate Professor of history of science and culture of Saint Petersburg state technological Institute (technical University) (Saint Petersburg)

About the authors

Ryazanov Sergey M. — Ph. D., associate Professor of the Department of documentation science, library science and bibliography Perm state Institute of culture (Perm)

Thalerov Pavel I. — Ph. D., associate Professor, member of Petrovskaya Academy of Sciences and Arts (Saint Petersburg)

Tarasov Konstantin A. — Ph. D., researcher, Saint-Petersburg Institute of history of RAS (Saint Petersburg)

Teslya Andrei A. — Ph. D., associate Professor of the Department of phi-

losophy and culturology of the Pacific state University (Khabarovsk)

Tikhomirov Aleksey A. — Ph. D., researcher of Goethe University Frankfurt (Frankfurt am Main)

Strukova Elena N. — Ph. D., head of Center of socio-political history of the Center for socio-political history of The State public historical library of Russia (Moscow)

Fomenko Igor K. — Ph. D., senior researcher of the Department of cartography, State Historical Museum (Moscow)